

5

неприкосновенный
запас

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

151 2023

* поворот не туда.
к 30-летию политического
кризиса 1993 года
* российские девяностые:
власть, общество и науки
о человеке и обществе
* Япония — Франция — (Россия):
из истории культурного трансфера

неприкосновенный запас 5 [151] 2023

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

ПОВОРОТ НЕ ТУДА. К 30-ЛЕТИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1993 ГОДА	003	Поворот не туда
	006	Вадим Корольков. О родовой травме российской правовой системы
	019	Александр Жабров. Политические институты в Конституции 1993 года – и за ее рамками
	029	Андрей Медушевский. 1993-й и современность: о восходящей и нисходящей линиях в российском конституционализме
	047	Сергей Цыпляев. Уважайте свою Конституцию
CASE STUDY 1	059	Николай Вахтин. Социально-экономическая неопределенность 1990-х годов на Чукотке как проблема и как ресурс
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	092	Лучше об этом не помнить <i>Страницы</i> Алексея Левинсона
ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ	098	Александр Дмитриев, Андрей Ильин. Науки о человеке и обществе в России 1990-х – начала 2000-х: фрагменты дисциплинарной панорамы
АРХИВ «НЗ»	122	Саниха Амин Заки. Воспоминания женщины-врача из Ирака (фрагменты)
ЯПОНИЯ – ФРАНЦИЯ – (РОССИЯ): ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА	141	Ролан Барт. Лекция 27 января 1979 года в Коллеж де Франс
	157	Микель Ферье. Предисловие к эссе Мориса Пэнге
	163	Морис Пэнге. Текст Японии
	173	Андре Леруа-Гуран: из «японских писем» к Жану Бюо
	187	«В Японии вся западная мысль существует в качестве интеллектуальной моды». Инухико Ёмота отвечает на вопросы Александра Беляева
	192	Инухико Ёмота. Восемь пассажей о корона-пандемическом. Когда «само собой разумеющаяся» повседневность перестает быть таковой
	197	Александр Беляев. <i>Бундзин</i> и интеллектуал. Штрихи к портретам: Аояма Санъю, Акаба Унтэй, Александр Пятигорский, Милан Кундера, Ролан Барт

ПРЕВРАТНОСТИ МЕТОДА	213	Чилийская демократия и «тьень Пиночета» <i>Страницы</i> Татьяны Ворожейкиной
CASE STUDY 2	226	Андрей Захаров. «Бремя черного человека»: краткий очерк истории нигерийской федерации
НОВЫЕ КНИГИ	270	Олег Ларионов. Заметки об интеллектуалах и ангажированности
	281	Борис Соколов. 1915 год: подсчет миллионных потерь
	298	Андрей Захаров. Биафра навсегда
SUMMARY	306	

Главный редактор
Ирина Прохорова

Шеф-редактор
Кирилл Кобрин

Редакторы
Андрей Захаров
Антон Золотов

Дизайн
Дмитрий Черногаев
Андрей Бондаренко

Корректор
Марина Алхазова

Маркетинг, PR и реклама
Анастасия Векшина
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail:
a.vekshina@nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2023

Конституционный кризис осени 1993 года превратился в такую веху современной российской истории, о которой, в общем-то, неловко вспоминать. Впрочем, в контексте недавнего юбилея ему и внимание уделялось соответствующее. Удивительным образом сказанное затрагивает как тех, кто победил в той миниатюрной гражданской войне, так и тех, кто потерпел в ней поражение. Последним – в октябре 1993-го отечественное телевидение прозвало их «красно-коричневыми» – мысленно возвращаться в те дни несподручно, поскольку их поведение оказалось тогда, мягко говоря, диковатым. Как поэтически высказался один из современников, откликаясь на весьма похожий повод: «Ой, ты, звонкое монисто, пушки заряжены... / Сопляки вы, коммунисты. Мальчишки. Пижоны». Смущающим представляется и еще одно обстоятельство: спустя всего пару месяцев они приняли все правила игры, навязанные победителями. Если же говорить о стороне, взявшей тогда верх – кстати, в изображении СМИ у этого лагеря цветовые маркеры отсутствовали, что, вероятно, должно было символизировать чистоту его помыслов, – то в те дни, когда на Краснопресненской набережной догорал последний этаж цитадели народовластия, многие ее соратники даже представить не могли, чем через тридцать лет обернется их победа для нашей страны и всего мира, а также, что немало важно, для них самих.

**ПОВОРОТ НЕ ТУДА.
К 30-ЛЕТИЮ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
КРИЗИСА 1993 ГОДА**

На протяжении 1992–1993 годов в России шел более или менее нормальный институциональный процесс, содержанием которого была подготовка двух конкурирующих проектов Конституции, условно называемых «парламентским» и «президентским». Эти ярлыки не только отсылают к силам, продвигавшим каждую из инициатив, но и фактически описывают суть проектов: один тяготел к выстраиванию в России парламентской, а другой – президентской республики. При естественном конституционном развитии на свет, несомненно, родилось бы что-то среднеарифметическое, комбинация – в тех или иных дозах – первого и второго. Если бы дело пошло по этому пути, а совершенствование государственно-правовой системы продолжалось бы в условиях политической конкуренции, то сегодня скорее всего в нашей стране была бы совсем другая Конституция и, соответственно, другой политический режим. И, конечно же, многим из нас теперь не пришлось бы, открывая утренние новости, мучиться неизбывными страхами, которых с каждым днем все больше и больше. Но, что называется, получилось, как получилось.

Осенью 1993 года завершилась перестройка, провозглашенная Михаилом Горбачевым весной 1985-го. Процессы демократизации громко закончились отбрасыванием парламентского проекта Конституции за ненадобностью и возвращением к моноцентричной модели власти.

Однако что же тогда произошло – в сухом остатке? В самом общем смысле осенью 1993 года завершилась перестройка, провозглашенная Михаилом Горбачевым весной 1985-го. Процессы демократизации, до сей поры с разной степенью последовательности и интенсивности набравшие обороты, громко закончились отбрасыванием парламентского проекта Конституции за ненадобностью и возвращением к моноцентричной модели власти, для России в равной мере привычной и порочной. Ее очередным оформлением стал торопливо дописанный и столь же спешно легитимированный на декабрьском референдуме конституционный текст, в отдельных своих частях очень напоминавший Основные государственные законы Российской империи 1906 года. Конституция сделала Президента Российской Федерации солнцем, вокруг которого вращаются остальные планеты политической системы. Это обстоятельство затмевало всю демократическую риторику, которой был

перенасыщен текст главного закона страны. Заботливое культивирование «отцами-основателями» одного и единственно по-настоящему важного института уже содержало в себе провозвестие нового авторитарного строя, который, собственно, не заставил себя ждать. Осень 1993-го в новейшей истории России остается капитально недооцененной; это пренебрежение трудно оправдать, поскольку именно в те две сентябрьские и октябрьские недели было предрешено возвращение страны к модели почти несменяемой и почти единоличной власти – со всеми ее бесчисленными и многократно изобличенными, причем на материалах всего мира, минусами и дефектами.

Можно ли было обойтись без потрясения конституционных основ и балансирования на кромке гражданской смуты? Представляется, что такой путь не исключался. Выбрать его, однако, не удалось, что в немалой степени объяснялось крайне низким качеством нового (старого?) управленческого класса, не умеющего ценить демократическую легитимность и ведущего себя на развалинах СССР подобно элитам постколониальных стран, после ухода бывших хозяев бросившихся с энтузиазмом набивать собственные карманы. Уместно повторить: 1993-й важен потому, что он предвосхитил очень многое из последующего. Иначе говоря, вовсе не смена персоналий, состоявшаяся через несколько лет, поставила Россию на иные рельсы – логика была прямо обратной: иные рельсы, уложенные Конституцией 1993 года, привели государство к этим самым новым персоналиям. Последствия рокового поворота, случившегося три десятилетия назад, многогранны, а знаменательная годовщина – прекрасный повод попытаться их упорядочить. Именно этим и занимаются авторы нижеследующей коммеморативной рубрики. [НЗ]

О родовой травме российской правовой системы

ВВЕДЕНИЕ

Вадим Владимирович Корольков (р. 1997) – аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, глава Дискуссионного клуба федералистов.

Кризис отечественной правовой системы становится все более очевидным не только для ученых-правоведов и практикующих юристов, но и для широкого круга российских граждан. Буква закона, действие которой, по определению, распространено на всех, воплощается в правоприменительной практике выборочно, а о «духе закона» в текущих реалиях могут говорить только неумолимые оптимисты. Расхождение между нормой и практикой права наблюдается повсюду: правоохранительные органы выборочно подходят к решению вопроса о правах человека, что лишь легитимирует и множит фактическое неравенство граждан Российской Федерации; наша политическая система не только не восприимчива к провозглашенным правилам ее функционирования, но и способна менять эти правила в соответствии со своими внутренними нормами, скрытыми от общественности; федеративное устройство, призванное отражать единство в многообразии, стало средством контроля правящей партии над регионами в рамках «единой системы публичной власти». Продолжая этот перечень, можно также упомянуть о сложившихся в российском праве пробелах – особенно по политическим вопросам¹, о проблеме неисполнения судебных решений – вплоть до решений Конституционного Суда², об участившихся случаях применения репрессивного законодательства на основании нечетко сформулированных критериев³. Все перечисленное доказывает, что кризис российской правовой системы имеет основание в ее краеугольном камне: в Конституции Российской Федерации 1993 года.

- 1 Например, до сих пор остаются непринятыми федеральные конституционные законы о Конституционном собрании, полномочном принимать новую конституцию страны, изменении статуса субъектов, общих принципах организации федеральных территорий.
- 2 Согласно официальной статистике за 2022 год, в стране исполняется лишь половина вступивших в силу решений судов: *Итоговый доклад о результатах деятельности Федеральной службы судебных приставов России в 2022 году* (https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/2837777). О проблемах исполнения решений Конституционного Суда см.: *Конституционный Суд России: осмысление опыта* / Под ред. А.Н. Медушевского. М.: Центр конституционных исследований, 2022. С. 424–446.
- 3 Подробнее см.: Федотов М.А. *К вопросу о понятии «иностранный агент» в российском праве* // Труды по интеллектуальной собственности. 2012. Т. 11. № 2. С. 4–77; Михайлов В.К. *Критический взгляд на позицию Конституционного Суда по условиям признания некоммерческой организации иностранным агентом* // Право и современные государства. 2015. № 1. С. 17–28.

Основной закон, как юридический и политический акт, призван не только отражать вполне конкретные представления общества о том, что должно быть нормой права, но и создавать институциональные условия для воплощения этих норм на практике. Масштаб проблемы подразумевает, что недостатки Конституции могут объясняться посредством обращения к социальному контексту, в котором она действует. Иначе говоря, конституционный текст выступает не первопричиной кризиса национальной правовой системы, а симптоматичным проявлением более сложного и глубокого кризиса, сложившегося в российском обществе – кризиса нормативности. Столь сложное социальное явление далеко не всегда будет таким очевидным, как иные социальные кризисы, однако именно кризис нормативности несет в себе множество долгосрочных угроз для общества и государства.

Соответственно, анализ принятия и изменения Конституции Российской Федерации 1993 года как наиболее характерных проявлений кризиса нормативности позволит обозначить контуры накопившихся опасностей и выбрать инструментарий для их устранения. Однако патологическое состояние общества, как и патологическое состояние организма в медицине, невозможно обнаружить без предварительного постулирования того, что является нормой. В случае с обществом диагностика патологических состояний может быть произведена при помощи политической философии и теории права.

В ПОИСКАХ ПАТОЛОГИИ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Классическая политическая философия изначально связывала возникновение политического порядка с преодолением анархического состояния войны всех против всех. Например, Фукидид указывает, что древняя Эллада не имела оседлого населения и больших городов, поскольку ее обитатели находились в состоянии постоянных междоусобиц и занималось разбоем⁴. Считая состояние войны всех против всех естественным для людей, Томас Гоббс вслед за Фукидидом отмечал, что оно, покушаясь на коллективные интересы, угрожает жизни индивида: ведь даже господство сильного, который, как и все люди, подвержен страстям, не будет продолжительным. Поэтому, согласно Гоббсу, человек, стремясь к миру, счастью и справедливости, передает свое естественное право решать вопросы войны и мира, жизни и смерти «рукотворному богу» – государству⁵.

⁴ См.: Фукидид. *История*. Ленинград: Наука, 1981. С. 5–7.

⁵ См.: Гоббс Т. *Левиафан*. М.: Мысль, 2001. С. 85–89; 116–128.

Этот Левиафан пребывает в естественном состоянии по отношению к другим государствам, но в его собственных пределах естественное состояние становится невозможным по определению. Власть Левиафана, таким образом, отличается от власти тирана, основанной исключительно на насилии, тем, что государственное насилие будет в глазах населения легальным. Следовательно, источник легитимности Левиафана находится в народе, который если и не выступает полноценным субъектом общественного договора в духе Жан-Жака Руссо, то как минимум признает действительным наличный консенсус политических элит.

Теория права – за исключением некоторых радикально-догматических направлений – воспринимает природу государственной власти аналогично. Так, например, Габриэль Шершеневич рассматривал государственную власть как фактическую политическую силу, стремящуюся к рационализации; Морис Ориу называл государственный режим «надстройкой», приспособляющей отношения фактического господства к общим интересам, а Карл Шмитт, понимая под публичной властью проявление социального факта господства, заявлял, что системы легальности государств зависят от способов легитимации правящих элит, участвующих в политической борьбе⁶. Иными словами, классики континентальной правовой традиции не отказываются от учета фактических обстоятельств функционирования публичной власти в конкретных условиях, но вместе с тем признают необходимость подчинения этих фактических обстоятельств публично значимым – и, следовательно, рациональным – основаниям.

И если политико-философская концепция возникновения государственной власти как способа преодоления хаотичного естественного состояния может быть подвергнута справедливой критике как с точки зрения ее историчности, так и с практических позиций, то главный вывод, проистекающий из этой концепции, вряд ли столкнется с подобными возражениями. Так, из намеченной Гоббсом предпосылки, согласно которой надо рационализировать общественную жизнь, ограничивая права сильного, позже выросла теория разделения властей Джона Локка, воспринятая отцами-основателями США. Более того, внимание, уделенное этому тезису авторами американской Конституции, стало гарантией многовековой устойчивости учрежденного ими правопорядка.

И хотя идеалистическую установку разделяют не все современные конституционалисты, большинство из них видят в го-

6 См.: ШЕРШЕНЕВИЧ Г.Ф. *Общая теория права*. Т. I. М.: Издание братьев Башмаковых, 1910. С. 222–230; ОРИУ М. *Основы публичного права*. М.: Издательство Коммунистической академии, 1929. С. 296–310; ШМИТТ К. *Понятие политического*. СПб.: Наука, 2016. С. 15–16; 181–184; 261–263.

сударстве объект конституционно-правового регулирования. В частности, Дмитрий Шустров, экстраполируя учение о социальном инжиниринге Карла Поппера на конституцию, вводит в научный оборот понятие конституционного инжиниринга государства, что позволяет ему рассматривать учреждение государства в Основном законе не только как акт рождения противопоставленного хаосу Левиафана, но одновременно и как способ его «приручения»⁷. Недостатки такого подхода требуют отдельного и разностороннего обсуждения, однако нельзя не заметить, что он в целом отражает устоявшийся в классической политической философии взгляд на природу государства и конституции.

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ

О РОДОВОЙ ТРАВМЕ
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ
СИСТЕМЫ

ПАТОЛОГИЯ НАЙДЕНА: РОДОВАЯ ТРАВМА КОНСТИТУЦИИ 1993 ГОДА

Современный кризис нормативности, наблюдаемый в российском обществе, уходит корнями в советский период. Сложившаяся на практике и закрепленная в советских конституциях автократия коммунистической партии обеспечивала «единственно верное» понимание нормативности в советском обществе. На раннем этапе действенность создаваемых советской властью норм обеспечивалась не только силовым способом, но и обещаниями построения сначала социализма, а потом и коммунистического рая на земле. Продолжительное отсутствие конкуренции в борьбе за политический ресурс привело к персонализации понятия нормативности: нормой считались деяния, совершенные в соответствии с волей вождя партии и государства. После смерти Иосифа Сталина перед партийной элитой открылась возможность проведения конституционной реформы, приближающей право и государство к универсальной (то есть публичной) рациональности. Однако подобная реформа требовала серьезного пересмотра идеологических постулатов, устоявшихся в сознании элит и населения, на что у правящих кругов, переживших многочисленные чистки, попросту не хватило интеллектуального ресурса. Поэтому в своем закрытом докладе XX съезду КПСС Никита Хрущев, вскрывая многочисленные сталинские злоупотребления, призывал к осуждению культа личности, но не самого режима, сделавшего этот культ возможным⁸. «Работа над ошибками», проведенная наследниками сталинизма, сводилась лишь к тому, чтобы не допустить повторения концентрации всей власти в руках одного челове-

7 Подробнее см.: Шустров Д.Г. *Прирученный Левиафан: государство как объект конституционно-правового регулирования*. СПб.: Алеф Пресс, 2014. С. 43–52.

8 См.: Хрущев Н.С. *О культе личности и его последствиях* // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170.

ка, культивируя вместо этого коллегиальность в принятии важнейших решений. Для партийной элиты, стремящейся к самосохранению в рамках сложившейся политической системы, такие действия выглядели вполне рациональными, однако они не отвечали общественным нуждам и, следовательно, по-прежнему не имели касательства к универсальной рациональности. Отстраненность партийных элит от нужд момента и непонимание ими ключевых государственных надобностей окончательно размыли нормативную действительность сложившегося после 1917 года политического порядка, обусловив его крах.

Вакуум власти, вызванный крушением социалистического политико-правового эксперимента, заполнили не имеющие нормативной иерархии отношения между партикуляристскими элитами. В итоге кондиции, сложившиеся на рубеже 1980-х и 1990-х, внешне были весьма похожими на состояние древней Эллады, описанное Фукидидом и охватываемое определением естественного состояния, предложенным Гоббсом. Принятие Конституции 1993 года и последующее укрепление государственных институтов, очевидно, до сих пор воспринимаются многими гражданами нашей страны как меры, направленные на скорейший выход России из кризиса. Однако, подобно тому, как временная ремиссия не означает полного исцеления, так и внешняя стабилизация общественных отношений не тождественна стабильному правопорядку.

Кондиции, сложившиеся на рубеже 1980-х и 1990-х, внешне были весьма похожими на состояние древней Эллады, описанное Фукидидом и охватываемое определением естественного состояния, предложенным Гоббсом.

Травма, пережитая российским обществом в 1993 году, состояла в том, что консенсус элит, без которого создание подлинно устойчивого правопорядка невозможно, в нем так и не сложился. В ходе борьбы за конъюнктурные экономические преимущества, сводившиеся к присвоению промышленных и сырьевых ресурсов, сложились предпосылки для политического столкновения действовавших на тот момент Президента и Верховного Совета. Консенсус в олигархических кругах, подерживавших главу государства, можно было считать легитимирующей основой лично для Бориса Ельцина, но не для всего недавно учрежденного им государства. Подлинная легитимация требовала не только парламентского участия, но и признания депутатами, представляющими различные части полити-

ческого спектра, декларируемых президентской властью правил игры. Однако вместо того, чтобы сосредоточиться на достижении такого результата, Президент Российской Федерации в октябре 1993 года принудительно распустил Верховный Совет и Конституционный Суд, после чего фактически навязал стране собственный проект Основного закона. Конституция Российской Федерации 1993 года, таким образом, не стала детищем классического конституционного конвента, на котором мудрые отцы-основатели тщательно выверяют баланс элитных интересов – и уж тем более не воплотила единодушия элитных кругов и рядовых граждан. Вместо этого Основной закон фиксировал персональные устремления лидера, использующего в качестве аргумента в споре с парламентариями танки, а также узкого круга лиц, присвоивших себе значительную часть общенародного достояния. Однако при абстрагировании от социально-политических оснований легитимности Конституции 1993 года легальность ее принятия на неправомочном плебисците вызывала немало вопросов, причем даже у сторонников правового позитивизма⁹.

Анализ норм Конституции Российской Федерации позволяет вскрыть по меньшей мере две взаимосвязанных предпосылки, обусловившие кризис нормативности. Во-первых, представленная в документе конструкция президентской власти подразумевала создание автократии уже в среднесрочной перспективе. Поскольку Основной закон обрел силу не в результате договоренностей элит, а из-за утверждения у власти определенных политических сил, последние были заинтересованы в последовательном «закручивании гаек», которое позволяло бы им в будущем удерживать власть, основанную на насилии. Во-вторых, такие элиты не могли себе позволить откровенный произвол, поскольку в массовом сознании это означало бы возвращение к автократии, от которой, как тогда казалось, российское общество навсегда избавилось с крушением СССР. Именно поэтому новый режим был заинтересован в том, чтобы как можно дольше использовать правовые инструменты или, если угодно, правовую фразеологию. Тем не менее подобный курс совсем не означал реального оформления государства и права в трактовке классической политической философии и теории права. Напротив, Конституция Российской Федерации и вся порожденная ею правовая система однозначно дают понять: под сенью ее положений правым всегда будет тот, в чьих руках сила.

Иными словами, кризис нормативности в России вызрел не в столкновении различных правопониманий, практикуемых, с одной стороны, элитами, а с другой стороны, массами, а из-за

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ

О РОДОВОЙ ТРАВМЕ
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ
СИСТЕМЫ

9 См., например: АВАКЬЯН С.А. *Конституционное право России*. М.: Норма; ИФРА-М, 2021. Т. 1. С. 308–313.

того, что нормативность как таковая в российском обществе за все десятилетия транзита так и не смогла сложиться. Оторванные от реальной жизни законы и проблемная правоприменительная практика являются, таким образом, лишь внешними проявлениями не преодоленного российским обществом естественного состояния – с присущим ему доминированием права сильного.

Основной закон фиксировал персональные устремления лидера, использующего в качестве аргумента в споре с парламентариями танки, а также узкого круга лиц, присвоивших себе значительную часть общенародного достояния.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ: РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА В ДИНАМИКЕ

Заложенные в Конституции принципы автократии начали укрепляться задолго до выхода на сцену нынешнего президента. Так, в решении по «чеченскому делу» 1995 года Конституционный Суд Российской Федерации констатировал наличие в конституционной практике России института «скрытых (подразумеваемых) полномочий Президента»¹⁰. Иначе говоря, высшая судебная инстанция заявила о важной вещи: функционируя в качестве гаранта Конституции, глава государства получил правовые основания для осуществления полномочий, не предусмотренных Конституцией напрямую. Вместе с тем на фоне углубления первой тенденции – укрепления президентской власти – вторая тенденция, напротив, все чаще начинала давать сбой, поскольку привлекать правовую фразеологию для оправдания произвола с течением лет становилось все труднее. Селективное использование Основного закона со временем привело к искажению фундаментальных элементов российского конституционного права как отрасли российского права.

10 См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 “О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики”, Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 “О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта”, Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 “Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа”, Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 “Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации”».

Иллюстрации этого утверждения более чем многочисленны. Статус личности в новой парадигме позволяет использовать частные права для ограничения публично-политических свобод¹¹ или обосновывать ограничение доступа к иностранным социальным сетям не публичными интересами, а защитой граждан от потенциально оскорбительного контента¹². Конституционные положения об организации публичной власти отражают институционализацию произвола Президента Российской Федерации по отношению к трем ветвям государственной власти¹³, а трактовка отдельных норм Конституционным Судом и конституционным законодательством тяготеет к выхолащиванию содержательных аспектов конституционного строя¹⁴. Наконец, территориальная организация публичной власти сведена к строго иерархичной структуре публичной власти, подконтрольной главе государства, – хотя такое регулирование никак не препятствует появлению всевозможных исключений из общего порядка, будь то закрытые административно-территориальные образования, наукограды, инновационные центры, территории опережающего развития, научно-технологические центры, федеральные территории¹⁵ или вновь присоединенные субъекты федерации, конституционно-правовой статус которых существенно отличается от статуса других российских регионов.

В качестве альтернативы основам конституционного строя, не целенаправленно, но поступательно выхолащиваемым из практики государственного строительства, в средствах массовой информации предлагается вполне конкретный набор идеологических постулатов. Речь прежде всего об использовании высокопоставленными должностными лицами и представителями бизнеса категориального аппарата, который в свое время разработал русский правовед и философ Иван Ильин – причем не в качестве иллюстративной отсылки, а на вполне системной

11 Так, например, регистрация товарного знака «Иностранный агент» собственником «Russia Today» автономной некоммерческой организацией «ТВ-новости» позволила в судебном порядке запретить продажу одежды с соответствующей маркировкой. Этот запрет фактически ограничивает возможность граждан выражать сочувствие опальным деятелям науки и культуры. См.: *Постановление Суда по интеллектуальным правам от 9 марта 2023 года № А40-273639/2021*.

12 См.: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74180.htm>.

13 В частности, согласно Конституции, Президент Российской Федерации вправе (а не обязан, как ранее): распустить Государственную Думу в случае трехкратного отклонения ею представленных кандидатур Председателя Правительства; назначать до тридцати сенаторов в Совет Федерации; назначать министров силового блока после консультаций с Советом Федерации; выступать с инициативой прекращения полномочий судей Конституционного и Верховного судов.

14 Так, например, «единая система публичной власти», определение которой нашло свое отражение в федеральном законе о Государственном Совете, не предполагает в качестве своих элементов институтов непосредственной демократии, которая, согласно части 2 статьи 3 Конституции Российской Федерации, является одной из форм народовластия. См. статью 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации».

15 См., например, Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»».

основе. Отдельные радикальные деятели, например, активисты Национального освободительного движения, открыто призывают изменить «колониальную конституцию» России, упразднить часть либерально-демократических положений первой главы, наделить действующего Президента Российской Федерации неограниченной властью¹⁶. С конституционно-правовой и политико-философской точек зрения идеология инициаторов подобных предложений и их соратников страшна не духом корпоративизма и не объединением всех групп населения «в едином порыве», но попыткой когнитивного оправдания права сильного в условиях отсутствия власти, стабильно легитимизируемой народом.

С одной стороны, без подобной эстетизации права сильного всякое современное государство рискует утратить внешний облик сколько-нибудь организованного общественного института и, следовательно, надежного партнера в международных делах. С другой стороны, неприкрытая опора на силу, характерная, согласно классикам политической философии, для естественного состояния, несет в себе угрозу для самого обладателя такой власти: ведь в любой момент может появиться актер, способный занять его место. Именно поэтому действующим руководством страны в 2020 году была предпринята попытка приблизить конституционный текст к сложившейся реальности. Однако, как показала практика, поправки, разработанные не в самых прозрачных условиях и принятые в результате так называемого «голосования на пеньках», обладали спорным легитимирующим потенциалом. Во многом они воспроизвели главный парадокс Конституции Российской Федерации 1993 года, что и предопределило повторение ими судьбы Основного закона.

Естественное состояние российского общества, скрывающееся за кризисом нормативности, воочию проявило себя в ходе летнего мятежа частной военной компании «Вагнер». Восстание хорошо вооруженной и прекрасно организованной группировки, подталкиваемое скорее всего экономическими резонами, сопровождалось убийствами российских военнослужащих и полицейских, а также захватом столицы одного из субъектов федерации. Так называемый «марш справедливости» наемников на Москву не только не был остановлен российскими вооруженными силами, но и вызвал массовый исход руководителей нации в северную столицу. Внезапное завершение мятежа и неправомерное прекращение уголовного дела против его участников (а также последующая гибель руководителей ЧВК в авиакатастрофе) однозначно подтверждают, что даже денежные

16 См. цели и задачи НОД на сайте организации: <https://nodrf.ru/tseli-i-zadachi-nod>.

вопросы, решаемые при помощи силы, в России приобретают политическую коннотацию, поскольку речь идет о единственном способе легитимации. Показателен в этой связи комментарий Маргариты Симоныян, сделанный после прекращения уголовного преследования взбунтовавшихся наемников:

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ
О РОДОВОЙ ТРАВМЕ
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ
СИСТЕМЫ

«Юридические нормы – это не заповеди Христовы и не скрижали Моисеевы. Их пишут люди, чтобы они защищали правопорядок и стабильность в стране. И если в каких-то исключительных критических случаях получается так, что они перестают выполнять свою функцию, а выполняют обратную, то они идут лесом»¹⁷.

Такая точка зрения в просторечии воспроизводит то понимание суверенитета, которое предложил Карл Шмитт: «Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»¹⁸. Июльский военно-политический кризис доказывает, что в стране, вопреки записанному в Конституции, сувереном является не народ и даже не круг институционально организованных элит, обладающих материальным, культурным и политическим капиталом, а лишь один человек – действующий Президент Российской Федерации. Это делает российскую конструкцию публичной власти максимально нестабильной не только в вопросе преемственности, но и в части негативных последствий произвольно принимаемых решений. Сказанное подкрепляет заявленный ранее тезис, согласно которому российское общество так и не вышло из естественного состояния – и, соответственно, поднимает серьезный вопрос о его дальнейших перспективах.

Июльский военно-политический кризис доказывает, что в стране сувереном является не народ и даже не круг институционально организованных элит, обладающих материальным, культурным и политическим капиталом, а лишь один человек – действующий Президент Российской Федерации.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Проработка родовой травмы российской правовой системы требует преодоления кризиса нормативности. Для этого в свою очередь российское общество должно выйти из естественного

17 Цит. по: <https://t.me/margaritasimonyan/13063>.

18 Шмитт К. *Указ. соч.* С. 8.

состояния. Поскольку развитые формы самоорганизации граждан в стране отсутствуют, изменение ситуации из-за низового давления видится маловероятным, а это означает, что выработка когнитивно-рациональной основы российской государственности станет возможной лишь усилиями элит, обладающих экономической, политической и военной силой. Исходя из этой предпосылки открываются два возможных варианта выхода нынешней России из естественного состояния.

Первый путь подразумевает самоорганизацию элит в среднесрочной перспективе – между президентскими выборами 2024-го и 2030 годов. Целью такой самоорганизации будет корректировка текущего внутривнутриполитического курса с сохранением выбранной ранее внешней политики. Принципиальной предпосылкой, позволяющей воплотить такую внутриэлитную договоренность, станет прекращение полномочий действующего Президента Российской Федерации. Такого типа манипуляции едва ли отразятся на жизнях рядовых граждан, так как элиты будут заинтересованы не только в ограничении президентского произвола посредством принятия прозрачных и неизменных правил политической борьбы, но и в сохранении экономического *status quo*, позволяющего им обладать всевозможными видами капитала. Новая переходная конституция, таким образом, лишь с оговорками будет соответствовать запросу на социальную справедливость, тогда как залогом долгосрочных изменений в российском обществе сможет стать только ее практическая действенность, а не красота слога. Широким массам в свою очередь предстоит выразить общее приятие основных ее положений, со временем создав на ее фундаменте гражданское общество; тем самым будут обеспечены долгосрочные социальные предпосылки дальнейшего совершенствования конституционного текста – или принятия новой конституции.

Второй путь предполагает сохранение курса на дальнейшую радикализацию политического дискурса и преодоление последних остатков либерально-демократических идей в тексте Основного закона. В этом случае ради сохранения своей власти действующий Президент Российской Федерации должен будет инициировать принятие новой конституции, которая нормативно отразит изменения, произошедшие в государственном устройстве России за годы его правления. Вместе с тем есть основания полагать, что у нынешней правящей элиты, подобно советскому партийному руководству после Сталина, элементарно не хватит интеллектуального ресурса, позволяющего объяснить предпринимаемый идеологический перелом и его нормативные отражения. В этой связи важно отметить, что запрет на официальную государственную

идеологию, установленный статьей 13 Конституции, вопреки распространенному мнению не означает того, что текст Основного закона не несет никакой идеологической нагрузки. Согласно общепризнанной в отечественном конституционном праве позиции, любая конституция выполняет среди прочего и идеологическую функцию, поскольку в ее нормах запечатлевается образ желаемой социально-политической системы. В этом смысле запрет на официальную государственную идеологию сам по себе является проявлением вполне конкретной идеологической установки¹⁹.

Соответственно, конституционное закрепление государственной идеологии не только породит новые обязанности граждан перед государством, но и повлечет за собой по меньшей мере две концептуальные проблемы. Во-первых, как показала практика принятия и изменения Конституции 1993 года, вносимые в нее поправки не всегда отражают реальные взгляды большинства населения. В этой связи не совсем понятно, как прозорливые авторы поправок поймут, что они отразили в конституционном тексте именно ту идеологию, которая пользуется поддержкой населения и которая, следовательно, обладает потенциалом к легитимации правящей элиты. Во-вторых, нельзя игнорировать опыт конституционного утверждения государственной идеологии, уже имеющийся в отечественной правовой истории. Так, закрепление в советских конституциях марксистско-ленинской идеологии, обладающей если и не безошибочной, то бесспорно фундаментальной философской основой, не спасло от краха советскую государственность – а вероятнее всего, стало даже одной из его причин. Стоит ли говорить о том, что убежденных теоретиков и практиков какой бы то ни было идеологии уровня Ленина или Сталина в современной России не наблюдается? Однако авторы призывов к конституционному закреплению государственной идеологии, звучащих как в публичном, так и в научном дискурсе, видимо, считают, что им под силу осуществить то, чего не удалось сделать по меньшей мере двум вождям мирового пролетариата.

Содержание новой конституции, которая лишится целостной идеологической основы, будет внутренне противоречивым, а юридическая техника ее написания значительно ухудшится. Такая конституция, направленная на сохранение автократической власти, будет ориентирована на заморозку сложившихся общественных отношений, но не на становление новых. Следовательно, можно будет ожидать дальнейшего углубления разрыва между нормами Основного закона и фактами реальной жизни. Этот вариант, который является более затратным,

19 Авакьян С.А. *Указ. соч.* С. 162–163.

чем описанный выше, таит в себе угрозы для российской государственности; однако, обратившись к нему, страна рано или поздно ощутит потребность свернуть на первый путь.

Автор этих строк считает, что лишь планомерная работа научного сообщества, объединяемого сдержанным оптимизмом, способна улучшить ситуацию и преодолеть родовую травму тридцатилетней давности. Специалисты должны критически оценить предстоящие изменения отечественной политической системы, всесторонне содействуя элитам в выработке консенсуса относительно новой конституции. Хочется верить, что они не станут в очередной раз принимать желаемое за действительное, интегрируя в Основной закон идеалистические и несбыточные нормы, а напротив, подготовят интеллектуальную основу для несложного, но действенного документа, который не только положит конец естественному состоянию российского общества, но и позволит, наконец, приручить перерожденного Левиафана.

Политические институты в Конституции 1993 года – и за ее рамками

АЛЕКСАНДР
ЖАБРОВ

В российском политическом дискурсе, касающемся институциональной структуры власти, доминируют юристы-конституционалисты, которые обычно сводят понятие «политический институт» к набору ключевых государственных органов, функционирующих при том или ином конституционном строе. С точки зрения политолога такой подход нельзя считать полноценным. Во-первых, очевидно, что в политической реальности правила игры не поддаются всестороннему и законченному описанию в положениях только лишь Основного закона. Во-вторых, современная трактовка политических институтов выходит далеко за пределы нормативно-правовых аспектов их существования. Вместе с тем любая конституция предстает тем субстратом, из которого произрастает все здание политической системы. В настоящей статье рассматриваются вопросы о том, как Конституция Российской Федерации 1993 года повлияла на формирование и характер современной структуры власти, а также насколько определяющее значение она имеет для институционального строения российской политики.

Александр Владимирович Жабров (р. 1987) – политолог, доцент факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ.

ИНСТИТУТЫ ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ

В рамках неинституционального подхода политические институты толкуются довольно широко. В определении Дугласа Норта, которое стало классическим, институты рассматриваются в качестве «правил игры», причем не только формальных, но и неформальных (моральных), а также тех моделей поведения, которыми руководствуются акторы в интересах «максимизации их дохода»¹. В сфере властных отношений под «доходом» можно понимать реализацию акторами любых политических целей и получение ими всевозможных выгод. Сказанное означает, что институты формируются не только буквой закона или его духом, но и другими, зачастую лежащими за пределами права, нормами, закрепившимися в головах и поведении ин-

¹ См.: Норт Д. *Институциональные изменения: рамки анализа* // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 6–12.

дивидов и групп. Другими словами, институты есть нормы, не просто *принятые*, но и *воспринятые*; это правила, установленные, осознанные и регулярно применяемые на практике. В результате адекватным представляется следующее определение: политический институт есть совокупность социально сконструированных, усвоенных и освоенных норм, правил и принципов (как формальных, так и неформальных), на основании которых осуществляется публичная власть и функционируют ключевые субъекты управленческого процесса².

Любой политический институт содержит в своей структуре нормативный, функциональный и ценностный компоненты. Государственный орган не становится политическим институтом только из-за того, что его упомянули в Конституции. Помимо этого, нужно, чтобы он начал результативно функционировать, чтобы в общественном сознании закрепились четкие представления о нем, чтобы он обрел какой-то уровень легитимности, чтобы сложились связанные с ним ценностные ориентации. Из всего перечисленного конституция как основной закон государства непосредственно влияет только на нормативную составляющую институтов, да и то не полностью, поскольку нормы, как известно, могут быть и неписаными.

Государственный орган не становится политическим институтом только из-за того, что его упомянули в Конституции.

Таким образом, реально сложившаяся институциональная структура власти в том или ином конкретном случае вовсе не обязательно будет совпадать с тем, что называют конституционным строем государства. Не меньшую, а иногда и большую роль в политике играют параконституционные органы, неформальные практики и механизмы, внесударственные субъекты власти. Вместе с тем в ходе трансформации политической системы содержание Основного закона, процесс его принятия и степень влияния фундаментально воздействуют на сущность, эффективность и пластичность политических институтов.

Конституция 1993 года В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ

Принятие Основного закона Российской Федерации ознаменовало переход страны к новой стадии институционального строи-

² ЖАБРОВ А.В. *Политические институты: эволюция представлений и интерпретаций* // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 3. С. 44.

тельства. Прежде всего, документ наделял главу государства широкими формальными возможностями: достаточно сказать, что непосредственно к президентской компетенции были отнесены 48 различных властных полномочий³. Политическую субъектность главы государства дополнительно усиливала и та роль, которую он получил *de facto* – роль арбитра, главного элемента в системе сдержек и противовесов. Неизменно оставаясь над противоборством ветвей власти и формально не принадлежа ни к одной из них, президент мог патронировать их деятельность. Уместно напомнить, что прежние полномочия президента РСФСР были гораздо скромнее. Например, парламент в лице Съезда народных депутатов и Верховного Совета, контролируя бюджет, сам устанавливал объемы финансирования президентских программ; более того, легислатура могла также блокировать вступление в силу президентских указов, смещать министров, отказывать, не опасаясь роспуска, в утверждении представленному президентом кандидату в премьер-министры. И если применительно к 1991–1993 годам модель российского президентства вполне можно было называть парламентской (вариант, опробованный еще в СССР), то принятие новой Конституции преобразовало ее в президенталистскую.

В ходе этого перехода был заложен фундамент для последующего укрепления в России авторитаризма и персонализма. Делая этот процесс беспрепятственным, статья 128 новой Конституции закрепляла особую роль президента в деле назначения федеральных судей и представления в Совет Федерации кандидатур судей Верховного и Конституционного судов, что очевидно размывало независимость и самостоятельность судебной власти. Впоследствии новые федеральные законы и конституционная реформа 2020 года еще более расширили полномочия высшего должностного лица в указанной сфере. Однако все перечисленное относилось лишь к формальной стороне дела. Последние три десятилетия истории нашей страны показали, что для безраздельного контроля над политическим процессом одних только конституционных полномочий президенту может не хватить. В частности, чем слабей Борис Ельцин становился политически, чем меньше его поддерживали элиты, чем эфемернее делалась его легитимность, тем заметнее перераспределялась власть в пользу других субъектов. События второй половины 1990-х убеждают в том, что корректное описание сути политического процесса, идущего в России, настоятельно требует выхода за рамки одних только конституционных норм.

3 См.: Мизулин М.Ю. *Генезис, место и роль института президентства Российской Федерации в современном политическом процессе // Политика и политология: актуальный ракурс / Под общ. ред. И.А. Батановой, М.Ю. Мизулина. М.: Тула: Издательство Тульского государственного университета, 2005. С. 134.*

АЛЕКСАНДР ЖАБРОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ
В КОНСТИТУЦИИ 1993 ГОДА –
И ЗА ЕЕ РАМКАМИ

Важной предпосылкой, повлиявшей на институциональную специфику российской государственности, стал сам процесс разработки и принятия новой Конституции – а точнее, те условия, в которых все это происходило. Разумеется, в центре здесь оказывается противостояние Верховного Совета и президента, которое к сентябрю 1993 года перешло в фазу открытого столкновения. Явный парадокс заключался в том, что надежды на преобразования и *демократические* реформы в общественном сознании тогда довольно прочно связывались с личностью первого президента России – лидера с безусловно *авторитарными* наклонностями. Да и сам президент, похоже, видел в социальной трансформации персональную зону ответственности; исходя из этого наблюдатели констатировали, что «Ельцин будет воспринимать покушение на свою власть как покушение на демократию, [...] а значит, и на благо народа»⁴. В такой оптике парламент, жизненно важный элемент демократического устройства, представлял средоточием советского реванша и авторитарного отката, а в готовности депутатского корпуса перечить президенту усматривалась угроза самой демократизации – угроза, с которой глава государства счел возможным бороться недемократическими методами.

В осеннем конфликте глава государства действовал, явно выходя за рамки своих формальных полномочий и аккумулируя солидные неформальные ресурсы. Опорой ему служили не законодательные нормы, а внеправовые инструменты. Среди них следует упомянуть в основном позитивный образ президента в общественном мнении, лояльность различных элитных группировок, благорасположение негосударственных СМИ. В столкновении с депутатским корпусом все вышеперечисленное позволило Ельцину действовать, не обращая внимания на нормативно-правовые ограничения. Иначе говоря, в 1993 году в России были не только обновлены основы *конституционного* строя, но и заложены предпосылки для последующего оформления обширного *внеконституционного* компонента политики, который позже не раз оказывался гораздо важнее правовых установлений.

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ VS ПРЕЗИДЕНТАЛИЗМ

Эволюция политической системы после принятия Конституции 1993 года еще более укрепила институт президентализма. Как следствие, во второй половине 1990-х государственная власть столкнулась со всеми проблемами, описанными Хуаном

4 Федоров В.П. *Ельцин* // Независимая газета. 1995. 15 января. С. 5.

Линцем в его знаменитой статье⁵. Среди них можно упомянуть «двойную легитимность» всенародно избранных президента и парламента, рассогласованность их деятельности вплоть до взаимной блокировки, укрепление «теневых» субъектов политики, к которым президент вынужден обращаться за поддержкой, и так далее. В период, когда президент и парламент сосредоточились на конфронтации друг с другом, а здоровье главы государства неуклонно ухудшалось, значительная доля власти волей-неволей перетекала к третьим лицам. Оформился мощный – и притом внеинституциональный – центр принятия решений, который именовали «администрацией», «семибанкирщиной», «семьей». Позже Владимиру Путину пришлось либо отстранять его от рычагов управления посредством «укрепления властной вертикали» и «равноудаленности олигархов», либо встраивать в политическую систему в качестве собственной, уже им приватизированной, номенклатуры.

АЛЕКСАНДР ЖАБРОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ
В КОНСТИТУЦИИ 1993 ГОДА –
И ЗА ЕЕ РАМКАМИ

В осеннем конфликте глава государства действовал, явно выходя за рамки своих формальных полномочий и аккумулируя солидные неформальные ресурсы. Опорой ему служили не законодательные нормы, а внеправовые инструменты.

Во всех этих процессах властные полномочия стабильно перераспределялись в одну и ту же сторону – в пользу главы государства. Так в России начала 2000-х достраивался институт президентализма. Под этим термином мы понимаем совокупность норм, правил и принципов, на основании которых президент обладает возможностью оказывать на другие элементы политической системы определяющее воздействие, обеспечивающее ему главенство в государственной власти в целом – при формальном сохранении основных демократических институтов и способов организации политической жизни⁶. Наличие подобного политического института, характеризуемого широкими неформальными возможностями президента, принудительной консолидацией элиты вокруг лидера, концентрацией или даже монополизацией политической деятельности, нали-

⁵ См.: LINZ J. *The Perils of Presidentialism* // Journal of Democracy. 1990. Vol. 1. № 1. P. 51–69. Название этой работы по-русски нередко переводят как «Угрозы президентства». Это не вполне корректно, поскольку слова *presidency* (президентство) и *presidentialism* (президентализм) не являются синонимами.

⁶ См.: ЖАБРОВ А. В. *Эволюция института президентства в России: от советской модели до конституционной реформы 2020 г.* // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций. Тридцать лет без СССР: политические институты и международно-политические практики на постсоветском пространстве. Материалы XIII Международной научной конференции. Москва, 21 мая 2021 г. / Отв. ред. Н. А. Борисов. М.: РГГУ; РАПН, 2021. С. 67.

чем у главы государства множественных точек опоры в лице СМИ, силовых и гражданских структур, региональных властей и прочего, а также его персонифицированной «тефлоновой» легитимностью, очевидно обособляет друг от друга политическую реальность и формальные основы государственности.

В контекстах президентализма глава государства становится стержнем политической жизни, оттесняя на периферию иные формальные конституционные нормы и институты. Иначе говоря, феномен президентализма, хотя и основывается на обширных конституционных полномочиях главы государства, не вмещается в них и в процессе своего становления заметно выходит за их рамки. В России такая конструкция в относительно законченном виде сложилась к концу 2000-х, продолжая, впрочем, эволюционировать и по сей день.

ФОРМАЛЬНОСТИ ПОБОКУ

Представленные выше, а также некоторые другие факторы создавали благотворную почву для того, чтобы в российской политике возникали, вставали на ноги и укреплялись многочисленные неформальные институты. Их можно интерпретировать как принятые доминирующими властными субъектами неписанные нормы и принципы политической жизни, которые насаждаются вне официально санкционированных каналов, имеют эволюционную обусловленность и социальную природу и определяют существенную часть политического процесса. Другими словами, неформальные институты можно назвать внеправовыми правилами политической игры.

С одной стороны, важно отметить, что категория «неформальный политический институт» сама по себе не содержит отрицательных коннотаций. Такие институты могут содействовать формальным институтам, дополнять и усиливать их, выступать катализаторами реформ, задавать ценностную составляющую политической жизни⁷. Более того, порой неформальные институты служат той основой, на которой воздвигаются социальные системы; некоторые из них сначала закреплялись в общественном сознании и социальных практиках и лишь затем формализовались. Сказанное справедливо и для политической сферы, в которой неформальные институты способны выступать первоосновой институциональной структуры власти – подобно тому, как мораль во многом оказалась прародительницей права. С другой стороны, в периоды политической нестабиль-

7 Подробнее о типологии неформальных политических институтов см.: Хелмке Г., Левитски С. *Неформальные институты и сравнительная политика* // Прогнозис. 2007. № 2. С. 188–211 (http://intelros.ru/pdf/prognosis2_07/Helmke.pdf).

ности неформальные институты способны нести в себе серьезные угрозы правовым и демократическим устоям государства, конституционному строю, устойчивости политической системы. Широкое внедрение в политическую жизнь неформальных элементов создает институциональную неопределенность: положение, в котором проблемы разрешаются на основе как писанных, так и неписанных правил, а то и без всяких правил вовсе.

Среди важнейших неформальных институтов, усугубляющих непредсказуемость политики и размывающих конституционный строй, можно упомянуть следующие:

– *клиентелизм* как такой тип политических отношений, где ключевое значение приобретают иерархические патрон-клиентские связи, в рамках которых доступ к экономическим и политическим благам предоставляется в обмен на поддержку;

– *корпоративизм* как система государственного управления, в которой доминируют не отдельные субъекты, а коллективные акторы, выполняющие строго определенные функции, причем их главной фактической целью оказывается извлечение выгод для вышестоящего руководства;

– *непотизм* как норма, в соответствии с которой распределение государственных должностей, политических позиций и управленческих ролей происходит не в силу профессиональных качеств, а на основе родственных связей, личных знакомств или земляческих уз;

– *неопатримониализм* как тип реализации власти, сочетающий элементы традиционного и современного государства, в рамках которого узкая правящая группа или конкретный лидер *de facto* являются владельцами всего политического (и экономического) пространства, предоставляя его отдельные сегменты во временное пользование лояльным и лично преданным субъектам;

– *коррупция* как набор неписанных институциональных правил, позволяющих социальным акторам и должностным лицам извлекать личную выгоду из злоупотребления своими формальными обязанностями.

На разных этапах постсоветского развития России перечисленные неформальные институты имели ключевую политическую значимость, конкурируя с конституционными нормами или даже замещая их. Эта проблема и на сегодняшний день остается чрезвычайно актуальной.

ТЕКУЧАЯ (КОНСТИТУЦИОННАЯ) СОВРЕМЕННОСТЬ

Еще одним важным фактором, способствующим отходу политической реальности от конституционных деклараций, высту-

пают параконституционные институты. Будучи сформированными непосредственно государством или под его патронажем ради политических целей конкретных носителей власти, они при этом не предусматриваются конституционными установлениями. Тем не менее, поскольку их учреждают вполне конституционные институты, они способны заметно влиять на функционирование политической системы. В каком-то смысле параконституционные институты занимают промежуточное положение между формальными и неформальными: с одной стороны, у них есть легальная основа, но, с другой стороны, их роль близка к той, которую обычно выполняют замещающие неформальные институты.

Подчеркнем, что параконституционные институты имеются в любой стране, причем их количество, объем полномочий, степень влияния на политический процесс от случая к случаю могут существенно различаться. Однако те политические системы, в которых параконституционные институты чрезмерно усиливаются, приобретают довольно специфические и весьма неприятные черты, среди них: усложнение организационной структуры власти и ее бюрократизация, централизация и вертикализация за счет укрепления отдельных политических субъектов, переустройство или даже демонтаж системы «сдержек и противовесов», ограничение политической конкуренции. Иными словами, степень развития параконституционных институтов обратно пропорциональна степени демократизации общества.

Параконституционные органы присутствовали в постсоветской политической системе на всех стадиях ее развития. Так, администрация президента Российской Федерации неизменно подкрепляла политическую субъектность главы государства и старалась перераспределять в его пользу реальную власть. Предвидя возражения юристов, сразу оговоримся: администрация президента была упомянута в Конституции 1993 года, то есть наличие у нее конституционного статуса не вызывает сомнений. Однако ее структура, задачи, место в системе государственной власти в Основном законе не описывались; иначе говоря, этот орган нельзя причислять к элементам конституционного строя. Аналогичное суждение верно и в отношении другого *de facto* параконституционного института – Совета безопасности Российской Федерации, одной из самых значимых на сегодня структур власти.

С начала 2000-х значимость институтов подобного рода начинает возрастать, а параконституционализм превращается в одну из базовых характеристик российской политики⁸.

8 Подробнее о становлении российского параконституционализма см.: САКВА Р. *Двойное государство в России: параконституционализм и параполитика* // ПОЛИС. Политические исследования. 2010. № 1. С. 8–26.

Важной вехой на пути параконституционного строительства в России стало учреждение федеральных округов и назначение в них полномочных представителей главы государства. Появление этого дополнительного звена, расположившегося между федеральным и региональным уровнями власти, заметно трансформировало облик российского федерализма и усилило политические позиции центра в его взаимоотношениях с региональными руководителями. Дальнейшему закреплению указанной тенденции способствовали среди прочего довольно необычный порядок избрания губернаторов, применявшийся в стране в 2005–2012 годах, и появление с 2014 года в Совете Федерации представителей федерального центра, назначаемых непосредственно главой государства.

Другим параконституционным институтом стал Совет по реализации приоритетных национальных проектов, сформированный в 2005 году и работающий при президенте страны. В него вошли сотрудники администрации президента, члены правительства, парламентарии, губернаторы, представители местного самоуправления, другие чиновники. В процессе реализации нацпроектов этот орган распоряжался значительными бюджетными средствами – только на первом этапе они составляли более 130 миллиардов рублей⁹. По сути, эта структура отчасти дублировала деятельность правительства, отбирая у последнего некоторые значимые полномочия. А за сплочением под президентским контролем представителей различных ветвей и уровней власти вполне можно усмотреть фактическую передачу части их полномочий самому национальному лидеру. Наконец, к числу параконституционных структур, выстраивающих вертикальные связи и утверждающих патронаж во взаимоотношениях между государством и гражданским обществом, можно отнести общественные палаты и общественные советы при органах власти, а также институт омбудсменов.

Важной вехой в оформлении российского параконституционализма стало учреждение в 2000 году Государственного совета. Изначально в нем состояли высшие должностные лица субъектов федерации, что порождало структуру, параллельную верхней палате парламента, Совету Федерации. Конституционная реформа 2020 года наделила этот орган конституционным статусом (что, кстати, демонстрирует его высокую значимость), установив для президента отдельное полномочие по формированию Государственного совета Российской Федерации «в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики

АЛЕКСАНДР ЖАБРОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ
В КОНСТИТУЦИИ 1993 ГОДА –
И ЗА ЕЕ РАМКАМИ

⁹ Там же. С. 13.

и приоритетных направлений социально-экономического развития государства» (пункт «е.5» статьи 83 Конституции Российской Федерации). Теперь его персональный и должностной состав существенно расширился.

Таким образом, несмотря на то, что основы конституционного строя в России на протяжении трех десятилетий остаются неизменными, организационная структура и облик российской политики за это время неоднократно и решительно менялись, причем эти изменения продолжают и сегодня.

* * *

Непредсказуемость, турбулентность и нарастание центробежных тенденций в российской политике можно считать признаками того, что институциональное политическое строительство в стране отнюдь не закончилось. Подтверждают это, в частности, усиливающееся влияние на власть, оказываемое патриотической общественностью, ветеранами-фронтовиками, военкорами и подобными им новыми акторами, а также неустойчивость законодательства и сужение политического плюрализма. Укрепление политической субъектности армии, естественное на фоне провалившегося военного мятежа, тоже не добавляет стабильности. Наконец, недавняя конституционная реформа подтвердила, что обновление Основного закона 1993 года, вероятно, не завершено, а его текст может меняться и дальше. В подобных условиях глава государства будет вынужден искать все новые точки опоры за рамками конституционной системы – то есть использовать неформальные институты, привлекать внеинституциональных игроков, задействовать нетипичные практики.

Все сказанное означает следующее: даже в том случае, если России удастся избежать глубокого кризиса политической системы, институциональный облик последней в обозримой перспективе существенно изменится, а роль конституционных институтов в ней снизится. Правила игры в российской политике сегодня становятся все более невнятными, неформальными, партикулярными. Иначе говоря, обозревая нынешнюю государственную конструкцию, целесообразно говорить не об институциональной структуре российской власти, а лишь о ее *институциональном дизайне*. Институциональный каркас в настоящее время подменяется *институциональным фасадом*. По крайней мере это наблюдение справедливо в отношении конституционных политических институтов России.

1993-й и современность: о восходящей и нисходящей линиях в российском конституционализме

АНДРЕЙ
МЕДУШЕВСКИЙ

Для всякой правовой системы важно поддерживать равновесие между стабильностью и изменчивостью: первая обеспечивает преемственность фундаментальных конституционных ценностей, принципов и норм, а вторая сохраняет гибкость и адаптивность относительно меняющихся вызовов. Нарушение этого равновесия в ту или иную сторону способно либо лишить систему жизнестойкости, либо же, напротив, поставить ее в зависимость от текущих конъюнктурных целей. На пересечении этих двух опций проясняется значение того явления, которое можно назвать политикой права или конституционной политикой. Последняя предполагает: а) очерчивание элитой рамок политической интерпретации конституционных норм; б) конструирование институциональной инфраструктуры; в) обозначение приоритетных направлений законодательной деятельности, а также способов легитимации принимаемых решений. «Политический конституционализм», в отличие от своего «юридического» аналога, не имеет ничего общего с формальной защитой конституционных норм от посягательств. Он решает более прагматическую задачу: с его помощью воля общественных элит проводится в жизнь, несмотря на имеющиеся конституционные и политические ограничения – причем желательно без прямого насилия над конституционными нормами, по-прежнему обеспечивающими легитимность политического режима.

Решение указанной задачи возможно тремя основными способами. Во-первых, таким изменением когнитивно-информационного конструирования реальности, при котором смысл основополагающих конституционных принципов (таких, например, как демократия) серьезно меняется, иногда на прямо противоположный. Во-вторых, преобразованием конституции, в процессе которого внешне незыблемые ценности, принципы и нормы существенно корректируются в законодательной, судебной и политической практике без их формальной отмены. Наконец, в-третьих, формально-юридическим изменением

Андрей Николаевич Медушевский (р. 1960) – профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

конституции путем внесения поправок, принимаемых согласно установленным процедурам, но на деле меняющих или смысл конституционных принципов, или сами пути их пересмотра. Выбор одного из упомянутых способов (или их комбинации) зависит от совокупности факторов, среди которых уровень правосознания общества, правовые ограничители власти, степень ее социальной поддержки, масштаб преобразований, а также то, что Макиавелли обозначал трудно определимым понятием «доблесть» – смелость в принятии решений, основанная на политическом инстинкте элиты и воле ее лидера. Результат подобного выбора, нередко малопонятный для современников, становится более ясным для последующих поколений. Потомкам, как правило, гораздо легче оценить, верным ли был сделанный выбор и создавал ли он основу для динамичного развития общества и государства – иначе говоря, вписывался ли он в нисходящую или восходящую линию правового развития.

РАЗРУШЕНИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

С этих позиций весьма интересен постсоветский конституционный эксперимент, начатый в 1991-м распадом СССР, продолженный в 1993-м конституционной революцией, которая заложила фундамент современного правового порядка и продемонстрировала цикличность смены приоритетов, и завершённый консервативной конституционной ревизией 2020 года. Эволюция постсоветской модели конституционализма заслуживает внимания в трех отношениях. Во-первых, это была масштабная попытка конституционной инженерии, связанной с переходом от коммунистической идеологии к либеральной и от однопартийной диктатуры к правовому государству, которая позже послужила ориентиром для многих постсоциалистических стран. Во-вторых, конституционализм значил здесь больше, чем обычный правовой инструмент, ибо он одновременно воплощал новые системы ценностей, ожиданий и институтов, а также в какой-то мере предлагал эскиз перспективных преобразований. Наконец, вопреки всем прогнозам та модель, которая возникла в 1993 году как временная и рассчитанная, по словам разработчиков, на три–четыре года, оказалась чрезвычайно устойчивой.

Формальные рамки последующего анализа постсоветского конституционализма будут определяться двумя рубежными вехами. Начальная веха, приходящаяся на 1991–1993 годы, отмечена формированием общего замысла в дебатах Конституционной комиссии Верховного Совета РСФСР, его коррек-

тировкой на Конституционном совещании при Президенте Российской Федерации и подготовкой, а также принятием окончательного текста Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года. Конечная веха условно маркируется масштабной конституционной ревизией 2020 года, приведшей к появлению новой редакции Основного закона и зафиксировавшей изменения конституционного строя, которые накопились за последние три десятилетия.

Трактовки этой трансформации, встречающиеся в литературе, полярны: если одни воспринимают ее как вполне естественный этап развития российского конституционализма, то другие видят в ней антиконституционную реформу и даже «конституционный переворот»¹. Именно из этого противостояния возникли несколько тем, оказавшихся в центре современных общественно-политических дебатов. До какой степени замысел и мотивы разработчиков в 1991–1993 годах соответствовали социальной реальности постсоветской России? Удалось ли выдержать единство замысла в последующие десятилетия или же он претерпел качественные изменения? Каковы были базовые точки размежевания противостоящих друг другу позиций? Что вообще служило главным драйвером развития политической системы – правовые нормы или практическая импровизация? Из этого списка естественно вытекает ряд вопросов второго порядка, касающихся того, соответствует ли Конституция 1993 года современным реалиям, могла ли она предотвратить нарастание авторитарных тенденций, имелись ли альтернативные варианты и что из наследия 1990-х сохраняет значение, а что следует сдать в архив.

Для проведения такого анализа нужно выявить устойчивые и длительные тенденции развития конституционализма по следующим ключевым направлениям: соотношение глобального и национального в российском конституционализме; отношения общества и государства, фиксируемые конституционными нормами; уровень централизации и децентрализации управления; система правления и трансформация политического режима; объем формальных и реальных полномочий ключевых институтов и их места в балансе властей; легитимирующая формула власти и пути ее трансформации. В итоге намечаемый анализ позволит объяснить логику новейших конституционных поправок и установить, какие тенденции в развитии конституционного дизайна имели восходящий, а какие – нисходящий характер. Смысл этих терминов будем понимать как соответствие (или несоответствие) изменений, внесенных в национальную

¹ См., в частности, материалы дискуссий, опубликованных в российских правовых журналах: Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3(136). С. 33–96; Публичная политика. 2020. Т. 4. № 1. С. 9–42; Конституционный вестник. 2020. № 5(23). С. 55–75; Закон. 2020. № 3. С. 23–27.

конституцию, глобальным императивам: процессам правовой глобализации, интеграции правовых порядков и универсализации стандартов, ведущих в перспективе к созданию системы норм и институтов, обладающих устойчивой легитимностью на транснациональном уровне и создающих основу глобального управления².

Формирование глобального конституционализма, начавшееся с завершением в 1990-е «холодной войны», породило надежды на торжество транснациональной модели правового регулирования, основанной на приоритете универсальных принципов демократии, правового государства и прав человека. В подобном контексте задача национального государства состоит в том, чтобы гармонично войти в новую систему международного конституционализма, отложив в сторону как идеологические приоритеты, так и жесткую защиту национальной правовой идентичности. Мотив деидеологизации в начале 1990-х не вызвал возражений у большей части разработчиков Основного закона (включая коммунистов), соглашавшихся с тем, что «Конституция не должна быть идеологическим документом»³. Эти надежды были отражены в российской Конституции 1993 года в виде декларированного приоритета международного права – ратифицированных договоров – над внутренним законодательством. Ратификация Россией Европейской конвенции по правам человека (1950) в 1998 году и принятие юрисдикции Европейского суда по правам человека надолго определили общий вектор продвижения страны к международным (европейским) правозащитным стандартам.

Позднее, однако, вскрылись противоречия правовой глобализации; интеграции правовых норм начала противостоять набирающая силу их фрагментация, выражавшаяся в обособлении глобальных правовых регионов и соперничестве проектов мирового правового устройства. В частности, в Европейском союзе эти противоречия проявились в противоположных оценках Лиссабонского договора и перспектив европейской интеграции. Они привели к столкновению международного и национальных правовых порядков и выразились в дезинтеграции единого правового пространства Европы – говоря конкретно, в отказе от принятия единой общеевропейской Конституции и выходе Великобритании из ЕС, – а также подъеме евроскептицизма и популизма. В отношениях Запада и России эти противоречия усугублялись политическими факторами:

2 Подробнее см.: Медушевский А.Н. *Глобальный конституционализм: процессы интеграции и фрагментации в формировании нового мирового порядка*. М.: Direct Media, 2023.

3 *Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): В 6 т.* / Под ред. О.Г. Румянцева. М.: Волтерс Клувер; Фонд конституционных реформ, 2007–2010. Т. 1. С. 104, 171. Далее – *Конституционная комиссия*.

разными представлениями о системе европейской и глобальной безопасности, противоположными оценками расширения НАТО, а также соперничеством за доминирование на постсоветском пространстве, прежде всего – в Украине⁴.

Ответом России на все упомянутое стал отказ от интеграции в европейское правовое пространство – выход из Совета Европы, Европейской конвенции по правам человека и Европейского суда по правам человека, сопровождавшийся денонсацией соответствующих международных договоров в феврале 2023 года. Содержание этого процесса было четко отражено в конституционных поправках (2020), где глобализации противопоставлена защита национального суверенитета, а приоритету международного права – верховенство национальной конституции и национальных судов. Выражением той же тенденции стало наделение Конституционного Суда прерогативой принимать решения о неисполнении решений межгосударственных органов, в том числе судов, принятых на основании международных договоров Российской Федерации в том их истолковании, которое противоречит Конституции России (эту формулу сам Конституционный Суд предложил еще в 2015 году)⁵. Отказ от глобалистской трактовки правовых стандартов акцентируется группой поправок, противопоставляющих космополитизму патриотизм, абстрактному рационализму гуманитарного права конкретный историзм, а транснациональному конструированию правовых стандартов восстановление идентичности по таким параметрам, как суверенитет, границы, государствообразующая нация, язык, история и преемственность с предшествующими формами российской государственности. В своей совокупности все перечисленное фиксирует новое понимание исторического места современного государства как «правопреемника» СССР и одновременно Российской империи, связь с которой определяется в категориях культуры, религии и истории.

КОНСТИТУЦИЯ-93, ИЗНАЧАЛЬНАЯ И ИСПРАВЛЕННАЯ

Отношения общества и государства оставались центральным элементом правового конструирования постсоветского периода. В условиях распада СССР и формирования российской государственности обеспечение общественного консенсуса становилось центральной задачей. В Конституции 1993 года определяющими стали принципы естественного права, народного

4 См.: *Пробелы и совпадения. Исследование нарративов в общественном сознании Германии, России и Украины*. Берлин: Inmedio, 2020.

5 Подробнее см.: *Конституционный Суд России: осмысление опыта* / Под общ. ред. А.Н. Медушевского. М.: Центр конституционных исследований, 2022.

суверенитета, защиты собственности, многопартийности, экономической и политической конкурентности. Уже в позднесоветский период поиск основ правового порядка включал в себя последовательный отказ от государственной экономики и советской классовой теории, понимающей под правом инструмент господства. На фоне крушения плановой экономики вопросы собственности вносили разлад в ряды конституционных экспертов. В итоге «вечными нормами» Конституции одни признавали принцип социального государства, а другие – неприкосновенность частной собственности⁶. В порядке компромисса выдвигались различные паллиативы: «смешанная экономика», «социальное рыночное хозяйство», «равноправие всех видов собственности» и так далее. В конечном счете удалось согласовать лишь определение России как «социального государства» в обмен на принятие его минималистской трактовки. Центральными элементами новой правовой конструкции стали идеологический плюрализм, демократия и правовое государство, а основой правового порядка – защита государством прав личности. Последующая эрозия этих ценностей, отмечавшаяся экспертами на протяжении всего изучаемого периода, была связана как с апатией общества, так и неготовностью политической элиты, сложившейся в условиях олигархического капитализма 1990-х, к их принятию. Общественный консенсус, который начал складываться вокруг Конституции 1993 года, заметно модифицировался, отражая превалирование государства над обществом. Этапы этой трансформации определялись такими концепциями, как «диктатура закона», «вертикаль власти», «суверенная демократия», «воля подавляющего большинства»⁷.

Для того, чтобы преодолеть отчуждение между властью и обществом, которое не раз фиксировалось социологическими опросами, инициаторы поправок 2020 года предложили своеобразную схему «договора» между этими акторами⁸. В ней три основных компонента:

1) Прагматическая интерпретация принципа «социального государства» как гарантии определенных социальных обязательств (на деле сведенных к конституционной фиксации некоторых инструментальных параметров социальной политики).

6 Конституционная комиссия. Т. 1. С. 110, 137.

7 См.: Россия 2018 года. Четверть века трансформации: удачные эксперименты и упущенные возможности. По материалам XXV Алтайской международной научно-практической конференции / Под ред. В.А. Рыжкова. М.: Школа гражданского просвещения, 2019.

8 Мой анализ конституционных поправок см. в статьях: Медушевский А.Н. Конституционные поправки в России 2020 г. как политический проект переустройства государства // Публичная политика. 2020. Т. 4. № 1. С. 43–66; Он же. Возрождение империи? Российская конституционная реформа 2020 на фоне глобальных изменений // Вестник Европы. 2020. Т. 53–54. С. 82–97; Он же. Российская конституционная реформа в контексте правовой глобализации // Конституционный вестник. Независимый журнал по вопросам конституционализма. 2021. № 6(24). С. 150–167.

2) Внедрение в конституцию элементов солидаризма (например тезисов о «сбалансированности прав и обязанностей» и «социальном партнерстве»), корректирующих господствовавшие ранее постулаты либеральной экономической теории, которое дополнялось одновременным возрождением элементов патернализма в виде защиты традиционных социальных институтов (солидарности поколений, института брака, традиционной семьи), а также государственной опеки (в виде «уважения к старшим», «молодежной политики», «воспитания патриотизма»).

3) Продвижение на конституционном уровне концепции «национализации элит», согласно которой сформировавшаяся ранее компрадорская элита, тесно связанная с западным капиталом, должна быть заменена национально ориентированной элитой. Для этого предусматривались конституционные ограничения, которые касаются замещения государственных и муниципальных должностей лицами, имеющими гражданство или вид на жительство иностранного государства, а также хранящими денежные средства в иностранных банках.

В условиях распада СССР и нарастания центробежных тенденций в России 1990-х поиск интегрирующих начал государственного устройства выливался в конструирование оптимального соотношения централизации и децентрализации. Последняя определялась новой трактовкой федерализма, который в советский период оставался полностью номинальным и содержащим элементы конфедерализма (право сецессии). Разработчики Конституции 1993 года сводили суть федерального принципа к трем параметрам: к обеспечению единства страны, децентрализации государственной власти, реализации права народов на самоопределение (без права сецессии)⁹. Именно в таком русле шли дискуссии о Федеративном договоре 1992 года и его месте в Конституции, бикамерализме и вертикальном разделении властей. Следование принципу федерализма, как стало ясно разработчикам в 1990-е, предполагает не только децентрализацию при разграничении компетенций (которая, в принципе, возможна и на началах автономизации), но и полноценное участие субъектов в формировании и функционировании общегосударственной власти. Но на деле развитие подобных процессов на всем протяжении постсоветского периода оборачивалось последовательным вытеснением федеративных начал централизаторскими. В Конституции 1993 года и последующем законодательстве предметы ведения федерального центра были расширены, но предметы ведения субъектов при этом не гарантировались, что позволяло федеральному законо-

9 Конституционная комиссия. Т. 1. С. 147; Т. 2. С. 417; Т. 3. Ч. 1. С. 197.

дателью по своему разумению регулировать различные аспекты жизнедеятельности субъектов. В результате конституционный принцип федерализма трактовался слишком узко, что позволило ряду экспертов уже к двадцатилетнему юбилею Основного закона начать говорить о его «деконституционализации»¹⁰.

Описанные тенденции нашли последовательное отражение в той формуле федерализма, которая была закреплена поправками 2020 года. Организация публичной власти целиком отнесена ею к ведению Федерации, наращивая и без того обширные полномочия Центра в ряде новых областей: так, расширяется сфера совместной компетенции Федерации и субъектов в сфере социальной политики; предусмотрены возможности территориальных изъятий в пользу Центра, а именно создание федеральных территорий, где публичная власть организуется согласно федеральному закону; существенно ограничивается конституционная и законодательная роль субъектов федерации, что проявляется в ликвидации конституционных и уставных судов субъектов; местное самоуправление интегрируется в систему публичной власти, фактически (но не юридически) сливаясь с органами государственной власти. Перечисленные изменения дополняются существенным пересмотром системы бикамерализма – корректировкой порядка формирования, статуса и полномочий Совета Федерации, позиционируемого теперь в качестве сената, то есть института, не столько отвечающего принципам федерализма («палата регионов»), сколько откликающегося на общегосударственные запросы. Вершиной всей этой пирамиды становится Государственный Совет – новый конституционный институт, формируемый Президентом Российской Федерации в целях согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти и определения основных направлений внутренней и внешней политики – весьма напоминающий, надо сказать, одноименный институт имперской России. В целом весь этот комплекс новаций определяется конституционной доктриной «единства системы публичной власти»: суверенная власть распространяется на всю территорию страны и, согласно разъяснению Конституционного Суда, функционирует как «единое системное целое в конкретных организационных формах, определяемых Конституцией»¹¹.

10 В публикациях, приуроченных к годовщине, эта тема поднималась довольно широко. – *Примеч. ред.*

11 См.: *Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года № 1-3 о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации* (www.consultant.ru/document/cons_doc_law_347691/).

Общий конституционный дизайн (разделения властей) в период разработки Конституции задавался конфликтом двух моделей правления: парламентской и президентской, опосредованно выражавших интересы двух конкурировавших политических центров: Съезда народных депутатов и Верховного Совета, с одной стороны, и Президента, с другой стороны. Ключевым вопросом становилось распределение власти в треугольнике «парламент – правительство – президент». Первоначально обсуждались два варианта: «ответственное перед парламентом правительство» и «президентская республика» с президентом во главе кабинета министров. Затем, однако, приоритет был отдан смешанной системе, обосновываемой по-разному. На первых порах предполагалось установить систему правления, при которой правительство формируется и смещается на базе парламентского большинства, но в дальнейшем приоритет в его формировании был отдан президентству. Дополнить систему разделения властей должны были независимые суды во главе с Конституционным Судом, наделенным утраченными впоследствии «широкими полномочиями конституционного контроля за деятельностью законодательной и исполнительной власти»¹², или, согласно другой позиции, Верховным Судом по «американской модели»¹³, а также местное самоуправление, которое, как считали разработчики, подобно дореволюционным земствам, «должно быть отделено от государственного управления на местах» и максимально независимо от его органов в пределах своей компетенции¹⁴.

Основными моделями для разработчиков служили, соответственно, конституции Веймарской республики (дуалистическая парламентско-президентская республика) и США (президентская республика). Но по мере углубления кризиса власти выяснилось, что монистическая президентская система не подходит для России в силу заложенного в ней чрезвычайно жесткого разделения властей (парламент не может отправить в отставку правительство, а президент не может распустить парламент); в российских условиях, как предполагалось, подобная диспозиция неизбежно спровоцирует конституционно неразрешимый конфликт законодательной и исполнительной власти с угрозой переворота или диктатуры. Именно этим обычно оборачивалось дело в странах, принявших президентскую систему американского типа без сопутствующего установления мощной и независимой судебной власти.

¹² Конституционная комиссия. Т. 2. С. 334.

¹³ Там же. Т. 2. С. 1002.

¹⁴ Там же. Т. 1. С. 155–156, 284; Т. 3. Ч. 3. С. 335.

Результатом обсуждения двух моделей – парламентской и президентской – первоначально стало принятие дуалистической (или смешанной) системы правления в ее аутентичной французской трактовке. При таком решении основную ответственность за текущие вопросы государственного управления несет правительство, которое отчитывается как перед президентом, так и перед парламентом; оно может быть смещено по инициативе как президента, так и парламента, но по решению только парламента. Эта формула, отчеканенная французской Пятой республикой, была созвучна настроениям либеральной части российских депутатов, поддерживавших идею о том, что правительство формируется и смещается на базе парламентского большинства. Подобная система, определявшаяся как «полупрезидентская республика», служила основой компромисса между двумя чистыми формами правления (парламентской и президентской) или даже двумя «типами [конституционного] мышления»¹⁵.

Однако в России, как и в ряде других стран, заимствовавших подобную систему для разрешения кризисов власти, был предусмотрен ряд корректировок аутентичной французской конструкции, направленных на ослабление парламентской и усиление президентской составляющей. Главными из них (в отличие от французского образца) стали право президента по собственной инициативе, то есть, не считаясь с волей парламентского большинства, отправлять в отставку правительство или отдельных министров, его огромные чрезвычайные полномочия, а также исключительно большой объем имеющейся у него законодательной власти – указного права, позволяющего главе государства управлять через голову парламента путем издания «указов с силой закона», обязательных к исполнению на всей территории страны¹⁶.

Все эти параметры формирующегося российского конституционного дизайна осознавались участниками конституционных дебатов, но оценивались ими по-разному. С одной стороны, прослеживалось стремление Верховного Совета ограничить полномочия Президента – в частности, его права распускать парламент и возможности «определять основы внутренней и внешней политики», равно как и стремление укрепить институт импичмента, отражавшее угрозу возможного «превращения президента в монарха». В условиях конституционного конфликта оппоненты Ельцина опасались разрушения баланса властей и авторитарной трансформации режима в консти-

15 Там же. Т. 1. С. 287; Т. 3. Ч. 1. С. 719, 721.

16 Подробнее о сравнении французской и российской систем правления см.: Медушевский А. Н. *Политические сочинения: право и власть в условиях социальных трансформаций*. М.; СПб.: Университетская книга, 2015. С. 395–421.

туционную или даже абсолютную монархию, «возникновения диктатуры», «попыток заполучить полномочия суперпрезидента», «наделения главы государства “необъятными” полномочиями и установления режима личной власти»¹⁷. С другой стороны, вполне четко было представлено обоснование отказа от парламентского уклона, при котором реальная власть сосредоточится в руках премьер-министра, а не президента, что никак не отвечало, по мнению приверженцев этой позиции, «той ситуации, в которой находится российское государство и российское общество»¹⁸. Особенности российского конституционного дизайна уже в момент его создания вызвали споры о том, какая форма правления возникла в России – дуалистическая, президентская, суперпрезидентская или вообще какая-то новая, определяемая иногда как «латентная монархия» или «коронованное президентство»¹⁹.

АНДРЕЙ МЕДУШЕВСКИЙ
1993-й И СОВРЕМЕННОСТЬ...

Особенности российского конституционного дизайна уже в момент его создания вызвали споры о том, какая форма правления возникла в России – дуалистическая, президентская, суперпрезидентская или вообще какая-то новая, определяемая иногда как «латентная монархия» или «коронованное президентство».

Ретроспективные оценки российской системы власти, сегодня высказываемые бывшими участниками конституционных дебатов, повторяют их былые позиции относительно «президентского» проекта Сергея Алексеева, Анатолия Собчака и Сергея Шахрая и по-прежнему далеки от единодушия²⁰. Первая позиция представлена деятелями Конституционной комиссии Верховного Совета РСФСР, выдавшими в проекте Президента «разновидность президентской формы правления, которая нарушала баланс властей и могла служить [...] угрозой демократическим основам российской государственности», вводя режим «бесконтрольности действий президента»²¹. Другая, более

17 Конституционная комиссия. Т. 1. С. 296, 302–303, 400, 408.

18 Там же. Т. 3. Ч. 1. С. 805–806.

19 PARTLETT W. *Crown-Presidentialism* // International Journal of Constitutional Law. 2022. Vol. 20. № 1. P. 204–236.

20 В сущности, имеется в виду не один проект, а несколько. См.: АЛЕКСЕЕВ С.С., СОБЧАК А.А. *Конституция Российской Федерации (проект): альтернативный вариант*. М.: Новости, 1992; [АЛЕКСЕЕВ С.С., СОБЧАК А.А. при участии КАЛМЫКОВА Ю.Х., ХОХЛОВА С.А.] *Конституция Российской Федерации: проект*. М.: Российское движение демократических реформ, 1992; [АЛЕКСЕЕВ С.С., ШАХРАЙ С.М.] *Конституция (Основной закон) Российской Федерации* // Московская правда. 1992. 5 мая.

21 РУМЯНЦЕВ О.Г. *Конституция девяносто третьего. История явления*. М.: Фонд конституционных реформ, 2013. С. 191.

компромиссная, позиция связывает выбор системы власти не с абстрактными юридическими предпочтениями, но с результатом конституционного кризиса 1991–1993 годов и его силовым разрешением, обеспечившим реальный перевес президентской (исполнительной) власти над парламентской (законодательной). Оценивая то, можно ли было на Конституционном совещании смягчить жесткость президентского проекта, некоторые его участники констатируют отсутствие ответа на этот вопрос, ибо «острота схватки и неясность ее исхода тогда к подобным размышлениям не располагали». Из этого, однако, не следует, что принятые в то время решения считаются оптимальными: «в политике выбор, кажущийся в ожесточении борьбы безусловным, нередко даже в не слишком отдаленном времени приносит горькие плоды»²². Наконец, третья позиция, разделяемая сторонниками «президентского» проекта, по-прежнему настаивает на необходимости его однозначного принятия в той ситуации – как главного инструмента разрешения конфликта парламента и президента. В такой интерпретации российский парламент того времени – Верховный Совет – изображается чем-то далеким от западных образцов парламентаризма: это «концентрированная толпа», подверженная «переменчивым настроениям», которая «в любой момент готова перейти к отсечению голов даже без гильотины»²³. Противостоять ему призвана была конструкция, основанная на разделении властей, но не в классическом его понимании (как их равенства), а в модифицированном (квазимонархическом): российский президент предстал в ней единоличным главой государства и арбитром, не входящим ни в одну из ветвей власти, но как бы вознесенным над ними. Именно такая модель, по мнению ее сторонников, требовалась для предотвращения гражданской войны и заполнения того политического вакуума, который образно определяется как «звонящая пустота безвластия»²⁴. Кроме того, стремление Ельцина принять, отталкиваясь от событий 3–4 октября 1993 года, новую Конституцию объясняется в этой интерпретации не жадной властью, а стремлением защитить основы либеральной демократии от коммунистической реставрации. По мнению сторонников президента, «он не ощущал внутренней потребности становиться диктатором», а стремился стать «главой нормального в правовом смысле государства, возглавить абсолютно законную власть», открыть эпоху «полностью легитимного периода новейшей истории России»²⁵.

22 Шейнис В. *Власть и закон: политика и конституции в России в XX–XXI веках*. М.: Мысль, 2014. С. 752.

23 Шахрай С.М. *Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина*. М.: Синдбад, 2021. С. 64.

24 Там же. С. 74, 86.

25 *Эпоха Ельцина. Очерки политической истории*. М.: Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2011. С. 379–380.

Каков же общий результат постсоветской трансформации? По прошествии тридцати лет можно констатировать, что рассмотренная нами система правления, изначально задуманная как временная (на переходный период), оказалась, вопреки критическим мнениям, довольно устойчивой. Она эволюционировала в своеобразную квазипрезидентскую форму правления, легитимировавшую предельно централизованный режим персональной власти. При дезактивированной системе сдержек и противовесов объем законодательно закрепленных полномочий Президента Российской Федерации за последние десятилетия не только резко увеличился, но и был дополнен полномочиями, спорными с точки зрения их соответствия Конституции страны. Это происходило за счет издания Президентом указов, предоставления ему новых прерогатив законодательством, а также их легитимации Конституционным Судом. Реформа 2020 года не стала в этом отношении радикальным переломом, продолжив общую тенденцию конституционных поправок 2008-го и 2014 года. Вместе с тем она изменила положение вещей по меньшей мере в трех отношениях.

Во-первых, в силу поправок 2020 года состоялось определенное расширение полномочий всех трех ветвей власти и их балансировка в отношении друг друга, что снабдило систему большей гибкостью. Все ветви, включая Федеральное Собрание, Конституционный Суд и правительство, получили важные дополнительные полномочия, фиксирующие сложившийся между ними баланс. Во-вторых, сделалось очевидным ослабление всех ветвей власти относительно главы государства, совокупные полномочия которого существенно превышают их полномочия. В-третьих, продолжилась концентрация власти: была упрочена и расширена ответственность правительства именно перед Президентом как перед его непосредственным руководителем, а также было вновь подтверждено его единоличное руководство всем силовым блоком.

После принятия анализируемых здесь поправок все властные институты оказались инкорпорированными в единую систему публичной власти, вершиной и воплощением которой выступает глава государства. Это отражено в поправке, вводящей его новый символический статус. Отныне Президент Российской Федерации не только «гарант Конституции, прав и свобод человека», но и символ государственного единства: гарант «гражданского мира и согласия в стране», обеспечивающий согласованное функционирование и взаимодействие всех органов, входящих в «единую систему публичной власти». В рамках такой концепции глава государства выполняет не

только символические, но и вполне реальные функции центра публичной власти, возвышаясь над системой разделения властей, формируя повестку и определяя структуру политических институтов, а также задавая смысл и динамику всего политического процесса.

При дезактивированной системе сдержек и противовесов объем законодательно закрепленных полномочий Президента Российской Федерации за последние десятилетия не только резко увеличился, но и был дополнен полномочиями, спорными с точки зрения их соответствия Конституции страны.

Превращению президентских полномочий в пожизненные способствует решение вопроса о количестве и продолжительности сроков, на которые одно лицо может быть избрано президентом. Обсуждая эту тему на фоне разворачивающегося кризиса 1993 года, разработчики в свое время предложили конституционную формулу, снабжающую избрание на два срока словом «подряд», а также выдвинули предложения о продолжительности одного президентского мандата, варьирувавшие от четырех до семи лет. Обе цифры нагружены смыслом: первая воспроизводит конструкцию, используемую в США, где она была установлена для предотвращения узурпации власти и восстановления монархии; вторая являет собой исторически сложившийся во Франции своеобразный компромисс, уравнивающий республиканские и монархические тенденции²⁶. В результате в Конституции Российской Федерации изначально была предусмотрена продолжительность президентского мандата в четыре года, причем одно лицо могло пребывать в должности президента не более восьми лет «подряд». Конституционной реформой 2008 года, однако, президентский мандат был расширен до шести лет, а депутатский мандат до пяти. Согласно официальным разъяснениям, это должно было упорядочить систему выборов и укрепить контроль над реализацией социального законодательства.

С исчерпанием к 2024 году действующим президентом конституционных сроков пребывания в должности перед элитой вставала сложная проблема «транзита власти», которая теоре-

26 Семилетний мандат перестал действовать во Франции после 2000 года, когда его сменил пятилетний, однако некоторые политики сегодня допускают возможность возврата к нему (при однократном избрании вместо двух пятилетних сроков подряд) – с целью избавить президента от постоянной необходимости ориентироваться на предстоящую избирательную кампанию.

тически могла быть решена одним из двух способов – уходом действующего лидера или изменением конституционных норм. Очевидно, что ни один из этих вариантов не мог рассматриваться как оптимальный: первый противоречил намерениям самого президента и его окружения, второй ставил под вопрос конституционную легитимность всего политического режима. Поэтому в канун конституционной реформы обсуждение указанной темы выявило целый спектр вариантов такого «транзита», который предусматривал бы сохранение формальной или фактической преемственности, контролируемое на личном уровне. Среди обсуждавшихся опций были: передача власти от действующего главы государства его преемнику; выведение действующего лидера из-под действия конституционных ограничений путем создания новых институтов, резервирующих за ним неформальный контроль над процедурой перехода; изменение самих конституционных норм, ограничивающих пребывание у власти одного лица. Реформа 2020 года решила проблему, обратившись к прагматической конституционной формуле «обнуления полномочий», заимствованной из практики других авторитарных режимов (в том числе постсоветских). Включенная в Конституцию поправка, касающаяся этого вопроса, отражает одновременно преемственность и разрыв в конституционном строе, противоречиво сочетая различные типы легитимации власти – правовую и персоналистскую. Первый тип запечатлен в воспроизводстве конституционного принципа сменяемости власти, который стал даже более жестким: одно и то же лицо отныне не может занимать должность Президента Российской Федерации более двух сроков (без слова «подряд»). Второй тип представлен в сопровождающей ту же норму оговорке, согласно которой это ограничение не распространяется на лицо, занимающее или занимавшее эту должность на момент вступления данной поправки в силу. Такое решение проблемы «транзита власти», легитимированное Конституционным Судом²⁷, открывает для действующего лидера возможность выдвигать свою кандидатуру на пост главы государства еще на два шестилетних срока и, теоретически, оставаться у власти до 2036 года.

В поисках дефиниции сложившегося в России политического режима целесообразно обратиться к понятию конституционного авторитаризма. После реформы 2020 года эта система достигла кульминации. Ее можно назвать конституционной диктатурой, которая, в отличие от обычной диктатуры, опирается не только на силу, но и на формальные конституционные гарантии. Это система правления, при которой на основе конституции, при согласии общества, подтвержденном плебис-

27 См.: Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года № 1-З...

цитарно, а также при единодушном одобрении всех ветвей власти происходит утверждение практически неограниченной власти института главы государства, персонифицированного в фигуре действующего лидера²⁸. Стабильность легитимирующей формулы, жизнеспособность политического режима и его эффективность в преодолении внешних и внутренних вызовов отныне определяются преимущественно единственным фактором: успехом лидера. Постсоветское правовое развитие, совершив полный круг, вернулось к исходной точке – к воспроизводству системы мнимого конституционализма, напоминающей его исторический аналог: думскую монархию начала XX века, только уже без царя и монархической легитимности.

Констатация цикличности постсоветского развития ставит вопрос о доминирующем тренде: что является его восходящей, а что нисходящей линиями? В современном мире выделяются два кластера конституций, различающихся отношением к глобальному конституционализму и перспективами приобщения к нему: ценностноцентричный (либеральная модель, ориентированная на универсальные права человека) и государствоцентричный (протекционистская модель, ориентированная на приоритет суверенного государства). Очевидно, что постсоветская трансформация в момент принятия Конституции 1993 года мотивировалась стремлением выстроить модель первого типа, способную интегрировать страну в глобализационный правовой процесс – и тем самым синхронизировать национальное правовое развитие с трендом глобального конституционализма. Сильная президентская власть в этой конструкции выступала гарантом от разворота системы вспять. Однако финальным результатом предпринятых преобразований по прошествии тридцати лет стала модель второго типа, отражающая приоритеты правовой фрагментации, защиты национальной идентичности и государственного протекционизма во всех значимых сферах. Президентская власть – доминирующий фактор этого системного поворота. С чем же связана данная инверсия и какими факторами определяется переход от первой, восходящей, линии, ко второй, нисходящей?

Отвечая на эти вопросы, следует принимать во внимание три обстоятельства. Во-первых, глобальное правовое развитие оказалось отнюдь не линейным, демонстрируя кризис глобализации правовых форм и перевес их фрагментационных параметров над интеграционными. Это, как показывают современные дискуссии, ведет к кризису легитимности международного права вообще и конституционализма в частности, заставляя

28 Определение правовой системы России как конституционной диктатуры предложено мной в работе: Медушевский А.Н. *Переход России к конституционной диктатуре: размышления о значении реформы 2020 года* // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3(136). С. 33–50.

национальные элиты искать другие источники легитимности – в виде, например, популистских призывов к возрождению «национальной идентичности». Разворот от либеральных конституций к этатистским выступает естественным выходом из создавшегося затруднения. Россия, возможно, в настоящее время является флагманом этого всемирного ревизионистского движения, хотя и не была его родоначальницей – на эту роль с большим основанием претендуют западные популистские течения правого и левого толка, выступившие с идеей пересмотра самих основ либеральной демократии и капиталистической экономики. Но этот тренд явно не прорабатывался авторами Конституции и едва ли был предвидим ими.

Во-вторых, выбор конституционного дизайна способен, конечно, породить определенные противоречия внутри политической системы, но он отнюдь не предопределяет функционирование политического режима, оставляя простор для интуиции и практики (что, кстати, подтверждается анализом конституционного развития классических демократий – США, Франции, Германии). В этом контексте общие социологические теории авторитарной ретрадиционализации имеют довольно узкие интерпретационные возможности. Воспроизводство авторитарного ядра российской власти объясняется по-разному: здесь можно найти ссылки на историю (матрица–колея), экономику (власть–собственность), социологию (воспроизводство номенклатуры), культуру (русская система), политику (тяготение к персоналистской власти). Априорно определяя авторитаризм как деформацию, данные подходы игнорируют такие параметры, как рациональный выбор, ситуационный анализ, психологические ожидания и состояние институтов и – что особенно важно – юридическое конструирование и вариативность его результатов. Конституционная революция 1993 года создала работающую систему ограниченного плюрализма (подтверждением тому является длительность ее существования) и запустила трансформацию правовых кодексов и институтов, но при этом не исключала появления на основе конституционного текста различных, более или менее жестких, политических режимов (за все время их насчитывается не менее пяти) и не предполагала автоматического принятия авторитарного вектора. Конституция, следовательно, не исключала авторитарного прочтения, но и не предопределяла его. Оно сделалось реальностью из-за внешних и внутренних трудностей переходного периода, конституционной апатии общества и целенаправленных действий политической власти.

В-третьих, итоги постсоветского конституционного эксперимента остро ставят вопрос о том, по каким критериям оценивать социально-политическую эффективность применяемых

стратегий конституционной трансформации. Сверхцентрализованную модель политической системы, зафиксированную конституционной реформой 2020 года, нельзя считать полностью лишенной смысла, поскольку она способна быть эффективной в краткосрочной перспективе: с ее помощью укрепляется имперская компонента легитимности власти за счет нисходящего конституционного импульса, усилившегося из-за начавшегося передела мира, и на неопределенное время откладываются неудобные вопросы о «транзите власти». Руководствуясь позицией «политического конституционализма», можно признать, что этот шаг позволяет элите прагматично решить целый ряд проблем, среди которых воспроизводство социального договора, согласование конституционных норм и политической реальности, семантический пересмотр ряда ключевых принципов в традиционалистском духе, концентрация власти в принятии как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических решений и так далее. В указанном смысле не практика приспособилась к Конституции, а Конституция приладилась к практике.

**Консервативная конституционная реформа 2020-го
нормативно закрепила то, что и без того уже имелось
на деле: она фиксировала завершающую фазу
постсоветского конституционного цикла.**

* * *

Как соотносится замысел Конституции 1993 года и та форма российского конституционализма, которая возникла три десятилетия спустя? Консервативная конституционная реформа 2020-го нормативно закрепила то, что и без того уже имелось на деле: она фиксировала завершающую фазу постсоветского конституционного цикла. Опираясь на антиглобалистский тренд в правовом развитии, она очень четко выразила его характерные черты: недоверие к универсальным правовым ценностям, приоритет национального государства, торжество прагматики и даже макиавеллизма. Тем не менее тактический успех такой стратегии конституционного реформирования не отменяет того факта, что в долгосрочной перспективе она представляет скорее регресс в отношении изначально заложенных ценностей и принципов Конституции Российской Федерации, которые по-прежнему ассоциируются с восходящей линией глобального конституционализма.

Уважайте свою Конституцию

СЕРГЕЙ
ЦЫПЛЯЕВ

Низложение Съезда

Москва в октябре 1993 года. Незабываемое впечатление. После наступления комендантского часа я, полномочный представитель Президента Российской Федерации в Санкт-Петербурге, возвращаюсь со Старой площади в гостиницу. Автомобиль скользит по вымершему городу: ни людей, ни транспорта. На блокпосту нас останавливают милиционеры – в бронжилетах и касках, с «калашниковыми» на груди. «Пропуск». Водитель из гаража президентской администрации предъявляет пропуск. «Почему одна печать? Сегодня должно быть две!» Немая сцена. «Ваши документы», – это уже ко мне. Протягиваю удостоверение, и его, и меня внимательно изучают, видят подпись главы государства, берут под козырек: «Проезжайте». Дальше водитель на чем свет стоит ругает гараж за вновь неправильно оформленный пропуск. «Вам большое спасибо, а то вчера вез генерала, тот стал “качать права”, положили лицами на капот, надавали по почкам, потом разобрались, извинились и отпустили». За окном проплывал Кремль – в огнях и безмолвии.

Мы до конца не осознали, что тридцать лет назад страна чудом, с закрытыми глазами, прошла по краю пропасти, на дне которой – смута и гражданская война. Колоссальное политическое напряжение разрядилось принятием новой Конституции и проведением выборов в обе палаты Федерального Собрания.

Почему политическая элита тогда не смогла разрешить конфликт без военных действий на улицах Москвы? Помимо объяснений, завязанных на столкновении сторонников и противников радикальных реформ, стоит внимательно взглянуть на конструкцию государственной власти того времени. Какие системные дефекты ее архитектуры не обеспечили работу «сдержек и противовесов»? Почему кризис не удалось преодолеть без выхода за рамки законности? Сегодня общим местом, стандартной интерпретацией октября 1993-го стала формула «расстрел парламента исполнительной властью». Но был ли именно парламент стороной того конфликта?

Собственно парламентом, законодательным органом власти, являлся Верховный Совет, ранее избиравшийся непосредственно гражданами. Но в 1988 году в союзной Конституции, а в 1989-м и в российской, помимо Верховного Совета, появил-

Сергей Алексеевич Цыпляев (р. 1955) – главный редактор журнала «Власть», президент фонда «Республика», полномочный представитель Президента Российской Федерации в Санкт-Петербурге (1992–2000), народный депутат СССР и член Верховного Совета СССР (1989–1991), участник Конституционного совещания 1993 года.

ся новый орган – Съезд народных депутатов. Статья 104 Конституции РСФСР гласила: «Высшим органом государственной власти РСФСР является Съезд народных депутатов РСФСР. Съезд народных депутатов РСФСР правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению РСФСР». Это уже не отдельная, пусть и ведущая, ветвь в системе разделения властей; это абсолютный диктатор, коллективный самодержец, «исполняющий обязанности» народа.

Можно выделить два следствия этой неограниченной власти.

Первое – постоянная конституционная нестабильность. Съезд голосованием принимал целые комплексы конституционных поправок, немедленно вступавших в действие, так что на следующий день мы уже оказывались в другой стране. Подчас фундаментальные изменения вносились «с голоса», прямо от микрофона в зале заседаний. Автор в качестве народного депутата СССР имеет личный опыт подобного изменения статьи 49 Конституции СССР, открывшего возможность создания в стране политических партий.

Второе следствие вытекает из первого. Ключевой властной фигурой в политической системе *de facto* становился руководитель Съезда народных депутатов. Публичные лидеры, Михаил Горбачев и Борис Ельцин, считали, что они укрепляют свои позиции, занимая пост президента, наделенного персональными полномочиями. При этом они уходили с позиций председателей коллегиальных органов и утрачивали контроль над своими Съездами народных депутатов – то есть отказывались от важнейшего рычага власти. Если на союзном уровне, в случае с Горбачевым, последствия не успели проявиться в полной мере, то российская ситуация предельно обнажила этот институциональный конфликт. Съезд народных депутатов РСФСР под председательством Руслана Хасбулатова начал постепенно сдерживать реформаторский порыв президента, а затем приступил к ограничению президентской власти. Исполнительной ветви противостоял не парламент, а гораздо более могущественный орган в лице Съезда. Это предопределило тяжесть конфликта. Исход «сражения» в рамках действующего законодательства не вызывал сомнения: можно было ожидать полного разгрома президентской власти и превращения ее в декоративную конструкцию.

Последней попыткой избежать политического кризиса стало Конституционное совещание, открывшееся в Кремле летом 1993 года. Предложенный проект конституции утверждал разделение властей в форме президентско-парламентской республиканской модели. Российская модель республики в основных чертах следовала конструкции французской Пятой республики: три ветви власти – законодательная (парламент), испол-

нительная (правительство), судебная – и вне их в качестве арбитра глава государства: президент. В принципе, это модель республики для «начинающих»: для наций, не обладающих достаточно развитой культурой политического компромисса. Проект не предполагал наличия такого института, как Съезд народных депутатов.

Надо отчетливо осознавать, что в дополнение к расколу федеральных властей на Конституционном совещании явственно обозначился и «второй фронт»: напряжение по линии «центр – регионы». В ходе работы Конституционного совещания мне довелось не только консультировать и писать конституционные тексты, но и председательствовать во второй (региональной) секции, в которой участвовали по два представителя от каждого региона. Так вот, представьте, в один день приходят делегаты «национальных образований» и требуют предоставления контрольного пакета голосов в Совете Федерации, а также признания приоритета так называемого Федеративного договора перед Конституцией. Если этого не будет, они готовы покинуть Конституционное совещание. На другой день приходят посланцы «территориальных образований» и в такой же ультимативной форме требуют полного равноправия всех субъектов Российской Федерации. И те и другие вместе настаивают на радикальном перераспределении полномочий в пользу регионов вплоть до их суверенитета. Каковы будут ваши действия? Дело дошло до того, что председательствующий на секции Сергей Шахрай поставил передо мной задачу подготовить вариант конституции, состоящий из двух разделов – Основного закона и Федеративного договора – и предусматривающий нетривиальную формулу их соотношения, которая устроила бы всех («чтобы никто не понял, что примат у Основного закона»). Это полезный урок для любителей созывать учредительные собрания.

Трудно было ожидать, что действующий Съезд народных депутатов добровольно поддержит самоликвидацию. Тогдашние депутаты не чета нынешним: многие из них были закаленными в политических битвах бойцами, а не безымянными номерами в партийных списках. Союзный Съезд пошел на этот шаг под давлением обстоятельств – фактического распада союзного центра (и Советского Союза в целом) из-за путча ГКЧП в августе 1991 года. В России же вариантов было немного: исторический внутриэлитный компромисс, капитуляция исполнительной власти, силовой вариант, вовлечение в конфликт народных масс.

Безусловно, самым желанным выглядел первый вариант, но он оказался недостижимым из-за культурного неприятия компромисса и напрочь испорченных отношений лидеров проти-

воборствующих сторон. Второй вариант становился неизбежным в случае продолжения «игры по правилам», но тогда Съезд, составленный из представителей территорий, не удержал бы «второй фронт» с последующим провалом в неуправляемый хаос. В итоге реализовалась комбинация последних двух вариантов. Эскалация конфликта привела к силовому столкновению, в которое на стороне Съезда оказались вовлеченными и вооруженные граждане. Причем надо сказать, что исход конфликта отнюдь не был предрешенным. Маятник надолго завис в верхней точке. Случайности, действия лидеров, поведение большого количества игроков определяли, в какую сторону он качнется. Неслучайно стороны вели интенсивные переговоры с региональными властями, стремясь опереться на их поддержку.

Трудно было ожидать, что действующий Съезд народных депутатов добровольно поддержит самоликвидацию. Тогдашние депутаты не чета нынешним: многие из них были закаленными в политических битвах бойцами, а не безымянными номерами в партийных списках.

В силовой схватке Съезд народных депутатов РСФСР потерпел поражение и прекратил свое существование. Вместе со Съездом ушел в небытие лозунг «Вся власть Советам!», который был весьма популярен и среди депутатов реформаторского толка. Итогом политических битв, своеобразным «мирным договором» стала новая Конституция Российской Федерации. Однако вместо предусмотренного Конституцией разграничения полномочий между ветвями и уровнями власти, а также местным самоуправлением, страна написала на своих знаменах: «Вся власть президенту!» – и в итоге вновь приближается к историческому тупику. Удастся ли нам построить общество на прочном республиканском фундаменте, руководствуясь правилом «власть – только от народа и никому полностью!», узнают, похоже, только будущие поколения.

ПРЕТЕНЗИИ К ДЕЙСТВУЮЩЕЙ КОНСТИТУЦИИ

Когда в стране не находят разрешения социально-политические противоречия, общество обращается к идеям преобразования конституционного устройства. Градус дискуссий быстро поднимается; все чаще выдвигаются предложения принять новую российскую Конституцию. Бесспорно, новая конститу-

ция – символ принципиального разрыва с прошлым, но будущее прежде требует ясного и четкого ответа на важнейшие вопросы: что нас не устраивает в нынешней Конституции, что и как надо изменить, что необходимо сохранить и отстоять в грядущих политических битвах?

Основные претензии к действующей Конституции можно свести к нескольким пунктам. Во-первых, это выбор модели республики. Из трех «типовых» моделей – президентской (США), парламентской (ФРГ) и президентско-парламентской (Франция) – в основу нашей Конституции была положена президентско-парламентская республика. Между тем из многих уст сегодня звучит идея о переходе к парламентской республике. Во-вторых, периодически возобновляются разговоры о сверхполномочиях президента, вплоть до утверждений о самодержавном характере Конституции. Наконец, в-третьих, отдельные политики предлагают ревизию федеративного устройства – благоразумно уклоняясь от изложения деталей того, как именно они собираются перекраивать карту России.

Из девяти глав и 137 статей Конституции изменения, затрагивающие только что упомянутые пункты, коснутся не более четырех глав и не более двадцати статей. А ведь в Конституции есть и главы, за которые надо сражаться, как за свои стены: таковы «Основы конституционного строя», «Права и свободы человека и гражданина», «Федеративное устройство», «Местное самоуправление». Каждый, кто предлагает «сместить» действующую Конституцию Российской Федерации и начать с чистого листа, должен спросить себя: уверен ли он в том, что заявленный в нынешнем Основном законе объем прав и свобод удастся удержать под натиском сторонников авторитаризма, а объем полномочий регионов и муниципалитетов – отстоять под натиском адептов централизации? Ведь войти в учредительное собрание легко, а вот выйти из него можно как без свободы, так и без России.

КАКАЯ РЕСПУБЛИКА НУЖНА РОССИИ?

Обсуждение выбора модели республики – наиболее глубокая тема из заявленных претензий. Этот выбор можно сравнить с выбором князем Владимиром религии для Руси. В принципе, выбрать можно любую модель, но привьется и укоренится только та, которая в наибольшей степени соответствует традициям народа и пониманию им жизни.

Пожалуй, самая продвинутая и самая редкая в мире – *парламентская республика*. В ней практически вся власть, за исключением судебной, сосредоточена в парламенте. Победив-

шая партия или коалиция партий формирует правительство из числа депутатов. Президент, будучи главой государства, обладает лишь символической властью, он выступает моральным авторитетом нации, а временами и кризисным управляющим – принимая решения, если формирование правительственной коалиции заходит в тупик. Здесь нет разделения на законодательную и исполнительную власть: победитель получает все. Подобная модель предъявляет самые высокие требования к политической культуре и демократическим привычкам граждан и политиков. Если они оказываются не на уровне, то система становится неустойчивой, переходит либо в диктатуру одной партии, либо в хаотические конфликты враждующих партий и краткосрочных правительств.

Когда в стране не находят разрешения социально-политические противоречия, общество обращается к идеям преобразования конституционного устройства. Градус дискуссий быстро поднимается; все чаще выдвигаются предложения принять новую российскую Конституцию.

В основу Конституции России положена *президентско-парламентская республика*. В стандартном варианте этой модели исполнительную власть осуществляет правительство, возглавляемое премьер-министром. Оно формируется президентом и ответственно перед парламентом, что нашло отражение в названии республики. Президент является главой государства, но не является главой исполнительной власти. Он стоит над тремя властями, обладая частью полномочий каждой из них. Главной задачей президента в такой модели остается арбитраж, обеспечение согласованного функционирования всех властей. Конструкция сложная, поскольку, помимо судов, здесь соседствуют три властных центра, между которыми обозначаются линии напряжения и сотрудничества. Именно президентско-парламентская республика максимально дробит власть на части. Такая система устойчива и безопасна для наций, приступающих к знакомству с демократией.

Сегодня, однако, мы понимаем, что даже эта модель для нас остается «нарядом на вырост». Страна никак не может выйти за пределы примитивной социальной конструкции, которую можно обозначить как «вождь и племя». Она используется буквально везде: в политических партиях, научных и образовательных учреждениях, творческих союзах, предпринимательских

объединениях. Члены племени инстинктивно определяют, кто вождь, и руководствуются его указаниями, а не законами. Любая формальная конструкция плавно деформируется под привычную схему. Парламентская республика сама по себе не может. Сделаете президента символом – но тогда бессменным вождем станет премьер-министр, он же лидер правящей партии. В 2008–2012 годах мы поставили четырехлетний эксперимент и жили фактически в парламентской республике. Деятельность президента ограничивалась попытками формировать политическую повестку страны, он не оказывал существенного влияния на текущие процессы управления. Правительство отправляло исполнительные полномочия, опираясь на внушительное парламентское большинство. Для полноты картины оставалось только наделить членов правительства депутатскими мандатами (читай – неприкосновенностью) и осознать, что для премьер-министра нет никаких ограничений по времени пребывания у власти. На чем же основана уверенность в том, что новый текст Конституции России сумеет поменять практику, нравы и традиции власти? Советская история преподавала нам хороший урок: прекрасная конституция, оторванная от реальности, превращается в памятник и полностью утрачивает регулирующие способности.

СЕРГЕЙ ЦЫПЛЯЕВ
УВАЖАЙТЕ СВОЮ
КОНСТИТУЦИЮ

В ЗАЩИТУ ФЕДЕРАЛИЗМА

Каждый раз, когда кто-то заводил разговор об особых конституционных правах республик и автономных образований, я просил собеседника указать статьи, в которых они записаны. Обычно список заканчивался утверждением, что, мол, у них конституция и президент, а у нас устав и губернатор, да и вообще непорядок, поскольку субъекты федерации называются по-разному.

Главным достижением Конституции 1993 года стало утверждение конституционной (а не договорной) федерации с полным равноправием входящих в нее субъектов. Это далось непросто. Единственным существенным отличием на сегодня остается право республик наряду с русским языком устанавливать свои государственные языки. Но может ли это быть предметом зависти?

В Конституции использованы отработанные механизмы балансировки прав граждан и прав субъектов федерации. Это прежде всего двухпалатный парламент: в Государственной Думе каждый депутат представляет примерно равное число избирателей, а в Совете Федерации два человека представляют субъект независимо от его численности. Предусмотренные

Конституцией федеральные конституционные законы требуют для принятия трех четвертей голосов членов Совета Федерации, что позволяет группе, объединяющей четверть субъектов, блокировать нежелательные изменения этих важнейших актов. И самое главное – разграничение полномочий между федеральной и региональной властью, самостоятельность регионов вне полномочий федерации.

Уничтожение федерализма и превращение России в унитарное государство с ликвидацией самостоятельного уровня власти в регионах приведет к еще большей концентрации полномочий и финансов в центре, обострению межнациональных противоречий, окончательному отрыву власти от народа. Если люди не могут самостоятельно обустраивать свою жизнь и вынуждены ходить к начальнику с протянутой рукой, прося либо денег, либо высочайшего соизволения, то пространство остается, а страна умирает. Это тупик, в котором мы уже неоднократно побывали. Причем Россия выходила из него, каждый раз уменьшаясь в размерах.

Что нужно менять в нынешней Конституции

Первейшая задача, которая никак не дается нашему обществу, – обеспечение своевременной, плановой, ненасильственной смены политической и управленческой элиты. И дело не в конкретных фамилиях или политических идеях; требование такой смены – закон природы. В силу конечности нашей жизни общественный институт способен длительно существовать, если он обеспечивает смену поколений. Если же руководитель может неограниченно долго сохранять власть, то он начинает играть в «хозяина горы» и уже на дальних подступах уничтожает конкурентов, запуская кадровое вырождение структуры. Так создатель становится могильщиком любимого дела. А вот когда уход через определенное время неизбежен, он волей-неволей думает о преемниках и последователях, а не об эликсире бессмертия.

Сегодня часть 3 статьи 81 Конституции вполне однозначно утверждает: «Одно и то же лицо не может занимать должность Президента Российской Федерации более двух сроков». В ходе последнего раунда внесения изменений в Конституцию в марте 2020 года из нее было исключено слово «подряд», получившее ранее удивительное толкование: сколько угодно заходов, но каждый не длиннее двух сроков. Ценой, которую пришлось заплатить за эту поправку, стало обнуление сроков последних двух президентов. Проблема заключается в том, сможет ли общество (управляющий класс) удержать эту норму или же друж-

но начнет торить дорогу для следующего непогрешимого и несменяемого вождя. Кстати, не исключая возникновения дискуссии о том, как понимать слово «срок». Скажем, если ушел досрочно, то срок не засчитываем? В 1951 году Конгресс США принял 22-ю поправку к Конституции США, запретившую избирать одно лицо на должность президента более, чем два раза. То есть достаточно самого факта избрания, а понятие срока не существенно. Таким был ответ на нарушение американскими гражданами заложенной еще Джорджем Вашингтоном традиции не задерживаться в президентском офисе более двух сроков.

Вторая задача – возвращение четырехлетнего избирательного цикла вместо введенного в 2008 году шестилетнего для Президента России и пятилетнего для депутатов Государственной Думы. Энергетика движения страны в значительной степени задается ритмом политического цикла. Президент США избирается каждые четыре года, а члены Палаты представителей (аналог Государственной Думы) ходят на выборы каждые два года. Да, президенту надо активно работать, да, жалко расставаться с удачным президентом, но зато появляется возможность побыстрее исправить ошибку и расстаться с неудачным. Политический состав парламента точнее подстраивается под политические предпочтения граждан. Французы традиционно использовали семилетний президентский срок, но в 2000 году провели референдум и сократили его до пяти лет – для придания большего динамизма государственной машине. Наиболее распространенные в мире сроки пребывания у власти именно четыре года и пять лет. Для России же сейчас лежать на печи и ждать чуда – смерти подобно; поэтому два срока по четыре года – это целая эпоха и шанс полностью выложиться для любого эффективного президента.

В качестве последнего рубежа защиты несменяемой власти порой отстаивается тезис, что больше никого нет и выбирать некого. Я считаю это прямым оскорблением нашего народа, заявлением об исторической обреченности страны. Уходит лидер – и дальше пустыня, смерть России? Никогда не поверю, что среди 143 миллионов соотечественников не найдется нескольких десятков человек, которые в состоянии управлять страной. Другие народы их находят, а у нас их нет? Дело вовсе не в ущербности нации, просто «грядки», на которых вырастают лидеры, аккуратно закатаны в асфальт. Конкурентные, «нефильтрованные» выборы губернаторов, членов Совета Федерации, мэров, депутатов разных уровней по мажоритарным округам быстро выявят настоящих лидеров, а избиратели научатся безошибочно отличать лидеров созидания от лидеров разрушения. Особо хочу подчеркнуть, что Конституция практически не регламентирует систему выборов. Последняя уста-

навливается федеральными и региональными законами, так что все наши принципиальные претензии следует адресовать в первую очередь законодателям и бороться за конкурентную и честную избирательную систему, опираясь на Конституцию. Даже прямые выборы членов Совета Федерации легко организовать, не меняя конституционного текста, было бы желание сделать это.

Конституция несет на себе печать политических битв 1992–1993 годов, в пламени которых она рождалась. Тогда было сделано одно принципиальное отступление от типовой модели, в силу которого мы имеем ослабленное правительство, практически полностью поставленное под контроль президента. Следует устранить дисбаланс и укрепить конституционный статус Правительства Российской Федерации.

Конкурентные, «нефильтрованные» выборы губернаторов, членов Совета Федерации, мэров, депутатов разных уровней по мажоритарным округам быстро выявят настоящих лидеров, а избиратели научатся безошибочно отличать лидеров созидания от лидеров разрушения.

Первая ключевая позиция – формирование и отставка правительства. Президент России может отправлять Правительство России в отставку по собственной инициативе. А вот президент Франции не может. До тех пор, пока правительство сохраняет доверие Национального Собрания (аналог Государственной Думы), оно будет работать, если само не подаст в отставку. На первый взгляд мелочь, но давайте вспомним правительство Евгения Примакова. Оно пользовалось уверенной поддержкой депутатского корпуса и доработало бы до конца президентского срока, сделав невозможными последующие эксперименты со смотринами премьер-министров в качестве будущих преемников. Смысл желаемых поправок сводится к следующему: Президент отправляет в отставку Правительство только в том случае, если Государственная Дума выразила недоверие Правительству или само Правительство подало заявление об отставке. Остальная совокупность норм нашей Конституции, касающихся формирования Правительства, дает в целом те же возможности, что и французская Конституция, хотя и изложены они в далекой от изящества манере.

Есть и второе принципиальное отличие от стандартной модели. В последней президент вправе издавать только согласованные с правительством указы – за исключением собствен-

ных конституционных полномочий президента. Такая норма обеспечивает согласованную общую линию президента и правительства. Когда президент и правительство представляют разные партии, требуется высокое искусство политического компромисса. Ограничение нормотворчества президента имеет свои достоинства и недостатки и требует публичного обсуждения. Причем эту поправку надо рассматривать в пакете с исправлением третьего существенного отличия от стандартной модели. Президент Франции имеет право по собственной инициативе после консультаций с премьер-министром и председателями обеих палат распустить нижнюю палату парламента и объявить новые выборы. Такая норма сильно остужает страсти и помогает безболезненно выходить из политических тупиков в треугольнике «президент – парламент – правительство». Это не разгон парламента, а обращение к народу с предложением пересмотреть состав своих представителей. Сегодня Президент России может распустить Государственную Думу только в двух случаях: тоекратное несогласие с кандидатурой Председателя Правительства или выражение недоверия Правительству. Так что в отношениях с парламентом французский президент гораздо «самодержавнее» российского. Все остальные конституционные полномочия Президента не выходят за общепринятые рамки и в совокупности не тянут на понятие «сверхполномочий».

Придирчивый взгляд найдет еще целый ряд конституционных положений, которые можно изложить лучше и точнее. Внесенные в 2020 году поправки не затрагивают неизменяемых разделов Конституции – «Основы конституционного строя» и «Права и свободы человека и гражданина», – а следовательно, не меняют принципиально общественную жизнь и политический процесс (за исключением раздела «Местное самоуправление»). Для начала достаточно указанных выше изменений, поскольку главная проблема кроется совсем не в конституционном тексте.

ТРЕБУЮТСЯ ГРАЖДАНЕ РЕСПУБЛИКИ

Анализ текста российской Конституции исследователем, не знающим наших реалий, приведет к ожидаемому результату: он выяснит, что самая сильная власть у нас – это парламент. Именно он принимает законы и бюджет. Что сможет исполнительная власть в тесных рамках закона и без денег? А самая слабая власть – судебная, и ее надо законодательно укреплять.

Мы просто не обращаем внимания на то, что за законодателями у нас последнее и решающее слово. Именно депутаты

в 1992 году почти единогласно ратифицировали денонсацию Союзного договора, в 1991-м приняли программу радикальных экономических преобразований, а в 2012-м ратифицировали протокол о присоединении России ко Всемирной торговой организации. Почему же парламент не пользуется своей властью? Потому что этого не хотят или не могут люди, ставшие членами парламента. Мы можем передать парламенту еще больше полномочий, но, пока там вместо номеров из партийных списков не появятся самостоятельные, уважающие себя и страну депутаты, парламент останется демократической декорацией.

Этот гипотетически неискушенный исследователь удивится письмам, получаемым Президентом России от представителей самых разных слоев российского общества и содержащим просьбы и требования, далеко выходящие за рамки конституционных полномочий высшего должностного лица. Нам предстоит преодолеть психологию верноподданных, требующую превращения всякого верховного лидера в диктатора. Лакмусовой бумажкой гражданской зрелости общества служит состояние местного самоуправления – фундамента и школы демократии и самоорганизации. А вот здесь мы пока наглухо застряли в начальных классах.

Никакая конституция не работает сама по себе, она живет в сознании и сердцах ответственных граждан республики. Надо почаще вспоминать простой лозунг, относящийся ко всем нам: «Уважайте свою Конституцию».

Социально-экономическая неопределенность 1990-х годов на Чукотке как проблема и как ресурс¹

НИКОЛАЙ
ВАХТИН

Одно историческое событие проплывает, как облако над озером, над приватной, частной, то есть по-настоящему реальной жизнью; ничегошеньки не кольхнется, разве что в неподвижной воде промелькнет отражение облака. Другое событие налетает грозой, поднимает страшную бурю, так что озера потом не узнать. Есть и третий тип исторических событий: они высушивают любое озеро до последней капли.

СЕБАСТИАН ХАФНЕР. *«История одного немца»*

ВВЕДЕНИЕ

О понятии «неопределенность»

Понятие неопределенности в экономическую науку ввел в 1921 году Фрэнк Найт в книге «Risk, Uncertainty, and Profit»²; отсюда оно было заимствовано другими социальными науками и принесло с собой разнообразные, часто неосознаваемые, экономические кон-

- 1** Статья написана в рамках проекта РНФ № 22–18–00238 «Земля храбрых: преодоление неопределенности при взаимодействии с физической и социальной средой в российской Арктике». Статья обсуждалась всеми участниками проекта, которым автор признателен за предложения и критику. Автор выражает особую благодарность Анастасии Карасевой и Кириллу Истомину за многочисленные и очень полезные замечания к первому варианту этой статьи.
- 2** KNIGHT F.H. *Risk, Uncertainty, and Profit*. Boston: Houghton, Mifflin, 1921.

CASE
STUDY 1

059

НИКОЛАЙ ВАХТИН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
1990-х ГОДОВ НА ЧУКОТКЕ...

Николай Борисович Вахтин (р. 1950) – лингвист, специалист по языкам и культурам народов Севера, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, автор монографий о языках эскимосско-алеутской семьи, юкагирских берестяных грамотах и других работ.

нотации. В частности, поскольку для экономистов привычно видеть мир через призму экономического роста и считать факторы, способствующие этому росту, позитивными, а препятствующие – негативными, восприятие неопределенности как чего-то плохого, как того, чье влияние нужно уменьшить, а лучше вообще устранить, «контрабандно» проникло и в социальную антропологию.

Американский философ Джон Дьюи, использовавший этот термин, определял неопределенность как «разрыв между знанием и действием»³, то есть как ситуацию, когда человек должен действовать, не обладая знанием, способным подтвердить правильность действий. Для тех областей социального знания, в которых непопулярно понятие «рационального выбора» – и, следовательно, понятие «рационального потребителя», – определение неопределенности как *действия в ситуации недостатка информации* выглядит странно. Человек крайне редко обладает исчерпывающей информацией о ситуации и практически всегда должен действовать в условиях неопределенности: от пресловутого «брать зонтик или не брать» до серьезных жизненных решений – таких, как покупка недвижимости, брак или переезд в другой город.

В разных дисциплинах неопределенность понимается очень по-разному, и даже в пределах одной науки каждый исследователь определяет ее по-своему. Говоря про исследования международных отношений, Брайан Ратбан не без иронии отмечает:

«Реалисты определяют неопределенность [*uncertainty*] как *страх*, вызванный анархией и возможностью хищничества; рационалисты – как незнание, присущее играм с неполной информацией и принуждением; когнитивисты – как *растерянность* при принятии решений в сложной ситуации; конструктивисты – как *не(пред)-определенность* [*indeterminacy*] во многом социально сконструированного мира»⁴.

Добавляет терминологических проблем несоответствие значений синонимических рядов по-русски и по-английски: английское *uncertainty* может означать по-русски как «неопределенность», так и «неуверенность», а русское неопределенность по-английски может передаваться и как *uncertainty*, и как *indeterminacy*.

В данной статье я понимаю неопределенность как *возникающую, внешнюю по отношению к человеку или группе ситуацию, которая делает невозможным привычное (рутинное)*

3 DEWEY J. *The Quest for Certainty: A Study of the Relation of Knowledge and Action*. New York: Milton, Balch and Co., 1929. P. 39.

4 RATHBUN B. C. *Uncertain about Uncertainty: Understanding the Multiple Meanings of a Crucial Concept in International Relations Theory* // *International Studies Quarterly*. 2007. Vol. 51. № 3. P. 533.

существование, нарушает имевшиеся у них краткосрочные, среднесрочные или долгосрочные планы и препятствует выработке новых планов. Это определение близко к подходу Ребекки Брайант и Дэниэла Найта, авторов книги «The Anthropology of the Future»⁵, в которой неопределенность понимается как то, что определяет горизонт ожиданий: если неопределенность значительно вырастает, то люди могут потерять образ будущего и начать «жить одним днем», не строя никаких планов. При этом, чем тщательнее сообщество или его отдельные члены планируют свою жизнь, чем жестче относятся к планированию, тем острее воспринимается возникшая неопределенность.

Одним из периодов в истории Чукотского автономного округа (ЧАО), когда неопределенность резко возросла, можно считать начало 1990-х. В это время стремительные социально-экономические изменения поставили значительную часть населения в ситуацию невозможности продолжать привычное существование, а также невозможности прогнозировать что бы то ни было: будет ли через месяц тепло в поселке, будет ли через неделю еда в магазине, заплатят ли послезавтра зарплату? – и так далее. Эта ситуация неопределенности длилась на Чукотке почти десять лет – от распада прежних экономических структур и до 2000 года. Она воспринималась очень остро не только потому, что объективно привела к краху экономики, обнищанию населения и местами просто к голоду, но и потому, что значительная часть населения ЧАО оказалась на Севере именно в результате тщательного планирования своей жизни: десяток-полтора лет работы на Севере по контракту должны были навсегда обеспечить семью финансово. На заработанные деньги члены семьи планировали обеспечить жильем себя и детей, купить автомобиль и так далее. Крах этих планов усилил ощущение бедствия.

НИКОЛАЙ ВАХТИН

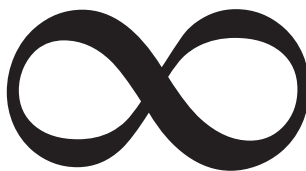
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
1990-х ГОДОВ НА ЧУКОТКЕ...

Неопределенность и кризисы

Утверждение, что неопределенность растет в эпохи политических и экономических кризисов, в периоды кардинальной социальной ломки (тех самых изменений третьего типа, о которых сказано в эпиграфе), применительно к экономике стало настолько тривиальным, что вошло в энциклопедию⁶. Нет

5 BRYANT R., KNIGHT D.M. *The Anthropology of the Future*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

6 «Определенность (познаваемость, предсказуемость) в экономике [...] способна усиливаться в периоды “спокойного” развития. Однако затем наступают периоды непредсказуемых глубоких научно-технических, социально-экономических и политических трансформаций, когда резко возрастает относительная роль неопределенности; тогда сложность хозяйственной системы приобретает новые качества, а прежний опыт и знания оказываются недостаточными» (*Неопределенность в экономике // Большая Российская Энциклопедия* (<https://old.bigenc.ru/economics/text/2260314>)).

сомнений, что политические, социальные и экономические события рубежа 1980–1990-х были именно таким кризисом, и, естественно, что социологи и антропологи, писавшие об этом времени, не обошли стороной понятие неопределенности, прежде всего в попытках описать разнообразные жизненные тактики на фоне финансового кризиса.

Это слово – «неопределенность», «uncertainty» – постоянно мелькает в научных текстах, посвященных концу 1980-х – началу 1990-х. Так, Майкл Буравой с Катрин Вердери подчеркивали, что «повседневная жизнь при постсоциализме *полна неопределенности* [*is beset with uncertainty*]»⁷. Каролайн Хамфри отмечала, что случившийся на рубеже 1980–1990-х полный развал всей предыдущей системы, всей привычной жизни «швырнул людей в состояние *радикальной неопределенности* [*radical uncertainty*]»⁸. Марта Лампланд пишет о венгерских «социалистических предприятиях», что они существовали «в ситуации *высокой степени неопределенности*»⁹. Ольга Шевченко описывает, как в Москве 1990-х люди справлялись с состоянием «*острой неопределенности* в повседневной жизни [*how people made sense of the acute uncertainties of everyday life*]»¹⁰. Сергей Ушакин в своей книге, посвященной прежде всего Барнаулу и Алтаю, пытается ответить на вопрос, какие символические ресурсы используют люди, чтобы создать нечто осмысленное в *контексте неопределенности*¹¹, и шире – как жители России справляются с «*концептуальной неопределенностью*»¹². Этот ряд несложно продолжить. Неопределенность, понимаемая как внешние по отношению к человеку обстоятельства, разрушающие привычную рутину и отрицательно воздействующие на возможность планирования, оказывается, таким образом, общепринятым фоном для описания постсоветской ситуации.

Объект, предмет и материал

Данная статья посвящена ЧАО и важнейшему для его новейшей истории периоду: концу 1980-х – началу-середине 1990-х.

- 7 BURAWOY M., VERDERY K. *Introduction* // IDEM (Eds.). *Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World*. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 1999. P. 7.
- 8 HUMPHREY C. *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economics after Socialism*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2002. P. XVII.
- 9 LAMPLAND M. *The Advantages of Being Collectivized: Cooperative Farm Managers in the Post-Socialist Economy* // HANN C.M. (Ed.). *Postsocialism: Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia*. London; New York: Routledge, 2002. P. 49.
- 10 SHEVCHENKO O. *Crisis and the Everyday in Post-Socialist Moscow*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2009. P. 59.
- 11 OUSHAKINE S. *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2009. P. 28.
- 12 Ibid. P. 70. Здесь и в пяти предыдущих цитатах курсив мой.

Предмет данной статьи составляют особенности перехода ЧАО от советского состояния к постсоветскому. Ситуацию в ЧАО в этот период обычно описывали как состояние глубокого экономического кризиса, вызванного разрушением прежней советской административной и экономической системы¹³. В этой «прежней системе» ЧАО рассматривался прежде всего как источник ценных металлов – олова, золота, вольфрама и тому подобного, – которые нужно было добывать и транспортировать; его основные порты ценились как важная опорная точка Северного морского пути; кроме того, это был своеобразный символический форпост, который нужно было поддерживать, несмотря на его экономическую убыточность. В 1950–1960-е для выполнения этих задач были искусственно созданы благоприятные экономические условия для приезжих специалистов, что привело к резкому росту численности населения ЧАО, длившемуся до конца 1980-х. После 1990 года население ЧАО резко сократилось¹⁴.

30 лет назад, в 1993 году, я участвовал в совместной франко-швейцарско-российской экспедиции «Transibering Longines». Мне удалось тогда объехать всю северо-восточную Якутию и практически всю Чукотку. Основная моя задача была исследование состояния школьного образования в местных школах, однако параллельно я собирал материал и о состоянии экономики ЧАО, а также сведения и мнения о новых формах экономических объединений, которые тогда только начинали складываться. По результатам этой поездки был представлен отчет и сделан доклад (ноябрь 1993 года) на коллоквиуме в Париже «Народы Севера: культурное возрождение в контексте новой России»; этим публикации по теме более или менее и ограничились¹⁵.

В 1995-м и 1996 году вместе с Игорем Крупником я работал на Чукотке в рамках проекта «Environmental Change and Indigenous Knowledge»; на основе собранных материалов опубликованы две статьи¹⁶. Однако значительная часть материала осталась в неопубликованных отчетах¹⁷.

НИКОЛАЙ ВАХТИН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
1990-х ГОДОВ НА ЧУКОТКЕ...

- 13** См. в частности: KRUPNIK I., VAKHTIN N. *“In the House of Dismay”: Knowledge, Culture, and Post-Soviet Politics in Chukotka, 1995–96* // KASTEN E. (Ed.). *People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2002. P. 7–44; GRAY P. *Chukotka Reindeer Husbandry in the Post-Socialist Transition* // Polar Research. 2000. Vol. 19. № 1. P. 31–37; NIELSEN B. *Post-Soviet Structures, Path-Dependency and Passivity in Chukotkan Coastal Villages* // Etudes Inuit Studies. 2007. Vol. 31. № 1-2. P. 163–181; THOMPSON N. *Settlers on the Edge: Identity and Modernization on Russia’s Arctic Frontier*. Toronto: UBC Press, 2008. P. 113; и др.
- 14** Население Чукотки: 1939 год – 21 500 человек; 1965-й – 77 200; 1970-й – 101 000; 1990-й – 162 000; 1995-й – 95 000; 2000-й – 61 000; 2020-й – 50 000; 2023-й – 47 500 (THOMPSON N. *Op. cit.* P. 4).
- 15** ВАХТИН Н.Б. *Материалы экспедиции “Transibering Longines”, северо-восточная Якутия и Чукотка*. [Рукопись.] 1993.
- 16** KRUPNIK I., VAKHTIN N. *Indigenous Knowledge in Modern Culture: Siberian Yupik Ecological Legacy in Transition* // Arctic Anthropology. 1997. Vol. 34. № 1. P. 236–252; IDEM. *“In the House of Dismay”...*
- 17** ВАХТИН Н.Б., КРУПНИК И.И. *Отчет по материалам исследования в Чукотском А.О. Экологические изменения и роль народных знаний на Чукотке*. [Рукопись.] 1995; ОНИ ЖЕ. *Отчет по материалам исследования в Чукотском А.О. Экологические изменения и роль народных знаний на Чукотке*. [Рукопись.] 1996.

Все эти материалы использованы в данной статье. В центре внимания – ЧАО, материалы северо-восточной Якутии привлекаются для сравнения.

Подчеркну, что статья носит исторический характер: со времени, описанного в статье, и в экономике ЧАО, и в социальной сфере, и в области правового обеспечения деятельности родовых, семейных и территориально-соседских общин коренного населения¹⁸ произошли существенные изменения. Так, уже в июле 2000 года был принят 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». В последующие годы в этот закон вносились многочисленные изменения; последнее – это 403-ФЗ от октября 2022 года¹⁹, принятию которого предшествовало многолетнее обсуждение, включая парламентские слушания и опубликованные рекомендации²⁰. Сегодня в ЧАО действуют 68 общин коренных малочисленных народов – семейно-родовые и территориально-соседские общины, многие из них – вполне успешно. Однако период после 2000 года (в ЧАО известный как «эра Абрамовича») и последующая эпоха остаются за рамками данной статьи.

Основной вопрос

В 1989–1993 годах существовавшая в ЧАО с середины 1950-х социально-экономическая система на короткий срок пережила период неопределенности: привычная, рутинная жизнь практически всех жителей округа оказалась нарушена. Для ЧАО этот процесс был осложнен тем, что 17 июня 1992 года округ отделился от Магаданской области и стал самостоятельным субъектом федерации²¹. Это привело к резкому укреплению позиций местной (окружной) власти и к существенному перераспределению контроля за ресурсами. Ослабление же идеологического контроля центральной (федеральной) власти привело к взры-

Далее в сносках: «Отчет» и указание года. Необходимо подчеркнуть, что речь идет о полевых материалах двух авторов – Игоря Крупника и автора данной статьи.

- 18** В этой статье я буду использовать термин «коренное население», «коренные жители» в его *юридическом* значении – то есть как вхождение этнической группы в официально утвержденный в «Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (2006), см.: *Распоряжение Правительства РФ от 17 апреля 2006 года № 536-р*.
- 19** Федеральный закон от 20 октября 2022 года 403-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации”», вступил в силу 31 октября 2022 года.
- 20** О состоянии и проблемах правового регулирования традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. 28 апреля 2011 года (<http://council.gov.ru/media/files/41d44f24451fa583e9d2.pdf>).
- 21** Процесс отделения ЧАО от Магаданской области начался с решения II сессии окружного Совета 28 сентября 1990 года.

ву политической и экономической активности на местах, надеждам на развитие новых экономических форм, прежде всего в области традиционных видов деятельности коренных народов, на возрождение статуса и культуры коренного населения; это последнее движение в ЧАО было активно поддержано общественными организациями Аляски и Канады.

Этот краткий период быстро закончился. С одной стороны, окружная администрация вскоре превратилась в источник авторитарной бюрократической власти, каким прежде была советская бюрократия. Как мы писали 20 лет назад:

«Вновь закрепившаяся в Анадыре региональная бюрократия оставалась таким же стойким противником самоопределения коренных народов, как и прежние коммунистические власти советской эпохи; многие из них – те же старые коммунистические аппаратчики, включая сюда и тогдашнего всемогущего чукотского губернатора»²².

О том же писал и Ниобе Томпсон²³, и – двадцать лет спустя – Наталья Наумова:

«[В 1990-е] государство немного отступило, предоставив коренным возможность создать объединения в защиту своих интересов и, в отдельных случаях, весьма успешно самим заниматься организацией и управлением морской охотой. Однако довольно скоро все охотничьи предприятия были муниципализированы в результате деятельности местных и региональных чиновников, [...] которые продолжали воспроизводить сложившиеся в советское время иерархии и были настроены против самостоятельных низовых инициатив»²⁴.

С другой стороны, экономический кризис, падение производства, срывы в поставках продовольствия, рост стоимости жизни и банкротство большинства предприятий ЧАО похоронили многие ростки новых начинаний и привели к резкому снижению уровня жизни²⁵.

Отсюда основной вопрос статьи: почему в конце 1980-х – начале 1990-х, в ситуации резко возросшей неопределенности при наличии интеллектуальных сил и значительной внешней поддержки округ так быстро вернулся на авторитарные рельсы? (Как изящно формулирует Каролайн Хамфри, «советское государство всеобщего благосостояния скукожилось, хотя его скелет сохраняется»²⁶.) Или иначе: почему система управления, образовавшаяся в ЧАО через 4–5 лет после 1989 года, оказалась

22 KRUPNIK I., VAKHTIN N. "In the House of Dismay"... P. 30.

23 THOMPSON N. *Op. cit.*

24 НАУМОВА Н.В. *Государство и охотники на морских млекопитающих в северо-восточной Чукотке*. Магистерская диссертация. Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2022. С. 99.

25 *Отчет*. 1995. С. 5.

26 HUMPHREY C. *The Collective Farms after Socialism // IDEM. Marx Went Away–But Karl Stayed Behind*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. P. 445.

столь неотлично похожа на то, что было прежде? Об этом постоянно говорили многие информанты и в 1993-м, и в 1995–1996 годах (см. ниже). Каков механизм этого гомеостаза?

Этот вопрос отчасти напоминает тот вопрос, который тридцать лет назад задавали Майкл Буравой и Павел Кротов применительно к Воркуте: рабочие бастовали, требуя политических реформ; все их требования выполнены, реформы осуществились – компартия распущена, командная экономика разрушена, демократия введена, свободный рынок на каждом углу. Почему же «ничего не изменилось»? Почему «рабочее движение, начавшееся, чтобы добиться рыночной экономики, оказалось втянуто в слегка измененную форму прежнего порядка [*absorbed into a transmuted form of the old order*]»?²⁷.

Их основной ответ – причина в том, что все социально-экономические изменения сосредоточились в сфере обмена, а не в сфере производства, – перестал удовлетворять внимательных исследователей уже пять лет спустя²⁸. Другой их ответ – что устойчивость советской системы производства сдерживает политические изменения – на самом деле не более чем констатация факта. Да, постсоветское производство еще долго сохраняло все черты советской эпохи, а торговый капитал сам по себе не трансформировался в современный капитализм; да, тесные связи между директорским корпусом и политической властью препятствовали росту независимого класса производителей²⁹; да, у власти остались те же люди, удачно названные в 1996 году Катрин Вердери «enterpratchiks» (гибрид предпринимателя и аппаратчика)³⁰. Но каков социальный механизм этой устойчивости?

Евгения Лезина предлагает собственный ответ на этот вопрос: после 1991 года советские репрессивные органы не были окончательно демонтированы по образцу стран Восточной Европы; структуры и старые связи остались, и на этих связях была выстроена новая система власти (пусть иногда и с новыми людьми), оказавшаяся очень похожей на старую³¹. Это ско-

27 BURAWOY M., KROTOV P. *The Economic Basis of Russia's Political Crisis* // *New Left Review*. 1993. № 1/198 (March-April). P. 49–69 (<http://burawoy.berkeley.edu/Russia/vorkuta.pdf>).

28 См.: HUMPHREY C. *Trade, Disorder, and Citizenship Regimes in Provincial Russia* // BURAWOY M., VERDERY K. (Eds.). *Op. cit.* P. 19–52.

29 BURAWOY M., KROTOV P. *Op. cit.* P. 65.

30 Стивен Кольер предлагает еще один вариант объяснения: созданная в советские годы инфраструктура сильно затрудняла реформы, а иной раз делала их просто невыполнимыми, и, таким образом, откат к советской модели был вынужденным (COLLIER S.J. *Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics*. Princeton: Princeton University Press. 2011. Ch. 8). Отчасти это подтверждается приводимым ниже примером с банковской системой – однако не понятно, почему, если инфраструктура (в данном случае банковская) не соответствовала новым задачам, ее так долго не реформировали.

31 Лезина Е. *XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы*. М.: Новое литературное обозрение, 2021. Гл. 6, 7.

рее всего важный фактор, однако это тоже не окончательный ответ, и, кроме того, это взгляд «с птичьего полета» – а нас интересует конкретный регион.

Вряд ли социального антрополога может удовлетворить и ответ типа: свободный рынок противоречит привычным патрон-клиентским отношениям, и у патрона есть инстинкт монополизировать власть и исключить потенциальную конкуренцию со стороны других патронов³².

Похожие вопросы ставили многие исследователи применительно к другим регионам и другим странам. Дэвид Андерсон писал: «интересно выяснить, как именно прежние социалистические формы координации промышленного развития с потребностями, определенными централизованно, оказались так легко возрождены в новых районах сосредоточения денег и власти»³³. О том же (применительно к Венгрии) вопрошала Марта Лампланд: «Какой фактор позволил бывшим социалистическим руководителям остаться на властных позициях и сохранить привилегии [*to stay in position of authority and privilege*]?»³⁴.

О том же писали и все, кто исследовал ситуацию на Чукотке. Так, Бент Нильсен писал полтора десятилетия спустя, что «[с]егодня на Чукотке нет ни социализма, ни коммунистической партии, но управленческие практики, как и общественные, и личные отношения, по-прежнему глубоко укоренены в советском образе мыслей»³⁵. Это, несомненно, так, но – еще раз – каков социальный механизм этой устойчивости?

Почему этот вопрос актуален сегодня

Пресловутая цикличность русской истории дает основания считать, что попытка реформы начала 1990-х в ЧАО не последняя. У этой территории и у ее населения, в том числе коренного, скорее всего будет еще как минимум одна возможность перейти от нынешнего состояния к ситуации, когда у них станет больше возможностей влиять на свою жизнь и судьбу. И сомнительно, что это произойдет само собой. Вряд ли верно, что, коль скоро некоторое состояние общества «лучше» другого, общество будет автоматически переходить к этому «лучшему» состоянию; и еще менее убедительно утверждение, что, коль скоро «лучшее» состояние общества существует, естественное направление движения будет вести в эту

32 Ср.: THOMPSON N. *Op. cit.* P. 101.

33 ANDERSON D. *Entitlement, Identity and Time: Addressing Aboriginal Rights and Nature Protection in Siberia's New Resource Colonies* // KASTEN E. (Ed.). *Op. cit.* P. 101.

34 LAMPLAND M. *Op. cit.* P. 43.

35 NIELSEN B. *Op. cit.* P. 166.

сторону³⁶. В этом смысле такой взгляд на историю, «будто ее единственной функцией является отражение постепенного наступления неизбежного»³⁷, неверен или по крайней мере непродуктивен. Другими словами, не существует закона, который автоматически приводил бы систему в «более лучшее» состояние, – наоборот, «естественное» направление движения скорее ведет вниз, чем вверх, а чтобы двигаться вверх, нужно усилие, в том числе и интеллектуальное. Осмысление прошлой (неудачной) попытки такого усилия может оказаться полезным в будущем; в этом смысле анализ ситуации в ЧАО в 1990-е в какой-то мере есть исследование одного из вариантов будущего, ожидание которого всегда включено в настоящее³⁸.

Вряд ли верно, что, коль скоро некоторое состояние общества «лучше» другого, общество будет автоматически переходить к этому «лучшему» состоянию; и еще менее убедительно утверждение, что, коль скоро «лучшее» состояние общества существует, естественное направление движения будет вести в эту сторону.

Социалистическая экономика ЧАО

Вся социалистическая экономическая система ЧАО, как и других регионов страны (и других «социалистических» стран), была построена на едином принципе, который исследователи постсоциалистических трансформаций называют «перераспределение ресурсов»: конкуренция шла за доступ к возможности распределять и получать ресурсы в ситуации постоянного дефицита (*endemic shortage*)³⁹. Существенно, что эта структура была многоступенчатой: на самом верху стояла центральная власть, которая имела право перераспределять ресурсы вниз, на следующий уровень, оттуда полученные ресурсы перераспределялись еще ниже – и так вплоть до председателя сельсовета и директора совхоза, от которых зависело, какая бригада

36 ANDERLINI L., SABOURIAN H. *Some Notes on the Economics of Barter, Money, and Credit* // HUMPHREY C., HUGH-JONES S. (Eds.). *Barter, Exchange, and Value: An Anthropological Approach*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1992. P. 83.

37 ЭШТОН Т.С. *Трактовка капитализма историками* // *Капитализм и историки: мифы о промышленной революции*. М.; Челябинск: Социум, 2019. С. 68.

38 BRYANT R., KNIGHT D.M. *Op. cit.* P. 193.

39 VERDERY K. *Ethnic Relations, Economies of Shortage, and the Transition in Eastern Europe* // HANN C.V. (Ed.). *Socialism: Ideas, Ideologies, and Local Practices*. London; New York: Routledge, 1993. P. 174.

или какое предприятие в поселке получит больше благ. Катрин Вердери называет это «партийным патернализмом»: центр забирал все и затем перераспределял в соответствии со своим пониманием потребностей населения⁴⁰.

Власть в этой системе, собственно, и состояла в возможности (пере)распределять (совершенно не обязательно при этом эгоистически, хотя представители власти, как правило, себя не обижали). Это была основополагающая, структурообразующая характеристика власти; без нее власть как таковая в советской системе теряла смысл. Секретарь окружкома, председатель исполкома горсовета, председатель сельсовета просто не могли себе представить власть (и себя во власти) при отсутствии возможности (пере)распределять. Допустить существование независимых центров власти означало для них потерять часть перераспределительных прав, то есть уменьшить или полностью потерять власть; это означало недопустимый рост неопределенности как невозможности планировать – в данном случае планировать, кому, когда, каких и сколько выделить ресурсов.

Не хочется пользоваться затертыми и бессмысленными словами вроде «народ» и «власть», воспользуюсь очень условными терминами «высшие, средние и низшие эшелоны системы». Это требует комментария. В современной социологической литературе «до сих пор не сложилось единого мнения о том, какая модель стратификации присуща современной России»⁴¹. Один из вариантов анализа складывания этой современной системы выглядит так. Советское общество состояло из *двух* основных групп: одна включала аппарат партийного руководства и государственного управления, руководство предприятий, высококвалифицированных специалистов, в том числе «рабочую элиту», а также тех работников, деятельность которых была связана с системой распределения. Вторая – это массовая интеллигенция, рабочие, колхозники. Эти группы Наталья Тихонова называет соответственно «высокоресурсной» и «низкоресурсной»; по ее мнению, внутри каждой из этих групп уровень жизни разных ее составных частей был в советское время сопоставим⁴². Бинарную структуру советского общества отмечал и Финн Нильсен, пользовавшийся терминами «высшие и низшие эшелоны системы»⁴³.

Что касается постсоветской ситуации, то, насколько можно судить, в соответствующих разделах социологии принято выделять *три* страты. После 1991 года углубление социальной диф-

НИКОЛАЙ ВАХТИН

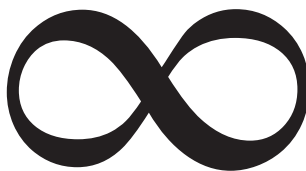
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
1990-х ГОДОВ НА ЧУКОТКЕ...

40 VERDERY K. *What was Socialism and Why Did it Fall* // OSTROW J.V. (Ed.). *Politics in Russia: A Reader*. Los Angeles: Sage, 2013. P. 72.

41 *Общество неравных возможностей: социальная структура современной России* / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2022. С. 10.

42 Тихонова Н.Е. *Социальная стратификация в современной России*. М., 2007. С. 288.

43 Нильсен Ф. *Глаз бури*. СПб.: Алетейя, 2004. С. 26.

ференциации привело к тому, что ранее гомогенная низшая группа распалась на «набор страт с качественно различным положением и жизненными перспективами»: некоторым ее представителям удалось «выбиться наверх» за счет мелкого и среднего бизнеса; при этом крупный бизнес остался вотчиной выходцев из высокоресурсных групп советского общества⁴⁴.

Для ЧАО рассматриваемого периода приходится пользоваться этой довольно грубой стратификацией, поскольку «для 1991–1993 годов нет надежных статистических и социологических данных о социальной стратификации российского общества; такие данные появляются только с 1994 года»⁴⁵. Здесь важно подчеркнуть, что появление в постсоветскую эпоху третьего (промежуточного) «эшелона системы» существенно усложняет ситуацию. Принадлежность к «высшему» или «низшему эшелону» становится относительной, конкретный человек может занимать обе позиции одновременно: по отношению к одним он «высший эшелон», по отношению к другим – «низший»⁴⁶. Директор поселкового дома культуры принадлежит к «среднему эшелону», для «высших» он подчиненный, для «низших» – начальник, от «высших» он получает, «низшим» – передает самые разнообразные блага и ресурсы⁴⁷.

Это – в теории. Реальная ситуация в ЧАО в 1990-е, как кажется, существенно отличалась от этой нормы как минимум в двух отношениях. Первое – это естественная удаленность и изолированность ЧАО как самого дальнего региона России; второе – специальные меры, которые принял губернатор ЧАО в 1990-е, чтобы ограничить проникновение посторонних в округ и контролировать выход информации вовне⁴⁸. Это, а также упомянутое отделение ЧАО в 1992 году от Магаданской области и превращение его в самостоятельный субъект федерации, поставило губернатора округа почти в уникальное положение: формально оставаясь в подчинении Москвы, для ЧАО он фактически был абсолютно «высшим эшелонем системы».

44 Тихонова Н.Е. Указ. соч. С. 289–290.

45 *Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения* / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: СПб., 2018. С. 205.

46 Кажется, что Юлиан Константинов (KONSTANTINOV Y. *Conversations with Power: Soviet and Post-Soviet Developments in the Reindeer Husbandry Part of the Kola Peninsula*. Uppsala: Uppsala University, 2015) недооценивает это обстоятельство: в ключевом для его книги выражении «power-to-grassroots talk» этот разговор понимается как прямой диалог властей и оленеводов.

47 Ср.: Веберовская модель приложима к современной российской ситуации «в четырех ключевых сферах жизни: экономическое положение, ситуация на работе, возможности сохранения и наращивания человеческого потенциала, потребление и досуг». Однако «в реальности каждый человек характеризуется определенным набором их [этих сфер] признаков, которые [...] примерно в двух третях случаев сосуществуют друг с другом» (*Общество неравных возможностей...* С. 52).

48 См.: THOMPSON N. *Op. cit.* P. 101–102, а также данную статью – ниже.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ: ВЗГЛЯД СНИЗУ

Попытки перемен: самоорганизация, общины

НИКОЛАЙ ВАХТИН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
1990-х ГОДОВ НА ЧУКОТКЕ...

К 1991 году стало окончательно ясно, что плановая экономика себя исчерпала. Вспомним, что переход от более или менее свободного рынка к жесткой плановой экономике занял в начале XX века примерно двенадцать лет (1917–1929) и был сопряжен с огромными человеческими страданиями; обратный переход совершался в условиях жесточайшего дефицита времени и в невероятно короткие сроки. Как и за восемьдесят лет до этого, никто толком не знал, как осуществлять такой переход; можно согласиться с Катрин Вердери, что «наиболее явное препятствие на пути трансформации собственности – то, что такого и в таких масштабах никто никогда не делал»⁴⁹. Неизбежные на этом пути ошибки (в том числе кадровые) быстро привели к образованию законодательного и управленческого вакуума, позволившего местным властям не просто тормозить и блокировать реформы, но и использовать ситуацию в своих интересах.

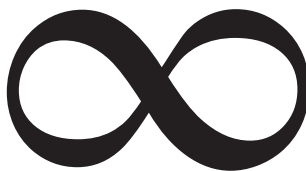
Власти ЧАО, как и остальные регионы, получили распоряжение начать реформы с опорой на указания из центра – в частности, на постановление правительства от 4 сентября 1992 года и на Указ президента от 29 декабря 1992-го⁵⁰. «Верхние эшелоны» внушали населению, что они знают, как переходить от старой (совхозной) системы к новой. В конкретных случаях «на обсуждение трудовых коллективов» предлагались разные варианты приватизации, но интересно, что власти всегда предлагали выбор не между всеми возможными вариантами, а только между теми, относительно которых у них была уверенность, что они не принесут неожиданностей, то есть фактически оставят все более или менее, как есть⁵¹.

Одним из таких предписанных сверху путей реформирования прежней системы было создание в ЧАО общин коренного населения; это виделось в начале 1990-х как путь к замене государственного управления экономикой (совхозов) на частную инициативу. Однако эти общины создавались тем же государством и на знакомых принципах. В этот период адми-

49 VERDERY K. *The Vanishing Hectare. Property and Value in Post-Socialist Transylvania*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2003. P. 77.

50 Положение о реорганизации колхозов, совхозов и приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий (утв. постановлением Правительства РФ от 4 сентября 1992 г. № 708), с изменениями и дополнениями от 11 декабря 1992 г., 3 августа 1998 г.; Указ Президента РФ от 27.12.1991 N 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР».

51 «Социальное неравенство в современном российском обществе – логическое следствие наличия на момент начала реформ 1990-х у разных групп населения различного объема ресурсов – во многом накопившихся на протяжении поколений» (Тихонова Н.Е. Указ. соч. С. 290–291; курсив в оригинале).

нистрация округа («высший эшелон») провела то, что можно было бы вслед за Владиславой Владимировой назвать «косметической трансформацией»⁵², или, как сформулировал Брюс Грант, выстроили «прежнюю систему под новым именем»⁵³. Государственные предприятия в спешном порядке, иногда принудительно, без учета мнения работников, превращались в акционерные общества⁵⁴. При этом «высший эшелон» оставил за собой несколько основных прав и позиций, которые гарантировали ему косметический характер этих трансформаций. Прежде всего это право принимать и вводить в действие новые законы или, наоборот, затягивать их принятие. Из-за этого в ЧАО в течение почти двух лет существовал юридический вакуум: к середине 1990-х здесь были, по утверждению наших информантов, несколько конкурировавших друг с другом проектов закона об общинах; в стадии обсуждения был и проект важного закона о юридическом статусе национального поселка. Пока эти законы не были приняты, формально созданные незадолго до этого в ЧАО общины коренного населения, как и поселки, юридически не могли стать ни земельными собственниками, ни финансовыми субъектами⁵⁵.

Так, Закон Чукотского автономного округа «Об установлении ставок земельного налога» был принят только в 1995 году⁵⁶ – и был далек от совершенства. В нем подробно определяется порядок сбора и ставки земельного налога в пределах округа на пашни, земли сельскохозяйственного назначения (кормовые угодья), оленьи пастбища, личные садовые участки, земли, занятые городами, поселками, промышленными и транспортными предприятиями, военными объектами. Но в этом законе не было ни слова об охотничьих и рыболовных угодьях. Никак не оговаривалось, кто и как владеет и как платит за пользование участками морского берега, угодьями для пушной охоты в тундре и

52 VLADIMIROVA V. *Having the Cake and Eating It: Transformation of Reindeer Ownership in NW Russia* // BEACH H., FUNK D., SILLANPAA L. (Eds.). *Post-Soviet Transformations: Politics of Ethnicity and Resource Use in Russia*. Uppsala: Uppsala University, 2009. P. 219.

53 GRANT B. *In the Soviet House of Culture: A Century of Perestroikas*. Princeton: Princeton University Press, 1995. P. 144. Юлиан Константинов, смотревший на эту ситуацию из другого региона (Кольский полуостров), называет так называемую «перерегистрацию» совхозов в 1992–1993 годах в товарищества с ограниченной ответственностью или в другие правовые формы «простым переименованием»; кроме того, эта реформа охватила не более половины всех государственных сельскохозяйственных предприятий страны (KONSTANTINOV Y. *Op. cit.* P. 210).

54 Молчанов И. *Семь кругов ада «Бытовика»* // Крайний Север. 1995. 25 июля. С. 5; Пятернина Л.К. *Не так живи, как хочется* // Крайний Север. 1995. 20 июля. С. 4.

55 В отличие от ЧАО, Верховный Совет Республики Саха (Якутия) в 1992 году разработал и принял закон «О родовой, родоплеменной кочевой общине коренных малочисленных народов Севера» (см.: <http://yakutiakmns.org/istoriya>). Федеральный закон 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» был принят только в 2000 году.

56 Принят Думой Чукотского автономного округа 17 февраля 1995 года – при том, что постановление главы администрации ЧАО было опубликовано в июле 1992-го, а решение VIII сессии Совета народных депутатов ЧАО по этому вопросу состоялось в декабре 1992-го (<https://docs.cntd.ru/document/805043840>).

так далее. И если «юридические и физические лица, занимающиеся оленеводством», были освобождены от уплаты земельного налога за олени пастбища, то о морских охотниках просто забыли: использование эскимосами морских и сухопутных ресурсов никакими законодательными актами не регулировалось.

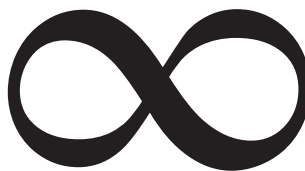
В отсутствии законов действовали прежние нормы отношений между властью и общественными организациями – так, как они понимались «высшими эшелонами». Приведем несколько примеров⁵⁷.

Пример 1. Общество эскимосов Чукотки «Юпик», созданное в августе 1990 года, заключило в 1994-м договор с одной из территорий севера Аляски (North Slope Borough) по изучению миграции серого и гренландского кита. Американская сторона выделила средства на зарплату наблюдателей и на обеспечение их снаряжением. Наблюдение должны вести опытные местные жители. Официально были оформлены наблюдателями восемнадцать человек – коренные жители Провиденского района – и столько же в Чукотском районе. От каждого поселка три наблюдателя должны были вести мониторинг миграции морских животных с апреля 1994-го до конца 1995 года.

На проведение этой и других аналогичных программ Общество получило с Аляски патроны, рации, бинокли, моторы и другое снаряжение – благодаря этому оно могло бы стать независимым от совхозов источником первоклассного морского снаряжения для местных охотников. Однако пять моторов, предоставленных безвозмездно американской стороной, в течение года задерживались на таможне в бухте Провидения из-за неспособности Общества заплатить таможенную пошлину (2500 долларов за каждый мотор).

Реальная процедура отправки наблюдателей также выглядела далеко не гладко. В начале июля 1995 года на наблюдательный пост в районе бывшего поселка Аван выехали трое эскимосов-пенсионеров из поселка Сиреники. Поставив палатку, они начали наблюдать в бинокли за ходом морского зверя и записывать результаты наблюдений в дневник. На второй день в офисе Общества раздался телефонный звонок от пограничников; начальник погранотряда сообщил – полусерьезно, полшутя: «А мы ваших арестовали!». Выяснилось, что Общество забыло «попросить разрешения» на этот конкретный выезд (эта забывчивость сама по себе очень характерна как индикатор надежд на изменение ситуации). Абсурдность ситуации была очевидна обеим сторонам, но тем не менее для ее формального разрешения было написано следующее письмо:

57 Отчет. 1995.

«Командиру ВЧ № ...

Доводим до Вашего сведения и просим согласовать и выдать необходимые документы на право работ и пребывание на участке побережья моря. Общество эскимосов Чукотки направило на берег моря, у озера Истихед, бывшее селение Аван группу коренных жителей села Сиреники:

1. М.Д. – 60 лет
2. М.О. – 63 года
3. Г.Н. – 60 лет⁵⁸

Задачи группы: наблюдение за морем, записи о численности мигрирующих китов, моржей, тюленей. Традиционная охота, рыбалка на море и в озере Истихед, надзор за древней стоянкой “Аван”.
Время пребывания: пост временный, до 1 декабря 1995 года. [...]

Просим согласовать данную программу проживания и деятельности указанных людей и выдать соответствующее разрешение.

Председатель Общества эскимосов Чукотки “Юпик”
6 июля 1995 года»

После того, как это письмо было направлено командованию пограничной части, стариков-наблюдателей оставили в покое. Добавим, что один из них когда-то родился в этом заброшенном поселке, а у другого там же родился его отец. То есть передвижение эскимосов по родной земле и посещение старых поселков могло осуществляться только по специальному разрешению пограничников. Такой порядок существовал на Чукотке по крайней мере с 1948 года; и, несмотря на изменение ситуации в 1990-е, для передвижения по собственной земле местным жителям требовался пропуск. Как виновато сказал один из эскимосских активистов: «нам нужно впредь прежде, чем посылать наблюдателей, выяснять, *какой заставе эта земля принадлежит*» [то есть подведомственна. – *Ред.*].

Пример 2. В 1994 году по инициативе канадской стороны коренные жители Чукотки вместе с канадскими инуитами и индейцами мапуче (Чили) включились в образовательную программу «Nunavut Sivuniksavut»⁵⁹. Программа предполагала три учебных семестра – два в Канаде, где с помощью канадских преподавателей студенты должны были получить знания по менеджменту, компьютерной грамотности, подготовке радио- и телепрограмм, английскому языку, и третий – на Чукотке, где уже получившие подготовку студенты под руководством канадских преподавателей должны были организовать летние курсы для детей и молодежи поселков ЧАО по аналогичной программе.

Первые два семестра программы прошли успешно; однако в ходе третьего возникли препятствия, которые не могли быть предвидены авторами проекта и которые являются хорошей

58 В оригинале полные имена.

59 См.: www.nunavutsivuniksavut.ca.

иллюстрацией трудностей на пути переноса опыта других стран на Крайний Север. Вот как рассказывал об этом один из наших информантов:

«Они [канадцы], конечно, молодцы. Но у нас трудно это проводить. Они у себя организуют летние лагеря для детей, а у нас в селах это сложно: нет финансирования. Трудно убедить людей поддержать, потому что село никак не приспособлено для этого. Деньги, которые они выделили, нельзя передать сюда, кроме как разве привести их на себе. Информация о проекте вообще не дошла до людей. В [бухте] Провидения программа прошла хорошо, в Чаплино ее пришлось сокращать, а до Сиреников они и вовсе не доехали. Когда они в самом начале приехали с этим предложением, я вообще не мог понять, чего они от нас хотят».

Хорошо финансируемые международные проекты наталкивались на Чукотке на отсутствие нормальной банковской системы. Даже если эти деньги и можно было привезти «в кармане», передать их со счета «Юпик» на счет администрации села для приема преподавателей и подготовки курсов не удавалось. При отсутствии нормальных финансовых отношений полезное дело превращалось в указание администрации села от «вышестоящей инстанции» в очередной раз сделать ту или иную работу бесплатно. Недостаточна оказалась и «информационная сеть»: местные газеты, радио- и телевизионные каналы, которые должны были распространить информацию о курсах, не сумели или не захотели этого делать. Так поддерживалась в неизменном виде прежняя иерархия территорий по доступности благ, в данном случае – по возможности участия в негосударственных образовательных программах: то, что хорошо прошло в районном центре Провидения, с трудом осуществилось в ближайшем к нему селе Новое Чаплино и вообще не достигло чуть более удаленного села Сиреники, куда информация просто не дошла. То есть «национальные» поселки опять оказались в самом низу иерархии даже в случае программы, которая была адресована непосредственно коренному населению.

Важно отметить, что в этих инициативах участвовали в основном – но не только – коренные жители: и если в Обществе эскимосов «Юпик» официально могли участвовать только коренные жители, то в образовательных программах и в других инициативах принимали активное участие и другие категории населения⁶⁰.

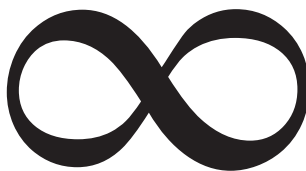
Но даже в описанных непростых условиях объединения коренных (и некоренных) жителей находили возможность добиться вполне реальных результатов. Вот еще один пример⁶¹.

60 Ср.: THOMPSON N. *Op. cit.* P. 114.

61 *Отчет.* 1995.

НИКОЛАЙ ВАХТИН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
1990-х ГОДОВ НА ЧУКОТКЕ...

Пример 3. В ноябре 1992 года в бухту Ткачен вошел пограничный военный корабль, который сбросил в воду большое количество топлива. Через несколько дней вдоль всего берега бухты стало выбрасывать трупы погибших от загрязнения птиц. В прежние времена жители в лучшем случае пожаловались бы в контору совхоза, а совхоз и сельский совет сообщили бы об этом в районный комитет партии. Теперь все было иначе. Пять жителей села, очевидцы происшедшего, составили акт, который был направлен в районную инспекцию охраны природы (рыбинспекция) и в отделение Государственного комитета экологии (Министерство охраны окружающей среды). Приехала комиссия, которая подтвердила загрязнение бухты нефтепродуктами. Более ста жителей села подписали коллективное письмо председателю Окружного совета народных депутатов Чукотского округа, в котором, помимо информации о загрязнении, были следующие слова:

«Берега бухты Ткачен являются традиционными местами охоты, рыболовства всех жителей села. Мы хотим знать, кто и как возместит нам потерю наших традиционных промыслов, потерю охотничьих и рыболовных угодий, мест сбора морской капусты, беспозвоночных. Когда прекратятся случаи загрязнения, браконьерства, имеющие место постоянно?»

Ответом на это обращение стало возбуждение судебного дела чукотской природоохранной прокуратурой. В адрес военной части был направлен иск на возмещение материального ущерба; военному прокурору было рекомендовано рассмотреть вопрос о привлечении к ответственности виновных, которые в итоге были оштрафованы. Это первый случай, когда община коренного населения смогла привлечь к ответственности всемогущих военных, хотя это и не принесло селу ничего, кроме морального удовлетворения: материальный эффект был нулевым как потому, что сумма штрафа никак не покрывала причиненного ущерба, так и потому, что деньги эти, следуя загадочной логике финансовой и налоговой системы, пошли не в бюджет непосредственно пострадавшего села, а в бюджет района.

Ситуация в соседней Якутии была во многом похожей; однако сравнение помогает оттенить особенности ЧАО. В Якутии, в отличие от ЧАО, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Якутии была организована 12 декабря 1989 года. В первую Конституцию Республики Саха (Якутия) (1992) были внесены положения по защите прав коренных народов. Было установлено, что Конституция защищает и обеспечивает их права, в том числе на владение и пользование в соответствии с законом землей и ресурсами, включая родовые сельскохозяйст-

венные, охотничье-рыболовные угодья. Здесь, в отличие от ЧАО, жители городов и поселков северо-восточной Якутии уже в 1993 году отлично видели ошибки центральной власти при организации новых хозяйственных форм и открыто говорили об этом.

Так, информанты в Черском (город на северо-востоке Якутии, на границе с ЧАО) подробно объясняли нам, почему создание общин по национальному принципу – это ошибка, «если не сознательная политика, направленная на стравливание народов между собой». О том же говорили и информанты из якутского села Андрюшкино, утверждавшие, что этнические общины «убили весь поселок, раскололи поселок по национальному признаку». Приведем очень характерное высказывание⁶²:

«Я, якут, живя здесь всю жизнь, считаю себя униженным. Мои родители здесь жили и умерли, а теперь мне не разрешают даже по реке проехать, так как это территория [юкагирской] общины, а я – якут и не член никакой общины. Я хотел летом к брату по реке проехать, говорят, без справки не проедешь. Должна быть справка: этому человеку разрешено проехать через территорию общины. Справку выдает администрация общины: юридически община обладает правом ограничить передвижение людей по своей территории, правом контролировать передвижение. Это – согласно закону Республики Саха о родовых общинах. Я считаю себя оскорбленным, и мой род тоже».

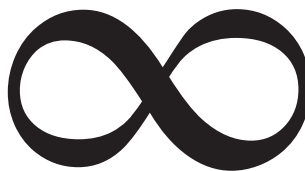
Как и в ЧАО, экономические реформы в Якутии проводилась «сверху»; рассказы якутских информантов об этом процессе очень похожи на те, которые мы слышали два года спустя в ЧАО. Вот рассказ информанта из Черского о Конференция чукчей, состоявшейся 11 апреля 1993 года в селе Колымское:

«Прошло все по старым образцам: из 27 делегатов 9 избрали в президиум – из них всего двое чукчи, остальные начальство. Выступали на конференции в основном начальники из Министерства: как они там заботятся о народах Севера. Даже процесс образования общин центр пытается взять под контроль. Бригадир одной из чукотских бригад получил для своей общины полную самостоятельность, вплоть до экономической, так его даже не пригласили на конференцию. Его бригада не вписывается в ту благостную картину, которую хочет видеть руководство»⁶³.

Если информанты в Якутии жаловались на то, что новые экономические формы введены с ошибками, то информанты в ЧАО в том же году говорили лишь о *необходимости будущих перемен* и об отсутствии каких-либо изменений. Сравним вы-

62 ВАХТИН Н.Б. *Указ. соч.*

63 Там же.

сказывания информантов, глав администраций двух поселков: чукотского Рыткучи и чукотско-эскимосского Уэлен:

«По-прежнему существует совхоз, никаких новых экономических форм нет. Две бригады собираются превращаться в фермерские хозяйства, но фермерам на полной окупаемости очень тяжело. Нет транспортных связей. Нужен собственный банк: каждой “ферме” накладно держать отдельного экономиста; банк должен быть районный или межрайонный. Грамотных людей на такой банк можно было бы найти – а вот найдутся ли честные? [...] Нужны “фермерские” хозяйства, полностью самостоятельные, плюс коммерческая или государственная посредническая структура с функциями завоза топлива, оборудования, продуктов и сбыта продукции. При преобразовании совхоза в фермерские хозяйства на базе совхоза нужно создать и такую посредническую контору».

«Беда [директора товарищества с ограниченной ответственностью]⁶⁴ в том, что он бывший комсомольский работник и полностью воспроизвел систему управления райкома: единоличная власть, круг любимчиков, которым он отрезает по куску от пирога власти (завскладом, отдел кадров и т.п.), презрение к людям. [...] Налоги вносятся в район, оттуда их перераспределяют и возвращают в село. Местный бюджет села должен формироваться из налогов – а налоги не возвращаются из района, возвращаются крохи. Собрать налоги в селе невозможно: нет механизма. Мы – власть без власти»⁶⁵.

Попытки перемен: школьное образование

Сходные явления наблюдались в это время и в сфере школьного образования, причем здесь, как и в истории с общинами, основными акторами были не только коренные жители. Система школьного образования в ЧАО в советское время мало чем отличалась от других частей страны: она была в высокой степени централизована, все школы должны были работать по единой программе. За исключением преподавания родных языков – эскимосского или чукотского, – никаких «национальных» элементов в этих программах не было. Лишь отдельные учителя-энтузиасты по собственной инициативе дополняли стандартную программу начатками сведений о природе и истории края.

В конце 1980-х ситуация начала быстро меняться⁶⁶; приведем в сокращенном виде рассказ одного из активистов школь-

64 В оригинале фамилия. В ноябре 1992 года в селе было образовано ТОО «Уэлькаль». Формы работы: клеточное звероводство, промысел пушнины, изготовление технического жира, охота на морзверя, в проекте – косторезный цех и цех по переработке сырья.

65 Там же.

66 См. подробно: KRUPNIK I., VAKHTIN N. *“In the House of Dismay”*... P. 22 и далее.

ной реформы, русского учителя географии и директора школы в селе Новое Чаплино Игоря Загребина:

«Мы решили развивать краеведческое направление [...] это ведь не только знания о природе или истории края, это и язык. Мы нашли [официально утвержденный] вариант программы, который позволял это сделать. Программы составляли сами учителя. Все делали сами – все пособия, весь наглядный материал».

Далее Загребин рассказывает о конкретных изменениях в программах начальной и средней школы и продолжает:

«Общая идея программы была – не потеряв научный уровень преподавания, предельно приблизить его к жизни села. Мы пытались также [...] ввести эскимосский и чукотский язык в том же объеме часов, как русский. [...] Этот процесс начался в 1990 году, когда было общее послабление школам, [...] сейчас [1995 год] очень трудно экономически, со снабжением школы. [...] В конце 1980-х годов вдруг все оживилось в школах, а сейчас все обрубилось»⁶⁷.

Сравните, поселок Рыткучи:

«После отделения от Магаданской области ничего не изменилось. Львиную долю бюджетных денег получают районы, близкие к Анадырю. “Мы просили, чтобы Чаунский и Шмидтовский районы оставили в Магаданской области, но Чукотка отказала. Теперь Анадырь все забирает себе”. Райком воспротивился созданию чисто национального класса (чукотского) с хорошей подготовкой: “Страшно воспитать даже один класс образованных местных: они же, сплотившись, предъявят нам счет”»⁶⁸.

Подчеркнем, что эта попытка приспособить школьную программу к реальной жизни национального села была инициирована русским директором школы и осуществлялась силами учителей – эскимосов и чукчей: с отъездом многих русских учителей в 1995 году в школе из шестнадцати учителей двенадцать были представители коренных национальностей. Важно и то, что благодаря международным связям большинство учителей-эскимосов смогли получить опыт стажировок в школах Аляски по специальным программам обмена опытом в преподавании родного языка и культуры. В 1995 году мы писали:

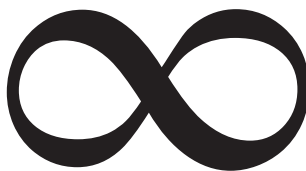
«Перемены в отношении к образованию – пожалуй, самое отрадное, что можно было наблюдать на Чукотке летом 1995 года. Конечно, материальное положение системы образования очень тяжелое, но изменения к лучшему, как нам кажется, возможны. Этому способствуют изменившийся национальный состав сельских учителей и их единодушная убежденность в том, что существующие программы

67 Отчет. 1995.

68 ВАХТИН Н.Б. Указ. соч.

НИКОЛАЙ ВАХТИН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
1990-х ГОДОВ НА ЧУКОТКЕ...

обучения нужно кардинально менять. Более того, впервые это также признают и окружные власти, которые пытаются оказать им сильную помощь»⁶⁹.

Интересно понять мотивацию русского директора школы и местных (эскимосских) учителей в этом процессе. Думаю, что в процитированных словах Загребина ключевым для этого является слово «ослабление»: если в советское время вся деятельность школы была предопределена и жестко контролировалась, то начавшиеся в конце 1980-х политические и социальные процессы резко увеличили неопределенность. Многие учителя уехали, оставшиеся не хотели продолжать привычное преподавание по прежним программам и пытались использовать открывшееся окно возможностей, чтобы придать своей работе новый смысл.

Если в советское время деятельность школы жестко контролировалась, то начавшиеся в конце 1980-х политические и социальные процессы резко увеличили неопределенность. Многие учителя уехали, оставшиеся не хотели продолжать привычное преподавание по прежним программам и пытались использовать открывшееся окно возможностей, чтобы придать своей работе новый смысл.

Кроме учителей и создателей новых форм экономической деятельности, активные попытки изменить ситуацию в округе к лучшему предпринимали журналисты ЧАО, старавшиеся использовать газету «Советская Чукотка», издававшуюся законодательной властью (вначале Советом окружных депутатов, позже – Думой ЧАО) как инструмент агитации за новые формы социальной жизни.

Можно привести и другие примеры того, как жители ЧАО в ситуации возросшей неопределенности ищут и находят новые возможности. Таких примеров довольно много и в газете «Советская Чукотка», и в наших полевых материалах. Вот несколько зарисовок:

Некий Зайцев завел частное хозяйство – выращивает гусей, уток, кроликов, построил парник⁷⁰ и успешно торгует мясом и овощами. Некий Самсонов открыл частное информационное агентство, снабжает клиентов статистической информацией.

⁶⁹ Отчет. 1995.

⁷⁰ Советская Чукотка. 1992. 25 января. С. 5.

Корреспондент пишет про него: «коренной северянин, Чукотка для него родина, никуда уезжать он не собирается»⁷¹. В статье «Хорошие вести» читаем про различные успехи производителей и заготовителей, чья работа свидетельствует о том, что резервы у округа есть и при энергичной работе округ может обеспечить себя продовольствием. Закачивается статья так: «Мы будем рады опубликовать интервью или статью о первых успехах фермеров, частных предпринимателей. Их опыт должен стать достоянием всех. Мы должны учиться друг у друга, помогать друг другу пережить наше нелегкое время»⁷². Таких публикаций в этой газете довольно много. Еще примеры.

Поселок Уэлькаль: «Есть люди, которые тихо делают свое дело: один разводит песцов (уже 30 штук), другой построил теплицу, выращивает и продает огурцы. Прапорщик местной пограничной заставы (мыс Шмидта) построил свинарник и держит свиней – у него 50 свиней, содержатся в исключительной чистоте, прирожденный фермер»⁷³.

Поселок Андрюшкино (Якутия): «Несколько человек создали частный бизнес: гоняются на “Буранах” за дикими оленями, добывают и продают мясо. Это мясо очень ценится, хорошо зарабатывают, хотя и приходится много и тяжело работать. Многие семьи вместе с детьми участвуют в изготовлении сувениров из кости мамонта или из оленьих рогов»⁷⁴.

К той же категории относятся и предприниматели, торговцы, транспортники, а также описанные выше создатели общин, учителя и журналисты. После краха экономики ЧАО, когда многим в отсутствие какой-либо зарплаты и снабжения пришлось вспоминать традиционные промыслы, в эту же категорию вошли охотники и рыбаки, кормильцы семей и поселков. Для нашей темы важно, что с точки зрения их места в системе эти успешные предприниматели и торговцы, транспортники и учителя были неоднородны; так, бывшие советские начальники, бывшие партийные функционеры, даже мелкие, имели, конечно, преимущество перед «низшими эшелонами» при приватизации, при получении кредитов, а следовательно – и в развитии собственного бизнеса⁷⁵.

Мы видим, что в самом начале 1990-х в ЧАО, как и в соседней Якутии, началось активное движение населения, прежде всего коренного, за большую свободу в области образования, за экономическую и хозяйственную самостоятельность на базе

71 Советская Чукотка. 1992. 11 февраля. С. 5.

72 Советская Чукотка. 1992. 18 июня. С. 4.

73 Вахтин Н.Б. *Указ. соч.*

74 Там же.

75 THOMPSON N. *Op. cit.* P. 122.

традиционных промыслов (в случае ЧАО – с опорой на международную помощь). Лидерами этого движения в ЧАО стали коренные жители, увидевшие в ситуации растущей неопределенности надежду добиться каких-то улучшений своей жизни⁷⁶.

К 1996 году эти тенденции сменились апатией, снижением роли общественных организаций и затуханием разговоров вокруг идеи общественного самоуправления⁷⁷. Национальные ассоциации, созданные в начале 1990-х на волне бурного общественного подъема (в Якутии – при прямой поддержке республиканских властей), начали быстро терять свое влияние из-за отсутствия независимой финансовой базы и юридически закрепленного правового статуса. В «Отчете» 1996 года мы отмечали:

«[Произошло] резкое усиление, даже по сравнению с 1995 годом, роли окружной исполнительной власти. Администрация округа постоянно и настойчиво расширяет сферы своего контроля, используя в первую очередь финансовые, а также административные механизмы. [...Имеет место] безусловный кризис доверия к формам низовых экономических инициатив коренного населения, и прежде всего – со стороны самих коренных жителей»⁷⁸.

Не последнюю роль в этом сыграла политика «высших эшелонов». Приведем лишь один пример. 11 октября 1990 года в газете «Советская Чукотка» появилась статья «Гримасы приватизации?», в которой рассказывалась обычная для тех времен история. Представитель некоей фирмы из Магадана приехала в Анадырь подписывать договор на приватизацию нескольких предприятий общепита. Корреспондент газеты, Маргарита Дობроцкая, усомнилась в полной прозрачности происходящего, посетовала на то, что власти в этом важном вопросе не советуются с горожанами, и закончила статью следующим пассажем:

«Создалось впечатление, что советоваться руководство округа – в лице председателя окрисполкома А.В. Назарова – не собирается: “варяги” из Магадана уже вовсю готовят проекты договоров... Вызывают уважение их оперативность и расторопность, соблазняют обещанные “золотые горы”. Но кое-что вызывает и настороженность – не хотят ли магаданские бизнесмены подешевле “срубить” то, что “плохо лежит”. Эдакая ловля рыбки в мутной водичке... А если Александр Викторович Назаров владеет точной информа-

76 Согласно теории Брайант и Найта, надежда – это активная позиция по отношению к будущему, стремление к актуализации определенных возможностей (BRYANT R., KNIGHT D.M. *Op. cit.* P. 134).

77 Сошлюсь еще раз на Брайант и Найта: какой из вариантов будущего будет регулировать наше поведение, зависит от «ориентации» (важный для данной теории термин). «Ориентации влекут за собой планирование, надежды на будущее и воображение будущего, они также часто влекут за собой крах и ослабление попыток достичь будущего: в этот момент надежда может превратиться в апатию, планирование – в разочарование, воображение – в усталость» (Ibid. P. 19).

78 *Отчет.* 1996.

цией, что магаданцы заботятся исключительно о благе анадырцев, почему же он не снизошел обрадовать их, хотя бы через газету Советов? Почему бы, например, не устроить аукцион – кто больше?! И не очередная ли это попытка области заблокировать самостоятельность Чукотки, захватив в свои руки самые важные вопросы: снабжение, питание. Прав мэр Анадыря: в новом для нас деле приватизации не стоит рубить с плеча. Разгосударствление не должно превратиться в разбазаривание!»⁷⁹

Через десять дней в газете появилась новая заметка:

«Имеет ли журналист право на собственное мнение? [...] А если это мнение расходится с мнением председателя окрисполкома? Такого в газете Советов быть не может – считает Александр Викторович [Назаров]. Об этом он заявил по телефону: “Вашу Доброцкую нужно немедленно уволить из редакции. Всю редакцию разогнать и набрать новый штат!” – захлебывалась от крика телефонная рубка его голосом. [...] Оказывается, не по нраву ему пришлась статья “Тримасы приватизации”»⁸⁰.

Видно, что председатель окрисполкома (и будущий губернатор округа) воспринимает газету не как независимый источник информации, не как союзника в строительстве новой системы власти, а как опасного противника, то есть категорически не может принять ситуацию, когда власть в округе не единолична⁸¹.

* * *

Два отчетливо осознаваемых населением ЧАО периода – с конца 1980-х до начала 1993 года и с осени 1993-го и до конца десятилетия – резко различаются по настроению. Если в конце 1980-х растущая неопределенность скорее вызывала у многих людей надежду на позитивные перемены, то экономические проблемы начала 1990-х похоронили многие из этих надежд⁸².

Многие пишущие на эту тему находят причинно-следственную связь между либерализацией конца 1980-х, «шоковой терапией» 1992 года и последующим тяжелым экономическим кризисом, больно ударившим по населению страны в целом и по ЧАО в особенности. Так, западные антропологи, занимавшиеся как Сибирью, так и другими российскими регионами,

79 Советская Чукотка. 1990. 11 октября. С. 4.

80 Советская Чукотка. 1990. 20 октября. С. 4.

81 Ср., поселок Амгуэма: «Как говорил мне один амгуэмский информант в 1993 году, телевизионные новости доходят “в отфильтрованном виде”, радио не доходит вообще, в газете нет ничего интересного» (ВАХТИН Н.Б. *Указ. соч.*).

82 См.: KRUPNIK I., ВАХТИН N. “In the House of Dismay”... P. 30; GRAY P. *The Predicament of Chukotka’s Indigenous Movement: Post-Soviet Activism in the Russian Far North*. New York: Cambridge University Press, 2005.

были (и остаются) последовательны в своем скептическом отношении к стратегии «шоковой терапии»; в отличие от многих политиков, они не считали, что переход к рыночной экономике быстро и без усилий «излечит от всех зол (существующих и выдуманных) “коммунистической” системы». Они показывали, что на всей территории бывшего СССР шли противоречивые процессы и что, если просто применять абстрактные политические схемы к реальной ситуации, это может привести к непредсказуемым результатам, иногда обратным желаемому⁸³.

Однако можно ли утверждать, что в начале 1990-х в ЧАО механизм саморегулирующегося рынка, который привел к экономическому, политическому и социальному кризису, был запущен благодаря политике «шоковой терапии»? Не в том ли дело, что «верхние эшелоны» не дали сработать этому механизму с помощью сознательного, планомерного и успешного сопротивления, которое и стало причиной экономического и социального кризиса?

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ: ВЗГЛЯД СВЕРХУ

По понятным причинам мы не располагаем детальными рассказами руководящих работников администрации ЧАО о своих действиях; прежде всего мы можем опираться только на материалы местной прессы (до 1993 года газеты ЧАО были еще довольно независимы), рассказы местных жителей и более поздние публикации⁸⁴. Однако и этих материалов достаточно, чтобы описать действия тогдашнего губернатора ЧАО и его окружения в интересующем нас аспекте.

После августа 1991 года «высшие эшелоны» в ЧАО оказались представлены двумя лицами: Александром Назаровым, занимавшим высший пост в исполнительной власти, и Владимиром Етылиным, занимавшим такой же пост во власти законодательной. Оба были профессиональными управленцами, членами КПСС, с опытом работы в партийном и хозяйственном аппарате; каждый считал себя «хозяйном округа», так что кон-

83 Нильсен Ф. *Указ. соч.* С. 10. Как писал еще в 1944 году Карл Полаanyi, слепая вера в саморегулирующийся рынок ведет к тому, что все социальные изменения начинают восприниматься как нормальные. Если изменения идут слишком быстро, их, вообще говоря, следовало бы замедлить: «Процесс неуправляемых изменений, темп которых считается чрезмерным, следует, если возможно, притормозить ради блага общества. Но подобные простые истины [...] были в XIX веке буквально стерты из сознания образованной публики разьедающим воздействием примитивного утилитаризма вместе с некритической верой в “самоисцеляющие свойства” стихийного развития» (Полаanyi К. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени.* СПб.: Алетейя, 2014. С. 45).

84 GRAY P. *Chukotka Reindeer Husbandry in the Post-Socialist Transition*; IDEM. *The Predicament of Chukotka's Indigenous Movement...*; THOMPSON N. *Op. cit.*

фликт между ними был неминуем⁸⁵. Ситуация в округе в то время описывалась как «двоевластие» – термин, знакомый каждому советскому школьнику: так в учебниках называлась ситуация между февралем и началом осени 1917 года, когда власть в стране была разделена между Временным правительством и Советами; это слово могло вызвать в сознании людей только негативные коннотации⁸⁶. Оба «хозяина» боролись за единоличную власть, при этом Назаров ставил на президента, Етылин – на Верховный Совет.

Не известно, чем бы закончилось это противостояние, длившееся несколько лет, если бы не московские события октября 1993 года. О том, как они отразились на жизни ЧАО и как были использованы администрацией губернатора, имеет смысл сказать немного подробнее.

9 октября 1993 года Ельцин подписал указ о реформе органов представительной власти и местного самоуправления⁸⁷. В соответствии с этим указом предписывалось провести выборы в новые органы власти, а до этого «исполнительно-распорядительные функции, закрепленные [...] за Советами народных депутатов [...] осуществляются администрацией соответствующего субъекта Российской Федерации»; в случае же невозможности выполнения Советами своих функций эти функции «времененно осуществляет соответствующая администрация»⁸⁸.

Через десять дней «малый Совет» окружного Совета народных депутатов ЧАО принял решение о реализации этого указа на территории ЧАО и передал губернатору соответствующие полномочия. Еще через десять дней, 29 октября, губернатор учредил газету «Крайний Север» и подписал постановление

85 Александр Викторович Назаров (р. 1951) – в 1991–2000 годах губернатор ЧВО. Окончил Макеевский инженерно-строительный институт и Хабаровскую высшую партийную школу. В 1996–2000 годах – член Совета Федерации по должности, в 1996–2003-м – председатель Комитета по делам Севера и малочисленных народов, в 2003–2009-м – аудитор Счетной палаты России. Владимир Михайлович Етылин (р. 1944) – родился в чукотской семье, окончил Магаданский политехникум (1964), Хабаровскую высшую партийную школу (1975), экономический факультет Приморского сельхозинститута (1983), аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС (1989). Был секретарем парткомов двух совхозов, секретарем Чаунского и первым секретарем Чукотского райкома КПСС, вторым секретарем Чукотского окружкома КПСС, членом Магаданского обкома КПСС. В 1989–1991 годах – народный депутат СССР от Чукотки, член Верховного Совета СССР. В 2001–2003 годах – депутат Государственной Думы России от Чукотки. Один из создателей Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, и других общественных организаций коренного населения.

86 Это сегодня мы понимаем, что двоевластие (в отличие от ситуации в бывшей Российской империи 1917 года) – синоним принципа разделения властей, основа демократического устройства общества и совершенно нормальное состояние для любой страны; однако, судя по событиям 1993 года, в то время этого в России не понимал никто.

87 Указ Президента Российской Федерации от 09.10.1993 г. № 1617 «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации».

88 Горькая ирония состоит в том, что указ Ельцина, уничтоживший представительную власть в России и передавший фактически неограниченные полномочия президенту, был принят, как явствует из его первых строк, «в целях обеспечения подлинного народовластия и реализации конституционного принципа разделения властей».

«О прекращении деятельности редакции газеты “Советская Чуколка”» (опубликовано 4 ноября). Через два месяца губернатор ввел в ЧАО чрезвычайное положение⁸⁹, мотивируя это сложностями с взаимными расчетами между предприятиями, обеспечивающими округ теплом, что «может повлечь крупные аварии на производстве и поставить под угрозу жизнь и здоровье населения». Постановление вводило режим чрезвычайного положения с 23 декабря сроком на тридцать суток; в первом пункте подчеркивалось: «Введение чрезвычайного положения не предполагает ограничения прав и свобод граждан на территории округа». Однако далее оно содержало ссылки на статью 24 параграф «г» Закона РСФСР «О чрезвычайном положении» (о мерах по мобилизации ресурсов предприятий), а также требовало «строго руководствоваться» статьей 22 этого закона. Эта статья предусматривала, в частности, а) особый режим въезда и выезда, а также ограничение свободы передвижения по территории, на которой введено чрезвычайное положение; б) усиление охраны общественного порядка и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения; в) запрещение проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, а также иных массовых мероприятий; г) запрещение забастовок; д) ограничение движения транспортных средств и их досмотр. Всеми этими пунктами губернатор, оставшийся в округе единоличным «хозяином», воспользовался в полной мере.

Томпсон⁹⁰ подробно описывает то, что он назвал «опечатыванием» (*sealing off*) ЧАО: ограничение на въезд посторонних, прежде всего иностранцев; отказ от иностранной помощи коренному населению; жесткий контроль информации, исходящей из округа вовне; ужесточение пограничного контроля, а также неизбежные при отсутствии обратной связи с населением ошибки и упущения в управлении. Он объясняет такое поведение власти «инстинктом монополизировать контроль и исключить конкуренцию со стороны альтернативных “патронов”»⁹¹. В частности, губернатор понимал, что общины коренного населения не полностью охвачены сферой его покровительственного влияния, и считал, что они представляют собой потенциальную угрозу для его власти. Ограниченный успех некоторых местных организаций в налаживании сотрудничества с частными благотворительными организациями Аляски и других регионов лишь усилил эти подозрения⁹².

89 Постановление «О введении чрезвычайного положения на территории Чукотского автономного округа» от 23.12.1993 г., № 316 (КС, 28.12.1993).

90 THOMPSON N. *Op. cit.* P. 100–102.

91 *Ibid.* P. 102.

92 *Ibid.* P. 106.

Хорошая иллюстрация здесь – судьба районного центра Беринговский⁹³. В 1989 году здесь жили около пяти тысяч человек, в основном работавшие на угольных шахтах. К середине 1990-х условия жизни здесь стали ужасающими: в поселке не стало воды, тепла и канализации. Чтобы скрыть этот кризис, между 1997-м и 2000 годом сюда не допускались никакие внешние визитеры, а местные органы безопасности по распоряжению администрации округа должны были не пропускать никакой информации об условиях жизни в поселке ни в письмах, ни в телеграммах. Междугородной телефонной связи также не было. Жители пытались передать сведения о бедствии в Анадырь и в Москву, но безрезультатно.

Томпсон описывает происходившее в те годы в простых и грубых терминах («мафия», «воры в законе» и тому подобные): тогдашняя «элита» ЧАО «жадно обглаживала» округ, ничуть не интересуясь не только его развитием, но и простым выживанием населения; для правящей группы процесс выкачивания ресурсов из Чукотки и перевод средств за ее пределы был «стратегией, обеспечивающей собственный отъезд из округа на наиболее выгодных условиях»⁹⁴. Каждый, кто пытался этому помешать или хотя бы имел о происходящем мнение, не совпадающее с мнением губернатора, немедленно оказывался «врагом», на которого обрушивался губернаторский гнев – а затем и подчиненный ему репрессивный аппарат.

Существуют разные мнения относительно причин всего этого. Бент Нильсен отмечал, что в округе продолжали доминировать отношения и структуры советского времени, и объяснял это через концепцию *зависимости от пройденного пути (path dependency)*⁹⁵. Томпсон считает, что причины – в бесконтрольности губернатора ЧАО в 1993–1997 годах, когда тот получал средства из центра и имел возможность «распоряжаться ими как хотел, награждая лояльных и наказывая несогласных»⁹⁶. При этом для губернатора ЧАО и его ближайшего окружения было важно держать подчиненных в неведении относительно принципов и правил распределения бюджета⁹⁷.

Чем бы ни объяснялось такое поведение «высшего эшелона системы», ясно, что принадлежавшие к нему люди восприняли возросшую неопределенность жизни и как появление новых возможностей личного обогащения, и как угрозу своей власти и сделали все, чтобы сохранить *status quo*, контроль над окру-

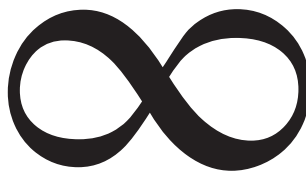
93 Ibid. P. 102.

94 Ibid. P. 107–109, а также – особенно – P. 123.

95 NIELSEN B. *Op. cit.*

96 THOMPSON N. *Op. cit.* P. 103.

97 Ibid. P. 105.

гом и привычные патрон-клиентские отношения, причем не только с коренным, но и с местным населением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ – РЕСУРС ИЛИ БЕДСТВИЕ?

Выше мы показали, что разные группы населения ЧАО в 1990-е реагировали на растущую неопределенность по-разному. Как можно определить эти группы?

Бент Нильсен выделяет две различные, но параллельно существующие тенденции поведения населения ЧАО. Первая – широко распространенная – это тенденция к пассивности и беспомощности; вторая свойственна небольшой группе (в том числе и некоторым представителям коренного населения), которая готова проявлять инициативу и действовать относительно независимо в пределах существующих политических и административных рамок (см. примеры выше)⁹⁸. Патти Грей пишет еще об одной группе – «коренных активистах», которые располагались между доминирующими городскими русскими жителями и коренным сельским оленеводческим населением. Эти активисты – часть системы: в советские годы они находились почти в самом низу социальной иерархии, но все-таки не так низко, как коренные охотники или оленеводы. Они, как и все, привыкли получать социальные блага от «верхних эшелонов» и перераспределять их вниз. В советское время существовали правила (*scripts*), которые определяли место этих активистов в системе. Конечно, все они получали благословение партийных органов, и чаще всего инициатива различных мероприятий тоже исходила сверху. Сами активисты были, как правило, членами КПСС; они отлично знали неписанные правила, знали свою роль, знали, какого поведения от них ждут. После 1991 года те же люди активно включились в новые активистские движения. Подсознательно они, как кажется, хотели, чтобы все оставалось, как раньше, но только чтобы в новой ситуации им досталось больше той самой (пере)распределительной власти:

«После распада СССР эти люди, как им казалось, не делали ничего качественно иного по сравнению с тем, что они же делали при советской власти [...] для них их новые карьеры были естественным [*seamless*] продолжением предыдущих»⁹⁹.

Оппозиция «коренной – приезжий», адекватная описанию ситуации в ЧАО в первой половине XX века, перестала к 1990-м

98 NIELSEN B. *Op. cit.* P. 178.

99 GRAY P. *Chukotka Reindeer Husbandry in the Post-Socialist Transition*. P. 31; см. также: IDEM. *The Predicament of Chukotka's Indigenous Movement...* P. 150–152.

соответствовать реальности. Этому, собственно, посвящена вся книга Томпсона, которая открывается фразой: «Одна из важных нерассказанных историй Севера скрывается за подсознательной верой в то, что мы знаем, кто здесь коренной, а кто лишь приезжий»¹⁰⁰. Существовавшая в советскую эпоху иерархия привилегий приезжих по отношению к коренным в 1990-е перестала быть абсолютной, поскольку выживание и успех теперь во многом зависели от личных усилий и перестали быть жестко определены этнически¹⁰¹. Опыт выживания в 1990-е – в условиях, когда государственная власть временно ослабла, – вынудил многих приезжих проявить предприимчивость и инициативу, использовать опыт местного населения, перенять местные практики. Это породило среди приезжих чувство принадлежности, практической и эмоциональной связи с этой землей¹⁰². Об этой «новой локальности» писали и мы:

«После 1991 года Чукотку покинули тысячи “приезжих” в поисках лучшей жизни в других частях России и в новых независимых государствах, тысячи оставшихся ощутили Чукотку своей законной родиной, [...] само понятие “родина” подверглось серьезной переоценке. [...] “Домом” человека стало место, где он родился, где он жил в детстве, женился или просто провел важные годы своей жизни. Это очень личное и эмоционально нагруженное понятие “родины” сменило прежний образ Советского Союза, охватывающего 10 часовых поясов, который считался “родиной” для всех советских людей. Новая “локальность”, меняющийся взгляд на региональную лояльность теперь основывался на крепких личных связях, а не на стереотипах прежней империи»¹⁰³.

Эти и другие группы населения, выделенные по разным основаниям и образующие сложные конфигурации, реагировали на резко возросшую неопределенность 1990-х по-разному. В заключение рассмотрим одну из возможных моделей типовых сценариев таких реакций.

Поскольку ситуация кризиса повышает неопределенность, а неопределенность в свою очередь дает не только снижение предсказуемости (возможности планирования), но и рост потенциальных возможностей развития, можно ожидать, что разные группы населения выберут разные сценарии поведения. Для кого-то рост неопределенности – это прежде всего увеличение «веера возможностей», для кого-то – снижение возможности планирования¹⁰⁴. Население ЧАО на начало 1990-х отчетливо структурируется по двум осям:

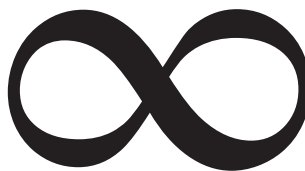
100 THOMPSON N. *Op. cit.* P. 3.

101 *Ibid.* P. 114.

102 *Ibid.* P. 115–116.

103 KRUPNIK I., ВАХТИН N. “*In the House of Dismay*”... P. 19.

104 Этот подход восходит к идем Вебера о жизненных шансах и рисках. Вебер учитывал как реальные жизненные возможности и шансы человека, так и его реальные лишения и потенциальные риски. Приме-

1) *Коренное – местное – приезжее население*. Операционное отличие *местного* населения от приезжего – это решение уехать или остаться в ситуации, когда такой выбор был возможен. Для многих представителей местного населения, впрочем, решение остаться поначалу могло быть вынужденным, однако при изменении ситуации в ЧАО в начале 2000-х они имели возможность либо подтвердить, либо отменить свое решение.

2) *«Высший – средний – низший эшелон системы»*. К «высшему» мы относим чиновников окружных и районных органов власти, руководителей предприятий (как правило, все они в советское время были членами КПСС), высших офицеров и так далее. Количественно оценить эту группу трудно, но думаем, что в ЧАО она не превышала нескольких сотен человек. К «среднему» можно отнести квалифицированных работников дошкольных учреждений, школьных учителей, врачей, работников культуры (дома культуры, библиотеки и прочие), высших работников поселковой торговой системы, инженеров – то есть тех, кого можно назвать «поселковой верхушкой». Полагаю, что эта группа составляла около 10% всего населения ЧАО, то есть на начало 1990-х порядка пятнадцати тысяч человек. К «низшему эшелону» мы относим всех остальных.

По этим двум осям население отчетливо разбивается на группы по реакции на рост неопределенности.

Представители *коренного* населения, относящиеся к «высшему» (единицы) и «среднему» (десятки) «эшелонам», стремились использовать рост неопределенности, чтобы расширить сферу своей деятельности и власти. Представители *коренного* населения «низшего эшелона» поначалу пытались использовать появившиеся возможности, чтобы избавиться от надоевшей опеки приезжих (создание организаций коренного населения, образование общин, попытки организовать производство и сбыт продукции), однако, когда стало понятно, что порожденный действиями «высших эшелонов» экономический кризис не даст развиваться этим инициативам, быстро потеряли к ним интерес и пополнили ряды тех, кто воспринимал предыдущее состояние «стабильности» (проще говоря, застоя) и зависимость от государства как благо.

Представители *местного* населения «среднего эшелона системы» в основном восприняли рост неопределенности как шанс и попытались выстроить что-то новое. Отчасти к ним примкнули и *местные* жители «низшего эшелона», однако большинство людей этой группы – те, для кого решение остаться

нительно к конкретным исследованиям российской ситуации эта модель детально разработана в главе, написанной Василием Аникиным для книги «Общество неравных возможностей» (*Общество неравных возможностей... С. 17 и далее*).

ся было скорее вынужденным, – отнеслись к происходящему как к несчастью, то есть повели себя, скорее как коренные жители «низшего эшелона» (и позже, когда такая возможность появилась, покинули ЧАО).

Наконец, *приезжие* жители, практически независимо от «эшелона», отнеслись к происходившему как к бедствию; практически все они уехали, при этом обеспечив себе (в большей или меньшей степени, в зависимости от своего места в иерархии власти) комфортные условия жизни на новом месте.

НИКОЛАЙ ВАХТИН

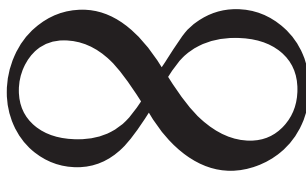
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
1990-х ГОДОВ НА ЧУКОТКЕ...

Опыт выживания в 1990-е – в условиях, когда государственная власть временно ослабла, – вынудил многих приезжих проявить предприимчивость и инициативу, перенять местные практики. Это породило среди приезжих чувство принадлежности, практической и эмоциональной связи с этой землей.

Необходимо подчеркнуть, что наша несложная модель описывает не поведение конкретных людей, а категории и типы возможного поведения; конкретные люди могли вести себя в соответствии то с одним сценарием, то с другим, противоречить себе в своих оценках происходящего и так далее. Есть и индивидуальные исключения, когда, например, представитель коренного населения, относящийся к «низшему эшелону системы», неожиданно ведет себя так, как будто он принадлежит к «высшему» – и наоборот.

Считать неопределенность проблемой или ресурсом, угрозой или шансом зависит не в последнюю очередь от того, к какому «эшелону системы» человек принадлежит. Если к «высшему», то скорее всего для него повышение неопределенности будет угрозой и он будет делать все для ее снижения и возвращения стабильности. Если к «низшему», то вероятность, что человек увидит в растущей неопределенности шанс изменить свою (и не только свою) жизнь к лучшему, будет существенно больше.

В реальной истории ЧАО «верхний эшелон системы», состоявший практически полностью из приезжих, оказался союзником той более пассивной части населения, которая рассматривала растущую неопределенность как угрозу и опасность, а не той активной части, для которой она была шансом и ресурсом. Если бы на месте губернатора оказался другой, который, наоборот, нашел бы опору в активной части населения, воспользовался бы внезапно появившимися возможностями, судьба ЧАО в 1990-е могла быть совершенно иной.

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Лучше об этом не помнить

Среди сограждан есть люди, которые с отчаянием и ужасом взирают на нынешнее состояние российского социума. Среди них есть те, кто в дни тридцатилетия событий 3–4 октября 1993 года задается вопросом: не тогда ли были совершены ошибки, что привели к сегодняшнему положению вещей? Известно, что среди тех немногих в России, кого волнует этот вопрос и кто пытается на него ответить, давно существуют противоречия, которые время не смогло ни смягчить, ни разрешить. Осознание этого обстоятельства, как и тщетности апелляции к прошлому ради исправления настоящего, возможно, поможет сменить оптику, увидеть другие объяснения нынешнего удручающего положения и найти средства его исправления.

Почти четверть века исследователи общественного мнения сообщают, что

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

по меньшей мере две трети россиян одобряют деятельность того, кто возглавляет все это время наше государство. А с февраля 2022 года говорят о росте доли одобряющих до 80% и выше. Однако в ходе углубленных исследований – индивидуальных интервью и фокус-групп – среди этих одобряющих не перестают возникать темы «раскола в обществе», «развала России», «гражданской войны». А это, в глазах почти всех россиян, наихудшее, что может случиться со страной.

Есть еще страх третьей мировой войны, но она представляется событием фантастическим, тогда как гражданская война – реальным. Конечно, в последнее время тему третьей мировой «заземлили» хлесткими словами о том, что она, мол, уже идет или что дело к ней неуклонно идет, что ядерным оружием можно воспользоваться – ограниченно, тактически, ничего страшного. Но все равно, характер мыслей о ней и о войне внутри нашего общества остается совершенно разным.

Попытки расспрашивать, кто с кем будет воевать во внутренней, гражданской, войне, результата не дают. «Ну, те, кто “за”, с теми, кто “против”», – более ясного ответа получить не удастся. Характерно оживление этих разговоров в связи с акцией вагнеровцев. При этом ссылаются не на сами их действия, а на то, как радушно (так говорят) их встретили в Ростове-на-Дону. За что и против чего выступал Евгений Пригожин, ясности нет – ни в прессе, ни у публики. Похоже, сам факт выступления «человека войны» был важнее, это

и был *message*. Можно предположить, что тот иррациональный страх по поводу гражданской войны, который виден по исследованиям, навеян неясным чувством, что она нужна – только не известно зачем. Она не имеет смысла – но она сама ценность.

Это в свою очередь проявляется в иррациональности памяти о той гражданской войне, которая была давно, и о той, которая едва не началась сравнительно недавно, тридцать лет назад. Об иррациональности мы говорим потому, что сегодня не только отсутствует общественное согласие в оценках этих исторических событий, но и наблюдается явный отказ усматривать какой-либо смысл в некоторых из них. Например, в событиях 3–4 октября 1993 года.

Несогласие существует не только между сохранившимися политическими противниками тех лет, но и между теми, кто принадлежит вроде бы к одному политическому направлению – назовем его «демократическим». Самым часто вспоминаемым в этой среде событием является так называемый «расстрел Белого дома»¹. На «демократов» тех лет более поздние (еще более «демократические») критики возлагают грех прерывания только-только начавшегося в России демократического процесса. Переход от демократических процедур к силовым и привел-де нас к нынешнему состоянию.

Мы все знаем о неприменимости солагательного наклона в истории. Однако в социальных исследованиях оно может позволить определить отношение к настоящему через свою версию

1 С опозданием на тридцать лет хочется сделать комментарий к слову «расстрел» как части этой формулы. В российской речевой практике оно к тому моменту было нагружено преимущественно негативными коннотациями и потому пришлось кстати той стороне, которая относилась к соответствующей акции с осуждением. Меж тем оно терминологически не верно, как и симметричная формула «залп “Авроры”». Точнее было бы слово «обстрел», но в нем нет зашитых значений несправедливого действия, убийства безоружных и так далее, которые идеологическим сторонникам хасбулатовского Верховного Совета удалось навязать в том числе и своим оппонентам.

возможного прошлого. Например: если бы не вмешались танки, победил бы Верховный Совет, Хасбулатов и Руцкой. И тогда... Здесь есть две версии. Одна: начался бы красно-коричневый террор, установление соответствующего режима и так далее. Но на это звучат реплики: а что же мы имеем сейчас? Победили «демократы» – а пришли к чему? Другая: сторонники Хасбулатова объективной логикой исторического процесса были вынуждены пойти на те же экономические и политические реформы, что были проведены ельцинско-гайдаровским режимом, а там, глядишь, и все общество демократизировалось бы и стало жить хорошо, без родовой травмы насилия.

Однако такие разговоры ведутся лишь в среде, где сохраняется интерес к этим событиям прошлого, где в них ищут причины и истоки сегодняшнего положения дел. Из наших исследований мы знаем, что эта среда очень узка и по отношению к массовому сознанию маргинальна. Для массового сознания наших соотечественников/современников прошлое значимо, но не это. Значимы вообще «девяностые» – первое лицо обозначило их как «лихие», значит, таковыми им и быть. Массам помнится брежневское время как «золотое», как недостижимый идеал покоя и благополучия. Помнятся Великая Отечественная война, теперь в основном как Великая Победа, «великая Российская империя», «великая Россия» – усыпальница великих же императоров и государей: Николая II и Николая I, Петра Великого, Ивана Грозного.

Память об октябрьской революции присутствует, но «великой» ее называют только те, кто эту формулу выучил в детстве; судить, к добру она была или

к худу, сейчас уже не готовы. Память об «империалистической» Первой мировой войне почти отсутствует. И почти отсутствует память о гражданской войне. Меж тем не события 25 октября 1917 года были началом советского периода нашей истории, а именно гражданская война. Октябрьский переворот в Петрограде – незначительный по всем меркам эпизод по сравнению с нею. Несоизмеримы по числу участвовавших в противоборстве политических сил, по числу их политических побед и поражений, по численности участников – и по числу жертв – этот длившийся несколько часов акт и этот длившийся несколько лет процесс.

Советское государство не просто родилось в результате победы большевиков в гражданской войне. Оно буквально было выношено этой войной как новая форма общественной организации, властвования и управления. Из главнокомандующих той войны вышли первые руководители государства, из командиров – первый состав начальников среднего звена. Из того, как ими командовали и как командовали они, выросла система управления.

Все это забыто. Забыто в том числе потому, что не известно, в каком ключе помнить – позитивном или негативном? Кто был прав – красные или белые? Сейчас получается, что и те и другие были «хорошие». Одни – «герои гражданской войны», другие – «благородные участники белого движения». И те и другие были за Россию. Почему воевали друг с другом, уже не понять. Рациональный дискурс не работает, потому его отключают.

Не понять, за что и против чего стояли вокруг Белого дома в 1991 году, а потом в 1993-м. За последние шесть лет, по данным «Левада-центра»², с 23% до 31%

2 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

увеличилась доля россиян, которые не знают или впервые слышат о противостоянии сторонников Ельцина и Верховного Совета 3–4 октября 1993 года. Если число «хорошо знающих» практически не изменилось (было 18%, стало 17%), а число «знающих в общих чертах» осталось на уровне 50%, то объяснить значимое увеличение отвечающих «не знаю» или «в первый раз слышу об этом» можно только нежеланием об этом думать и говорить.

А почему? Потому что неясно, что именно следует думать и говорить об этих событиях, нет связного нарратива. Подчеркнем – речь не о том, что *не следует*, а о том, что *следует*. Официальная точка зрения власти не объявлена, а неофициальная, на которую все чаще ориентируются люди, в данном случае двойственна и потому неясна. Ельцин с кем-то там боролся и победил. Мы наследники этой победы, хотя Ельцина не любим. Некоторые догадываются, что в современной политической ситуации, одобряя деятельность нынешнего президента, они одобряют линию, более близкую позиции Верховного Совета, а не Ельцина. Меж тем Путин, ведущий эту линию, был преемником Ельцина и от этого до сих пор не отрекся. Так что лучше не думать, кто же был тогда прав.

В итоге на вопрос, кто был прав в противостоянии 3–4 октября 1993 года, главный ответ – «и те и другие были неправы», почти 40%. Важно, что общественное мнение по этому вопросу особенно не меняется с момента, когда Путин обрел собственную идентичность – он уже не преемник, он переизбрался и опирается на собственный ресурс поддержки, – то есть начиная, скажем, с 2006-го и до сегодняшнего дня. Еще около 20% во все эти годы выбирают ответ «в какой-то мере и те и другие [правы]». Итого: главный ответ общества – отсутствие

ответа, а точнее, отмена данного вопроса российской истории. А отсюда главный вывод: две трети россиян определенно объявляют ничтожными цели, из-за которых тогда чуть не началась гражданская война.

Для контраста отметим несколько иную позицию меньшинства – группы самых молодых и образованных. Они примечательно часто (среди студентов почти одна пятая) называют правыми сторонников Ельцина, вдвое реже – его противников. Про них можно сказать, что они сознательные наследники той демократической волны. Их немного, но они есть. Тем более значимо, что в молодежной группе максимум сказавших, что не могут сделать выбор, и минимум объявляющих мнения споривших равноправными, а значит, их спор – бессмысленным.

Интерес представляют ответы и другого меньшинства – тех, кто в те дни был уже взрослым и кто сейчас мог бы вспомнить, что тогда думал. Здесь максимум отвечающих, что обе стороны были неправы, здесь в семь раз чаще поддерживают сторонников Верховного Совета, но даже здесь совокупная доля тех, кто занял сторону в несостоявшейся тридцать лет назад гражданской войне (32%), меньше доли тех, кто объявил ничтожным сам спор (39%), который шел у них на глазах и едва не расколол нацию на два воюющих лагеря.

Получается, что гражданский конфликт октября 1993-го не релевантен в глазах людей главным конфликтам современного российского общества. Об этом говорит, в частности, и тот факт, что позиции по поводу событий тридцатилетней давности совершенно одинаковы у тех, кто одобряет деятельность Владимира Путина на посту президента России, и у тех, кто в этом одобрении ему отказывает. (А мнения по этому во-

просу, как показывают многомесячные наблюдения, совпадают с мнениями по поводу СВО.)

Возможно, отсутствие позиции по отношению к событиям 1993 года есть своеобразная форма выражения лояльности президенту: он избегает говорить о своей политической позиции в те годы, ее как бы вообще нет, и публика ему вторит: там не о чем говорить. Но с гражданской – а может, подданнической? – позицией этих людей в отношении реалий сегодняшнего дня все совсем не так. По поводу СВО у них неизменно твердое мнение – поддерживаем.

Насколько же велик раскол в современном российском обществе? Велик ли риск гражданской войны?

Наши опросы показывают, что сегодня у поддерживающей СВО публики отношение к тем, кто после ее начала выходил на антивоенные акции, по преимуществу «нейтральное, безразличное» (44%). Отношение «скорее отрицательное» у 32%, а «скорее положительное» у 18%. Похоже, не все помнят, как власти обходились тогда с протестующими. С мнением, что «власть должна пресекать антивоенные выступления», сейчас согласна почти половина людей старших возрастов, но менее четверти молодых – в среднем получается более трети опрошенных. В этой связи важно, что две трети людей моложе 40 лет и почти половина более старших поддерживали тезис «власть не должна ограничивать свободу слова». Таких проявлений либерализма мы давно не отмечали. Более характерным для нынешнего времени является равнодушие в виде

отказа и от поддержки, и от осуждения, и вообще от суждения³. В адрес уехавших после 24 февраля в массовой публике добрых слов не говорили, многие соглашались с обвинением «предатели», но около половины опять же заявляют о равнодушном отношении к ним.

Но на фокус-группах именно респонденты, лояльные к власти и ее действиям, очень часто говорят о том, что в обществе «раскол». (Насколько велико число «раскольников», они сказать не могут.) Не обязательно быть записным демократом, чтобы не бояться присутствия в стране носителей иных, нежели у большинства, взглядов. Но для тоталитарного сознания это видится угрозой. Видимо, такое сознание нынче у многих, раз о «расколе» шепчут так часто.

Что касается прямо выражающих несогласие с политикой властей (и то не публично, а в ситуации интервью с глазу на глаз на дому у респондента), тех, кто заявил, что в случае массовых акций протеста с политическими требованиями, примет в них участие, – 13%. Заявивших, что они не одобряют деятельность Путина на посту президента России – 17%; что страна движется по неверному пути – четверть; что они не поддерживают действия российских вооруженных сил в Украине – одна пятая.

Наиболее резкое несогласие с политикой России, резонно думать, было выражено теми, кто покинул страну после 24 февраля 2022 года. Сложно оценить их численность, но назвать их оппозицией нельзя⁴ – скорее это диаспора (в изначальном смысле этого слова – рассеяние). Власти правильно понимают, что в таком агрегатном состоянии они не

3 Впору назвать это «толерантностью», если бы это слово не приобрело сегодня у публики совершенно иной остро-пейоративный смысл: неприемлемое для нас терпимое отношение европейцев к однополым бракам и всей реальности ЛГБТ. Претензии к «Гейропе» по этой части оказываются даже сильнее, чем в связи с помощью, которую Европа оказывает Украине.

4 Мы говорим не о тех, кто занимается политической деятельностью, выступает в медиа, пытается и не может прийти к согласию друг с другом. Их десятки. Речь о тех, счет кому был на сотни тысяч, если не более.

представляют опасности (но, побаиваясь – вдруг они все-таки вернуться, – и запугивают Колымой) и не начнут гражданской войны.

Есть те, кто прямо заявляет нашим интервьюерам, что не одобряет деятельность Владимира Путина. Но и они не образуют организованной политической силы, готовой к выступлениям. Согласные в неодобрении первого лица и его политики, сами они политически далеко не едины. Среди них больше всего сторонников КПРФ и ЛДПР, есть небольшая доля сторонников «Яблока»⁵. Единство – и немалое: пятнадцать с лишним миллионов взрослых людей – они образуют не сами, а своими ответами – и лишь в компьютерах «Левада-центра»

и наших пресс-релизах, а далее – в умах тех, кто их прочел и над ними подумал. Угрозы гражданской войны они в таком виде тоже не несут.

Но почему же из раза в раз наши респонденты, заявив о своей лояльности властям, твердят о расколе в обществе и связанных с ним угрозах? Приходится предположить, что этот раскол существует у них в умах. То есть мысль о том, что происходит что-то не то, что за ними нет той правоты, о которой они заявляют, – это подавляемая и вытесняемая из массового сознания мысль. Но, видимо, она сильна, видимо, ее давление ощущается и тревожит. Как и смутная память о событиях 3–4 октября 1993 года.

5 В лице своих руководителей эти партии не дружат, а «на местах», как показывают наши исследования, люди поддерживают их, не вникая в программы, лишь бы они были не «Единой Россией». Впрочем, вся поддержка сводится зачастую даже не к голосованию, а к тому, что они скажут, оказавшись в ситуации интервью, проводимого, повторим, у них дома, строгим, но не казенным порядком.

АЛЕКСАНДР
ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ
ИЛЬИН

Науки о человеке и обществе в России 1990-х – начала 2000-х: фрагменты дисциплинарной панорамы¹

Светлой памяти Натальи Самутиной (1972–2021)

Как объять необъятное, если ставить перед собой заранее невыполнимую задачу описания транзита советского обществознания в России в первое постсоветское десятилетие? Представленные ниже очерки развития отдельных дисциплин не могут претендовать на полноту (в частности, мы почти не будем затрагивать такие важные отрасли, как антропология и этнография, экономика и право-ведение, религиоведение, востоковедение, история искусства, науки и так далее). Институциональные новации, «революции переводов», сравнительные аспекты и социологические параметры академического мира тоже окажутся за рамками повествования. Наш рассказ будет посвящен преимущественно центральным фигурам в значимых академических исследова-

1 Данная работа – часть большого проекта, выполненного по заказу Фонда Ельцина в основном в 2020–2021 годах и посвященного изучению трансформационных процессов в гуманитарных и социальных науках в 1990-е. Выражаем огромную благодарность Илье Кукулину за инициативу в подготовке текста и важные методологические и фактические замечания.

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

тельских институтах и вузах, и мы можем лишь указать на ракурс – не идейный, а антропологический. Ведь, говоря о 1990-х, очень важно напомнить о локальных сообществах и их трансформации, о преподавателях, которые осваивали тогда новые для себя курсы или читали старые, сменив только их название, или о занятых «бедной наукой» «рядовых ученых». Сводилась ли эта антропология науки «снизу» к *выживанию* – едва ли не самой распространенной ретроспективной метафоре?²

Наиболее известной и эвристически продуктивной рамкой нам кажется предложенная Михаилом Соколовым и Кириллом Титаевым *социологическая* пара «туземной» и «провинциальной» науки. Коротко говоря, это разделение сторонников собственных, автохтонных научных иерархий, теорий и наборов классиков, с одной стороны, и, с другой, – ученых, пытающихся найти свое место в более или менее глобализованных системах координат, тех, кто старается приблизиться к воображаемому или реальному «мировому центру» производства знания³. Следует сразу сказать, что характеристики «провинциальная» и «туземная» не должны восприниматься как сугубо уничижительные – скорее они фиксируют различные ориентиры на уже сложившееся разделение умственного труда после конца «второго мира». Другие авторы уже в 1990-е отмечали сепарацию внутри академического цеха на нескольких групп, где меньшинство быстро научилось работать с западными фондами – и в эпистемологическом смысле оно стало основой именно для «провинциальной» науки, ориентированной на центр в паттернах цитирования, манере академического письма и многих других деталях⁴. Эти наблюдения и теории, основанные на российском материале, имеют много пересечений с исследованиями научного национализма и интернационализации в рамках транснациональной истории и социологии социальных и гуманитарных наук, опирающейся преимущественно на идеи Пьера Бурдьё⁵.

**АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН**

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

Александр Дмитриев (р. 1973) – исследователь, сотрудник лаборатории истории науки и техники Федеральной политехнической школы в Лозанне (EPFL, Швейцария).

Андрей Ильин (р. 1992) – исследователь, научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

- 2 См.: Соколов М.М. *Российская социология после 1991 года: интеллектуальная и институциональная динамика «бедной науки»* // Laboratorium. 2009. № 1. С. 20–57.
- 3 Соколов М.М., Титаев К.Д. *Провинциальная и туземная наука* // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275; см. также: Форум «Провинциальная и туземная наука» // Там же. С. 9–236; Гапова Е. *Национальное знание и международное признание: постсоветская академия в борьбе за символические рынки* // Ab Imperio. 2011. № 4. С. 289–323.
- 4 BAIN O. *University Autonomy in the Russian Federation since Perestroika*. London: Routledge, 2003. P. 106–107; SHANKSELIANI M. *What Happened to the Soviet University?* Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 78–107; СЕМЕНОВ Е.Н. *Академическая наука в конкурсах РФФИ* // Поиск. 1998. № 21 (16–22 мая). С. 380; см. также: БАТЫГИН Г.С. *Невидимая граница: грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России* // Социальные науки в постсоветской России / Ред. Г.С. Батыгин, Л.А. Козлова, Э.М. Сви́дёрски. М.: Академический проект, 2005. С. 325–327.
- 5 FLECK CH., DULLER M., KARÁDY V. (Eds.). *Shaping Human Science Disciplines: Recent Institutional Developments in the Social Sciences and Humanities in Europe and beyond*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019; SAPIRO G., SANTORO M., BAERT P. (Eds.). *Ideas on the Move in the Social Sciences and Humanities: The International Circulation of Paradigms and Theorists*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020.

В разных локальных сообществах бытовали несхожие представления о том, как должна быть организована наука, каковы критерии и методы получения научного знания. К концу 1990-х ученым удалось так или иначе нейтрализовать в общественном мнении популярные ранее идеи «новой хронологии» математика Фоменко или интерес к фальшивкам вроде «Велесовой книги» – но процесс покупки «профильных» диссертаций чиновниками, политиками и администраторами укрепился именно в тот период.

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Социология еще в перестройку получила причитающийся ей статус в системе высшего образования. Помимо первых социологических факультетов в Ленинграде и Москве, схожие вузовские институции быстро возникли почти в любом региональном центре. Появилась возможность защищать диссертации по социологии, что стало основой принципиально иной по масштабу системы аккредитации новых специалистов и преподавателей по сравнению с 1980-ми. Важной особенностью российской социологии стало размытие границ между собственно наукой и прикладной индустрией опросов. Главным игроком в последней стала созданная еще в 1987 году опросная служба ВЦИОМ, возглавляемая Татьяной Заславской, а затем Юрием Левадой. ВЦИОМ воспринимался как один из основных поставщиков эмпирического материала для научного анализа; но уже в начале 1990-х число различных прикладных маркетинговых или консультационных структур заметно выросло.

К основному для советского периода журналу «Социологические исследования», выходявшему с 1974 года, в 1990-е добавились новые периодические издания: «Мониторинг общественного мнения», «Социологический журнал» и ряд других. К концу десятилетия в год в среднем выходили 300–400 книг и брошюр по социологии⁶.

Конец СССР привел к исчезновению прежней командно-административной системы и партаппарата, на нужды которых во многом работали советские социологи (что не отменяет отдельных случаев свободомыслия некоторых представителей данной дисциплины). Это вызвало необходимость приспособливаться к новым рыночным условиям и политическим реалиям. Основными темами для изучения – помимо коммерческих заказов на маркетинговые исследования – стали различные аспекты центральных для правительства того времени проблем: успешность

6 Социология в России / Ред. В. А. Ядов. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. С. 41.

социально-экономических реформ и их популярность, проблемы бедности, межнациональных отношений и так далее⁷.

Главенствующие позиции в дисциплине занимали представители старой школы, преимущественно пришедшие в социологию еще в «оттепель». Помимо упомянутых директоров ВЦИОМ, это были «консерватор» Геннадий Осипов и «новатор» Владимир Ядов. Многие из них в той или иной форме поддерживали структурный функционализм, восходящий к популярному в СССР Толкотту Парсонсу⁸. Еще с 1960-х они были сторонниками изучения больших и стабильных структур, составляющих несущие конструкции воспроизводства общества как единой системы. Но в экспертизе для властей, отчасти в маркетинге и в опросном бизнесе приоритет оставался у специалистов, куда более приземленных в своих выводах, опирающихся на использование математических методов и работу со статистикой. На факультетах социологии сильные позиции нередко занимали вчерашние преподаватели советских «общественных наук», которые старались соединить привычные им марксистско-ленинские установки с новыми для них идеями – например, геополитикой или идеологически толкуемым православием⁹.

Социология никогда не представляла собой единого лагеря, размежевания в нем проходили не всегда по теоретическим, но также и по политическим мотивам. Признаком этого был раскол Института социологии РАН, от которого, пока директором был Ядов, еще в 1991 году отделился более консервативный Институт социально-политических исследований Геннадия Осипова¹⁰.

Влияние парсонсовской или мертоновской социологии было велико, но постепенно смягчалось отчасти за счет идей представителей «понимающей социологии» и Чикагской школы, культурологических подходов Альфреда Шюца и Норберта Элиаса, а также медленного – по сравнению с гуманитариями – проникновения постмодернистских установок в среду социальных

**АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН**

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

- 7** См.: Бикбов А.Т., Гавриленко С.М. *Российская социология: автономия под вопросом* // Логос. 2002. № 5–6. С. 186–210.
- 8** См., например: Заславская Т.И. *Социальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция*. М.: Дело, 2003. О развитии структурного функционализма в советской социологии см.: ТИТАРЕНКО L., ZDRAVOMYSLOVA E. *Sociology in Russia: A Brief History*. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 11; Филиппов А.Ф. *Камень, который отвергли строители. Статья вторая* (https://cfs.hse.ru/social_disc_2).
- 9** Бикбов А.Т. *Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность*. М.: Издательство ВШЭ, 2014. С. 398–404.
- 10** Там же. С. 334. См. характерные работы руководителя института Геннадия Осипова: Осипов Г.В., Локосов В.В. *Социальная цена неолиберального реформирования*. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2001; и сводные отчеты Института конца 1990-х: Глазьев С.Ю., Осипов Г.В., Локосов В.В., ШЕНАЕВ В.Н. *Россия: преодоление национальной катастрофы. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1998 году*. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1999; Осипов Г.В., Левашов В.К., Локосов В.В., Суходеев В.В. *Россия в поисках стратегии: общество и власть. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1999 году*. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000; и т.п.

ученых¹¹. Хотя усилиями Натальи Шматко и Юрия Качанова уже в 1990-е стали появляться первые переводы Пьера Бурдьё на русский язык, его широкая популярность и признание – в том числе среди гуманитариев и философов – придет скорее после начала 2000-х с показательной задержкой (на исходе XX века Жан Бодрийяр в России воспринимался как куда более яркий и популярный социальный «теоретик постмодерна»).

В социологии и в смежных дисциплинах заметным стало влияние и Макса Вебера, также уравновесившее структурный функционализм. Внимание к теориям Вебера или Зиммеля (силами Юрия Давыдова или Леонида Ионина) означало интерес к более номиналистской теории, сконцентрированной на индивиду, его сознании и способности к действию¹². Давыдов давно критиковал Франкфуртскую школу с позиций, которые уже в 1990-е прямо отсылали к антимарксизму авторов «Вех» (то есть идеям 80-летней давности) или уже к современному немецкому неоконсерватизму (например Гюнтеру Рормозеру). Ионин – как автор базового учебника по социологии культуры – печатал в 1990-е и куда более вторичные и даже «проходные» работы по феномену советского¹³. К концу десятилетия начались все более активные теоретические дискуссии; стал более заметен голос сторонников этнометодологии, микросоциологии, символического интеракционизма и других – менее строгих, ориентированных на качественные методы и меньший масштаб исследований. О социальной теории большого масштаба с опорой на немецкие образцы (от Фердинанда Тенниса и Карла Шмитта до Никласа Лумана и Ульриха Бека) последовательно заботился в 1990-е Александр Филиппов – ученик и во многом последователь Давыдова. И это идеологически безусловно ангажированное предприятие в то же время оставалось достаточно дистанцировано от прямых и даже косвенных связей с политическими силами и течениями 1990-х. Например, важная книга социологов Леонида Гордона и Эдуарда Клопова о России того периода, хотя и писалась, по признанию самих авторов, в «народно-социалистической перспективе», с политической сценой рубежа веков и альтернативами проводимому курсу связана не была¹⁴.

11 См.: Качанов Ю.Л. *Социальная и смысловая структура современного российского социологического дискурса*. М., 2000.

12 См.: Губа К.С. *Западная теория в петербургской социологии: между Максом Вебером и Эрвином Гофманом* // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 83–97.

13 См.: Ионин Л. *Совок остается совком* // Мегполис. 1991. 25 июля; Он же. *Свобода в СССР: статьи и эссе*. СПб.: Фонд «Университетская книга», 1997; или даже фантастические сценарии: Он же. *Русский апокалипсис*. М.: Арг-Медиа, 1999. Ср. субъективный взгляд: Докторов Б.З. Л.Г. Ионин: «Надо соглашаться с собственным выбором» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 3. С. 2–14.

14 Гордон Л.А., Клопов Э.В. *Потери и приобретения в России девяностых*. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 4–5.

Изменение общественной жизни потребовало также трансформации знания о политике. За определение новой политологической науки соперничали несколько групп. Члены Советской ассоциации политических наук, существовавшей с 1960 года, к исходу перестройки были далеки от современных реалий конкретной политики и активного трансфера различных западных моделей и практик (кроме перечисленных ниже знатоков зарубежных теорий). Среди них были заметны бывшие официальные обществоведы-международники, считавшиеся в прошлые годы одними из наиболее «либеральных» и «прогрессивных» среди коллег¹⁵. Самым видным их представителем был многолетний председатель политологической ассоциации и один из руководителей международных отделов ЦК КПСС Георгий Шахназаров, к этому полюсу примыкали Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) и бывший Институт международного рабочего движения, ставший Институтом сравнительной политологии (и там, и в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) работали «зарубежники» Кирилл Холодковский, Георгий Мирский, Герман Дилигенский, Александр Галкин, Алексей Салмин и другие)¹⁶. Также политологией стали заниматься вчерашние специалисты по «конкретным социологическим исследованиям» – в частности, упомянутый Институт социально-политических исследований под руководством Осипова. Университетская политология (кроме элитного МГИМО) строилась на местах, по сути, усилиями младших преподавателей «красных» дисциплин вроде истмата или научного коммунизма, часто – за счет несложной перелицовки соответствующих отделений и кафедр¹⁷.

Связь с советским периодом этой, нередко претендующей на абсолютную новизну, дисциплины проявилась, в частности, в перечне периодических изданий, с ней связанных. Одним из основных стал журнал «Мировая экономика и международные отношения», который выходит при одноименном институте с 1956 года, а журнал «Полис. Политические исследования» был преобразован из прежнего издания Института международного рабочего движения «Рабочий класс и современный мир».

Некоторые из недавних советских обществоведов и философов сделали ставку на интеграцию в международное акаде-

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН
НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

15 Воробьев Д.М. и др. *История Российской ассоциации политической науки*. М.: Аспект Пресс, 2015.

16 Холодковский К.Г. Г.Г. Дилигенский и его школа // *Полития*. 2000. № 3(17). С. 188–193; Соболев В.А., Шутов А.Ю. *Становление политической науки в СССР: к 30-летию официального признания* // *Диалог со временем*. 2020. № 71. С. 28–38.

17 Ср. «парадный» очерк: Шестопал Е.Б. *Становление факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова в контексте развития российской и мировой политической науки* // *Вестник Московского университета*. Серия 12 «Политические науки». 2009. № 1. С. 10–17; см. также: Пляйс Я.А. *Политология в контексте переходной эпохи в России*. М.: РОССПЭН, 2009. С. 12–65.

мическое сообщество. Одним из центров этого направления в политологии стал во второй половине 1990-х Европейский университет в Петербурге (Владимир Гельман, Григорий Голозов и их последователи). Политология, однако, больше ассоциировалась не с такими центрами академического совершенства, а скорее с неровной по качеству экспертизой и политологическим образованием, которое нередко сводилось либо к общим курсам по философии, либо, в случае «прикладной политологии», к рассказам о политтехнологических уловках и тонкостях политического пиара¹⁸.

Политическая теория (назовем здесь Олега Хархордина, а также и адаптацию идей республиканизма и левоориентированных трактовок современности Борисом Капустиним; стóит упомянуть и дебаты о теории справедливости в духе Джона Ролза) оказалась не слишком востребованной в российских идейных дискуссиях 1990-х, оставаясь своего рода искусством для искусства. Ближе к практике была специальная экспертная среда по внешнеполитическим вопросам, которая наравне с описанными старыми центрами (вроде ИМЭМО или МГИМО) включала и новые дискуссионные площадки¹⁹. В университетской области это означало и выход специальности «международные отношения», особенно в регионах, далеко за пределы прежних ведомственных учебных заведений вроде Дипломатической академии или МГИМО.

История

История была большой и сложно устроенной дисциплиной, при этом относительно давно устоявшейся и хорошо институционализированной. Во всех университетах и педагогических институтах существовали исторические факультеты; история России и зарубежных стран была обязательным предметом в школах и вузах, что закрепляло востребованность преподавателей и возможности кадрового пополнения²⁰.

18 Амелин В.Н., Дегтярев А.А. *Опыт развития прикладной политологии в России* // Полис. Политические исследования. 1998. № 3. С. 157–178; Бляхер Л.Е. *Парадоксы провинциальной политологии (записки провинциала)* // Социологическое обозрение. Т. 1. № 1. 2001. С. 68–80.

19 *Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики* / Ответ. ред. Н.Ю. Беляева. М.: РАПН; РОССПЭН, 2012; Балаян А.А., Сунгуров А.Ю. *Фабрики мысли: международный и российский опыт*. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2014.

20 См. попытку обобщающего очерка с важным посылом удержания (все еще) «общесоюзного пространства»: *Национальные истории в советском и постсоветском государствах* / Ред. К. АЙМЕРМАХЕР, Г. БОРДЮГОВ. М., 1999; см. также: Согрин В.В. *1985–2005 гг.: перипетии историографического плюрализма* // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 20–34; сравнительный контекст: KASTANOV G., THER P. (Eds.). *A Laboratory of Transnational History: Ukraine and Recent Ukrainian Historiography*. Budapest: CEU Press, 2009; YEKELCHUK S. *Bridging the Past and the Future: Ukrainian History Writing Since Independence* // Canadian Slavonic Papers. 2011. Vol. 53. № 2–4. С. 559–573.

Существовавшие уже десятилетиями статусные издания вроде «Вопросов истории» и «Отечественной истории», «Средних веков» и ряда других поддерживали связность внутри этого довольно широкого сообщества и его сегментов (гораздо в большей степени, чем «Вопросы философии» для философов или «Вопросы экономики» для специалистов в этой области). Редакции этих журналов зачастую предпочитали публиковать фактологические исследования по традиционным и открывшимся из-за отмены цензуры темам, не ввязываясь в концептуальные споры. Возникающий тем не менее интерес к теории заставлял историков обращаться к переводам и работам местных авторов, которые публиковались в новых журналах и сборниках вроде «Одиссея», «Казуса», «Нового литературного обозрения» («НЛО»)²¹.

Советские историки к началу 1990-х не были слишком ограничены марксистско-ленинской доктриной, сочетая защитную «панцирную» (а не «скелетную» несущую) методологию, выражающуюся прежде всего в комбинации цитат из классиков в предисловиях с обычным подходом «клея и ножниц», умелой компоновкой и обработкой источникового материала²². Однако идеологические ограничения в оценке тех или иных событий были все равно достаточно серьезными, чтобы их отмену почувствовали на себе все²³.

С падением «железного занавеса» историки получили возможность больше коммуницировать с коллегами и по возможности ездить в недоступные ранее архивы и библиотеки. Значительная часть историков – специалистов по XX веку, – пользуясь концом прежних идеологических ограничений и открытием документов в местных архивах, вместе с западными коллегами приняли участие в «архивной революции»²⁴. Применительно к работе именно партийного аппарата и частично осведомительной деятельности спецслужб эти материалы помогли создать релевантную и достоверную картину политической истории советского общества, его внутренних

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

21 См.: Копосов Н. *Память строгого режима: история и политика в России*. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 181–227.

22 *Советская историография* / Ред. Ю.Н. Афанасьев. М.: РГУ, 1996. Ситуация в СССР была довольно типичной для соцлагеря, где официальные историки во многом оставались позитивистами: GÖRNY M. *The Nation Should Come First: Marxism and Historiography in East Central Europe*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013.

23 ЗВЕРЕВА Г.И., РЕПИНА Л.П. *Историческое образование в высшей школе России: состояние и проблемы* // АРАПОВ М.В. и др. *Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы*. М.: Логос, 2003. С. 486–532. См. очень важный ретроспективный взгляд от одного из самых известных советских и российских медиевистов старшего поколения: БЕССМЕРТНЫЙ Ю. *Август 1991 года глазами московского историка. Судьбы медиевистики в советскую эпоху* // *Homo Historicus: к 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного*. М.: Наука, 2003. С. 29–55; КОПОСОВ Н.Е., БЕССМЕРТНАЯ О.Ю. *Юрий Львович Бессмертный и «новая историческая наука» в России* // Там же. С. 122–160.

24 RALEIGH D.J. *Doing Soviet History: The Impact of the Archival Revolution* // *The Russian Review*. 2002. Vol. 61. № 1. P. 16–24.

механизмов и кризисов функционирования. Именно в 1990-е формируются два полюса исторических объяснений феномена сталинизма: безоговорочно-критический, на тот момент мейнстримный, – у Олега Хлевнюка или последователей Шейлы Фицпатрик, – и рождающийся ревизионистский, оправдательный – у Юрия Жукова и будущих апологетов «эффективного менеджера»²⁵.

Разумеется, занятия сталинским периодом или советским прошлым не исчерпывали всего поля работы историков. В перестройку был очевиден интерес к альтернативам сталинизма, воплощенный в таких фигурах, как Троцкий или Бухарин. После же 1992 года все больший вес приобретают знатоки истории утраченной империи – Лариса Захарова, Александр Каменский, Борис Миронов, Леонид Милов – или создатели региональных школ по местным сюжетам: Николай Покровский и Михаил Шиловский в Новосибирске, Анатолий Ремнев в Омске, ученики Александра Пронштейна и специалисты по казачеству на юге России²⁶. В области изучения Древней Руси и Московского царства также произошли заметные сдвиги, связанные с отказом от формационной парадигмы, патриотического толкования «норманского вопроса» и прежних споров о «раннефеодальной природе» Киевского государства.

Именно в 1990-е формируются два полюса исторических объяснений феномена сталинизма: безоговорочно-критический, на тот момент мейнстримный, и рождающийся ревизионистский, оправдательный.

Историки-«зарубежники» были наследниками советского подхода к организации науки, который требовал наличия экспертизы по всем основным регионам и периодам. Падение «железного занавеса» не только упростило доступ к предмету исследования, но и поставило под сомнение необходимость поддержки целых областей в связи с сокращением финансирования и усилившейся конкуренции со стороны иностранных специалистов, занятых сходными сюжетами. Сильной стороной «международников» было их лучшее знакомство с современ-

25 Хлевнюк О.В. *Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы*. М.: РОССПЭН, 1996; Жуков Ю.Н. *Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков*. М.: Терра – Книжный клуб, 2000.

26 На этом фоне ревностный монархист или поклонник Александра III Александр Боханов (автор серьезных трудов и школьных учебников по истории России рубежа XIX и XX веков), как и петербургские историки-борцы с масонством Игорь Фроянов или Владимир Брачев были еще тогда исключением. Важным мейнстримным трудом академических петербургских историков 1990-х стала книга: *Власть и реформы: от самодержавной к советской России* / Ред. В.А. Шишкин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.

ными историографическими направлениями и теоретическими дебатами. Ведущая роль в освоении новых теорий и подходов принадлежала медиэвистам, хотя некоторые специалисты по Новой истории также пытались развивать теорию, например, спланировав вокруг наследия Николая Кареева, как это происходило, в Петербурге середины 1990-х усилиями специалиста по русско-бразильским связям Бориса Комиссарова из СПбГУ. Другим важным исключением относительно распространенного безразличия к поискам новой теории стала история крестьянства с ее попытками обращения к наследию Александра Чаянова или к современной «моральной экономике» (благодаря междисциплинарным усилиям Теодора Шанина и его последователей).

Альтернативным путем теоретизирования могли бы стать заимствования из социологического наследия Макса Вебера, Норберта Элиаса и других традиционно близких к историографии авторов, однако они были не слишком хорошо известны российским историкам. Отчасти сохранялось влияние марксизма через «резекспорт» его как западного извода – например, идей Эрика Хобсбаума, которого переводили еще издательством «Прогресс» в 1980-е и затем уже в 1990-е, во время бума переводов²⁷.

На фоне интереса к «Анналам»²⁸, Хобсбауму и к освоению идей Иммануила Валлерстайна (через Фернана Броделя) некоторые авторы постарались создать новую большую теорию, которая заменила бы собой прежний казенный марксизм-ленинизм или бы творчески его переработала. Попытки найти новую стадиальность вместо формаций предпринимали, написавший свое «Прощание с Марксом», Валентин Вильчек (вышли два издания в 1989-м и 1993 году) и востоковед Игорь Дьяконов, постаравшийся в книге «Пути истории» (1994) усовершенствовать советский исторический материализм за счет подчеркивания роли моральных ценностей и инноваций в военном деле, а также более дробной классификации исторических периодов. Выпущенная в перестройку работа по теории и методологии Ивана Ковальченко, специалиста по аграрной количественной истории XIX века, также стремившегося несколько усовершенствовать привычные марксистские схемы, еще оставалась в ходу и в 1990-е²⁹.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

27 *История марксизма: В 4 т.* / Ред. Э. Хобсбаум. М.: Прогресс, 1981–1986 (это было характерное переводное «издание для служебного пользования»); Хобсбаум Э. *Век революции. Европа 1789–1848*. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999; Он же. *Век капитала. 1848–1875*. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999; Он же. *Век империи. 1875–1914*. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

28 Существенную роль в укреплении репутации французской историографии сыграла книга: Гуревич А. Я. *Исторический синтез и школа «Анналов»*. М.: Индрик, 1993.

29 Вильчек В. М. *Прощание с Марксом*. М.: Прогресс; Культура, 1993; Дьяконов И. М. *Пути истории*. М.: Восточная литература, 1994; Ковальченко И. Д. *Методы исторического исследования*. М.: Наука, 1987.

В стремлении создать теорию истории некоторые историки – например, источниковеды из Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) и представители Омской историографической школы – обращались к неокантианству Александра Лаппо-Данилевского начала XX века³⁰. Трансляция современных эпистемологических теорий в рамках исторического цеха и анализ современных историографических направлений усилиями Галины Зверевой, Лорины Репиной, Ирины Савельевой и Андрея Полетаева и ряда других исследователей в целом оказалась более продуктивной и более важной в перспективе³¹.

ФИЛОЛОГИЯ ВЫИГРАЛА У ФИЛОСОФИИ?

Изучение литературы и языка после перестройки, пожалуй, легче всего освободилось от предписаний марксизма-ленинизма (по сравнению с историей или социологией). Уже накопленный опыт структуралистских исследований с начала 1960-х задавал вектор понимания автономии искусства как самостоятельной области знаковой деятельности – и именно таким был императив Московско-Тартуской семиотической школы. И этот вектор совпадал методологически, но поразительно отличался идеологически от французского структурализма с его крайне левыми установками в духе «мая 1968 года».

Уже к середине 1980-х прежняя ригористичность в изучении знаковых систем сменилась в околотартуской среде вниманием к природным детерминантам – например, влиянию физиологии мозга на человеческую культуру. Предпринимались попытки найти параллели между учением о самоорганизации природных систем в духе синергетики Ильи Пригожина и устройством культуры. Особенное внимание уделялось культурному контексту производства текстов и их эстетической рецепции. Интересы позднего Лотмана в Тарту и его последователей в иных центрах уже новой России концентрировались не столько на внутренних механизмах смыслопорождения (как раньше), сколько на культурной «сделанности» как исторических, так и актуально-политических феноменов. В этой связи, вероятно, нужно особенно выделить возглавленный Елеазаром

30 Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. *Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории: учебное пособие*. М.: РГГУ, 1998; Якуб А.В., Бычков С.П. Валентина Павловна Корзун – основательница Омской историографической школы. К юбилею // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4. С. 7–8.

31 Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1998; Полетаев А.В., Савельева И.М. *История и время. В поисках утраченного*. М.: Языки русской культуры, 1997; Хут Л.Р. *Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв.* М.: Прометей, 2010.

Мелетинским Институт высших гуманитарных исследований в РГГУ (создан весной 1992-го), где ежегодно с 1993 года проводились Лотмановские чтения³².

Оплотом этих постструктуралистских тенденций, принципиально ориентированным на все современное (и соответственно «западное»), стал уже упомянутый журнал «Новое литературное обозрение». Его противовесом был руководимый Максимом Шапиром неперIODический журнал «Philologica», который сделал своей программой сохранение прежней структуралистской ортодоксии и аналитической тщательности (в противовес постмодернизму, понимаемому авторами и редакторами «Philologica» как апология субъективного произвола и приблизительности)³³. Совсем традиционная филология позитивистского, «доструктуралистского» типа воспроизводилась во множестве вузовских или университетских факультетов (порой – что выглядело странно – даже под знаменем Бахтина как «отечественного мыслителя» *per se*) или академических институтов вроде Института мировой литературы или Института русской литературы, а также на страницах выживших с советских времен «Вопросов литературы» и многочисленных университетских «Вестников» или академических «Известий». К этому полюсу «сбережения традиции» – при всем интересе к достижениям нарратологии или наследию Пражского лингвистического кружка – были близки и многие литературоведы из новаторского по общей миссии РГГУ образца 1990-х (Самсон Бройтман, Михаил Дарвин, Валерий Тюпа и другие). Объединителем (и в то же время будущей площадкой размежевания), помимо традиции Бахтина, стало также наследие формалистов 1920-х – последних (в отличие от «круга “НЛО”») стремились революционно использовать и интерпретировать специалисты старшего поколения (Александр Чудаков, Сергей Бочаров, Ирина Роднянская) с привлечением довольно консервативных по мировоззренческим установкам американских славистов вроде Кэрил Эмерсон или Гэри Соула Морсона. Виталий Махлин, который во множестве публикаций 1990-х разворачивал Бахтина в сторону «добротной» и респектабельной западной герменевтики (Ханс-Георг Гадамер, Ханс-Роберт Яусс), особенно не преуспел в попытках сделать российскую филологию более философичной и сознающей связь с богатой традицией старинной риторики (к этой программе были близки журнал и издательство «Лабиринт» Александра Махова и Игоря Пешкова)³⁴.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

32 См.: *Свой путь в науке. Коллективный портрет ИВГИ* / Сост. Н.С. Автономова, Е.П. Шумилова. М.: РГГУ, 2004; Мильчина В.А. *Хроники постсоветской гуманитарной науки. Банные, Лотмановские, Гаспаровские и другие чтения*. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

33 См. материалы памяти Максима Шапира: *Philologica*. 2003/2005. № 19/20. С. 7–26.

34 См. три выпуска полновесных «Бахтинских сборников» под редакцией Виталия Махлина, вышедших в 1990-е.

Из мировоззренческих полюсов филологии 1990-х явно преобладающим стал «объективистский» ориентир Михаила Гаспарова³⁵, а не философско-герменевтические и культуртрадиционалистские установки Сергея Аверинцева (вопреки огромной популярности последнего еще в 1970-е).

В философии много значила волна переводов и освоения современного знания. Деятельностная парадигма (заданная идеями Ильенкова 1960–1970-х) и весьма самобытная «постнеоклассическая» философия науки продолжала удерживать академический и вузовский мейнстрим (Владислав Лекторский, Иван Фролов³⁶, Вадим Степин). Пионерами освоения нового были Владимир Бибахин (переводчик Хайдеггера и Деррида)³⁷ и авторы, близкие к англо-американской аналитической мысли. Доставшийся от Валентина Асмуса вектор освоения классической «континентальной» философии, особенно кантовской, продолжали Эрих Соловьев и Нелли Мотрошилова, связанные с шестидесятилетней традицией.

Одним из ключевых идейных сюжетов 1990-х стала адаптация идей постструктурализма и, шире, постмодернизма в российской гуманитарной науке (где главной оказалась трансляция идей Мишеля Фуко, явно обогнавшего Жана Бодрийяра, Ролана Барта и Жака Деррида, а также Поля де Мана или Жюль Делёза и Феликса Гваттари)³⁸. Этот процесс рецепции в дисциплинарном измерении двигался неравномерно: усилия Валерия Подороги и Михаила Рыклина, а также Натальи Автономовой остались достоянием философского поля, в то время как более значимым для гуманитариев или социальных теоретиков «вообще» оказались одновременно критические и прикладные начинания Александра Жолковского, Сергея Зенкина и Сергея Козлова (промежуточной можно считать особую позицию Михаила Ямпольского, близкого сразу двум лагерям)³⁹.

35 В том числе благодаря популярности его проекта «Записей и выписок», изданных после журнальных публикаций отдельной книгой в издательстве «Новое литературное обозрение».

36 Усилиями Ивана Фролова и его коллег в Москве в 1993-м был проведен представительный международный форум: Корсаков С.Н. *XIX Всемирный философский конгресс (Москва, 1993) в истории отечественной философии* // Философские науки. 2009. № 8. С. 127–140.

37 См.: Павлов И.И. *Перестройка и девяностые в герменевтике Владимира Бибахина* // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 2. С. 174–187. Выход альманаха «Наше положение: образ настоящего» (М., 2000; с участием Владимира Бибахина, Ольги Седаковой, Сергея Хоружего и их единомышленников) так и остался внеинституционализированным, по сути, кружковым событием.

38 См. посвященный рецепции Фуко специальный блок в: Новое литературное обозрение. 2001. № 3(49). О Деррида см.: *Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия* / Перев. с фр. и англ.; предисл. М.К. Рыклина. М.: РИК «Культура», 1993. О влиянии постмодернизма, переводах Валерия Подороги, Михаила Рыклина и Елены Петровской, издаваемых в «Ad Marginem», см.: KNARKNORDIN O. *From Priests to Pathfinders: The Fate of the Humanities and Social Sciences in Russia after World War II* // The American Historical Review. 2015. Vol. 120. № 4. P. 1287.

39 *Философия филологии (круглый стол)* // Новое литературное обозрение. 1996. № 4(17). С. 45–93; Автономова Н.С. *Философия и филология (о российских дискуссиях 1990-х годов)* // *Ускользающий контекст. Русская философия в XX веке*. М.: Ad Marginem, 2002; Она же. *Философия и филология* // *Наука глазами гуманитария*. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 634–658.

Если судить по журналам 1993-го и 1999 годов, тетрадки «Вопросов философии» или ориентированного на феноменологию «Логоса» (детище Валерия Анашвили⁴⁰) тоже уступали по наполнению и качеству переводов солидным томам «НЛО» или «Philologica». На стороне филологов – при всей причастности большинства из них к строгим методам – оказалась и литературная (метафигуральная), игровая сторона постмодерна, его близость к гибридным жанрам и «вненаучной» литературной критике и культурной прагматике⁴¹.

В филологическом кластере одним из лидеров по ссылкам из западной литературы к концу 1990-х стал Хейден Уайт (одновременно признанный и как теоретик исторической науки), который в российском контексте стал дополняться антропологией Клиффорда Гирца. На Гирца, в частности, опирался Андрей Зорин в снискавшей популярность книге «Кормя двуглавого орла...» (2001), где представил глубокий анализ связи литературной метафоры и политической идеологии имперского строительства (на материале русской культуры XVIII–XIX веков). То, что может считаться местной версией «лингвистического поворота» в гуманитарных науках, получило и философскую легитимацию в виде трансляции идей «французской теории»⁴².

Афоризм Деррида «вне текста не существует» стал во второй половине 1990-х своего рода лозунгом с характерным и неизбежным отставанием примерно на 15–20 лет от американских интеллектуальных поветрий. Обзорами уже новейших мод должны были стать недолговечные издания Глеба Павловского и Сергея Чернышова конца 1990-х: «Интеллектуальный форум», преимущественно рецензионный «Пушкин», стремительно исчезнувший «глянцевый философский журнал» «На посту». Попытки Юрия Качанова распространить «лингвистический поворот» на российские социальные науки или более дисциплинарно строгие упражнения Геннадия Батыгина (в стиле Роберта Мертона) последствий в целом не возымели; зато, в отличие от «немецкой» герменевтики, медиа-исследованиям в духе Маршала Маклюэна принадлежало в России немалое бу-

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН
НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

40 Анашвили В. *Моя жизнь и есть «Логос»* // Colta. 2016. 25 июля (www.colta.ru/articles/media/11863-valeriy-anashvili-moya-zhizn-i-est-logos); Козырев А.П. «Логос» шивает несколько совершенно разных эпох, диаметральных по своим устремлениям, надеждам, ожиданиям, стилям // Логос. 2014. № 4. С. 45–55 (рядом с ретроспективными публикациями в том же номере).

41 Знаковыми фигурами литературной «трансфигурации» постмодернизма из философской плоскости в культурно-публичную в середине 1990-х стали филолог Михаил Эпштейн и особенно вошедший тогда в моду литературный критик, писатель и журналист Вячеслав Курицын (Курицын В. *Русский литературный постмодернизм*. М.: ОГИ, 2000). См.: Конди Н., Купсан Е. *Литературная теория и возрождение академизма в постсоветской России* // *История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи* / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 723–760.

42 Зорин А. *Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века*. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

дущее⁴³. Но в целом коммуникативный или социологический повороты в русской гуманитаристике и филологии (о необходимости второго не раз говорили в 1990-е соратники Левады – Борис Дубин и Лев Гудков)⁴⁴ произойдут только в XXI веке.

«ПОВОРОТ К ЧЕЛОВЕКУ»?

Российская культурология, официально признанная в 1990-е, в конструировании своей истории охотнее отсылала к исследованиям 1970-х или даже к идеям широко понятого Серебряного века, вплоть до наследия едва ли не пушкинских времен⁴⁵. Ее синтетичность сказалась на заимствовании работ и концепций самых разных авторов, эпох и специальностей. Особенно упоминания заслуживают пионерские труды музыковеда Татьяны Чередниченко (1955–2003)⁴⁶ или специалистки по истмату и советскому массовому сознанию 1920–1930-х Натальи Козловой (1946–2002)⁴⁷.

В психологии в 1990-е развивалось как академические, так и «практические» отрасли: прежняя «деятельностно-марксистская» школа Алексея Леонтьева (на основе идей круга Выготского), все более востребованные когнитивистские подходы и установки, а также усвоение и рецепция богатейшей психоаналитической традиции – от классических работ Фрейда до Лакана или его восточноевропейских переинтерпретаторов. Заметными общественными и идеологическими факторами гуманизации образования в 1990-е была деятельность Владимира Зинченко в Российской академии образования и его административная работа в министерстве образования России⁴⁸. Важным эффектом внедрения субъект-ориентированных идей в сферу педагогики стали новации философов Василия Давыдова и Анатолия Арсеньева, а также наследников «мыследеятельностных

43 Еще до появления полных переводных работ уже в 2000-е отметим обзорный труд Валерия Терина, преподавателя МГИМО и давнего переводчика исследований канадского ученого: ТЕРИН В.П. *Массовая коммуникация. Исследование опыта Запада*. М.: МГИМО, 2000.

44 Гудков Л.Д. *Массовая литература как проблема. Для кого?* // Новое литературное обозрение. 1997. № 3(22). С. 78–91; СТЕПАНОВ Б.Е. *Борис Дубин и российский проект социологии культуры* // Общественные науки и современность. 2015. № 6. С. 163–173.

45 Асоян Ю., МАЛАФЕЕВ А. *Открытие идей культуры (опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков)*. М.: ОГИ, 2000.

46 Чередниченко Т.В. *Типология советской массовой культуры. Между «Брежневым» и «Пугачевой»*. М.: РИК «Культура», 1994; Чередниченко Т.В. *Россия 90-х в слоганах, рейтингах, имиджах: актуальный лексикон истории культуры*. М.: Новое литературное обозрение, 1999. В 1990-е она также много печаталась в журнале «Новый мир».

47 Козлова Н.Н. *Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора*. М.: Институт философии РАН, 1996; Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. *Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения*. М.: Гнозис, 1996.

48 Асмолов А.Г. *Психология XXI века и рождение вариативного образовательного пространства России* // Мир психологии. 1999. № 1. С. 198–208.

установок» Георгия Щедровицкого – и особенно последователь диалогической философии культуры из кружка Владимира Библера. Еще с 1970-х Библер и его последователи активно искали возможности нового понимания воспитательного процесса как целостного и критического усвоения качественно разных, «неснимаемых» этапов мировой историко-культурной динамики, с их эпохальным своеобразием (в 1990-е на страницах московско-кемеровского альманаха «Архэ»)⁴⁹. Оригинальный вклад Библера к концу 1990-х сказался не столько в сфере академической философии, но, шире, в переосмыслении традиции Бахтина или реконцептуализации медиевистических идей Арона Гуревича. Особо стоит отметить его влияние на историко-научные идеи Анатолия Ахутина или Александра Огурцова.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН
НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

Российская культурология, официально признанная в 1990-е, в конструировании своей истории охотнее отсылала к исследованиям 1970-х или даже к идеям широко понятого Серебряного века, вплоть до наследия едва ли не пушкинских времен.

Другую сторону интереса к антропологической проблематике представляли гендерные исследования, которые развивались как часть «западного» поворота России к открытому обществу и правам человека. Под соответствующими рубриками получали зарубежное финансирование, например, Московский центр гендерных исследований при Академии наук и Европейский университет в Санкт-Петербурге. Уже в 1992 году один только фонд Макаруров поддерживал 25 центров, связанных с исследованиями такого рода по всей России. Московский центр проводил летние школы; специалисты по гендерным исследованиям с самого начала занимались публичной наукой и играли роль экспертов при органах власти⁵⁰. Развивалась и отечественная школа гендерной истории (в том числе и в рамках структур академического Института всеобщей истории)⁵¹. Это

49 См.: Кукулин И.В., Майофис М.Л. *Языковое конструирование образовательной политики и история советского образования: пролегомены к теме // Понятия, идеи, конструкции. Очерки сравнительной исторической семантики*. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 395–444. Творческую лабораторию Библера представляет его книга «Замыслы» (М.: РГУ, 2002).

50 ZIMMERMANN S. *The Institutionalization of Women's and Gender Studies in Higher Education in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union: Asymmetric Politics and the Regional-Transnational Configuration // East Central Europe*. 2008. Vol. 34-35. № 1-2. P. 134, 136, 139. О специфике гендерной истории см.: ROSSMAN E. *From Socialism to Social Media: Women's and Gender History in Post-Soviet Russia // Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*. 2021. Vol. 44. № 4. P. 414–432.

51 См.: РЕПИНА Л.П. *«Женская история»: проблемы теории и метода // Средние века*. Вып. 57. М.: Наука, 1994; и выпускаемый с 1999 года альманах Института всеобщей истории РАН «Адам и Ева», посвященный гендерной истории.

вызывало ожидаемое недовольство в консервативных кругах, но в тот момент проблемы феминизма и гендера еще не были в центре политической дискуссии.

Активными участниками нового движения были самые разные специалисты – в случае ученых старшего поколения подчас с довольно непростыми по своим траекториям карьерами еще советских времен. Характерен пример Игоря Кона, начавшего как антидогматический и популярный преподаватель исторического материализма из Ленинграда второй половины 1950-х (и затем член партийной команды Отто Куусинена по исправлению старой идеологической доксы), который через социологию и этнографию пришел в 1970-е к исследованиям дружбы и любви в рамках вполне признанной возрастной и социальной психологии, а также к занятиям полуопальной сексологией⁵². Именно Кон, а также Елена Здравомыслова, Анна Темкина, Ирина Жеребкина из Харькова⁵³, историк Наталья Пушкарева, затем Елена Омельченко из Ульяновска с их многочисленными коллегами сформировали когорту пионеров гендерных и квир-исследований в России конца XX века.

Многие другие принципиально новые направления исследований развивались гораздо медленнее. Например, постколониальные исследования в 1990-е были предметом интереса только отдельных авторов – в частности, Младины Глостановой, – но не получили институционального развития⁵⁴. Современные версии марксизма, постмарксизм и критическая теория вообще зачастую оставались достоянием обзоров современной западной литературы и не воспринимались как феномен политического порядка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: КАК «МОДЕРНИЗАЦИЯ» РАЗОШЛАСЬ С «ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ»

Множество социальных и гуманитарных наук сформировало к концу века механизмы самоподдержки и обновления академического знания, оставаясь при этом в рамках весьма разных экономических и политических условий в стране – разрыв между крупнейшими центрами и остальными регионами/городами давал о себе знать. В качестве примера можно взять эволюцию социально-философской и теоретико-социологической

52 Пушкарева Н.Л. *Игорь Семенович Кон // Этнографическое обозрение*. 2011. № 4. С. 185–189; Тартаковская И.Н. *Игорь Семенович Кон и российские гендерные исследования: «В этом вопросе, как и в других, я занимаюсь наведением мостов между берегами» // Социологический журнал*. 2011. № 2. С. 138–143; Тумаркин Д.Д. *Игорь Семенович Кон // Антропологический форум*. 2011. № 15. С. 650–666.

53 Отметим важный сборник: *Введение в гендерные исследования: В 2 ч.* СПб.: Алетейя; Харьков: ХЦГИ, 2001.

54 Глостанова М.В. *Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века*. Автореферат ... доктора филологических наук. М., 2000.

среды Свердловска–Екатеринбурга, который весь исследуемый период оставался значимым центром производства знания об обществе. Соратники ключевого советника Ельцина начала 1990-х, Геннадия Бурбулиса, от нетрадиционного марксизма и интереса к постструктурализму на исходе 1980-х перешли преимущественно к руссиеведческой проблематике с использованием инструментария модернизационного анализа в широком спектре «локальных» аранжировок – от переосмысления «Вех»⁵⁵ до национал-популизма в стиле Жириновского, а затем Дугина⁵⁶.

В целом в России 1990-х коммуникация с ориентиром на академические стандарты в публичном пространстве оказалась затруднена. Свою роль сыграли политические разногласия и различающиеся представления о том, как должна делаться наука и каким должен быть идеал ученого. В этой ситуации не возникло предпосылок для создания большого воображаемого сообщества – так сказать «республики ученых» – и соответствующей идентичности (как в момент перестройки сложилось воображаемое сообщество читателей и почитателей Дмитрия Лихачева или публицистов-ученых из сборника «Иного не дано»). Составители сборника «Иное» середины 1990-х предпочитали в духе поздней методологической школы Щедровицкого говорить об узком круге обладателей особого, почти тайного, знания и особых ценностей⁵⁷. На первом плане оказалась не универсальность, а полезность в определенной области: эксперта по макроэкономике, редактора журнала с той или иной дисциплинарной привязкой, преподавателя философии или психологии и так далее.

Смогла ли наука 1990-х ответить на реальные или гипотетические вызовы и запросы *своего* политического сообщества – государственных или общественных институтов, большой «политической нации» или неоднородного по своему составу «интеллектуального класса»? Что представляли собой эти запросы – которые в XXI веке гораздо чаще артикулировались уже на языке внешнеполитических вызовов, глобаль-

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

55 Скоробогацкий В.В. *По ту сторону марксизма*. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991; Он же. *Россия на рубеже времен: новые пути и старые вехи*. Екатеринбург: Наука, 1997; Он же. *Социокультурный анализ власти*. Екатеринбург: УрАГС, 2002; Лоскутов В.А. *Историческая природа марксизма: основания и система развития*. Свердловск, 1990; Он же. *Постсоветский тоталитаризм: «якорные стоянки» российской власти*. Екатеринбург: УрАГС, 2006.

56 Речь идет о лидере местного отделения Партии пенсионеров в 2000-е, одном из пионеров культурологии в Екатеринбурге начала 1990-х и профессоре сразу нескольких местных университетов: НЕКРАСОВ С.Н. *Социальный прогресс и проблема фетишизма*. Свердловск: УрГУ, 1989; Он же. *Жизненные сценарии женщин и сексуальность*. Екатеринбург, 1991; Он же. *Принцип деконструкции и эволюция постструктурализма* // *Философские науки*. 1991. № 1; ср. с его же трудами полтора десятка лет спустя: Он же. *Какая философия нам нужна. 250 классических взглядов на будущее*. Екатеринбург, 2009; Он же. *Как гарантировать безопасность России в глобальном мире*. Екатеринбург, 2009.

57 Чернышев С.Б. *Апология составителя // Иное: В 4 т.* М.: Аргус, 1995. Т. 4. С. 1–26.

ной конкуренции, а то и прямого политического заказа?⁵⁸ На деле гораздо более актуальной для описываемого десятилетия была задача преодоления советского изоляционизма, потребность вписаться в рамки общемировой идеологической или академической повестки дня.

В России 1990-х не возникало предпосылок для создания большого воображаемого сообщества – «республики ученых» – и соответствующей идентичности. На первом плане оказалась не универсальность, а полезность в определенной области.

Нам представляется, что выделенной вначале (по Михаилу Соколову и Кириллу Титаеву) социологической развилке «провинциальной» и «туземной» науки 1990-х соответствовала концептуальная дилемма универсальной *модернизации* и локальной *культурной/цивилизационной специфики* России, ее регионов (например Сибири, Поволжья или Северного Кавказа). Конечно, перед нами полюса, между которыми было много промежуточных позиций. Политически те, кто мыслил тогда в рамках модернизационных парадигм, также склонялись обычно к лагерю реформистов, против консерваторов – хотя, например, сторонники старого, «настоящего» (советского), марксизма далеко не всегда следовали за новоявленным патриотами или даже сторонниками КППРФ. Векторы политического выбора, научных и идеологических ориентаций не накладывались друг на друга в абсолютном тождестве, «без сучка и задоринки» – так, например, прогрессистов в духе «новых левых», критически относящихся к курсу президента Ельцина, объединял журнал «Свободная мысль» – наследник перестроечного «Коммуниста», – а журнал «Россия XXI» наряду с полуконспирологическими сочинениями редактора Сергея Кургиняна регулярно публиковал в 1990-е очень качественные и серьезные исторические работы.

Неслучайно именно понятие модернизации (или более расплывчатый концепт «реформы») стало тогда главным осевым представлением о развитии общества – как более специфицированная экспликация идеи прогресса. Уже во второй половине 1990-х во многих работах обществоведов акцент переносится на категорию «традиции» (во множестве аналитических

58 В качестве характерного курьеза можно указать последнюю, видимо, статью отставного академика-эстетика Анатолия Егорова (1920–1997), близкого родственника Михаила Суслова и директора Института марксизма-ленинизма, также академика-секретаря Отделения философии и права АН СССР времен «застоя»: Егоров А. Г. *О национальной безопасности и военно-политической стратегии государства // Социологические исследования.* 1994. № 3. С. 40–45.

трактовок, учитывая моменты ее изобретения, слома, синтеза и так далее)⁵⁹. Отчасти поиск «своей науки» даже вполне прозападно ориентированными «провинциалами» был частным академическим отражением более общего процесса: поиска национальной идеи, заданной еще администрацией Ельцина на втором сроке его правления, с «пиком» в 1997–1998 годах⁶⁰.

Одним из основных проводников упрощенной теории модернизации стала новая экономическая наука, которая, в частности, описывала переход от аграрного общества к обществу индустриальному, урбанизированному и желательнo либерально-демократическому, помогала придать при необходимости более научный вид риторике реформ, ставшей базовой для правительства в 1990-е. Понятие модернизации с самого начала 1990-х в российской (и не только) обществоведческой литературе стало очень активно дополняться разными версиями цивилизационного подхода⁶¹. Обычно его принято критиковать как синоним релятивизма и партикуляризма, хотя в исходной точке анализируемых процессов к концу 1980-х обращение к цивилизации было синонимом нетривиальной аналитики, открывало простор для культурологического анализа⁶². В связи с цивилизационным анализом речь шла не только о реабилитации давних теорий Данилевского, Шпенглера или Тойнби, но и о критике самодостаточного и одномерного, предзаданного модернизационного пути. Однако уже к концу 1990-х тезис о «возвращении на столбовую дорогу цивилизации» сменился у многих обществоведов на тезис о многообразии и даже несоизмеримости разных цивилизационных парадигм⁶³.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

- 59** Ср. работу специалиста по старообрядческой экономике начала XX века: ЗАРУБИНА Н.И. *Самобытный вариант модернизации* // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 46–50; и общий обзор: Ионов И.Н. *Теория цивилизаций: этапы становления и развития* // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5. С. 33–50 (Ионов – редактор альманаха Института всеобщей истории РАН «Цивилизации» и автор школьного учебника: Он же. *Российская цивилизация: IX – начало XX века*. М.: Просвещение, 1998).
- 60** Паин Э.А. *Становление государственной независимости и национальная консолидация России: проблемы, тенденции, альтернативы* // Мир России. Социология. Этнология. 1995. № 1. С. 58–90; Малинова О.Ю. *Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России* // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.
- 61** Ср. дальнейшее развитие этих концептуальных «бриколажей» у историков России, особенно в регионах: Проскурякова Н.А. *Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии* // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165; *Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.* / Побережников И.В. и др. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2011; Морозов Н.М. *Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. в отечественной историографии*. Дисс. Кемерово, 2014.
- 62** Шемякин Я.Г. *Проблема цивилизации в советской научной литературе 60–80-х гг.* // История СССР. 1991. № 5. С. 86–103; и более поздние труды: Он же. *Этнические конфликты: цивилизационный ракурс* // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 351–357; Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. *Пути и условия достижения целостности цивилизационной системы: сопоставление исторического опыта России и Латинской Америки. Часть I* // Латинская Америка. 2009. № 9. С. 4–20; Они же. [...] *Часть II* // Латинская Америка. 2009. № 10. С. 82–101.
- 63** Паин Э.А., Верховский А.К. *Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути»* // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия / Ответ. ред. Э.А. Паин. М.: Три квадрата, 2010. С. 171–210.

Характерны идеологические траектории четырех позднесоветских ученых, связанных с востоковедением и науковедением середины 1980-х: Евгения Рашковского, Андрея Фурсова, Сергея Кара-Мурзы и Бориса Ерасова. Почти каждый из них, пусть и в весьма разной степени, в 1990-е проделал путь от примата универсального к запросу на «русскую» локальность⁶⁴ (особенно ярко его продолжили в неосоветско-ревизионистском духе Фурсов и Кара-Мурза уже ближе к 2020-м). Если Евгений Рашковский был близок к кругу Александра Меня и интересовался философией Серебряного века еще с 1970-х, а затем продолжил и развил этот круг интересов в недолговечном журнале «Путь» (1992–1995), то Борис Ерасов (1928–2001) стал печатать свои статьи, включающие анализ российской тематики, уже после публикации важного для 1990-х учебника «Социальная культурология» (1994) (выдержавшего еще три переиздания в 1996-м, 1998-м и 2000 году).

Наиболее заметной фигурой консервативного направления на российской академической сцене был, вероятно, профессор МГУ Александр Панарин (один из создателей факультета политологии, лауреат Солженицынской премии 2002 года). В схожем духе аргументы западного неоконсерватизма пересказывали, перемешав с идеями Семена Франка и публицистики Александра Солженицына, такие разные авторы, как Александр Ципко, Юрий Каграманов (на страницах «Нового мира» и «Дружбы народов») и Леонид Поляков⁶⁵. Гораздо тоньше по стилю был опирающийся на солидный филологический багаж и переосмысление евразийства вклад в респектабельно-правую мысль 1990-х Вадима Цымбурского (1952–2009) – одного из авторов сборника «Иное»⁶⁶. Среди важных исключений – в смысле сохранения компаративного и социологического релевантного взгляда на российскую цивилизацию и ее особенности – стоит отметить работы 1990-х пионера урбанистики Александра Ахиезера и специалиста по Латинской Америке Виктора Красильщикова⁶⁷.

- 64** См.: Рашковский Е. *Целостность и многоединство российской цивилизации* // *Общественные науки и современность*. 1995. № 5. С. 63–71; Он же. *На оси времен. Очерки философии истории*. М., 1999; Он же. *Профессия – историограф. Материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия*. М., 2001; Ерасов Б.С. *Новые координаты востоковедения и россияведения: от капитала к криминалу* // *Восток*. 1998. № 2. С. 37–43; Он же. *Цивилизационное устройство общества: универсалии и самобытность*. М., 2001.
- 65** Фурсов А.И., Пивоваров Ю.С. *Русская Система: генезис, структура, функционирование: тезисы и рабочие гипотезы* // *Русский исторический журнал*. 1998. С. 1–117; Поляков Л.В. *Методология исследования российской модернизации* // *Полис. Политические исследования*. 1997. № 3. С. 5–15; Макаренко В.П. *Русская власть (теоретико-социологические проблемы)*. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 1998; ср. тезис «Христианин, Солдат и Хозяин – слагаемые имиджа будущего Президента России» (Панарин А.С. *Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке*. М.: Логос, 1998. С. 234).
- 66** Цымбурский В.Л., Ильин М.В. *Открытое общество: от метафоры к ее рационализации*. М.: Московский научный фонд, 1997; Цымбурский В.Л. *Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика*. М.: УРСС, 1999.
- 67** См. его написанную еще в годы застоя большую работу: АХИЕЗЕР А.С. *Россия: критика исторического опыта*. М.: Философское общество СССР, 1991; переиздана в Новосибирске в 1997–1998 годах; Ильин В.В.,

Сложность приспособления «чужого» – модернизационного, социологического – языка к разнообразным «местным» – цивилизационным, историческим – реалиям отразилась на академическом уровне в дебатах о соотношении своей/локальной и мировой науки. Они были едва ли плодотворными, но весьма показательными⁶⁸. В самом конце 1990-х характерный в плане будущих разногласий XXI века идеологический кульбит совершил основатель самого радикально постмодернистского издательства «Ad Marginem» Александр Иванов, который решил сменить «донашивание» французских «образцов» на *местные* и даже вполне советские «оригиналы», походя обругав за периферийность и русско-американскую славистику (которая все предыдущее десятилетие была каналом трансляции «правильных» ориентиров). В плане литературно-идеологическом Иванов стал одновременно опираться на совсем другое «иное», чем Чернышев и Павловский за пять–семь лет до этого: на творчество редактора «Завтра» Александра Проханова, советскую приключенческую литературу 1950-х – середины 1960-х и теоретические концепции эмигранта Бориса Гройса⁶⁹. Большую роль, и позитивную, и негативную, в более широких поисках самоопределения сыграло обращение к куда более уважаемой для общего климата 1990-х «возрожденной» интеллектуальной традиции (досталинской или эмигрантской) – не только в России, но и в Украине и странах Восточной Европы.

Но, как было показано выше, апелляции к «Вехам» или даже к Николаю Бердяеву и Питириму Сорокину в науке конца XX века уже перестали работать (в отличие от отсылок к Роману Якобсону). Показательно, что запрос на дореволюционное прошлое университетов и отдельных дисциплин оказался довольно высок⁷⁰, но в 1990-е так и не возникло запроса на написание обобщающей истории для академической корпорации или интеллектуального класса в целом. Топика кризиса оказалась сильнее⁷¹. Относительно прежнего «третьемирно-го» фокуса теории модернизации бывшие страны социализма

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

АХИЕЗЕР А. С. *Российская государственность: истоки, традиции, перспективы*. М.: Издательство МГУ, 1997; и др. Ср.: КРАСИЛЬЩИКОВ В. А. и др. *Модернизация: зарубежный опыт и Россия*. М.: Информарт, 1994. КРАСИЛЬЩИКОВ В. А. *Вдогонку за прошедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций*. М.: РОССПЭН, 1998.

68 См. анализ уже десятилетие спустя: МОРОЗОВ В. *Вездесущая идентичность: российская политическая наука перед лицом западной гегемонии* // *Общественные науки и современность*. 2011. № 3. С. 62–72.

69 См.: *Философия, конъюмеризм и левая идея: беседа с Александром Ивановым* // *Логос*. 2000. № 3. С. 4–17; *Западная славистика на рубеже тысячелетий. Беседа Вадима Руднева с Александром Ивановым и Драганом Куянджичем* // *Логос*. 2000. № 4. С. 4–17; Постоутенко К. *«Путинский проект» Александра Иванова: критические заметки* // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 1(47). С. 336–340; Жолковский А. *Телега на «славистику»* // *Там же*. С. 340–345.

70 Дмитриев А. *Переизобретение советского университета* // *Логос*. 2013. № 1. С. 41–64.

71 См.: Гиндилис Н. Л. *Из истории отечественного науковедения: 90-е годы* // *Науковедческие исследования*. 2015. С. 153–182. См. также важную сводную книгу начала 2000-х: *Наука и кризисы* / Ответ. ред. Э. И. Колчинский. СПб., 2003.

представляли собой нестандартный вариант «входа в современность», что осложняло применение этой теории к России. Кроме того, конечная точка модернизации в случае России оказалось довольно неопределенной, ведь страна не готовилась, например, к вступлению в ЕС – в отличие от Венгрии или Польши⁷². Запрос на возрождение антивеховского дискурса об «интеллигенции как таковой», обращенной к «народу» и ему служащей, не вышел за пределы малых групп историков, которые изучали прежнюю социалистическую или анархистскую традицию и сами к началу 1990-х стали ее наследниками⁷³.

Сложность приспособления «чужого» – модернизационного, социологического – языка к разнообразным «местным» – цивилизационным, историческим – реалиям отразилась на академическом уровне в дебатах о соотношении своей/локальной и мировой науки. Они были едва ли плодотворными, но весьма показательными.

Осталось сказать буквально несколько фраз о том, чего не хватало в науках о человеке и обществе 1990-х, но что пришло закономерно уже в начале нового тысячелетия. Это почти отсутствие не было результатом заговора молчания или нехватки квалифицированных переводчиков и заинтересованных издателей. О редукции марксизма мы уже сказали выше (например Теодор Адорно или Бенедикт Андерсон воспринимались скорее как часть нового западного канона, а не критики истеблишмента). Соответственно, Раймонд Уильямс или Эдуард Томпсон тоже были известны скорее лишь знатокам британской культурологии. Проблематика постколониализма, изучение секуляризации в рамках религиоведческих штудий, современная теория коммуникации и антропология будут осваиваться и переосмысляться на основании того набора идей и исследовательских инструментов, которые с энтузиазмом взяты на борт капитанами и матросами свободного научного плавания 1990-х.

72 SURMAN J., PETUSHKOVA D. *Between Westernization and Traditionalism: Central and Eastern European Academia during the Transformation in the 1990s* // *Studia Historiae Scientiarum*. 2022. Vol. 21. P. 439; BURAWOY M. *The End of Sovietology and the Renaissance of Modernization Theory* // *Contemporary Sociology*. 1992. Vol. 21. № 6. P. 774–785.

73 Речь идет о Конфедерации анархо-синдикалистов, основанной в Московском государственном педагогическом институте и о Товариществе социалистов-народников из московского Историко-архивного института. См. подробнее: Рябов П. В. «Община» и другие. *Возрождение анархического движения в СССР (1986–1988)* (www.youtube.com/watch?v=cVUV7xn0guU).

* * *

Наталья Владимировна Самутина, Наташа – наша коллега, памяти которой мы хотели бы посвятить эту статью, – прошла все стадии этой «корабельной иерархии», никогда не претендуя на административные регалии. Выучка у Бориса Дубина в Институте европейских культур, интерес к кино и новым формам бытования «классического наследия» и, наконец, к массовым практикам культурного потребления и производства – путь, заданный импульсом 1990-х⁷⁴. Соединение иронии и серьезности, междисциплинарность и открытость, отсутствие снобизма и почтения к субординации – ее уникальные черты, которые составляли и часть общего «пейзажа эпохи». Как бы ни были существенны для потомков панорамы, в целое складываются они не в каталогах, но благодаря сугубо индивидуальным портретам и личным усилиям, нашей памяти. Повседневность как открытие – это было и личным *научным* девизом Натальи Самутиной, и знаком времени – ее 1990-х.

**АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ,
АНДРЕЙ ИЛЬИН**

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ...

74 Степанов Б. *Памяти Натальи Самутиной* // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 1. С. 334–339; см. материалы «круглого стола» с ее участием: *Новый гуманитарий в поисках идентичности* // Новое литературное обозрение. 2002. № 3(55). В настоящее время книга избранных работ Натальи Самутиной готовится к печати.

САНИХА
АМИН ЗАКИ

Воспоминания женщины-врача из Ирака

(фрагменты)¹

ВВЕДЕНИЕ

Эти мемуары – очень личное описание того, что я видела и испытала на протяжении своей жизни и гражданской службы в Ираке. История моя складывалась так, что в нее сложно поверить человеку, не видевшему всего этого своими глазами. Я решила поделиться ею, поскольку в тринадцать лет еще была школьницей в хиджабе, а в шестнадцать уже училась в медицинском институте в Багдаде в смешанных классах, бок о бок с другими студентами и студентками.

РОДИТЕЛИ И ВОСПИТАНИЕ

Я родилась в Багдаде в 1920 году в видной иракской семье смешанного происхождения – курдского, арабского и туркоманского². Мой дед по отцовской линии Али Мухаммад-ага принад-

Саниха Амин Заки (1920–2017) – одна из первых женщин-врачей в Ираке. Окончила медицинский институт в Багдаде в 1943 году, после чего работала медиком и преподавала.

- 1 Перевод выполнен по изданию: ЗАКИ S.A. *Dhikriyāt tabība'irāqīyya*. London, 2005. P. 5–11, 90–102, 122–123, 269–273, 291–293. Редакция благодарит наследников Санихи Амин Заки за любезное разрешение опубликовать русский перевод фрагментов ее воспоминаний.
- 2 Туркоманами или туркменами называют тюркоязычное население Ирака. В описываемый период это было меньшинство, которое проживало в основном на севере страны.

АРХИВ «НЗ»

лежал к курдскому племени дизаи из санджака Эрбиль³. Он жил в Багдаде и служил офицером в османской армии. Жилище его находилось на улице аль-Фадль; там же обитали его друзья-офицеры, сыновья хаджи⁴ Хабиба аль-Ази – чистокровные арабы из племени бани из. Мой дед женился на дочери этого человека, которая носила персидско-арабское имя, означающее «радость мира». Так же звали и одну из дочерей султана в Стамбуле. Их свадьба состоялась в 1884 году. В то время различия между национальностями не играли особой роли – главным было то, чтобы жених и невеста были мусульманами и османскими подданными. А если человек служил офицером в султанской армии, то это означало, что он защищает исламскую общину от неверных – и такому жениху были особенно рады.

У Али-ага и его жены было четверо сыновей и одна дочь, а мой отец был старшим из детей. Поскольку глава семейства, как и его братья, состоял на военной службе, трое его старших сыновей тоже выбрали военную стезю. В частности, мой отец Мухаммад Амин, первенец, окончил военную школу в Багдаде и отправился в Стамбул, чтобы завершить обучение. Спустя три года он офицером вернулся в Багдад и вскоре намеревался поехать в Берлин совершенствовать свои знания: ведь он стал лучшим курсантом в своем выпуске. Друзья в училище даже прозвали его «Амин-баш», потому что «баш» [по-турецки] значит «первый». Однако молодой офицер внезапно лишился матери из-за холеры, свирепствовавшей в Багдаде. А спустя месяц от той же болезни скончался и его отец, и он, старший брат, остался единственной опорой для своих младших братьев и сестер. Ему пришлось отказаться от поездки в Берлин. Это очень опечалило его, и он жалел об этом до конца своих дней.

В 1907 году в Багдаде этот молодой офицер женился на Халиме Хан, дочери своей тети по материнской линии. В 1908-м у них родилась дочь Фатима Батуль, а в 1913-м – сын Ахмад Мухтар. Но в 1918 году, когда заключили перемирие, завершившее Первую мировую войну, первая жена [моего отца] скончалась в Киркуке от тифа. Вскоре после этой утраты мой будущий родитель посватался к Фаузии Хан, которой тогда было семнадцать лет. От своей первой жены, которая была соседкой семьи моей будущей матери, отец слышал, что девушки в этом доме – две совершенно одинаковые близняшки – образованны, говорят по-турецки и по-арабски, светловолосы и хороши собой.

Моя мать Фаузия вместе со своей сестрой Рамзией училась в школе в санджаке Мосул; с ними училась еще одна сестра, ко-

3 Титул «ага» указывает на то, что человек был военным по профессии. В тот период, который описывается в этой части мемуаров, Османская империя состояла из вилайетов (провинций), которые в свою очередь делились на санджаки.

4 Хаджи – почетный титул человека, совершившего паломничество в Мекку.

торая была чуть старше. Это было во время войны. Что касается моих более старших теток по материнской линии, то они не ходили в школу, поскольку в их времена еще не существовало школ для девочек. Моя мать и ее сестры разговаривали с членами своей семьи по-турецки, а между собой – по-арабски. Они получали образование в южных городах империи, где их отец служил прокурором⁵. Он работал в Багдаде, Аммане и Кербеле, а скончался в Киркуке в 1914 году.

По линии обоих родителей моя мать принадлежала к туркоманам Киркука, и потому дома у них говорили на турецком. Большинство родственников моего отца были гражданскими чиновниками, а некоторым из них принадлежали земельные наделы [в санджаке Киркук]. С нами родители всегда разговаривали по-арабски, а между собой общались только по-турецки. Мы в свою очередь знали турецкий лишь чуть-чуть, знакомясь с этим языком благодаря нашим родственникам из Киркука. В школах же нам давали иракское арабское образование. Мы росли с любовью к курдам и туркоманам благодаря своему родству, но любили их издали, так как жили и выросли в Багдаде и только в нем.

Сначала мой отец был офицером в османской армии, а затем служил в иракской армии⁶. В начале монархического периода его перевели в министерство просвещения, а позже избрали депутатом иракского парламента от провинции Багдад. В 1935 году он вышел на пенсию. Никто в нашей семье не занимался торговлей или промышленностью. В семнадцать лет моя мать считалась образованной дамой, ведь она умела *читать и писать*, а в то время это оставалось большой редкостью среди женщин. Я родилась в 1920 году и была их первым ребенком. Меня называли Саниха Балкис.

На протяжении долгих мрачных веков Багдад оставался большой и сонной деревней – в особенности в том, что касалось положения женщины, которая смотрела на мужа так, как раб смотрит на господина или мамлюк на хозяина. Мужчина

- 5 В южных, центральных и северо-западных районах Ирака большинство населения говорит на арабском, в то время как на севере, и особенно северо-востоке, проживают множество курдов, туркоманов и иных меньшинств.
- 6 Элиты иракского государства, появившегося в начале 1920-х, в значительной мере комплектовались из бывших арабских офицеров османской армии. Накануне Первой мировой некоторые из них уже состояли в тайных националистических обществах, которые, впрочем, тогда стремились не к независимости, а лишь к политико-правовому равенству арабов и турок. Позже многие арабские офицеры присоединились к Арабскому восстанию 1916 года. Его военный лидер, эмир Фейсал (1883–1933), после победы Антанты попытался создать арабское королевство в Сирии, но Франция в 1920 году силой пресекла эту попытку. Вскоре, однако, британцы предложили Фейсалу только что учрежденный иракский престол. О попытке Фейсала создать независимое королевство в Сирии см.: THOMPSON E. F. *How the West Stole Democracy from the Arabs: The Syrian Congress of 1920 and the Destruction of its Historic Liberal-Islamic Alliance*. New York: Atlantic Monthly Press, 2020; GELVIN J. L. *Divided Loyalties: Nationalism and Mass Politics in Syria at the Close of Empire*. Berkeley: University of California Press, 1999.

облек женщину в строгий хиджаб, и жена оставалась узницей в собственном доме, ублажая мужчину и служа ему – чаще всего абсолютно невежественному и далекому даже от самого низшего уровня современной цивилизации, которая с эпохи Возрождения на протяжении пяти веков восходила на Западе.

Спустя год после моего рождения, в 1921 году, Фейсал I стал королем Ирака. Для страны это было подлинное благословение – в особенности для женщин, для которых началась невиданная эпоха, отмеченная массовым распространением образования среди девочек⁷. Всего за несколько лет иракская женщина превратилась из дармоедки, неспособной жить самостоятельно и лишь обслуживающей мужа и детей, в образованную даму, способную самостоятельно добывать пропитание, как это делают мужчины.

САНИХА АМИН ЗАКИ
ВОСПОМИНАНИЯ
ЖЕНЩИНЫ-ВРАЧА
ИЗ ИРАКА

Всего за несколько лет иракская женщина превратилась из дармоедки, неспособной жить самостоятельно и лишь обслуживающей мужа и детей, в образованную даму, способную самостоятельно добывать пропитание, как это делают мужчины.

Я видела, как развивалась страна в эпоху монархии. Этот прогресс затрагивал все сферы жизни иракского королевства, включая образование для обоих полов, совершенствование преподавания в школах, повышение качества здравоохранения, строительство дорог и мостов, организацию полиции, создание современной армии. Но ярчайшим примером этой всеобщей революции, которая охватила всю страну с севера до юга и пробудила ее от многовекового сна отсталости и упадка, стало именно то, как радикально в Ираке изменилось положение женщин. [...]

ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕЙСАЛА I И ДОРОГА К ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ

Для поколения моего отца мое начальное образование и мои успехи в школе были необычным делом. Однако отец придавал большое значение обучению своих дочерей и культиви-

7 Доступ к образованию получили в первую очередь девочки из богатых и влиятельных семей. Но, хотя большинство населения оставалось неграмотным, люди с современным образованием постепенно становились все более заметной общественной и политической силой. Подробнее см.: ERPEL M. *The Elite, the Effendiyya, and the Growth of Nationalism and Pan-Arabism in Hashemite Iraq, 1921–1958* // Middle East Studies. 1998. № 30. P. 227–250.

рованию такого же отношения к ним, как и к сыновьям, поскольку верил в равные способности женщин и мужчин. Моя мать, проницательная читательница, поддерживала его в этом. Она осваивала много иностранной литературы, которая захватывала и увлекала ее; мать испытывала отвращение к нашей отсталости и закостенелости.

С детства я чувствовала, что женщины в нашем обществе притесняются; мне очень хотелось, чтобы девочкам была доступна такая же свобода, как и мальчикам – например, в спорте, позволяя заниматься скаутингом, плаванием и другими развлечениями, которые нам строжайше запрещали. Я уважала мужчин и потому не упрекала их, однако мне хотелось быть равной с ними и пользоваться той же свободой, какой обладают они.

Все эти новые воззрения берут начало в эпохе короля Фейсала I [который правил страной с 1921-го по 1933 год]; они коренились в присущей ему заботе об образовании для девочек, которых в его времена побуждали серьезно относиться к учебе. Я пошла в школу в царствование этого монарха, когда мне было четыре года. Тогда школ было мало, и они были сосредоточены в основном в Багдаде и Мосуле. Позже в Центральной школе открылся первый в стране колледж для учительниц начальных классов. Уже через десять лет в Багдаде и крупных городах было множество начальных школ для девочек; кроме того, продолжал работать и упомянутый педагогический институт. Он готовил иракских учительниц, потребность в которых была высокой. [...] В 1920-е его выпускницы заметно выделялись благодаря элегантной одежде, современным прическам, а также культурной речи. Чтение газет и журналов приучало их интересоваться тем, что происходит в стране и мире. Молодые замужние женщины стали завидовать учительницам, искали знакомства и дружбы с ними, подражали им в изысканных нарядах и учтивых манерах.

В 1930 году в Центральной школе для девочек открылся первый класс старшей школы. Выпускницы имели возможность поступать в высшие учебные заведения и учиться там наравне с мужчинами. В 1933 году девушка впервые поступила в медицинский институт, где издавна учились только юноши. Ею была Малек Ганнам – дочь известного журналиста Разука Ганнама⁸. То был первый случай в Междуречье, когда девушка принялась изучать естественные науки в традиционно мужском учебном заведении!

Окончив школу в 1936 году, в дни короля Гази⁹, я тоже поступила в медицинский институт. Вместе со мной были зачислены

8 Разук Ганнам (1882–1965) – иракский журналист; с 1920 года издавал газету «Ирак», которая выходила больше двадцати лет.

9 Гази I, сын Фейсала I, занимал иракский престол с 1933-го по 1939 год.

другие шесть девушек, а до нас там на разных курсах учились еще шесть студенток. Кстати, в том же году девушка впервые поступила на юридический факультет: это была Сабиха Шейх Давуд, которая еще будет упомянута ниже. Моя сестра Лямъан тоже поступила в медицинский институт; к ее времени количество студенток там достигло двадцати. Кроме того, многочисленные студентки изучали право, фармацевтику, педагогику и инженерное дело в других учебных заведениях.

Я завершила обучение в 1943 году, торжественно получив диплом из рук эмира Абд аль-Иляха – регента при малолетнем монархе Фейсале II¹⁰. [...] В 1950-м я начала преподавать в медицинском институте, на факультете врачебного и медикаментозного лечения. Я была не единственной сотрудницей: женщины-врачи работали и в других институтских подразделениях; среди них была, например, моя сестра Лямъан, трудившаяся врачом в институтской педиатрической клинике.

К 1958 году иракские женщины работали педагогами, докторами, фармацевтами, адвокатами, журналистами, инженерами, писали стихи. Должность пресс-атташе посольства Ирака в США тоже занимала женщина. К июльским событиям [о которых речь ниже] сбылось все, чего некогда страстно желал мой отец. Все его четыре дочери, а также две внучки получили высшее образование. Он мечтал об этом на протяжении всей жизни, и мечта сбылась, когда ему исполнилось 75 лет.

Вот такой путь к современности прошел Ирак.

СТРАНА ОСТАНОВИЛАСЬ И СБИЛАСЬ С ПУТИ

Внезапно одним летним утром, знойным, как Судный день, страна оказалась в руках группы офицеров¹¹, о которых люди раньше даже не слышали. [14 июля 1958 года] стало началом кровавой трагедии, которая превратила наш образованный по-современному народ в варваров. Новые властители разрушили старый строй, но у них не было ни четких политических целей, ни представления о том, куда двигаться дальше. Они убили деятелей, возглавлявших старый режим. Они проигнорировали белый флаг, поднятый королевской семьей, и не пощадили даже женщин, а тела высокопоставленных чиновников, изрубленные, как туши баранов, протащили по багдадским улицам.

10 Фейсал II находился у власти с 1939-го по 1958 год; был убит в ходе военного путча в июле 1958-го.

11 14 июля 1958 года в Ираке произошел военный переворот, покончивший с прорытанским монархическим режимом. Власть захватила группа, известная как «Свободные офицеры». Вскоре после переворота его руководитель, полковник Абд аль-Карим Касим, сосредоточил в своих руках всю полноту власти. В 1963 году он был свергнут в ходе нового путча, подготовленного при активном содействии Партии арабского социалистического возрождения («Баас»). Подробнее см.: DAWISHA A. *Iraq: A Political History from Independence to Occupation*. Princeton: Princeton University Press, 2009.

До сих пор я вспоминаю тот день с болью и сожалением. Страна черного золота превратилась в страну, жителям которой едва хватало на еду и одежду. [...]

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ШКОЛА ДЛЯ ДЕВОЧЕК

Когда в начале учебного года мать вела меня, десятилетнюю девочку, в школу, я гордилась, что поступила туда [после начальной школы]. Я ждала этого момента с нетерпением: ведь речь шла о знаменитой Центральной школе! С нами была моя восьмилетняя сестра Лямъан, которая училась во втором классе, а также четырехлетняя Адила, которую вели записывать в детский сад. Мы вошли в школу, и моя мать увидела госпожу Иффат – молодую турчанку, которая вела здесь рисование и которую мать хорошо знала. Госпожа Иффат удивилась, узнав, что в свои годы я уже собираюсь в пятый класс. Она помогла матери быстро оформить нас. К моему изумлению, в школе оказалось целых три пятых класса. Меня определили в класс «Б». [...]

По утрам звенел звонок, и ученицы делились по парам. Классы с первого по шестой выстраивались у большого здания, а учащиеся «Дома учительниц» [так назывался педагогический колледж] стояли по сторонам. Директриса, американка миссис Кир, обращалась к нам по-английски. Мы не понимали, что она говорит, но молчали, поскольку помощница директора переводила ее слова на арабский. После директорской речи мы не пели гимн, как в начальной школе – вместо этого, одна из учительниц ставила пластинку с красивым западным маршем, и все расходились по своим классам. Мы с одноклассницами поднимались на второй этаж. Путь до класса был длинным, а в коридорах были расставлены дежурные-старшеклассницы, которые следили, чтобы мы не разговаривали, в противном случае дежурная записывала имя нарушительницы в блокнот. Так что все девочки шли к своим партам в полнейшем молчании.

Наша белокурая директриса была американкой шведского происхождения. Мы считали ее женщиной в возрасте, но она была очень активным человеком. Когда ей попадались бумажки, брошенные на пол, она наклонялась и подбирала их сама – вместо того, чтобы звать уборщицу. Нам, ученицам, было стыдно, и мы бросались помогать ей. Госпожа Кир покинула Ирак в 1931 году и вновь посетила страну через тридцать лет, то есть в 1960 году. Так что она все-таки была не такой старой, как мы думали!..

Больше четверти учениц в нашем классе составляли христианки и еврейки. Взаимопонимание и дружба давались нам легко и непринужденно, и единственным отличием было то,

что на улице мусульманки носили хиджаб, а христианки и еврейки покрывали головы только шляпками. Уже в десять лет, благодаря влиянию семьи моей тети по материнской линии и ее современных идей, я не хотела носить хиджаб.

В классе я познакомилась с одной ученицей, которая была старше меня всего на год; позже эта девочка стала моей единственной подружкой. Ее звали Балкис Омар Дарраз. Отец ее был высокопоставленным чиновником в управлении железных дорог. Насколько я помню, он был афганского происхождения, а ее мать была иракской туркоманкой. У Балкис был младший брат по имени Джавид. Когда он вырос, он стал пилотом «Иракских авиалиний». [...]

Учительницы из Сирии

Обычно мы называли своих учительниц именно так, хотя те в основном были ливанками-христианками из Бейрута. Я училась под их началом на протяжении семи лет, то есть до конца старшей школы, и не могу сказать о них ничего, кроме хорошего. Они очень положительно влияли на учениц в эти ключевые для их жизни годы. Наши учительницы были молоды, одевались в соответствии с современной модой, но скромно. Они не говорили о своей религиозной принадлежности ни в какой форме и никак не демонстрировали, что их страна продвинулась гораздо дальше Ирака. Они обучили нас всем современным наукам и английскому языку, а также познакомили нас с произведениями таких ливанских поэтов, как Джибран Халиль Джибран, Илья Абу Мади, Михаил Нуаймэ и других. Постепенно мы стали читать новую поэзию, которая была не похожа на написанное на старом арабском языке и далеко отходила от известных тем [классической арабской поэзии]. Учительницы [литературного] арабского знали его на высшем уровне – куда лучше, чем иракские учительницы, окончившие «Дом учительниц». Они познакомили нас и с красивыми западными песнями на арабском, которые мы пели под пианино на уроках музыки.

Даже когда они сердились на нерадивых учениц, их слова оставались деликатными и сдержанными: они старались наставить нас на путь усердия – вместо того, чтобы ругать или срамить. Более того, они влияли и на иракских учительниц, которые видели, что нет никакой нужды быть с детьми грубыми и резкими. Многие сирийские учительницы носили иностранные западные имена и арабские фамилии, но у некоторых были полностью арабские имена. Например, сейчас я помню такие имена, как Элис Кандальфат (эта дама была заместительницей директрисы, а потом сама сменила ее), Эмма Салиби, Мальвина Гарзузи,

Евгения Абу Шаид и Элеонор Камар. Что касается учительниц с арабскими именами, то их звали Афи́фа Хаддад, Вадад Хури и Лулу Даумат. Была у нас также учительница-мусульманка из Палестины по имени Сафия аль-Лабабиди, сестра учителя Яхьи аль-Лабабиди, который отличался своей преданностью королю [Ирака] и прославился как автор патриотических песен. Вот, например, слова из одной из них: «Приветствую тебя, король, наш покровитель, / арабов гордость, Междуречья государь, / Фейсал – ты символ [нового] Востока».

В те дни я узнала названия праздников, о которых не слыхала раньше; среди них были *Christmas* и *New Year*. Раньше мне доводилось сталкиваться только с арабским названием Рождества. Именно в школе я впервые обнаружила, что ученицы в эти дни посылают праздничные открытки учительницам и подругам. Я поступила так же, отправив три открытки трем учительницам. Во время этих праздников все христианки – директриса, учительницы, ученицы – исчезали на два дня на Рождество и потом еще на день на Новый год. Несмотря на это, учеба продолжалась, хотя в основном мы играли в спортивные игры или пели. Возвратившись в школу, педагоги благодарили весь класс за открытки, не упоминая, впрочем, имен тех, кто их послал.

Были у нас и местные учительницы из Ирака. Они работали с нами в пятом и шестом классах. Звали их госпожа Сабиха Шейх Давуд и Саадия аль-Хатиб. В шестом классе преподавали также госпожа Афи́фа Руаф (она вышла замуж за известного левого интеллектуала Абд аль-Фаттаха Ибрахима) и госпожа Вафика Абдалла аль-Мумейиз. Преподавательница религии тоже была из Ирака; она была человеком старой закалки, и мы называли ее Бакиза-ханум – на турецкий манер. Учительница рисования, госпожа Иффат, была турчанкой, а учительница шитья Хасиба ар-Равандузи, сестра высокопоставленного офицера по имени Амин-паша ар-Равандузи, разговаривала по-арабски с явным турецким акцентом.

Тут я хотела бы рассказать об одной из лучших учительниц, с кем мне пришлось встретиться в жизни: о культурной, образованной и любезной госпоже Сабихе Шейх Давуд. Она была стройной девушкой с красивым лицом, волнистыми волосами и приятным голосом. Она всегда улыбалась ученицам. Она гордилась тем, что ее отец, шейх Ахмад, и другие члены семьи с первых дней британского присутствия боролись за то, чтобы в стране открылись школы для девочек. Госпожа Сабиха встречала короля Фейсала, когда тот прибыл в Багдад: она подъехала к нему на верблюде и прочитала стихотворение аль-Хансы¹². Ей тогда было десять лет. [...] Я не слыхала этой

12 Аль-Ханса – арабская поэтесса, жившая в конце VI – первой половине VII веков.

истории от нее самой, но ученицы постоянно рассказывали об этом. Госпожа Сабиха была очень дружелюбна с нами, хоть и немного горделива. Мы ее исключительно любили и уважали! Госпожа Сабиха вела у нас историю и географию. Всякий раз, когда она входила в класс, среди нас будто бы проскальзывал электрический заряд: все внимательно слушали ее, всем хотелось правильно отвечать на ее вопросы, а в конце урока нам было грустно от того, что занятие так быстро закончилось. Госпожа Сабиха была полна патриотизма, любви к стране, королю и правящей династии. Она дружила с принцессами, дочерьми короля Фейсала, и ходила к ним в гости во дворец, где они играли в спортивные игры.

Однажды утром [в 1929 году], спустя два месяца после моего зачисления, госпожа Сабиха вошла в класс и сообщила нам, что премьер-министр страны покончил с собой. Тогда в домах не было радиоприемников и новости распространялись через газеты. Я встречала раньше слово «самоубийство», но никогда еще не слышала, чтобы кто-то на самом деле убивал себя. Имя Абд аль-Мухсина ас-Саадуна знал лишь редкий десятилетний ребенок¹³. Я слышала, конечно, такие имена, как Джафар-паша¹⁴, Нури-паша¹⁵ и Ясин-паша¹⁶ – то были высокопоставленные сановники, приближенные к королю, но далекие от меня. (Тогда мне еще не было известно, что ас-Саадун, будучи главой королевского правительства, был единственным сановником, изо всех сил помогавшим британскому доктору [сэру Гарри] Синдерсону¹⁷, который настаивал на открытии в Багдаде медицинского института – вопреки протестам всех местных врачей. Речь о том самом институте, который впоследствии окончила и я.)

Новость о самоубийстве ас-Саадуна заставила меня почувствовать, что страна понесла утрату. Я погрузилась в глубокую печаль; смерти и похороны всегда производили на меня мрачное впечатление. Весть быстро распространилась среди девушек, и некоторые студентки «Дома учительниц» плакали. Кто-

13 Абд аль-Мухсин ас-Саадун (1879–1929) – иракский государственный и политический деятель, неоднократно занимал министерские посты и четыре раза был главой правительства. Поскольку политик ориентировался на Великобританию, его отношения с королем Фейсалом оставались довольно натянутыми. См.: Ватату Н. *The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq: A Study of Iraq's Old Landed and Commercial Classes and of Its Communists, Ba'thists, and Free Officers*. Princeton: Princeton University Press, 1983. P. 190–191.

14 Джафар-паша аль-Аскари (1885–1936) – арабский офицер османской армии, позже иракский государственный деятель. Занимал посты министра иностранных дел и министра обороны, дважды возглавлял правительство Ирака. Убит в ходе военного переворота в 1936 году.

15 Нури-паша ас-Саид (1888–1958) – арабский офицер османской армии, позже иракский государственный деятель. Неоднократно был премьер-министром Ирака как до формальной независимости страны, полученной в 1932 году, так и после. Убит после военного переворота в 1958 году.

16 Ясин-паша аль-Хашими (1884–1937) – арабский офицер османской армии, позже иракский государственный и политический деятель. Дважды был премьер-министром Ирака. После путча Бакра Сидки, произошедшего в 1936 году, покинул Ирак. Умер в Бейруте через год.

17 Сэр Гарри Чапман Синдерсон (1891–1974) – личный врач иракской королевской семьи.

то из продавцов газет принес свежий номер прямо к нашим дверям; он вышел с черным обрамлением, на первой полосе были напечатаны фотография покойного и его наставления старшему сыну Али. Наставление было написано на турецком, но рядом давался перевод на арабский. Дома я еще раз перечитала новость. Я видела, что отец и мать пребывают в смятении и изумлении.

Самоубийство премьер-министра широко отозвалось в обществе. В своем наставлении покойный писал: «Нация ожидает [нашего] служения, но англичане препятствуют нам». Мои глаза тонули в слезах, когда я читала этот текст, а я сделала это много раз! Люди вокруг повторяли, что это колонизаторы – как обычно! – во всем виноваты. И мы оплакивали ушедшего политического деятеля и [участь] его детей. Однако один наш родственник, близко знавший ас-Саадуна, рассказал, что у него бывали периоды депрессии, что жена его отличалась непростым характером, что в ту ночь он проиграл крупную сумму в карты. Все это в совокупности, по его словам, и привело к ужасной трагедии. Об этой теме вспомнили вновь, когда вскоре после смерти отца с собой покончил и Али – сын ушедшего политика.

Через несколько лет после смерти ас-Саадуна и еще до кончины короля Фейсала I в Багдаде в один день открыли два памятника, изготовленных в Риме. Первый был посвящен королю Фейсалу: монарх был представлен в арабском наряде восседающим на жеребце. Лик его был обращен на запад – к Сирии. Скульптуру установили в районе аль-Карх. Второй памятник изображал Абд аль-Мухсина ас-Саадуна, причем его голову украшала пилотка¹⁸. Он стоял, будто бы выступая с речью. Памятник установили в районе ар-Русафа, на улице, переименованной в честь ас-Саадуна.

К НАМ ПРИЕЗЖАЕТ КОРОЛЬ

Где-то в середине года в наш класс стремительно вошла госпожа Сабиха Шейх Давуд. Она заявила, что в школу прибыл его величество король – и что он будет ходить по классам. Сообщив об этом, она столь же быстро вышла, торопясь предупредить другие классы. Должно быть, визит был спонтанным, потому что мы предварительно не украсили школу флагами, а уроки не прерывались. Поскольку мы сидели за партами, никто из девочек не видел, как прибыла королевская делегация. Сначала монарх и его свита вошли в центральный корпус и посетили

18 В межвоенный период пилотка – во многом с подачи короля Фейсала – стала одним из символов панарабского национализма.

тамошние классы, после чего направились в начальную школу и зашли в первые классы, а затем, поднявшись на второй этаж, заглянули в четвертые, пятые и шестые. Из каждого кабинета, в который заходил король, раздавались аплодисменты учениц. Наконец, делегация дошла и до нас. Мы усердно аплодировали, однако Фейсал провел в классе не больше минуты: он улыбнулся, поприветствовал нас рукой и вышел, не произнеся ни слова. То был второй раз, когда мне довелось лицезреть улыбку этого блистательного монарха. Я видела ликование учениц и учительниц и чувствовала их радость от того, что король интересуется образованием и школами.

В апреле 1930 года школа всерьез взялась за спорт. Спортивное движение возглавили учительница физкультуры и студентки «Дома учительниц». Ученицы состязались в баскетболе, перетягивании каната, беге на скорость, прыжках через препятствия и в высоту, а лучших отобрали на большое мероприятие, организованное школой. Что же касается начальной школы, то младшие лишь маршировали вокруг здания и занимались простыми упражнениями. Спортивная форма состояла из синей юбки и белой блузки, и у каждого класса была тканевая повязка определенного цвета. В процессе подготовки каждое наше утро начиналось с марша и упражнений.

На торжественном открытии большого [спортивного] праздника, организованного школой, присутствовали матери учениц. Мы начали с марша вокруг школы и духоподъемной песни с такими словами: «Сломите то, что сдерживает вас, / Разбейте все оковы и преграды, / Ведь время злополучное ушло, / Эпоха счастья ныне наступила». Затем началась разминка младших классов, а после мы смотрели, как студентки из «Дома учительниц» состязаются в различных видах спорта. Меня порадовал успех моей двоюродной сестры Амины ар-Раххаль, которая заняла первое место в прыжках в высоту. Она училась на втором курсе «Дома учительниц». Победительницы получили кубки и медали. Вся школа, включая педагогов и учениц, наполнилась энтузиазмом, гордостью и радостью. Спортивное мероприятие мне очень понравилось. Это была малая компенсация девочкам, которым [наконец-то] позволили устроить публичные соревнования, где они состязались на глазах у своих матерей и одноклассниц.

Когда я была в шестом классе, мама родила второго мальчика. [...] Она впервые отправилась рожать в Королевскую больницу. Прежде всех нас она рожала дома, с одной и той же повитухой. Обычай рожать в госпитале был чем-то новым. У нее родился мальчик, которого назвали Фаруком. Это был красивый ребенок, белокожий, со светлыми волосами и голубыми глазами. Все мы очень полюбили малютку.

ДВИЖЕНИЕ ЗА ПРАВА ЖЕНЩИН

В первые годы в школе мы в основном учили наизусть песни и стихи на три темы: о родине, короле – и образовании для девочек. Нам было известно, что на страницах газет и журналов женщин защищают мужчины, а сами они не обладают писательскими способностями – ибо в большинстве своем неграмотны или полуграмотны. В первые годы монархии в газетах публиковались лишь немногие женщины, да и то крайне редко. Мужчины же, писавшие о правах женщин, подчас подвергались злобным нападкам. Тем не менее некоторые из них вступали на этот трудный путь, чтобы как можно скорее изменить устоявшийся порядок вещей.

Когда мы были детьми, [в Ираке] распространились школы для девочек, особенно в Багдаде и больших городах, однако хиджаб по-прежнему был обычным делом среди всех [мусульманских] женщин из богатых и средних слоев. Что же касается крестьянок, то их лица были всегда открыты. Согласившись с женским образованием, мужчины в основном были решительно против того, чтобы женщины раскрывали свои лица. Ведь никто и никогда не видел мусульманку без хиджаба в общественном месте. Все женщины с непокрытыми лицами, которых можно было увидеть в школах и за их пределами, были христианками или еврейками, а также, разумеется, европейками.

Согласившись с женским образованием, мужчины в основном были решительно против того, чтобы женщины раскрывали свои лица. Ведь никто и никогда не видел мусульманку без хиджаба в общественном месте.

Тем не менее некоторые наши литераторы с самого начала были за то, чтобы женщины приобщались к образованию и культуре и отвергали при этом хиджаб. Особенно выделялся поэт Джамиль Сидки аз-Захави. Он стал первым иракцем, который еще до Первой мировой войны поддержал освобождение женщин, опубликовав в египетской газете статью под заголовком «В защиту женщины». Текст, посвященный недостаткам хиджаба, заканчивался такими стихотворными строками: «Мусульмане отстали от прочих народов Земли / Из-за хиджаба, гнетущего женщин ислама». За подобные высказывания он имел немало неприятностей со стороны ревнителей веры и простых людей. Его прозвали «еретиком» и отстранили от работы в Школе права. [...]

В 1930-е мы читали и учили стихи египетских и сирийских поэтов, а также эмигрантскую поэзию. Во многих из них говорилось о равных правах и обязанностях женщин и мужчин. Положение женщины в наше время, а также открытие и покрытие лица и головы обсуждались и на школьных мероприятиях. Среди школьниц ходило стихотворение о снятии хиджаба, которое написал курсант Королевского военного училища по имени Мухаммад Басим аз-Зуайб. Оно называлось «Сними его» и содержало такие строки: «Сними его, разорви и брось / Прямо на камни гробниц, / Встань с непокрытым лицом и пой, / Прощание с хиджабом пришло». А еще у нас было популярно творчество [египетского поэта] Хафиза Ибрагима, который, хотя и не призывал к отказу от хиджаба, зато поощрял девушек ухаживать за ранеными в военных госпиталях. Среди тех, кто защищал хиджаб и высмеивал его противников, был народный поэт мулла Аббуд аль-Кархи¹⁹. Мы любили этого одаренного стихотворца за поэтический гений и каждую неделю читали его газетные публикации, восхищаясь его остроумием. Но, несмотря на то, что в популярности с ним сравниться не мог никто, мы считали Аббуда аль-Кархи простаком, далеким от образования и науки.

Человеком, который сделал для прав женщин в учебных заведениях больше всех, был генеральный директор просвещения, профессор Сати аль-Хусри²⁰. Ему удалось открыть несколько школ для девочек сначала в столице, а потом и в других городах. К его заслугам можно отнести и учреждение «Дома учительниц» в Багдаде. Именно аль-Хусри внедрил [в педагогической сфере] принцип равной заработной платы для обоих полов. Люди не сразу поняли важность этого шага, но эта мера, уравнивая жалованье учительниц и учителей, позже затронула женщин-врачей, женщин-секретарей и всех прочих. Благодаря ей, в Ираке не было разницы в зарплатах женщин и мужчин, какая сохранялась тогда в европейских странах. То было одно из благих дел господина Сати аль-Хусри. [...]

СТАРШАЯ ШКОЛА

[...] Я очень радовалась, что окончила начальную школу и что продолжу учиться в большом центральном корпусе, где располагались классы «Дома учительниц». [...] Моих подруг поразило, как я выросла за время летних каникул, став почти

19 Аббуд аль-Кархи (1861–1946) – поэт из Багдада, писал на местном диалекте арабского.

20 Сати аль-Хусри (1882–1968) – педагог, просветитель, идеолог панарабского национализма. О его жизни и взглядах см.: CLEVELAND W.L. *The Making of an Arab Nationalist: Ottomanism and Arabism in the Life and Thought of Sati' Al-Husri*. Princeton: Princeton University Press, 1972.

такой же высокой, как они. Я решила, что теперь, сделавшись выше, смогу играть с ними в баскетбол на физкультуре. [Прежде] мне никогда не позволяли заниматься этим из-за того, что я была слишком мала.

Мне было почти двенадцать лет. Дома я перестала играть с красивыми куклами и бумажными самолетиками, которые мы запускали на террасе. Я также отказалась от игр в бандитов и полицейских... Теперь я считала себя слишком взрослой, чтобы возиться со своими маленькими братьями, а их рассказы уже не забавляли меня, как раньше. Я принялась коллекционировать почтовые марки; это увлечение поддерживалось тем, что названия большинства государств и их столиц мне уже были известны. Младших сестер и племянников я тоже заставляла учить названия стран и столиц. Мы стали часто ходить в кино с мамой, а с сестрой начали собирать цветные киноафиши, обмениваясь ими с другими девочками. Это было интересное развлечение, благодаря которому я узнала имена актеров и актрис.

На экране я видела людей, которые красиво наряжались, танцевали и пели на вечеринках. Все эти женщины, мужчины, дети, а также их жилища и сады были столь прекрасными, будто бы они существовали в каком-то другом мире! Я думала, что наша страна быстро изменится и еще при нынешнем поколении мы станем, как европейские страны.

В кинотеатре мне открывался новый и далекий мир, полный всего, чего душе угодно: там были изумительные дома, изысканные женщины и смелые мужчины, которые храбро отправлялись в далекие неизведанные земли – в Африку, на Борнео, на Северный или Южный полюс. На экране я видела людей, которые красиво наряжались, танцевали и пели на вечеринках. Все эти женщины, мужчины, дети, а также их жилища и сады были столь прекрасными, будто бы они существовали в каком-то другом мире! [...] Жизнь на экране подарила мне духовную родину. [...] Я думала, что наша страна быстро изменится и еще при нынешнем поколении мы станем, как европейские страны. Мне хотелось, чтобы каждая женщина стала красивой, как Грета Гарбо или Марлен Дитрих, а каждый мужчина – таким же мужественным, как Гэри Купер, чтобы девушки и парни были похожи на Дину Дурбин и Микки Руни, а дети – на Ширли Темпл!..

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И РАБОТА В КОРОЛЕВСКОЙ БОЛЬНИЦЕ²¹

САНИХА АМИН ЗАКИ

ВОСПОМИНАНИЯ
ЖЕНЩИНЫ-ВРАЧА
ИЗ ИРАКА

В год нашего выпуска [из медицинского института] среди нас оказались шесть женщин-врачей. По традиции, которая сохраняется до сих пор, женщины [обычно] работают в родильном отделении или в гинекологии. Но четыре выпускницы, среди которых была и я, захотели, чтобы нас распределили в соответствии с нашими желаниями, а не чьими-то еще. Ведь врачи-мужчины работают акушерами и гинекологами, если хотят! Почему же нас, как и мужчин, нельзя распределить согласно нашим собственным интересам?

[В итоге] три женщины-врача впервые в истории Королевской больницы были назначены в отделения, которые занимаются болезнями внутренних органов, а четвертая приступила к работе в отделении кожных и венерических заболеваний. Кажется, такое распределение обрадовало профессоров. Я попала в отделение, которым руководил профессор Стейси. Он назначил меня ответственной за новую женскую палату, которая должна была открыться в его отделении через несколько недель. Ранее в больнице имелась лишь одна палата для женщин, страдающих болезнями внутренних органов. Ответственность за открывающуюся палату предстояло разделить профессору Стейси, с которым работала я, и профессору Абд аль-Хади аль-Пачачи, с которым работала доктор Самха Сасун Шина. [...]

Три месяца ждала я открытия своей палаты. Все это время я занималась осмотром больных, а также помогала стажировавшимся у нас студентам выпускного курса. Я также курировала работу лаборатории профессора Стейси; нам хотелось получать результаты анализов в тот же день – вместо того, чтобы, отправив образцы в стороннюю большую лабораторию, ждать два–три дня. Студенты-выпускники под моим началом исследовали кровь, мочу и кал в нашей маленькой лаборатории, а результаты вносили в истории болезней. [...]

В один из дней директор госпиталя сообщил, что во вторую палату с больничного склада доставили койки, шкафчики и постельное белье; он предложил мне прийти посмотреть. Я вошла в помещение – и почувствовала такую гордость, как если бы мне довелось обставить мебелью новый дом. Просить больше было не о чем: со склада уже доставили абсолютно все необходимое, включая такие же занавески, как в других палатах, такие же тумбочки, такие же одеяла. Я радовалась открытию новой палаты, в которой мне самостоятельно предсто-

21 Нижеследующий отрывок посвящен гораздо более позднему периоду жизни мемуаристки.

яло ухаживать за половиной больных. В нашей половине, которая располагалась справа, стояли пятнадцать коек; еще пятнадцать коек, находившихся слева, были в ведении отделения профессора Абд аль-Хади. Мне было приятно, что вместе с этим специалистом работала Самха Шина – моя подруга и одноклассница. Мы с ней поделили ночные смены. Отдежурив месяц в больнице, я отправлялась домой, а вместо меня выходила Самха, дежурившая на протяжении следующего месяца. Так мы сменяли друг друга в течение года.

Мне нравилось простое старое здание Королевской больницы; я предпочитала его новым корпусам, которые позже возвели вокруг – вроде здания, в котором принимали частные врачи и располагались современные хирургические палаты. Старое здание было построено в саду на берегу реки Тигр. Его назвали аль-Маджидия в честь османского халифа XIX века Абд аль-Маджида. Первоначально оно не было больницей; эти помещения возвели, чтобы принять персидского шаха, который намеревался приехать в Ирак для посещения шиитских святынь в Наджафе, Кербеле и Казими. Так появились два дома, стоящие друг против друга. Когда иранский монарх прибыл, его самого вместе со свитой поселили в одном доме, а в доме, стоящем напротив, разместили слуг и солдат. Обе постройки были одноэтажными; между ними проходила широкая аллея. За годы моей работы она превратилась в настоящий зеленый сад, в котором росли цветы, а вокруг них пальмы, эвкалипты и апельсиновые деревья.

Со временем корпус у реки стали использовать в качестве дома престарелых, а в корпусе напротив расположились бесплатные палаты. Всего насчитывалось одиннадцать таких палат, каждая на тридцать коек – по пятнадцать с каждой стороны. Койки стояли на расстоянии метра одна от другой, и около каждой был индивидуальный шкафчик, в который больной мог положить, что пожелает. В каждой большой палате имелась маленькая комнатка, которую мы называли «наполовину бесплатной»: она предназначалась для двух больных, готовых платить за свое содержание небольшие суммы. Врачи и медсестры ухаживали за ними точно так же, как за остальными.

В современном здании, расположенном поодаль от нас, находились хирургические палаты. В этом двухэтажном корпусе имелось паровое отопление, обогревавшее палаты зимой: в старом здании, которое прогревалось нефтяными печами, ничего подобного не было. Среди хирургических палат выделялись палата костной хирургии и палата отоларингологии; все остальные были палатами общей хирургии для мужчин и женщин. В нашем старом здании размещалась большая операционная. Там каждый день с утра до вечера проходили операции;

для каждого хирургического отделения был установлен свой собственный день. Неотложные операции проводились круглосуточно. В операционной имелась невысокая галерея для студентов-хирургов; стоя там, они сверху наблюдали за ходом операций. Иногда хирург разговаривал с ними во время своей работы, объясняя, что именно он делает. [...]

Поездка в Каир и Арабский женский союз²²

[Как-то раз у меня дома] зазвонил телефон. На связи была госпожа Аамат ас-Саид, декан Высшего королевского института. Она сообщила мне, что министерство социальной политики хочет, чтобы я отправилась в Египет для участия в съезде Арабского женского союза, который вскоре пройдет в Каире. Она добавила, что дело срочное и я должна дать ответ немедленно.

Каир!.. Мыслимо ли отказаться от поездки в Каир?

Я попросила госпожу Аамат подождать минуту: мне нужно было посоветоваться с мужем. Я думала, что Ихсан не согласится, однако он сказал: «Принимай приглашение. Это редкая возможность, очень необычная поездка!.. Ты как раз в отпуске, мы только и делаем, что принимаем от разных людей поздравления со свадьбой! Скажи, что ты согласна». Я вернулась к телефону и сообщила госпоже Аамат, что поеду, тепло поблагодарив ее.

В моем воображении Каир был смесью трех городов: Оксфорда, Москвы и Голливуда. Этот древний город – средоточие науки, искусства, политики. Он занимает особое место в арабских сердцах, с ним не может сравниться ни одна другая столица!.. В школе мы читали много египетской литературы, с детства учили стихи [Ахмада] Шауки и Хафеза [Ибрагима], следили за жизнью короля Фарука, его красавиц-сестер, включая Фаузию, которая стала женой шаха Ирана, а также его супруги, королевы Фариды. Нам знакомы были имена [египетских мыслителей] Тахи Хусейна, Аббаса Махмуда Аккада, Тауфика аль-Хакима, [лидера антиколониальной оппозиции] Саада Заглюля, [писавшего о правах женщин] Касема Амина. Мы с восхищением разглядывали фотографии мечети аль-Азхар, пирамид, Сфинкса, слушали песни Умм Кульсум и Абд аль-Ваххаба.

Госпожа Аамат рассказала мне, что в состав делегации войдут шесть государственных служащих, представляющих различные женские объединения: [я –] доктор Саниха Амин Заки от министерства социальной политики (врач), госпожа Афифа

22 Описываемые ниже события происходят в 1944 году. В том же году Саниха Амин Заки вышла замуж за своего двоюродного брата Ихсана Рифъата – инженера-нефтяника, учившегося в престижном Американском университете в Бейруте, а затем в США.

Руаф от министерства образования (директриса школы), госпожа Маида аль-Хайдари от женского отделения Красного полумесяца (учительница), госпожа Сурая аль-Хауджа от Ассоциации защиты детей (директриса педагогического колледжа), госпожа Роуз Хадури от общества «Дома нации» (директриса школы), госпожа Нузхат Ганнам от объединения «Братство свободы» (преподавательница Высшего королевского института). Все делегатки были молоды: мне было 24 года, а остальным около тридцати. Четыре участницы были замужними дамами, Нузхат Ганнам вышла замуж лишь несколько лет спустя, а Сурая аль-Хауджа и вовсе не вышла замуж.

Инициатором встречи женских организаций выступила великая Худа Шаарави, которая не первый год возглавляла египетский Женский союз. В ходе поездки по Ливану, Сирии, Палестине и Иордании, осуществленной в годы [Второй мировой] войны, у нее родилась идея провести общеарабский женский конгресс – для координации усилий арабских женщин, которые стремились тогда добиться гражданских и политических прав. Кроме того, на этом форуме планировалось рассмотреть ситуацию в Палестине, которая в тот момент стремительно ухудшалась. Предполагалось, что оформленный таким образом фронт арабских женщин обеспечит им голос в социальных и законодательных вопросах, позволит гарантировать права матерей и детей, поможет масштабным социально-экономическим реформам послевоенного периода.

Во время путешествия по арабским странам Худа Шаарави обсуждала проведение женской конференции в Каире с тамошними активистками. Инициатива нашла отклик в рядах женских организаций; ее поддержали даже некоторые правительства. Госпожа Шаарави тогда не посетила Ирак, но зато она направила меморандум господину Тахсину аль-Аскари – дипломату, представлявшему интересы Ирака в Египте. В своем послании она выразила почтение ее высочеству королеве Алие, матери короля Фейсала II, присовокупив к этому адресованное ей личное приглашение почтить предстоящую конференцию своим присутствием. Впрочем, в силу некоторых личных причин королева Алиа не приняла его.

Перевод с арабского и комментарии Максима Жабко

Лекция 27 января 1979 года в Коллеж де Франс¹

РОЛАН
БАРТ

На прошлой встрече я пытался показать, как индивидуация может приводить не к индивиду, но к своего рода моменту индивидуности, в каком-то смысле отделенном от субъекта и представляющем субъекта, человека, как некую серию бликов и многоцветье ткани с множеством особенных нюансов. Я в самом деле думаю, что хайку – наиболее чистое формальное выражение подобного понимания индивидуации. Теперь я хочу обратиться к тому, о чем уже говорил в курсе прошлого года, к более широкой – умозрительной, письменной, жизненной – практике индивидуации, которую я буду называть «нюансом».

Ролан Барт (1915–1980) – французский философ, литературовед.

Нюанс

Я полагаю, что нюанс – это такая практика индивидуации (и это важно здесь в плане этимологии, которая включает некую связь с погодой (*temps qu'il fait*), о которой мы с вами как раз говорили. Погода по латыни связана не с *tempus*, временем хронологическим, но с небом, *coelum*; старофранцузский гла-

¹ Лекция, прочитанная Бартом в рамках курса «Приготовление романа» в Коллеж де Франс (1978–1980). Перевод выполнен по: BARTHES R. *Séance du 27 janvier 1979* // ИДЕМ. *Préparation du roman. Cours au Collège de France (1978–1979, 1979–1980)*. Paris: Seuil, 2015. P. 137–157.

**ЯПОНИЯ – ФРАНЦИЯ –
(РОССИЯ): ИЗ ИСТОРИИ
КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА**

гол *nuet*, от которого произошел нюанс, означал сопоставление различных оттенков световых пятен на облаках: таким образом, нюанс связан с погодой). Нюанс, я думаю, стоит рассматривать здесь в наиболее значимом широком теоретическом смысле слова как некий автономный язык; доказательством этому служит тот факт, что он невротически вытесняется и отвергается современной массовой культурой. Во всяком случае у меня складывается ощущение, что мир медиа, точнее – *масс-медиа*, определяется агрессивным отверганием нюанса. Мне уже приходилось говорить о практике нюанса как основании всякой коммуникации; думаю, я даже ввел один неологизм: по-гречески нюанс мог бы быть переведен как *diaphora* (отличие), поэтому тут можно говорить о некоем языке нюансов или же науке нюансов под названием *диафоралогия*². Но мне хотелось бы особым образом добавить к этому слова замечательного мыслителя, мало известного во Франции, но весьма известного в Соединенных Штатах – Вальтера Беньямина: «вещи именно таковы, какими мы их видим, насквозь затехнизированные, рационализированные, и особенными могут быть сегодня только нюансы»³.

Вы знаете, что сегодня принято говорить о кризисе стиля – как практическом, так и теоретическом (поскольку никакой теории стиля ни в литературе, ни в письме сегодня не существует; иной раз кто-то озаботится, бывает, поиском такой теории, но ничего толкового из этого не получается). Словом, стиль можно было бы определить как практику нюанса на письме (поэтому признание стиля как ценности весьма проблематично для современного общества). И вот вам пример, как раз из хайку. Хайку № 10:

Шквалом обрушился
Летний ливень
На гвоздики
(Сампу⁴, перев. Мюнье)

«Шквалом» и есть здесь тот решающий нюанс, без которого нет ни лета, ни шума ливня. «Шквал» обособляет отдельный момент хайку, момент ливня, летнего ливня. Не будь вот этого «шквалом», была бы лишь плоскость и *индифферентность*, по-гречески *adiaphora*, (противоположность *diaphora*, то есть нюанса). Ницше связывал *адиафору*, безразличие, неразличенность, с языком науки, с которым он яростно сражался.

2 Диафоралогия (*diaphoralogie*) – неологизм, составленный Бартом из греческого слова *diaphora* (то, что отличается одно от другого) и суффикса – *logie* (теория, изложение) для обозначения науки о нюансах и оттенках. Этот неологизм упоминается Бартом в «Юртском дневнике» (запись от 21 июля 1977 года), который позже был опубликован как «Délibération» (ИДЕМ. *Oeuvres complètes*. Paris: Seuil, 2002. Vol. 5. P. 668–681).

3 Беньямин В. *Озарения*. М.: Мартис, 2000. С. 296.

4 Сугияма Сампу (杉山杉風, 1647–1732) – японский поэт хайку периода Эдо.

Нюанс – упражнение в пронизательности. Как, например, в хайку № 11:

При первых лучах солнца
Появляется облако
Облако, как на картине
(Сюсай⁵, перев. Мюнье)

РОЛАН БАРТ

ЛЕКЦИЯ 27 ЯНВАРЯ
1979 ГОДА В КОЛЛЕЖ
ДЕ ФРАНС

В чем здесь пронизательность? Реальность и картина оказываются взаимозаменяемы. Догадливость и пронизательность. Из этого нетрудно сделать вывод, что и поэзия как таковая является практикой пронизательности в мире варварства. Поэтому *сегодня* необходимо отстаивать поэзию: поэзия, мне кажется, должна быть включена в список прав человека; она не «декадентство», но диверсия: именно в ее подрывное витальное действие метят варварство и массовость, вытесняющие нюансы, частности и индивидуации (чего не скажешь об индивидуальности).

Чтобы чуть лучше прояснить, что я имею в виду под нюансом или отличием (*diaphora*), я хотел бы напомнить о парадоксе, описанном Бланшо:

«Всякий автор сохраняет связь с ошибкой, имеющей для него особое интимное значение. [...] Всякое искусство черпает происхождение в особой исключительной ошибке, всякое произведение воспроизводит эту первичную ошибку, она источник приема и гарантия его неисчерпаемости, источник нового озарения»⁶.

Да и в целом с *эндоксальной* точки зрения, то есть с точки зрения доксы, широкого общественного мнения, нюанс – это *все, что провально*. Автор исходит из нюанса, однако докса всегда воспринимает его как недостаток. С точки зрения ортодоксии и *здорового смысла* нюанс – это всегда брак, неудача. Можно вспомнить одну красивую метафору, точнее – феномен, который в данном случае может стать метафорой: самым удачным керамическим изделием считается именно то, что содержит какой-то изъян, допущенный в ходе его изготовления, какой-нибудь недочет – скажем, краска при обжиге вышла за грань, – в этом и есть нюанс, который не найти больше нигде, такой неожиданный притягательный след оставила краска. В некотором смысле нюанс – то, что излучается, растворяет и *затягивает* (скажем, как облако в небе). И это излучение напрямую связано с пустотой: нюанс мучает пустотой (вот почему он так раздражает всех «позитивно настроенных»).

Я упустил еще одну цитату (чтобы не затягивать, так как наш нынешний курс и так слегка абстрактен), имеющую немного

⁵ Хонъинбо Сюсай (本因坊秀哉, 1874–1940) – японский мастер игры в го.

⁶ BLANCHOT M. *D'un art sans avenir* // ИДЕМ. *Le Livre à venir*. Paris: Gallimard, 1959. P. 158.

эллиптическую связь с основной темой. Но потом, поразмыслив, я все же решил, что уж очень она хороша, и я вам просто ее зачитаю, пусть даже связать ее с проблемой нюанса будет непросто. Это цитата из Жубера, писателя начала XIX века, которую приводит Бланшо (Бланшо великий читатель и пожинатель восхитительных цитат). Вот что говорит Жубер (постарайтесь расслышать в его словах идею хайку):

«Земной шар – лишь глоток воды; мир – лишь глоток воздуха. Мрамор – сгусток воздуха».

«Мир – это газ, светлый газ. Ньютон вычислил, что в алмазе больше пустот, чем плотностей. А ведь алмаз – сверхкомпактное тело». «Все эти гравитации, плотности, притяжения, импульсы, все эти слепые силы, о которых столько говорят ученые... в конечном счете все это не что иное, как расширенный кусок металла, вогнутая часть стекляшки, игра светотени на поверхности шарика, наполненного водой; некая тень, которая ложится на себя же, тень (в себе), для себя же и непостижимая»⁷.

Эту цитату я привел, поскольку мне хотелось показать, что хайку – это нечто вроде алмаза, но в том смысле, как о нем пишет Жубер (и, соответственно, Ньютон): нечто, похожее на сгусток пустоты. Нюанс, пустота, идея пустоты – эта тема становится более тонкой, когда речь заходит о письме и творчестве, и здесь я снова хочу отослать к знаменитому тексту Малларме, его декларации 1867 года, адресатом которой стал некто Лефевбю:

«Я действовал всегда посредством *исключения*, выходя к истине лишь ценой утраты ощущения: сверкнув, оно поглощалось, высвобождая новые тембры, которые позволяли мне продвинуться вглубь к Абсолютной Темени. Имя моей Беатриче – Деструкция»⁸.

Теперь давайте представим себе, насколько хорошо все это проецируется на хайку. Поэтическое произведение, *эйдосом* которого выступает хайку, – это опустошение, истончение, умерщвление звука в пользу тембра. Хайку – поэзия тембра, и в музыке, в современной музыке, через [австрийского композитора и дирижера Антона] Веберна тоже произошел этот переход к допущению, что именно тембр выступает конституирующим элементом музыкального языка, а не только звук, тон и тональность. Одним словом, хайку у нас будет поэзией тембра.

К той же теме нехватки и пустоты можно вспомнить опять из Бланшо (и как раз в связи с хайку) об Арто, Гёльдерлине и Малларме (совершенно прекрасное): «Вдохновение – это прежде

⁷ Цит. по: ИДЕМ. *Joubert et l'espace* // ИДЕМ. *Le Livre à venir*. P. 87. Бланшо цитирует «Дневники» Жубера (1805).

⁸ Цит. по: Ibid. P. 91; это отрывок из письма Стефана Малларме к Ожюну Лефевбюру от 28 мая 1867 года.

всего отражение его нехватки»⁹. В определенном смысле хайку, как и всякая другая краткая форма, как и всякая *заметка*, может быть определено как *отсутствие вдохновения*. И здесь, вернувшись к поэтике погоды (*temps qu'il fait*), мы начинаем лучше понимать ее. Эта погодность, таким образом, и есть нечто *без вдохновения*, вне письма, вне производства, некое *исконное* впечатление, обращенное на себя чистым избытком и трагой.

РОЛАН БАРТ

ЛЕКЦИЯ 27 ЯНВАРЯ
1979 ГОДА В КОЛЛЕЖ
ДЕ ФРАНС

Поэзия должна быть включена в список прав человека; она не «декадентство», но диверсия: именно в ее подрывное витальное действие метят варварство и массовость, вытесняющие нюансы, частности и индивидуации.

Куда нас заведет нюанс (а отправной точкой была погода)? Может быть, мы придем к жизни. Есть же ведь чувство *жизни*, ощущение существования; и вот от всех великих авторов всех времен и народов – в частности, от Руссо – мы узнаем, что условием чистоты этого чувства жизни и существования является предваряющая его пустота, обосновавшаяся в субъекте; и наивысший (любовный) восторг, например, всегда сопутствует самой полной опустошенности языка; когда язык умолкает, остается лишь комментарий, интерпретация, смысл. Ситуация, когда речь начинает сбивать (эта тема меня буквально преследует), более чем двусмысленна, и это завораживает. Выходит, что нюанс, если не препятствовать ему, приводит к жизни, а все те, кто объявил войну нюансам (вся современная культура и вся журналистика), – это, на мой взгляд, мертвецы, мстящие за свою смерть убийством нюанса.

Одним словом, закрывая тему: если идти до конца в размазывании связи существования с погодой, то, в конце концов, мы можем прийти до единственного (минимально необходимого) высказывания: оно стоит того, чтобы жить. Однажды июльским утром 1977-го я записал то, что сейчас прочту ровно в том виде, как я написал; это было в деревне и было связано с погодой, которая была в тот день, 16 июля 1977-го:

«И снова, после череды сумрачных дней, совершенно ясное утро, светлый прозрачный воздух отливает прохладой шелка; момент пустоты (никаких означаемых) подводит к очевидному: это стоит того, чтобы жить. Утренние покупки (лавка, булочник), в деревне почти никого, мне ни с чем и ни с кем не пришлось ее разделять»¹⁰.

⁹ ИДЕМ. *La question littéraire* // ИДЕМ. *Le Livre à venir*. P. 61.

¹⁰ «Юртский дневник» (июль–август 1977 года), заметка, позже добавленная в «*Délibération*» (BARTHES R. *Oeuvres complètes*. Vol. 5. P. 668–681).

И раз уж я позволил себе немного процитировать самого себя (разумеется, не для того, чтобы сделать эту запись достоинством публики, просто к слову пришла), то, чтобы показать (вот уже начинается гиперлитературность, что само по себе подозрительно): если бы я был хайкуистом, то есть если бы у меня получалось писать хайку, то именно это я и попытался бы выразить. Но тогда я сделал бы это более сущностным и скорее косвенным (чем многословным) образом. Мне удалось бы сказать то, что не мне удалось в хайку № 12:

Словно ничего и не было
Ворона
Ива
(Исса¹¹, перев. Мюнье)

О погоде на этом все.

МГНОВЕНИЕ

Теперь я возвращаюсь к особой теме, тесно связанной с хайку, которая объединяет разнородные размышления, условно говоря, о «тонкой диалектике» времени. Почему я говорю о «тонкой диалектике» времени в значении английского *time*, или латинского *tempus*, или же греческого *chronos*? Потому что каждый раз в этих трех строках (пять–семь–пять слогов) разыгрывается схватка между несколькими категориями: это внезапное и весьма краткое противостояние, что-то вроде логической вспышки, чья быстротечность не оставляет времени для причинения страдания. Сейчас я покажу вам три категории, которые, вступая в противоречие в каждом из хайку, образуют пресловутую «тонкую диалектику» времени.

Мгновение и воспоминание

Первое противоречие, или даже скорее противодействие, – это противодействие мгновения и воспоминания. Хайку – вовсе не просто прустовский акт письма, и, в отличие от последнего, оно не направлено на «обретение» (потерянного) времени в результате письма как автономного усилия (узника комнаты по адресу бульвар Осман, 102, которая теперь занята банком, что, конечно, символично, так как в семье Пруста многие были банкирами), направленное на произвольное припоминание. В хайку нужно *удержать*, а не *вернуть утраченное* вре-

11 Кобаяси Исса (小林一茶, 1763–1828) – японский поэт, классик хайку.

мя *прямо сейчас и на месте событий*. Время обретается мгновенно в силу какой-то сращенности записи (письма) с центром возбуждения, в силу мгновенного чувственно-письменного *вкушения (fruition; это французское слово, даже не сомневайтесь, Монтень им обозначает наслаждение¹²)*: в форме хайку письмо и чувство наслаждаются друг другом. Словом, в хайку есть это письмо мгновения, абсолютное письмо мгновения. Вот, скажем, в хайку № 13:

Собака лает
На идущего торговца
Персики в цвету
(Бусон¹³, перев. Койо)

Это хайку хорошо показывает, что ключевым искусством мгновения выступает музыка, звук. *Эйдосом* мгновения является звук. (Вспомним теории американского музыканта Джона Кейджа, а он – даже если не любить его музыку или не считать ее музыкой – все же высказал невероятно пронизательные соображения по поводу проблем современного искусства: так вот Кейдж, как вы знаете, ключевой своей целью считает работу с мгновением¹⁴, он пытается создавать музыку, в которой нет ничего, кроме мгновений.) Здесь можно сделать шаг к одной точной метафоре (и позже я еще вернусь к ней): хайку – это прорыв, сигнал конца партии (*tilt*). Раздается звук, *tilt*. Для меня это один из пяти или шести основополагающих звуков нашей цивилизации. Вот этот звук в электробильярде, когда шарик куда-то там ударяет, точно не знаю, куда именно, и звук показывает, что игре конец, – вот это все для меня знак нашей цивилизации. Может быть, хайку для другой цивилизации – тоже такой *tilt*. Это краткий, отрывистый и однократный звук, сигнализирующий: я только что с чем-то соприкоснулся. Вот что значит хайку.

Оборотная сторона этого противоречия – это мгновение *в чистом виде*, то есть *без компромисса*, словно ничто не мо-

12 Барт отсылает к фразе из XV главы II книги опытов Монтеня «О том, что трудности распалют наши желания». Мы приведем чуть больший фрагмент русскоязычного издания: «Недавно я вспомнил замечательные слова одного древнего мыслителя, которые он приводит, дабы подчеркнуть свое презрение к смерти: “Никакое благо не может доставить нам столько же удовольствия, как то, к потере которого мы приготавились”. *In aequo est dolor amissae rei, et timor amittendae* (Страхиться потерять какую-нибудь вещь – все равно что горевать о ее утрате – *лат. поговорка*), – говорит тот же мыслитель, желая доказать, что наслаждение жизнью не может доставить нам истинной радости, если мы страшимся расстаться с нею. Мне кажется, что следовало бы сказать совершенно обратное, а именно: мы держимся за это благо с тем большей цепкостью и ценим его тем выше, чем мы неувереннее в нем и чем сильнее страшимся лишиться его» (Монтень М. *Опыты*. М.: Наука, 1979. С. 542).

13 Ёса Бусон (与謝蕪村, 1716–1784) – японский поэт, классик хайку.

14 Барт отсылает к французскому изданию книги: SAGE J. *For the Birds*. Ann Arbor, 1981; а именно к беседе Джона Кейджа с Даниэлом Чарльзом «о дзэне в музыке», мгновении, длительности, повторении: IDEM. *Pour les oiseaux*. Paris: Belfond, 1976. P. 39.

РОЛАН БАРТ

ЛЕКЦИЯ 27 ЯНВАРЯ
1979 ГОДА В КОЛЛЕЖ
ДЕ ФРАНС

жет никогда его скомпрометировать: ни время, ни возвращение к нему, ни удержание, ни подвешивание, ни подмораживание (это такое абсолютно *свежее* мгновение: как если бы мы, как животные, ели плоды прямо с деревьев, где те растут, щипали зелень ощущений). Словом, это мгновение словно бы нам говорит: вот тебе мгновенный звонок, но затем *чтобы ты потом вспомнил*, когда я прочту, когда ты прочтешь. Вот здесь – вторая сторона того противоречия: это мгновение, которому придется стать сокровищем. Минутное мгновение, тут же и поглощенное, однако именно ему и предстоит стать и воспоминанием, сокровищем. Если бы нашему курсу суждено было стать книгой (чему не бывать никогда¹⁵), то можно было бы дать ему этакое несколько эллиптическое название «Завтра, воспоминание». Вот здесь две движущие силы хайку. Хайку – это сейчас, но вместе с тем это и завтра, которое сделает это «сейчас» неким воспоминанием. Это противоречие между мгновением и воспоминанием можно было бы объяснить так: возможно, хайку соучаствует в работе новой парадоксальной категории «незамедлительной памяти» (термин страдает противоречием): *notatio* (записывание) будто бы позволяет помнить себя *по ходу событий* (а эта незамедлительная память как бы обратна прустовскому произвольному припоминанию: произвольная память, как он ее называет, движется по расходящимся тропам метонимии, а незамедлительная память никуда не движется, она остается при своем). Думаю, что это дело поэзии, чьей радикальной формой выступает хайку, впрочем, как и все японское: но не такое японское, какое бывает у нас на авеню де Л’Опера, а японское в смысле хайку. Такая Япония всегда представляется моим глазам и ушам смесью хрупкости с радикальностью, да и в целом обо всей азиатской экспрессивности, не только японской, можно бы было сказать: *радикальный нюанс*, что опять грешит противоречием в терминах. Вот об этом превращении события в память, но также о незамедлительном поглощении памятью этого события, на мой взгляд, пишет Эдгар По в стихотворении (встретил его у Башляра¹⁶, который не менее великий и удивительный собиратель прекрасных цитат, чем Бланшо), которое я хочу связать с мгновением в хайку: «И вот теперь, когда судьба приблизилась и время чудом дышит из последних сил, его пе-

15 Барт, действительно, не собиравшись превращать этот лекционный курс в книгу, в отличие, скажем, от «S/Z» или «Фрагментов речи влюбленного». Он ушел из жизни в конце второго года чтения курса, и гораздо позже, после долгих колебаний было решено опубликовать подготовленные им заметки: сначала в виде письменных заметок, а теперь – в виде расшифровки аудиозаписей.

16 Строки из неоконченной пьесы Эдгара По «Полициан» (1835); цит. по фр. изданию: Рое Е. *Contes, essais, poèmes*. Paris: Robert Laffont, 1989. P. 1255. Башляр ссылается на перевод Мурея, озаглавленный «Scènes de Politan». Комментируя строки По, Башляр пишет, что «познание длительности» осуществляется через «придание ценности случайной составляющей внутреннего опыта», через «разреживание психических кристаллизаций» (BACHELARD G. *La Dialectique de la durée*. Paris: PUF, 1950. P. 36).

сок становится частицей золота»¹⁷. Так вот и хайку превращает в золото частицы, которые в *противном случае*, не будь письма, остались бы только песком времени.

Это все, что я хотел сказать о первом противоречии: мгновение и воспоминание.

РОЛАН БАРТ

ЛЕКЦИЯ 27 ЯНВАРЯ
1979 ГОДА В КОЛЛЕЖ
ДЕ ФРАНС

Движение и неподвижность

Второе противоречие, оно же противодействие, – движение и неподвижность. Сейчас я подведу к нему. Хайку – явление *жеста*. Можно сказать, что *жест* – самая мимолетная, невероятная и при этом самая *точная* часть действия, это тоже своего рода *tilt*, эффект «Точно!», малозаметный аспект, на который *не смотрят*. Вот, скажем, *жест* в хайку [№ 14]:

Котенок
Плюхается на пол
Лист сброшен ветром
(Исса, перев. Мюнье)

Можно сказать: это такие лоскутки, обрезки видимого (да, но при этом очевидно, что они уже и *вместе с тем* – воспоминания). Вот здесь легко понять, что значит *жест* – по крайней мере в японской традиции, – и эта самая японская традиция *жеста* доступна нам в виде трактата Дзэами, средневекового актера и теоретика театра¹⁸. В трактате Дзэами (самого трактата я не нашел: как вы уже поняли, я постоянно теряю самые дорогие моему сердцу книги) есть потрясающие определения *жеста*, замечания и афоризмы о *жесте*. *Жест* – это зависание, он должен явить очевидность, чтобы тотчас ее продолжить в действии. В этом его неподвижность и оживленность (я добавил бы, что *жест* – это сказка о Спящей красавице: там все зависло, но все оживет). *Жест* – как сад: он заснул и проснется чуть позже. Все маргиналы театрального искусства понимали эту функцию *жеста*, однако сегодня, увы, как мне кажется, серьезного размышления о *жесте* больше нет. Не знаю, может быть, и маргиналов больше нет, по крайней мере маргиналов нет в театре, так как в театре не осталось больше ортодоксов, а значит, нет и конформистов, и потому исчез критерий маргинальности. А что в кино? Думаю, да, есть фильмы и есть режиссеры, которые заняты мыслью и размышлением о *жесте*, тео-

17 Цитируемый Бартом (через Башляра) фрагмент в оригинале выглядит так: «Yet now as Fate / Approaches, and the Hours are breathing low, / The sands of Time are changed to golden grains» (www.eapoe.org/works/mabbott/tom1p065.htm).

18 Мотокиё Дзэами (世阿弥元清, 1363?–1443?) – японский театральный деятель (актер, драматург, теоретик театрального искусства), известный на Западе своим трактатом «Фуси Кадэн» (風姿花伝 или 風姿華傳); см. также рус. перев. Дзэами М. *Предание о цветке стилия* / Перев. Н. Анариной. М.: Наука, 1989.

рией жеста в том смысле, который я здесь пытаюсь прояснить, и мне приходит в голову фильм Мидзогути¹⁹ «Сказки туманной луны после дождя»; там есть женщина-призрак в эпизоде – восхитительном на мой вкус, – так вот в нем есть и осмысление, и постановка жеста. А когда я говорил о маргиналах театрального искусства, то имел в виду, к примеру, мима Жака Лекока, который очень точно сказал о жесте: «В жесте нужно достигнуть неподвижности положения, неподвижности движения». Другой маргинал проблематики выразительности, [композитор и педагог] Эмиль Жак-Далькроз, высказал то же по-своему: «Жест не только телесное движение, но и остановка этого движения»²⁰. Одновременность движения и неподвижности хайку как жеста (а жест есть в каждой хайку) немного напоминает маленькую штучку, так называемый *поплавок*, которая болтается на поверхности воды, поднимаясь и опускаясь, двигаясь словно бы в поиске неподвижности. То вверх, то вниз, все время движется, однако его цель – казаться неподвижным.

Случайность и обстоятельства

Третье противоречие-противодействие: случайность и обстоятельства. «Референт» хайку (то, о чем оно) – это всегда нечто *частное*. Хайку никогда не озабочено тем, что «вообще». Позже мы подробнее поговорим об этом, но пока скажем так: хайку никогда не грешит редуцированием. Хайку не редуктивно. Оно не редуцирует к более общему. Оно все сохраняет в его собственной частности.

а) Есть ощущение, что в макроисторическом масштабе у нас на Западе, частное ущемлено в пользу общего, ясное дело, начиная с греков. У нас есть вкус к законам, к обобщениям, к редукции, к *уравнению* феноменов вместо их различения. Помните, как Мишле отразил это в двух типах духа на Западе, которым он дал исторические имена, так как был историком: дух гвельфов и дух гибеллинов. Гвельфский дух – это дух обобщения, закона, писанных правил, дух науки, юридика, которому Мишле противопоставлял нечто иное (и в его глазах куда менее ценное) – частное, аффективное, непредсказуемое²¹. Так вот, похо-

19 Кэндзи Мидзогути (溝口健二, 1898–1956) – японский кинорежиссер.

20 Барт заимствует цитату из статьи «Gesto» Жана-Лу Ривьера, которая вышла в: Enciclopedia Einaudi. Torino: Einaudi, 1977. P. 775–797. Жак Лекок (1921–1999) цитируется по книге Одетты Аслан (ASLAN O. *L'Acteur au XX-e siècle*. Paris: Seghers, 1974). Цитата из Эмиля Жак-Далькроза (1865–1950) взята из книги Жоржа Мунена (MOUNIN G. *Introduction à la sémiologie*. Paris: Minuit, 1970).

21 «Мишле противопоставлял гвельфа и гибеллина. Гвельф – человек закона, кода, записи, письма, якобинец, француз (а значит, интеллигент?). Гибеллин – из мира феодальных связей, кровных клятв, истовой набожности», – пишет Барт в статье «На семинаре», опубликованной в “L’Arc” в 1974 году (BARTHES R. *Oeuvres complètes*. Paris: Seuil, 2002. Vol. 4. P. 509).

же, частное как ценность в нашей цивилизации охотно маргинализируется, хотя время от времени находится какой-нибудь философ, который делает ставку именно на частное, на *kairos*²², на несопоставимость (типа Кьеркегора или Ницше). Это как бы две *стороны*, два способа говорения, и лично мне, к примеру, никто не запретит предпочесть то, как о скорби говорит Пруст (частным и необобщаемым образом), тому способу, какой для этого выбирает Фрейд. Вполне вероятно, что то, что сказал Фрейд о скорби, сложно опровергнуть, однако скорбь у него именно общая категория, в то время как мне лично ближе то, как о ней говорит Пруст. Отец эмпиризма Бэкон в «Органоне» хорошо формулирует эту оппозицию: «Человеческий ум по природе своей устремлен на абстрактное и текучее мыслит как постоянное. Но лучше рассекать природу на части, чем абстрагироваться»²³. Эти слова блестяще определяют и суть хайку: оно не стабилизирует движение, оно фрагментирует природу, но никогда ее не абстрагирует.

б) Одним словом, хайку – это искусство контингентности (*contingere* по латыни означает «наступать», «выпадать», «внезапно случаться»). Искусство *встречи*. И, чтобы лучше понять, что топической чертой хайку выступает именно контингентность, стоит предпринять соположение: взять несколько фрагментов из французских поэтов, которые, так сказать, на грани хайку, и посмотреть, чего этим поэмам не хватает, чтобы быть хайку: контингентности. Она разрушена желанным обобщением, а потому эти фрагменты – все-таки не хайку, даже когда метрически формально с ними схожи. Вот, скажем, три очень известных милых строчки Верлена:

Долгие стоны
Осенью
Скрипки²⁴

Это вполне могло бы быть хайку. Но, на мой взгляд, строки слишком метафоричны; метафора виртуализирует и обобщает: это уже не то, что только однажды случилось с субъектом (высказывания). То же и с Гийомом Аполлинером:

Видел как он восхищался снегом подобным
нагому женскому телу
(«Стихи, прочитанные на свадьбе Андре Сальмона»
(13 июля 1909 года), перев. Михаила Яснова)

22 *Kairos* (древнегреч.) – благоприятный, хороший момент.

23 Бэкон Ф. *Новый Органон* // Он же. *Собрание сочинений: В 2 т.* М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 23.

24 Первые строки поэмы Поля Верлена «Осенняя песнь» из сборника «Сатурнианские поэмы» (1867). Существует более десяти переводов этой поэмы на русский язык. В переводе Федора Сологуба: «О струнный звон, / Осенний стон, / Томный, скучный».

Это прекрасно, однако сравнение вновь вырастает в метафору и производит обобщение.

Еще один пример уже другого впадения в обобщение, в мораль, в морализаторство – афоризм де Виньи: «Неверность и та была полна тобой»²⁵. Тоже довольно красиво. Неплохо сказано. Краткая форма, негномическая, ну, почти хайку. Но здесь не ощущение, а моральное суждение, мораль же всегда обобщает. Здесь работают редуктивные постулаты: первый – быть неверным, бросить кого-то значит лишиться его; второй: верность – это великая ценность. Из них и конструируется парадокс, двойное отрицание: я предстаю неверным, но при этом остаюсь хорошим типом (хороший – тот, кто сохраняет верность).

В макроисторическом масштабе на Западе частное ущемлено в пользу общего. У нас есть вкус к законам, к обобщениям, к редукции, к уравниванию феноменов вместо их различия. Частное как ценность в нашей цивилизации охотно маргинализируется.

А теперь я предложу вам два хайку, где очень хорошо видно, как срабатывает кнопка вторжения контингентного [хайку № 15]:

Мальчик
Гуляет с собакой
Под летней луной
(Сёха²⁶, перев. Мюнье)

Вот самая «соль» случайности, вплоть до того, что лично я ни на секунду не сомневаюсь, что этот мальчик мог реально существовать. Я абсолютно уверен в его существовании. Для меня хайку не фикшн, не вымышленное; в силу особой химии, которой наделена краткая форма, хайку содержит уверенность, что *это было* (и мы еще вернемся к ситуации «вот это было»²⁷). Случайность и в самом деле усиливает ощущение реальности; дело известное: если нужно правдиво соврать, необходимо придумать разные случайности, так как они усиливают реалистичность – чем случайнее, тем аутентичнее. Здесь возникает параллель с фотографией как с одним из наиболее дискредитированных нашей цивилизацией искусств. Фотография также

25 VIGNY A. DE. *Dolorida* // ИДЕМ. *Poèmes antiques et modernes*. Paris, 1826; цит. по: SCHENADÉ G. *Anthologie du vers unique*. Paris: Ramsay, 1977. P. 2.

26 Куроянаги Сёха (黒柳召波, 1727–1772) – поэт хайку периода Эдо.

27 См.: БАРТ Р. *Отступление от курса «Приготовление романа»* (<https://cineticle.com/barthes-preparation-du-roman/>).

несет в себе эту функцию аутентичности: она всегда фиксирует случайность, а не трансценденцию или обобщение. Хайку – своеобразное свидетельство, и вот в чем парадокс: подлинность свидетельства обоснована только «субъективностью» (высказывания) [хайку № 16]:

Эх жить бы да жить
Голос женщины
Стрекот цикады
(Кусатао²⁸, перев. Койо)

Данное хайку витиеватого, стартует оно с обобщения: «жить бы да жить»; но оно тотчас вбирает в себя ход случайности, то, что случилось один раз, субъекту *выпало* услышать голос, шум (живущий смертный ведь окружен случайностью).

Вплоть до этого момента я все время говорил о *случайности*, так как она соответствует тому определению хайку, которое в XVII веке ему дал самый известный японский автор – Басё. Он сказал: хайку – это «то, что случается в таком-то месте и в такую-то минуту»²⁹. Однако мне это определение кажется несколько недостаточным. И, если мне будет позволено перефразировать Басё, я добавил бы здесь один нюанс: хайку – то, что приключилось (случайность), но в том, что вокруг, окружает субъекта, который существует как субъект и может быть назван так только лишь благодаря этому окружению, зыбкому и постоянно. Поэтому теперь стоит подумать не столько о *случайности*, сколько об *обстоятельствах* (о том, что окружает, обстоят: *circonstance* этимологически³⁰ – то, что стоит вокруг). Здесь мы подходим к третьей диалектике (противодействию), которую я хотел бы выделить вслед за мгновением/воспоминанием и неподвижностью/движением: хайку навязывает уверенность в реальности референта и в то же время предпочитает перевести разговор с референта на *то, что вокруг*. В каком-то (предельном) смысле в хайку нет референта, а значит, в нем нет и тетического³¹; полагается лишь *окружающее* (обстоятельства), а сам объект улетучивается, впитывается в обстоятельства: вокруг объекта – время вспышки.

Думаю, этот нюанс будет проще понять, если взять те хайку, что я цитировал, и сравнить с теми выкриками уличных торговцев, которые приводит Пруст в «Поисках утраченного времени». Этот парижский уличный гам и крики у Пруста вполне можно было назвать хайку. К примеру:

28 Накамура Кусатао (中村草田男, 1901–1983) – поэт хайку XX века.

29 Цит. по антологии хайку «Муравей без тени», составленной Морисом Койо: COYAUD M. *Fourmis sans ombre. Le livre du haïku. Anthologie promenade*. Paris: Phébus, 1978. P. 17.

30 *Circonstance* (от лат. *circumstantia*) – выстраивание вокруг (*circumstare* – стоять вокруг).

31 Тетический (от греч. *Thétikos*) – положенное, поставленное, упорядоченное; от него происходит «тезис».

РОЛАН БАРТ

ЛЕКЦИЯ 27 ЯНВАРЯ
1979 ГОДА В КОЛЛЕЖ
ДЕ ФРАНС

РОЛАН БАРТ
ЛЕКЦИЯ 27 ЯНВАРЯ
1979 ГОДА В КОЛЛЕЖ
ДЕ ФРАНС

Отличная креветка,
Есть скат, живой скат!³²

Вот романо
Не продается
А гуляет прямо!³³

Ну, и так далее. Пруст собирал некоторое количество подобных кричалок парижских торговцев. Давайте сравним их с хайку № 17:

Сиесте конец
Слышу проходит
Точильщик
(Бакунан³⁴, перев. Койо)

Нюанс сразу заметен: *запись* Пруста, собирающего различные выкрики улиц Парижа, – это запись *реалистическая*, отсылающая к реальности в себе, это свод, каталог. *Запись* же хайку абсолютно субъективна: референт – окружение, пассивное тело субъекта высказывания *проговаривает* себя тем, что его окружает. «Сиесте конец / слышу проходит точильщик» – это дремлющий и почти спящий субъект, который проговаривает себя тем, что вне его – кинестезией звуковых диапазонов; это вовсе не то, что у Пруста. Прусту необходим целый рассказ (сон Альбертины, комната и прочее), чтобы встроить все эти кричалки Парижа в историю субъекта, чтобы завести машину экзистирования. А здесь не нужен никакой рассказ. Все сказано в трех кратких строках.

Укорененность в *обстоятельствах* (более, чем в референте) была присуща хайку изначально, как минимум с классической эпохи (XVII век). Вы знаете, возможно, что трехстишие, форма из трех строк, как правило – и в частности, у Басё, величайшего хайкуиста, – была частью произведений, которые по-японски называются *хайбун*: это поэтическая проза, чаще всего повествующая о путешествии (то есть хайку всегда вплетены в ткань рассказа о странствии; это такая изысканная, очень поэтичная, очень литературная проза, которая периодически отмечает какие-то особенные ощущения в форме хайку); по ходу путешествия время от времени что-нибудь да «сорвется с языка»; хайку – как маленькое языковое сатори. Так вот, Басё (1644–1694) писал *путевые заметки*³⁵, так называемые *кико*, которые все пронизаны множеством хайку. Путь, проложенный им, позже стал леген-

32 Ср. с перев. Николая Любимова: «Вот креветки, отличные креветки, живой скат, живой скат!» (Пруст М. *Пленница*. М.: Художественная литература, 1990. С. 131).

33 PROUST M. *La Prisonnière*. Paris: Gallimard, 1954. P. 126–127.

34 Нисидзима Бакунан (西島麦南, 1895–1981) – поэт хайку XX века.

35 Французский перевод выйдет уже после курса Барта, в частности, перевод Николая Бувьё.

дарным: «По тропинкам севера» (в северных горах и в центральной Японии), и сегодня вся эта дорога украшена стелами, на которых выбиты хайку Басё; это чудесный артефакт цивилизации. Путь в Илье³⁶ также помечен по всей длине литературными воспоминаниями. Как я уже говорил, одних только кулинарий, выпекающих те самые мадленки, оригинальные мадленки от самой тетушки Леони, там четыре штуки; однако будем откровенны: если бы целый ряд дорог во Франции украсился стелами с выгравированными на них поэмами, связанными с этими местами, литературная чувствительность значительно возросла бы. Койо, один из французских переводчиков хайку, очень хорошо понял их предназначение: в написанной им книге о праздниках в Японии³⁷ (или что-то вроде того) он перемежает переведенные хайку со своим личным дневником. И это очень правильно, так как естественное функциональное предназначение хайку – быть частью чье-то дневника. Пишешь себе свой дневник и время от времени вставляешь в него хайку. Тогда хайку превратятся в блуждающие обломки, вплетутся в повседневность частной жизни (вот так и создается *двойной текст*).

РОЛАН БАРТ

ЛЕКЦИЯ 27 ЯНВАРЯ
1979 ГОДА В КОЛЛЕЖ
ДЕ ФРАНС

Случайность усиливает ощущение реальности: если }
нужно правдиво соврать, необходимо придумать }
разные случайности, так как они усиливают }
реалистичность – чем случайнее, тем аутентичнее. }

Позвольте мне вам рассказать одну мою личную историю; хайку я из нее не сделал, а ведь очень даже мог бы. Давным-давно я был в Голландии, в Гронингене³⁸, и так случилось, что у меня возникла необходимость срочно вернуться на машине в Париж. Из Гронингена я должен был выехать в одиннадцать вечера. Мы быстро закрыли дом, все прибрали, оставили в полном порядке, но перед нами встала совершенно неразрешимая проблема – мусор. Что делать с мусором в Голландии в одиннадцать часов вечера? Деть его там в это время суток просто некуда, и вот мы были вынуждены весь мусор сложить в сумку и взять его с собой в машину, по дороге через каждые пять метров выясняя, нет ли тут места погрязнее, где нам было бы не стыдно от него избавиться. Такого места абсолютно не представилось, поскольку там даже канавы чистые настолько, что мусор в них не

36 Илье (Illiers) – коммуна во Франции, послужившая прототипом городка Комбре в романе Пруста «В поисках утраченного времени». С 1971 года переименован в Илье-Комбре в честь вымышленного прустовского топонима.

37 СОУАУД М. *Fêtes au Japon, Haiku*. Paris: PAF, 1978.

38 Летом 1953 года.

РОЛАН БАРТ
ЛЕКЦИЯ 27 ЯНВАРЯ
1979 ГОДА В КОЛЛЕЖ
ДЕ ФРАНС

сбросишь, даром что там глубоко. К чему я это все рассказываю?
К тому, что в одном хайку я это тоже встретил [хайку № 18]:

Луна сияет
И ни уголка в тени
Куда бы пепел стряхнуть
(Фугёку³⁹, перев. Мюнье)

Я несколько устал, как вы могли заметить, поэтому здесь
остановимся.

*Перевод с французского Яны Янпольской, преподавателя кафедры
современных проблем философии РГГУ.*

Комментарии и примечания Александра Беяева и Яны Янпольской

39 Ито Фугёку (伊東不玉, 1648–1697) – поэт хайку периода Эдо. Это хайку взято Бартом из антологии Блайса: ВЛҮТН Н.Р. *A History of Haiku*. Tokyo: Hokuseido Press, 1963. Vol. 4. P. 936.

Предисловие к эссе Мориса Пэнге¹

МИКЕЛЬ
ФЕРЬЕ

Хорошо писать значит уметь плыть под водой, задерживая дыхание.

ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД

Ненаходимое и неизданное: в этих двух словах описывается наследие Мориса Пэнге сегодня. Этого автора читают, публикуют, комментируют в Японии, но не во Франции, что само по себе не может не интриговать. Пэнге – один из самых ярких интеллектуалов своего поколения, почти совсем неизвестный у себя на родине; его неизвестность может объясняться как определенной узостью гексагонального мышления, так и в целом засильем «пубелликаций» в издательском мире. Уже в 1972 году, выступая в миланском университете, Лакан восклицал: «И в самом деле, в наше время возникает путаница: тем, кто привлекает публику [*fait public*], считается тот, кто пополняет мусорку [*fait poubelle*]!», – и напоминал, что эта ситуация заставила его изобрести неологизм *poubellecation*. Несколько позже, в 1978-м, ему отвечает Филипп Соллерс:

«Как видите, все эти так называемые писатели и артисты – не более, чем зомби в рыночном обмене. Когда в литературе появляется что-то по-настоящему стоящее, в режиме реального, то это никогда не совпадает с ожиданиями корпуса издателей-распространителей. Ну просто никогда. Реальная проблема – она в этом»².

К счастью, есть исключения – те, для кого издательское дело несводимо к расчету или рекламе, подтверждением чего и является данная книга [сборник эссе Мориса Пэнге].

Микель Ферье (р. 1967) – французский писатель, эссеист. Живет и работает в Японии, преподает литературу в университете Тюо (Токио), руководит программой исследований инаковости в современных обществах «Образы другого» («*Figures de l'étranger*»). Автор эссе и романов.

- 1 Публикуемый текст Микеля Ферье представляет собой его предисловие к сборнику эссе Мориса Пэнге, подготовленного и изданного его усилиями: PINGUET M. *Le Texte Japon. Introuvables et inédits, réunis et présentés par Michaël Ferrier*. Paris: Éditions du Seuil, 2009. P. 7–14. Как станет ясно из предисловия Ферье, это первая подобная публикация работ Пэнге; она стала и остается большим событием в интеллектуальной культуре Франции, которая до этого была знакома лишь с бестселлером Пэнге «Добровольная смерть в Японии», переведенным на многие языки мира (среди которых нет русского), и довольствовалась отрывочными свидетельствами об этом почти мифическом авторе. Русскоязычному читателю сборник «Texte Japon» может быть знаком по изданию биографии Ролана Барта, написанной Тифен Самойо (САМОЙО Т. *Ролан Барт: биография*. М.: Дело, 2019), а также по послесловию переводчика и редактора к новому переводу «Империи знаков» Барта (БЕЛЯЕВ А., ЯНПОЛЬСКАЯ Я. *Сырая книга // БАРТ Р. Империя знаков*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. С. 113–138). Здесь и далее. – Примеч. перев.
- 2 Беседа Филиппа Соллерса с Луи Каном и Марком Девадом «Почему я столь мало религиозен», цит. по: SOLLERS P. *Improvisations*. Paris: Gallimard, 1991. В оригинале не указаны номера страниц.

Пока же, в ожидании издания, Морис Пэнге (1929–1991) – один из самых ярких зомби нынешнего рынка. Ненаходимый и неизданный. Пугающий, ненаблюдаемый. Незабываемый, но недостижимый. Можно, конечно же, отправиться в чудесное Арденнское аббатство, чтобы увидеть его рукописи, бережно хранящиеся в сумраке сводов под присмотром ИМЕС (Института памяти современных изданий). Можно еще побегать по библиотекам и по букинистам и откопать какие-нибудь из журналов, с которыми он сотрудничал. В конце концов, никто не запрещает быстро выучить японский и поехать в Токио – именно там он возглавлял Франко-японский институт и уже там, на иностранном языке, можно прочесть некоторые из его рукописей³. В случае, если удача вам не улыбнется, то останется довольствоваться единственной книгой Пэнге, доступной сегодня во Франции: «Добровольная смерть в Японии»⁴ – его главным трудом, посвященным *сэппуку*. Этот прекрасный во всех смыслах текст отнюдь не сводится к исследованию отдельного аспекта японской культуры; это обширная и тонкая рефлексия о человеке перед лицом смерти; книга переведена и издана в Англии, Германии, Японии, Италии. От остальных текстов Пэнге никаких следов, почти никаких.

ТЕКСТ НОМАД

Но, как и всякий призрак, этот автор излучает некое свечение – везде по-разному: в Париже это слабый огонек, а в Токио – пылающее пламя. О нем говорят наперебой, по-разному разные люди – студенты, преподаватели, близкие друзья и просто знакомые, враги и критики. Никто из них не ставит под вопрос его интеллектуальную значимость, и многие настойчиво говорят об особых человеческих качествах. Курсы, которые он вел, оказали влияние на целые поколения франкоориентированных студентов в Японии (он и сейчас на устах у местных франкофонных интеллектуалов), а также и на тех, кто застал его в роли старшего преподавателя в Сорбонне в конце 1960-х. Его тексты говорят об обширнейшей эрудиции, о мощной и быстрой любознательности, о тонкости, проявляющейся в различных и не связанных на первый взгляд сюжетах, которые обнаруживают какое-то общее подземное течение – от Лакана до Достоевского через сюрреализм, от Клоделя до Рембо, Вагнера, де Сада,

3 Ситуация немислимая: на французском тексты Пэнге найти почти невозможно, зато их переводы на японский вполне доступны: они были изданы под названием «Текст Япония» (Токио: Тикума сэбо, 1987). Профессор Токийского университета Ёсикадзу Накадзи, подготовивший этот сборник, в течение долгого времени добивался французского издания: НАКАДЗИ Y. *Maurice Pinguet en japonais // Critique*. 2001. № 647.

4 PINGUET M. *La mort volontaire au Japon*. Paris: Gallimard, 1984.

Мисимы через множество эссе, посвященных японской культуре, Одзу, Дадзаю, театру Но, *икебана*.

Ровно то, что он писал о своем друге Ролане Барте, можно было бы сказать о самом Пэнге:

«Труд интеллектуала иногда сравним с оседлым методом агрокультуры: горбатишься годами на огороженном участке территории, возделываешь его в поте лица, после чего собираешь урожай с чувством собственнического удовлетворения – и все это, ни разу не подняв глаз на горизонт. Барт же работает иначе. Он блуждает, дрейфует. Он номадически перемещается из одной области в другую. Он наслаждается попутным ветром и умножает отпечатки и взаимосвязи».

ИСКУССТВО ПОРТРЕТИСТА

Пэнге рад этому блужданию и дрейфу, переплыванию от одного берега к другому – от японской культуры к французской, – умножающему параллели и следы. Впрочем, и здесь, в этих множественных бликах, прочерчиваются вполне определенные несущие и направляющие линии. Тексты Мориса Пэнге важны уже потому, что они позволяют понять историю идей в XX веке. Он оставляет очень ценные свидетельства о Барте, Фуко, Лакане. Он легко и непринужденно портретирует с натуры: Ролан Барт и его «семиология ворсинки», Лакан в образе дзэнского гуру, мастер глубоких аллюзий, не говоря уж о ярком образе молодого Мишеля Фуко в футболке и шортах, делящегося ницшеанскими откровениями на пляже в Чивитавеккье... Не превращаясь в статуи на постаментах, что с ними с некоторых пор произошло, они здесь предстают со всеми своими влечениями и опасениями, с сомнением и убежденностью. Здесь нет желания отлить их в вечности или же отскоблить пару кусочков мрамора от постаментов их величия. Пэнге умеет вернуть нам их вновь живыми, здесь присутствующими.

С этих портретов и открывается сборник текстов Пэнге. Одни из них прописаны весьма тщательно и необычно, другие лишь набросаны отдельными чертами, однако все они вместе лучше всего бы то ни было передают ту самую интеллектуальную атмосферу самого начала второй половины XX века, которая станет столь плодотворной для наиболее требовательных аналитиков и ниспровергателей – и которой так не хватает нам сегодня. «Задумчивое понимание» Барта, насмешливость Фуко, «выжигающее знание» Лакана и его утонченной речи... – словом, Пэнге умеет воссоздать эпоху мысли вместе с ее побочными ветвлениями и целями.

МИКЕЛЬ ФЕРЬЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЭССЕ
МОРИСА ПЭНГЕ

НЕСРАВНЕННЫЙ ЭССЕИСТ

Впрочем, тексты Пэнге самоценны. Публикация этого сборника позволяет судить о нем как о непревзойденном эссеисте. Мудрость и спонтанность, осведомленность, не доходящая до педантизма, простота, не затмевающая блистательности, позволяют ему не прибегать к броским выражениям: он стремится одновременно к сдержанности и живости, к строгости и утонченности. На первый взгляд его письмо может показаться пресным (но это то самое искусство безыскусности, которое столь ценно в Китае и которое Пэнге освоил в совершенстве в Японии), однако очень быстро в нем обнаруживаешь неисчерпаемый клад удовольствий: оно точно выражается, элегантно движется, развивается вглубь.

Четыре критических эссе, представленных во второй части сборника Пэнге, являются исчерпывающим доказательством моих слов: будь то Клодель⁵, Камю или Мисима, будь то Достоевский, де Сад или Одзу, Пэнге-читатель в равной степени внимателен, точен, вовлечен. Эта культура чтения обширна, она питается двумя источниками: европейский классицизм (скажем, он помещает де Сада в одну плоскость с Ньютоном и Расином, напоминая, что театрализация эмоций начинается разыгрываться одновременно с выходом на сцену современных теорий математического счета) и берега Японии. Именно эта редкая двойная эрудиция – знание одновременно и Лакана, и Японии – позволило Пэнге пойти дальше интуитивного соположения Лакана с дзэном и подвергнуть его детальному анализу с конкретными примерами. Он обращается как к его теоретическим разработкам (так, например, Пэнге напоминает, что на первой же странице I книги Семинара, датированной 18 ноября 1953 года, Лакан уже отсылает к «техникам дзэн»), так и к его практике психоанализа (сопоставляя *коаны* и *сатори*), что позволяет Пэнге тонкой кистью набросать портрет «Лакана – дзэнского учителя», который многими предвиделся, но никем не прописывался столь тщательно.

ПЕРЕХОДЫ

Однако это чтение с двойной подсветкой, которая отнюдь не сводится к череде простых сравнений, богато прежде всего тео-

5 Поль Клодель (1868–1955) – французский поэт, драматург, эссеист, религиозный писатель, государственный деятель. С 1921-го по 1927 год Клодель был послом Франции в Китае и Японии. Японской культурой (театром, каллиграфией, поэзией) вдохновлены многие его произведения. Токийские размышления Клоделя о «Кабинете знаков» Стефана Малларме являются одним из прообразов «Империи знаков» Барта. См.: БАРТ Р. *Указ. соч.* С. 160. Примеч. 62.

ретическими плодами. В тексте есть странные *переходы*: Будда подсвечивает Боссюэ⁶ (Боссюэ – Будду), а обращение к Линьцзы⁷ позволяет лучше понять схоластов и Малларме. В другой раз при помощи де Сада Пэнге разоблачает в Мисиме, которого принято считать таким «типично японским» автором, «мастерское владение кодами чужой цивилизованности»: осторожно, снисходительно и вместе с тем беспощадно он прочитывает самоубийство японского писателя, связывая его романы с итальянской барочной живописью.

Урок подобных компаративизмов: новый, быстрый, перекрестный взгляд призывает вновь вступить в игру и авторов, и их идеи, возобновить их вопрошание и поиск в том промежутке времени, где мы вновь современны Клоделю и японским поэтам, французским писателям и китайским классикам, японским романистам и итальянскому Возрождению. Эта двойная подсветка включена во всех текстах Пэнге, соединяя мир молодого «нормальянца»⁸, лучшего агреже⁹ классического отделения, увлеченного итальянским искусством, а также философией и психоанализом, с миром почетного профессора Токийского университета, получившего доступ к Дальнему Востоку (буддизм, керамика, каллиграфия, прорыв к Китаю, открытие Японии). Благодаря ей Пэнге предстает прежде всего мастером подобных переходов, а его особое прочтение во многом предвещает актуальные задачи синологии, одни из самых продуктивных направлений осмысления.

МИКЕЛЬ ФЕРЬЕ
ПРЕДИСЛОВИЕ К ЭССЕ
МОРИСА ПЭНГЕ

СМЕСТИТЬ ТОПОЛОГИЮ

Сборник Пэнге завершается тремя текстами, которые посвящены Японии и только ей. С Японией у Мориса Пэнге была долгая, плодотворная и абсолютно любовная связь. Сначала он преподавал французский в Токийском университете (1958–1963), потом возглавлял Франко-японский институт в Токио (1963–1968), далее – после долгой парижской паузы, когда он преподавал в обновленной Сорбонне (1968–1979), – он становится профессором Токийского университета и университета Васэда, коим остается вплоть до своей смерти в 1991-м. Все это время

- 6 Жак Бенинь Боссюэ (1627–1704) – французский проповедник и богослов, писатель, епископ города Мо.
- 7 Линьцзи Исюань (яп. Риндзай Гигэн, 臨濟義玄, 810/815–866/867) – китайский наставник чань-буддизма, основатель школы Линьцзи. Позднее учение проникло в Японию благодаря монаху Эйсаю (栄西, 1141–1215). Западнему читателю, вероятно, это направление буддизма более известно в его японском изводе («риндзай-дзэн»).
- 8 Нормальянец (*le normalien*) – так называют выпускников парижской Эколь Нормаль (Высшая нормальная школа, École Normale Supérieure).
- 9 Агреже (*agrégé*) – во Франции статус прошедшего конкурс (*l'agrégation*), позволяющий преподавать в лицее и на определенных факультетах высшей школы.

глубоко интересуется японской культурой и открывает ее своим современникам. Именно благодаря Пэнге в 1966-м в Японию впервые приезжает Ролан Барт, именно он будет главным редактором и продвигателем книги «Империя знаков», которую Барт, собственно, ему и посвятил. Пэнге сыграет ключевую роль и в приглашении в Японию Мишеля Фуко: они дружили еще со времен Эколь Нормаль. Благодаря этому приглашению Фуко надолго обоснуется в японском интеллектуальном горизонте, где он и теперь еще остается одной из опорных фигур; Япония в свою очередь повлияет на его ход мысли.

И в этом, кстати, наименее известный до сих пор, но очень важный аспект творчества Фуко. Пэнге оказался у истоков того направления, которое и сейчас еще только набирает силу и которое, несомненно, станет в ближайшие годы наиболее вдохновляющим полем для действия. Инициировав приезд Барта и Фуко в Японию, приняв их там, Пэнге способствовал в итоге если не расцвету, то во всяком случае зарождению того направления мысли, которое сегодня стали называть *гетеротопикой* и *гетерографикой*. Как пишет Франсуа Жюльен (на которого, как известно, особым образом повлияли и Фуко, и Барт), с этого момента становится возможным «мыслить извне»¹⁰. Или же, как пишет Барт в «Империи знаков»: «создать наше “реальное” по законам иного монтажа, иного синтаксиса; обнаружить немислимое до этого положение субъекта в высказывании, сместить его топологию»¹¹.

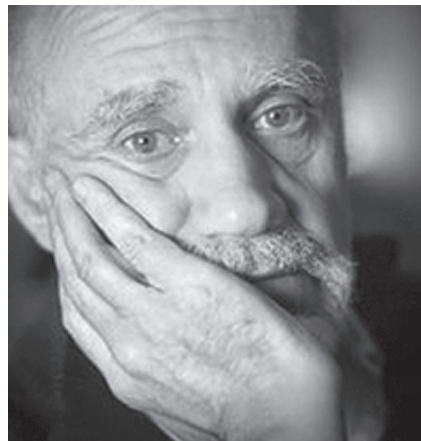
Оценить важность этого хода позволяют возникающие сегодня новые конфигурации понимания, которые Пэнге одновременно продвигал и предвещал. Он делал это неявно, кулуарно, отчасти в ницшеанской манере. «Самые тихие слова – те, что приносят бурю. Мысли, ступающие голубиными шагами, управляют миром», – писал Ницше в «Веселой науке». Пэнге был одним из краеугольных камней в этой новой возможности мысли.

Перевод с французского и комментарии Яны Янпольской, преподавателя кафедры современных проблем философии РГГУ

10 JULLIEN F., MARCHAISSE TH. *Penser d'un dehors (la Chine). Entretiens d'Extrême-Occident*. Paris: Seuil, 2000.

11 БАРТ Р. *Указ соч.* С. 13.

Япония, та самая Япония, только его Япония – желанная утопия для Барта. Впрочем, это вполне реальная страна, несколько часов в самолете – и ты там. Он обнаружил ее слишком поздно: ему уже было тогда пятьдесят: сколь бы ни было новое новым тогда, оно все же оказывалось на полях предыдущего. С 1966-го по 1967 год он побывал в Японии трижды, в общей сложности шесть или семь недель, и они проходили под знаком «уву, слишком поздно»: горизонт был омрачен тенью. Поэтому позже, когда была возможность снова вернуться в страну, которую он полюбил, он отговаривался несколько иначе и не слишком убедительно: «слишком далеко». Дальность была уже не столько километической, видимо, он предпочел, чтобы Япония осталась отдаленной ностальгически: где-то там, *dahin*. Опыт Японии был неким праздником, счастьем, побегом. У него не было замысла вновь повторить его. Однако он сумел его собрать, собраться в нем.

Морис Пэнге (1929–1991) – французский писатель, специалист в области культурной антропологии.

КАРКАС ЖЕЛАЕМОГО

Книга, посвященная Японии [«Империя знаков» Барта], точнее, вызванная ею к жизни, с первых страниц нам сообщает: я на стороне утопии. Здесь не стоит задача отражения реальности, речь о том, чтобы выбрать в ней какие-то черты, очертить контур – частично, по касательной, хотя и очень точно. Письмо порождается не только знанием – часто им правит сам опыт, связавший переживание с его объектом. Долгое время тексты Барта были исследовательскими: критическая аналитика, увенчанная «Системой моды» как жертвоприношением научности. После «Системы моды» происходит перелом: снова свобода «малых мифологий», только теперь уже наоборот. Сарказм сменяется нежностью, ирония вдруг уступает место юмору, несравненно более снисходительному. Все эти наши мифы были слишком близко, атаковать их можно было, только защищаясь. Япония обеспечила дистанцию, которая все обратила в чистое представление, чистый восторг.

1 Публикуемое эссе «Le Texte Japon» открывает сборник Мориса Пэнге «Текст Япония. Ненаходимые и неизданные тексты, собранные и представленные Микелем Ферье»: PINGUET M. *Le Texte Japon. Introuvables et inédits, réunis et présentés par Michaël Ferrier*. Paris: Éditions du Seuil, 2009. P. 29–43. Впервые эссе Пэнге «Le Texte Japon» было опубликовано в специальном номере журнала «Critique», посвященном Барту (август–сентябрь 1982 года). – *Примеч. перев.*

Книга впечатлений? Нет. Скорее книга изображений, как тщательно прописанных, детальных, так и набросочных. Это письмо любовное, как можно догадаться. При том, что этот вид письма не позволяет себе излишний, оно всегда сосредоточено на трезвом наблюдении. Никто не может говорить о том, что любит? Возможно; уж во всяком случае непросто передать даже обычную деталь, интимно связанную с важностью момента. В этой блуждающей детали, незамеченной, случайной, метонимически срастаются желание и счастье, переживание, любовь, воспоминание. «Так, я отправился в театр, – пишет Стендаль, – давали Чимарозу, “Тайный брак”, а у актрисы, исполняющей роль Каролины, не было минимум одного зуба спереди». Вот это именно хайку, когда край реальности на миг показан во всей своей незначительности, и в этой точке воплотилась эфемерность впечатления как такового. Так же и в тексте Барта – по ту сторону анализа – вдруг начинает проступать каркас желаемого, сеть легких, но фактических замечаний, в которых легко узнать свежесть первых впечатлений, собранных и структурированных уже позже.

Какое место эта книга может занимать в поле японологии? Стратегия Барта заключалась в следующем: он отказался от подбора сведений, известных с чужих слов, в отличие от многих путешественников, черпающих их жирными мазками для своих книг, он предпочел перед лицом «самых вещей» сохранить наивность впервые видящего. В японскую жизнь он нас вводит через то, что не объективируется в координатах знания: искусство упаковки, веко и его форма, использование палочек, приветственный поклон. Все эти мелкие мелочи не улавливаются неводом научного знания, здесь нужна сеть поплотнее, потоньше. Не к этому ли множеству различий, иной раз вполне уловимому, сводится пресловутая уникальность японской жизни – и ни к чему другому? Книга Барта хороша тем, что ее объект дан нам фасетами, с невероятной, не улавливаемой приборами специалистов резкостью настройки наблюдения, которой славились эдосские мастера рисунка и изображения – Басё и Хокусай.

Очевидно и то, что Япония для Барта, равно как и Италия для Стендаля, не просто объект познания – она также место мечты, иной жизни, возможного счастья. На фоне «великой культурной революции», которая взбаламутила все лучшие парижские умы, бартовский текст звучит отчасти предостерегающе: что, кроме жизни и ее притяжения, может лежать в основе легитимности всякого общества? [Может ли быть другой критерий в принципе?] На что скорее нужно полагаться: на громкие идеи или на тихие обыкновения? Может ли идея жить не во плоти обычая? Мечта об обществе утопии, которое предпочтительнее

нашего, скорее побуждает погружаться в исследование повседневной реальности, нежели громкие воззвания идеологических проектов. В Японии хорошо жить, потому-то и мыслить ее хорошо: тихий текст повседневности приоткрывает вписанные в него формулы и принципы, в нем прорисовывается набросок понимания.

МОРИС ПЭНГЕ
ТЕКСТ ЯПОНИЯ

**Мечта об обществе утопии, которое предпочтительнее
нашего, скорее побуждает погружаться
в исследование повседневной реальности, нежели
громкие воззвания идеологических проектов.**

СМЫСЛ И ЗНАКИ

Книжка с картинками, книга картин, но при этом и книга-мысль, книга для мыслей. На всех изгибах текста проступает нитью сквозь каркас связующая тема смысла. Японский опыт не был только гедонизмом, опытом, волнующим и эстетическим. Моральность знака обрела для Барта подтверждение, реальность подтолкнула его размышления вперед. Словно бы в этой культуре уже воплотился знак и тот смысл, который Барт всегда отстаивал. Так Леверье ликовал, когда открытие Нептуна подтвердило его расчеты.

Уже с начала своих лексикографических этюдов Ролан Барт шел вслед за вопросом, относящимся к самому основанию мысли: что значит говорить? Что значит означать? Это тот же вопрос, которым задавались де Соссюр или Витгенштейн, каждый на свой лад – на лад лингвистики или же аксиоматики. Наше время единогласно в своих выводах: смысл отсылает к знакам, его производящим и демонстрирующим. Смысл не исток и не природа, он не предел, не исторический фатум. Он не причина самого себя, как представляют бога. Он не похож на мир, который всегда уже-здесь, но и не настает, подобно неизбежному концу. Смысл не имеет иного смысла, кроме производства знаков, слишком человеческих. Если он и господствует, то лишь в пределах отведенной им случайности.

На подобных азах структурной лингвистики, формальной логики, этнологии и многих других дисциплин Барт решил основать мораль знаков, он хотел нас пробудить к их мощи, к их ответственности. В этих пределах он исследовал разные виды письма, режимы мифа или моды. Произвол моды ищет в области значений объяснения причин своих соблазнов. В мифе, напротив, предвечные истоки смысла движутся в поисках фактов и образов – событий, в которые они могли бы облачиться. Слу-

чайность этих встреч формы и смысла заслонена единством знака. Псевдоневинность дурной веры раскрывает ту ответственность, которой связаны друг с другом знак и смысл.

Смысл невольно мыслится субстанциальным: это центральная точка, вокруг которой по всему периметру выстраивается символическое – на самом деле центр, – лишь оптический обман, эффект окружности. Незнание ключевой функции работы означающего проходит через всю историю Запада: он отказывается ее увидеть. Однако за этим отказом стоит интерес: лишь при условии данного умолчания знаки оказываются во власти воображения, не признающего себя таковым, и это позволяет им производить эффект господства над реальностью.

ИМПЕРИЯ СМЫСЛА

Веками мы жили в империи смысла, а знаки были проводниками его власти – они писались под его диктовку, как говорят о священных писаниях. Это была империя церкви в законченном виде. Не продолжает ли она существовать и сегодня в виде империи типа Советского государства, где любые неблагонадежные граждане прежде всего оцениваются как бессмысленные? В Европе начиная с романтизма мы существуем в некотором ином, молекулярном, режиме: предполагается, что смысл связан с индивидуальной природой, с центром личности. От горизонта паранойи мы шагнули к горизонту истерии. Раньше идентифицироваться можно было с предполагаемым единством отца, теперь же каждый идентифицирует себя лишь со своим желанием – при условии, что оно остается неудовлетворенным и изначально неизвестным, потому как и себя он может познать лишь в образе желания того, кто не совсем субъект. Смысл теперь остается внутри, не трансцендирует и не выносится, он не в далеком небе христианства и даже не в далеких замках Кафки или в его же конторах – он в бесконечной внутренней империи. Молярный или же молекулярный, смысл всегда привязан к суверенному субъекту, к его центру: бог – это личность, государство персонализировано его главой, мое внутреннее чувство также получает все права господствующего властителя. Однако суверенность смысла – плод воображения. Молекулярный режим требует для своего воплощения собственного мифа, и им больше не может быть древний религиозный или же тоталитарный миф, это должен быть индивидуальный миф внутренней глубины.

Барт противопоставляет эту нашу внутреннюю империю смысла – театрализованную, нарциссическую, истерическую – японской империи знаков. Мы производим знаки, которые при

этом соотносятся с определенным воображаемым центром, из которого они, похоже, и исходят. Подобным образом и театральная иллюзия, которую хотел поколебать Брехт, предполагает, будто жесты и слова актера порождаются чувствами, предположительно переживаемыми тем из персонажей, которого он исполняет. Мифология внутреннего чувства обозначает словом «искренность» идеальный принцип нашего взаимодействия: коды и формы коммуникации не важны, важна лишь искренность того, что выражено. Именем искренности устанавливается некая рыночная ценность: ее приобретают в виде картины, в виде книги, в виде неожиданной мизансцены. Наша культура в поте лица воспроизводит романтическую утопию о некоем бесконечно более глубоком и особенном истоке, однако приводит лишь к потреблению все более витиеватых вымученных знаков так, чтобы сохраняемая иллюзия оставалась предельно убедительной. Парадокс комедианта – мы его воплощение.

ИМПЕРИЯ ЗНАКОВ

В Японии Ролан Барт обнаружил знаковый режим, который противоположен нашему режиму смысла и предполагает иной статус самого субъекта. В театре бунраку, к примеру, знаки представлены как они есть, в виде несвязанных блоков, с Брехтовой ясностью. Формы играют в открытую – и это оборотная сторона исключения смысла: ее можно обнаружить в пустоте, образующей центр Токио, а также в хайку, в искусстве упаковки, в дзэнских *коанах* и *мондо*. Проворные, вездесущие, многоликие знаки циркулируют по всем венам японской жизни, нигде не загустевая до состояния смысла, субстанции. Они сохраняют легкость и автономию, согласно принципу их произвольности, открытой де Соссюром. Коль скоро смысл предстает лишь в знаках, в ситуации, он лишается своих тотализующих фундаментальных функций, приписываемых ему западным разумом от Платона до святого Фомы, от Декарта до Гегеля.

В этой вселенной неуместной становится и категория выражения, так как она предполагает существование некоторой субстанции, внешней по отношению к коду, воплощенной вне языка. Бог выражает себя, душа выражает себя, желание выражает себя – однако японский субъект расположен на том же уровне, что и знаки, которые его порождают, он вписывается в имманентность человеческого мира, организованного ими. Таким образом, мир отношений для него лишен той театральности и нарциссизма, который навязывается нашей культурой. Веками самое существенное (спасение) мыслилось как следствие веры субъекта, видит которую один лишь бог. Каждый из

нас и сегодня чувствует, что призван исповедовать свои убеждения, являть ту субстанцию, которая призвана выступать его истиной, тем, что он думает «на самом деле», что отзывается в нем глубоко личным образом. Собеседник – словно бы пристальный взгляд, ожидающий убедительного истинного жеста или слова. Речь идет об игре в смысле спектакля, где техники репрезентации играют роль, которая должна постоянно упускаться или отрицаться во имя идеала спонтанности.

Взаимоотношения японцев между собой различны по характеру, нам они кажутся слегка пустыми и безличными, в конечном счете, не слишком зрелищными. В центре буддистского учения о карме – действия, которые реально осуществлены, а также имманентно присущие им последствия: ты будешь тем, что делаешь. Японские субъекты словно бы взаимно приглашены к осуществлению перформативного действия (перформанса в лингвистическом значении этого слова). Это игра, однако не в актерском смысле слова, а что-то типа бриджа, где игроки ведут совместную игру по общим правилам, сплетая свои стратегии. Эта метафора карточной игры не совсем точна, так как она подразумевает антагонизм играющих, тогда как для Японии максимальной человеческих отношений выступает гармония. Состязательность там присутствует не в меньшей степени, агрессия, что здесь, что там, никогда не уходит из горизонта жизни до конца, однако доступ к ней кодифицирован. Она постоянно оттесняется, а потому не прописывается в знаках и оседает в бессловесности реального. Она может обернуться против субъекта, превратившись в меланхолию, или же внезапно претворяться в действие, однако в словах она не нуждается. Когда-то месть оценивалась как добродетель: убивать и наносить вред было разрешено. Но это не было оскорблением, угрозой или преследованием.

Целью этих игр обмена является чистая бесконфликтная кооперация, что особенно хорошо видно на довольно любопытном примере: когда-то давно в дворовый футбол играли одной общей единой командой, и суть игры заключалась в том, чтобы перебрасывать ногами мяч, не давая ему коснуться земли. Неужели и нас никогда не посещало желание, чтобы теннисисты вне счета продолжали обмен ударами с целью их совершенствования? Социальная жизнь Японии не лишена мрачноватого формализма, она пронизана передачами, обязывающими субъекта взаимодействовать со всеми остальными в символической циркуляции гармонии: техники взаимодействия для них имеют ту же ценность, которую мы, по умолчанию, приписываем техникам репрезентации и противостояния. Дуэли, матчи, турниры, дебаты – по контрасту с Японией взаимодействие на Западе нагружено театральностью и превраща-

ет любую противопоставленность в торжественный парад. Государство и церковь веками питали подобными спектаклями (процессы, сеансы экзорцизма, аутодафе) Минотавра здравого смысла. С воцарением романтического субъекта эти спектакли начали рассеиваться, однако они сохранились на подмостках буржуазной пьесы, на страницах романов и киноэкранах, а от туда шагнули и в «сцены» истерической жизни нашей повседневности. Особенно неподражаемы на этом поприще телеполитики: искренность, она же дурная вера, меркнет разве что на фоне симуляции агрессии. В этом смысле японские политики поражают: они никогда не показывают, что у них за душой. Кажется, будто им не нужны ни противники, ни убеждения. Мнение о них никак не обусловлено тем, чем они кажутся (или им кажется, что кажутся), или же иллюзией, в которую они верят (или же верят, что верят); их рейтинг просто непосредственно зависит от их действий и от последствий этих действий. Фокус любой из точек зрения включает целесообразность действия.

Социальная жизнь Японии не лишена мрачноватого формализма, она пронизана передачами, обязывающими субъекта взаимодействовать со всеми остальными в символической циркуляции гармонии.

Японский индивид непрозрачен, он не субъект и не господин смысла, в нем нет ни глубины, ни блеска, которые наша мифология приписывает субстанции. В воображаемой престижности он явно отстает, однако это отставание с лихвой отыгрывается на уровне взаимодействия и сотрудничества, в которых он знает толк и плодотворность.

С первых минут в Японии Ролан Барт почувствовал родство с этой японской сдержанностью индивида: она хорошо сочеталась с его собственной скромностью и ненавистью к любого рода рисовке. Кроме того, он заметил, что эти игры взаимодействия имеют и эстетический шарм: установление гармонии партнеров подобно музыкальной, симфонической гармонии. Знаки схвачены скорее на подъеме, на пути к форме, нежели на спуске, на пути к смыслу. Риск впасть в формализм компенсируется шансом эстетического наслаждения – в этом тонком мерцающем балансе заключена социальная ткань японской жизни. Знаки воздерживаются от смысла с целью очищения, стилизации, проступания со всей очевидностью: так, глубокий поклон, каллиграфически начертанный всем телом и совершенством начертания лишенный подозрений в услужливости, становится чистым знаком как таковым, обозначенным и

оживленным самим письмом плоти, после чего он замирает, останавливается – при том, что выражение лица неизменно остается нейтральным (высшее искусство сохранения лица), незаинтересованным, бесстрастным. Знак не обязан быть проводником какого-либо чувства, лишь самого факта человеческого обращения.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ И РЕАЛЬНОЕ

Упомянутая бесстрастность – постоянная тема в японской культуре. Бесстрастность знака, но не существа. Бесстрастность, с которой производится символический жест, вне всяческой романтики реального. Мораль японского знака требует уважения к форме – и не столько в привычных обстоятельствах, сколько в ситуации величественной, где знак царствует вопреки страданиям тела и метаниям духа. Сопrotивляясь реальности, носитель знаков доводит до предела свое уважение к формам, которые ее конституируют, так как лишь в этих формах он способен сосуществовать с другими, без них погрузился бы в бездну одиночества и бессловесности. Японская версия патетики предстает не поединком противоречивых чувств,рывающих единство бытия на части, но хрупкой сдержанностью, противопоставляющей форму силе, а строгость знака жестокости жизни. Субъекту случается иной раз дрогнуть перед лицом реальности, которая так и кипит за непроницаемой гладью: его руки дрожат, а голос становится глуше. Это тоже знак? Нет. Это его противоположность: симптом. Бывает и так, что он во все срывается: по законам бинарных оппозиций за церемонией следует кризис, как это можно часто наблюдать в японских фильмах. Эти столкновения символического порядка с реальностью, ее симптомами и катастрофами являются неисчерпаемым ресурсом для всякого рода патетики, они призваны напомнить каждому читателю о мощи природных сил, со всех сторон осаждающих бастион культурных кодов, которые культура вырабатывает, чтобы облекать, защищать, объединять живущих.

Японский знак никогда не исходит из глубин, он ее заклинает. Он работает среди бела дня на поверхности связей, которые он направляет и сглаживает. Коды не тоталитарны, они лояльны, они признаются в своей хрупкости. Множественные и разреженные, они располагаются в порядке постепенного вхождения в историю своей цивилизации. Они ограничены зоной релевантности, они придают смысл отнюдь не всему подряд, что может подкинуть жизнь, в отличие от мании тотальной интерпретируемости, которой грешат жестко централизованные культуры.

Эта знаковая сдержанность ограничивает всевластие знака, сохраняя его прагматику для нужд общения, она защищает от насилия воображаемого. Когда символическая система стремится к замкнутости, к господству надо всей тотальностью случающегося, она всего лишь тяготеет к объяснениям в избытке. Так, в паранойе и ее религиозных версиях принцип воображаемого всевластен, он ключ ко всему своду знаков, гарантия тотальности и единства, неисчерпаемый источник интерпретируемости происходящего. Если действительно разум способен объяснить смысл всего лишь ценой безумия, его высшим достижением должно быть осознание своих пределов, вахта как критика своих границ, обет смирения.

Империя знаков весьма внимательна к своим пределам: она порождает знаки, но не считает себя вправе придавать смысл всему, она не связана никакой клятвой изначальной убежденности – высшей, непоколебимой, трансцендентной. Подобно японскому архипелагу, эта дробная разреженная империя состоит из островков значений, выступающих на поверхности того, что навсегда остается неозначенным: нечеловеческий лик природы, проступающий в самом человеке, неустранимое насилие случайности. Она не стремится придавать смысл ни рождению, ни смерти, ни времени, ни случаю. Будучи сама установлением, она придает смысл только лишь установлениям: женитьбе – да, но не любви или желанию. Порождать и привносить смысл всюду, где это возможно, но не навязывать его ничему из того, что человек не производит, уважать то, что несводимо к знаковому коду как в галактической случайности, так и в смятении сердца, – такова многовековая японская сдержанность. Эта мудрость настолько ценит реальное, что не грешит метафизичностью или идеализмом. Она сохраняет вкус к смыслу, который всегда остается слишком человеческим. Сегодня, когда смерть метафизики на Западе, начавшаяся с Канта, подходит к завершению, когда идеализм иссыкает вопреки всем порожденным Гегелем идеологиям, такая мудрость кажется нам ближе и доступнее.

Внимание к Японии с ее традицией не возникает изнутри нашей традиции – наоборот, мы обращаемся к ней на границах нашей современности (*modernité*), там, где наука обоснована вне метафизики или идеализма, по ту сторону воображаемого добра и зла. Это де Соссюр, который открыто кладет в основание своей лингвистики господство знака. Это Витгенштейн, разоблачающий в метафизике перверсивное словоупотребление. Это Гедель, показывающий, что ни один из языков не способен обосновать свою достоверность. Но это есть уже и у Фрейда,

для которого разум – это рационализация, а надделение смыслом всегда вторично по отношению к событию. Или же Ницше, когда он разоблачает в установлении смысла действие воли к власти, смыслом не обладающей.

Империя знаков весьма внимательна к своим пределам: она порождает знаки, но не считает себя вправе придавать смысл всему, она не связана никакой клятвой изначальной убежденности – высшей, непоколебимой, трансцендентной.

Ролан Барт и в самом деле описал вездесущность знаков в японской жизни, однако более всего он был восхищен той воздержанностью, которая кладет предел их власти. В его тексте обозначены две границы, где империя знаков сама себе кладет предел, отказывается от своей власти: *коан* и *хайку*. *Коан* – абсурдная формула неустанной дзэнской медитации, которая внезапно оборачивается озарением и просветлением, *сатори*: смысл всего бытия начинает мерцать и дробиться, всякая фраза, апеллирующая к реальному, обнаруживает шаткость, а различения посредством слов смещаются. Истина освобождается от смысла с глухим смехом, тем самым придавая мудрости отблеск безумия. *Хайку* – эта короткая и хрупкая черта, противовес жестокому ходу времени – остаток языка, легкий простой начертанный осадок – необъяснимый, лишь указывающий, словно пресловутый палец², это или то: чистое событие, прилив реальности в ее неисчерпаемой случайности, секундное волнение, которое невинный случай открывает молчаливому сердцу. Империя знаков случается в сугубо человеческой культуре, скорее не выталкивая за пределы человека, но обращаясь к скрытому внутри него и от него, она тянется от и до: от бессмысленного *коана* до ничего не значащего *хайку*, от вопроса, подвешивающего смысл, до выкрика, через который смысл истекает.

Перевод с французского и комментарии Яны Янпольской, преподавателя кафедры современных проблем философии РГГУ

2 В «Империи знаков» Барт пишет: «Хайку (черта) воспроизводит указательный жест маленького ребенка, который на что угодно показывает пальцем (хайку безразлично, на что указывать), говоря: “Вот!”. Таким непосредственным движением (то есть лишенным всякой опосредованности: знанием, именованим, обладанием), что указание выявляет тщетность какой бы то ни было классификации объектов: ровным счетом ничего особенного, говорит хайку в согласии с духом *Дзэн*» (БАРТ Р. *Империя знаков*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. С. 87). – *Примеч. перев.*

Андре Леруа-Гуран: из «японских писем» к Жану Бюо

Французский ученый Андре Леруа-Гуран (1911–1986) известен отечественному читателю скорее понаслышке: как автор особой идеи эволюции, «справедливо критикуемой» советской наукой; как модернизатор методов ведения археологических раскопок, как предшественник философии техники Жильбера Симондона – впрочем, столь же у нас малоизвестного – и «интеробъектной теории» в социологии. Книги Леруа-Гурана, насколько можно судить, на русский язык не переводились, а редкие статьи, посвященные ему, основаны чаще всего на английских переводах и рецепции его обширного научного наследия. При этом нельзя не слышать совершенно исключительного «внутреннего», как прямого, так и косвенного, звучания голоса Леруа-Гурана во французском интеллектуальном пространстве. Сам он защитил диссертацию (1944) под руководством Марселя Мосса, впоследствии давая продолжение и новую жизнь массовым «техникам»; слушателями и внимательными читателями Леруа-Гурана были Мишель Фуко, Жак и Маргерит Деррида и многие другие. Что же касается соединения *человеческого, природного и объектного* в едином методе исследования, то оно случилось в трудах Леруа-Гурана задолго до того, как эта концепция прозвучала громким манифестом у нашего современника Бруно Латура, который, по меткому замечанию Филиппа Роже, «стал, похоже, главным современником»¹.

Своей двойной фамилией Леруа-Гуран обязан раннему сиротству: два брата Леруа, из которых Андре Жорж Леандр Адольф был младшим, после смерти родителей были взяты на воспитание родителями матери. В память о них Андре позже присоединил к отцовской фамилии вторую – материнскую. Сплетения, стечения и разнородные соединения, кажется, связаны с ним неразрывно. Интерес к делу одного прадеда – кораблестроению – соединится у Андре с воспоминаниями о лесных экспедициях натуралистов, в которых он участвовал в детские годы вместе с дедом по другой линии². Позже обе линии – техническая (технологическая)

Андре Леруа-Гуран (1911–1986) – этнолог, антрополог, исследователь доисторического искусства, археолог.

1 Роже Ф. *Что нам делать без Ролана Барта? // Что нам делать с Роланом Бартом? Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, декабрь 2015 года.* М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 17.

2 См. об этом: GAUCHER G. *André Leroi-Gourhan, 1911–1986* // *Bulletin de la Société préhistorique française.* 1987. P. 302–315.

и биологическая – будут сплетаться в изысканиях Леруа-Гурана о единстве эволюции живых существ и «техник», тел и инструментов, изображающего и изображаемого. В этом он родственен другому голосу французского мышления, так же носителю «плетеной» ономастики – Морису Мерло-Понти, – которого часто называют «философом двойственности», но, разумеется, не из-за фамилии. И наконец, счастливым образом соединяются те линии исследований, которые Леруа-Гуран на протяжении всей жизни разделял со своей женой, Арлетт Леруа-Гуран (1913–2005), в девичестве Руае. Не считая четверых детей, вместе они произвели на свет около двух сотен публикаций, в том числе тех, что напрямую связаны с нижеследующим эпизодом.

В день свадьбы новоиспеченная чета Леруа-Гуранов получила «скромный, но очень полезный подарок» от одного из коллег – первую в истории стипендию японского правительства для французских исследователей-этнологов – и незамедлительно отплыла к японским островам. За два года, проведенные в Японии, супруги накопили огромный исследовательский архив, который при жизни Андре Леруа-Гурана не публиковался. Японские материалы легли в основу его первых фундаментальных работ, а привезенные артефакты пополнили коллекцию возглавленного им позже музея. Поездка на остров Хоккайдо в ходе изучения «последних айнов», в которой Арлетт участвовала как фотограф и секретарь, отражена в совместной фотокниге³. Однако полный архив всего написанного Андре Леруа-Гураном в Японии – и по поводу Японии – был собран его вдовой и издан лишь в 2004 году под редакцией Жана-Франсуа Лебра (Jean-François Lesbre) незадолго до ее смерти.

Сборник Андре Леруа-Гурана под названием «Забывтые японские страницы»⁴ состоит из четырех частей. В первую вошло 21 письмо, написанные им его «тайному» (во всяком случае, не академическому, но научному) наставнику – востоковеду и художнику Жану Бюо (Jean Buhot). Одиннадцать из них были отправлены из Японии, остальные – из Франции; все послания суть подробный репортаж о пребывании на островах: находки, наблюдения, привезенные артефакты, зарисовки. Вторая часть представляет собой проект монографии «Социальная и эстетическая жизнь современной Японии» (1939), написанный уже по возвращении. В нем есть отдельные «черты», *графы*, как сказал бы Ролан Барт, намеченные, но непрописанные (оставлены лишь заголовки): «Каллиграфия и живопись», «Музыка и танец», «Театр», «Поэзия»⁵. Они соседствуют с подробно расписанными «структурирующими принципами» японского жеста, предмет-

3 LEROI-GOURHAN AR., LEROI-GOURHAN AN. *Les derniers Anous. Photos. Hokkaido, 1938*; Paris, 2000.

4 LEROI-GOURHAN AN. *Pages oubliées sur le Japon*. Grenoble: Editions Jérôme Millon, 2004. P. 469.

5 Ibid. P. 271.

ности, повседневности. Примером может служить дополнительный параграф «Хрупкость»⁶. Напрашивается сопоставление этих страниц с «японской книгой» того же Ролана Барта («Империя знаков»), написанной по возвращении из Японии в 1970-м, – правда, в жанре, далеком от монографии. Третья часть – «Народные формы религиозного искусства Японии»: подробное и богато иллюстрированное систематическое описание жанров, форм и сюжетов, обнаруженных Леруа-Гураном в ходе поездок по Японии «вслед за календарем сакральных празднеств». В четвертой части собраны разножанровые приложения: наброски к выступлению – на японском – на радио JOAK в Токио (было намечено на 1 мая 1938 года), отдельные заметки («Японский крестьянин» и другие), текст отчетного доклада о работе в Японии во Французском институте антропологии 15 января 1940 года, очерк о «побежденной» стране, озаглавленный «1945: Япония», и, наконец, три поэмы в прозе: «Лягушки», «Скат» и «Карп». Помимо этого, в «Забывтые японские страницы» вложены «фототетради» и многочисленные рисунки Леруа-Гурана: археологические объекты, типы жилищ и их структура, инструменты, растения и животные.

Ниже публикуется перевод фрагмента из этого издания. Он включает предисловие издателя «Забывтых японских страниц», где Жан-Франсуа Лебр исчерпывающее описывает «японский эпизод» биографии Леруа-Гурана, а также самое первое письмо, отосланное из Японии Андре Леруа-Гураном во Францию Жану Бюо. За этим адресатом в нашем сюжете следуют свои переплетения. Дело в том, что о Жане Бюо известно гораздо меньше, чем о Леруа-Гуране, хотя общение с ним неотделимо для последнего от пребывания в Японии. Поэтому свидетельство Рене Груссе⁷ о том, кем был для многих Жан Бюо, которым (свидетельством) издатель предваряет письма Леруа-Гурана, имеет особую ценность: адресат имеет значение. Фактически единственным источником биографических данных о Бюо, включающим воспоминания Груссе, является цитируемый ниже панегирик Вадима Елисеева⁸, из которого, помимо прочего, мы узнаем, что Жан Бюо умер 5 сентября 1952 года одновременно со своей женой Терезой. Довершает череду совпадений, которые, несмотря ни на что, хочется считать случайностями, тот факт, что Рене Груссе, оставивший столь ценное свидетельство о таинственном Жане Бюо, родился с ним в один год (1885) и умер в том же сентябре того же, 1952, года, пережив биографируемого всего лишь на неделю. [Яна Янпольская]

6 Ibid.

7 Рене Груссе (René Grousset, 1885–1952) – специалист по истории Азии, член Французской академии, преподаватель истории и географии Школы восточных языков в Париже (сегодня – INALCO). С 1941 года был директором музея Чернуски.

8 ELISSÉEFF V. *Jean Buhot // Artibus Asiae*. 1952. Vol. XV. P. 356–368. Вадим Елисеев (Vadime Elisséeff, 1918–2002) – французский историк, искусствовед, специалист по Дальнему Востоку. Сын ориенталиста Сергея (Сержа) Елисеева.

АНДРЕ ЛЕРУА-ГУРАН:
ИЗ «ЯПОНСКИХ ПИСЕМ»
К ЖАНУ БЮО

Забытые японские страницы⁹

Не заботясь об истине, не дойдешь ни до чего стоящего.

Анри Пурра¹⁰

Вот на что обращаю ваше внимание: научный поиск со всей требуемой им тщательностью, осторожностью в выводах и дерзновенностью намерений задает внутреннее пространство жизни истины: тщательность – правило, осторожность – мораль, дерзновение понимания – то, что приводит в движение все три составляющие.

Андре Леруа-Гуран¹¹

Предисловие издателя

Хотя наше время более озабочено «счетом голосов, а не их взвешиванием», нелегко отделаться от мысли, что качество свидетеля отражается на качестве свидетельства.

В начале 1937 года Андре Леруа-Гуран (1911–1986) водрузился на борт «Фусимимару» и отправился на два года в Японию¹². В «Истоках мира», книге бесед с Клодом-Анри Роке, он не без волнения вспомнит об этом:

«В день моей свадьбы Поль Буайе¹³, возглавляющий “Восточные языки”, явился, держа в руках в качестве свадебного подарка двухлетний исследовательский грант в Японию. Я и моя жена стали первыми стажерами в рамках франко-японского обмена. Я ни строчки не знал по-японски, знал немного по-китайски – китайского при этом не знал, – и вот мне предстояло нырнуть в японскую толщу. Мне оставалось тридцать дней пути по морю, чтобы выучить язык; и далее я должен был вступить на должность приглашенного этнолога. [...]

Приехал я туда вместе с моей женой в 1937-м, мы жили сначала в Токио на очень скромном жаловании, выплачиваемом японским правительством. С финансовой точки зрения это были очень напряженные дни, но все всегда как-то справляются – даже при скудном имуществе. [...] К счастью, мне посчастливилось получить приглашение от Французского института в Киото на весь срок моего

⁹ Перевод выполнен по: LEROI-GOURNAN AN. *Pages oubliées sur le Japon*. P. 5–17.

¹⁰ См.: LEFÈVRE F. *Une heure avec...* Paris: Gallimard, 1925. P. 259.

¹¹ SUFFERT G. *Le cadavre de Dieu bouge encore*. Paris: Grasset, 1975. P. 165.

¹² Он прибыл в Японию 20 апреля 1937 года, а покинул ее 26 марта 1939-го.

¹³ Поль Буайе (1864–1949) – ученик Фердинанда де Соссюра, славист и преподаватель русского языка, также интересовавшийся этнографией. Именно он вдохновил Леруа-Гурана на изучение китайского языка – наряду с русским.

пребывания. В Киото, этом самом традиционном из всех японских городов, мы поселились в старинном здании Французского института. Институт переехал, но в его собственности осталось старое полуяпонское здание, построенное на одном из холмов на юге Киото. Перед нашим взором открывалась панорама города с вереницей холмов и множеством храмов, почти замыкающихся в кольцо у горизонта. Это место стало для меня своего рода раем: перед нами спускается сад, заросший дикими азалиями, над нами парят орланы-белохвосты, выслеживающие в храмовых прудах карпов. [...] Спуститься в город, где происходили мои занятия, можно было различными путями, и каждый из них всякий раз оборачивался сюрпризом. Один раз под дождем мне повстречался краб, выползший на прогулку вдоль дороги, другой раз в храме Нандзэндзи, совсем рядом со мной вдруг раздалась возгласы самураев, совершающих самоубийство прямо под открытым небом, низвергающим на них ледяной поток. [...] Впрочем, описывать Японию непросто. [...] Я опасюсь впасть в банальность: все эти японские реалии, описанные по-французски, словно лишаются самой их сути. Каждый из случаев дает мне повод убедиться, насколько неизбежен разрыв между проживаемым и высказываемым. [...]

К Японии я очень привязался. Я жил очень близко к народу, к крестьянам. Японцы вызывают во мне восхищение. Среди них есть те, кто умеет неповторимым образом соединить эстетику и повседневность. Японию можно либо принять безоговорочно, либо так же безоговорочно отвергнуть. Эта страна необычна: единственное государство в Азии, оказавшее сопротивление давлению Запада в XIX веке; единственная страна, полностью изолировавшаяся от всего мира еще в XVI столетии, чтобы расти в одиночку – впрочем, предусмотрительно заимствовав у нас стрельбу из аркебузы»¹⁴.

Таким образом, эта поездка открыла для начинающего 26-летнего автора, еще не защитившего диссертацию, то, что в своих поздних текстах он назовет «третьим шагом» своего исследования.

«После первой попытки предпринять исследование современных и доисторических рас и неоконченного эссе о стеллеровой, или “морской”, корове, представительнице семейства сиреновых Берингова моря, истребленной в XVIII веке¹⁵, я решил окончательно (как мне тогда казалось) отойти от биологии, чтобы отдаться этнологии, а также и – возможно, но не точно – истории искусства. Первым шагом стал для меня этап, когда животное и человек столкнулись как с их общим прошлым, так и с будущим. На втором этапе я неосознанно вернулся к тому же – причиной стал выход в свет книги “Реннская цивилизация”¹⁶, в которой преимущественно рас-

АНДРЕ ЛЕРУА-ГУРАН:
ИЗ «ЯПОНСКИХ ПИСЕМ»
К ЖАНУ БЮО

14 LEROI-GOURHAN AN. *Les racines du monde. Entretiens avec Claude-Henri Rocquet*. Paris: Belfond, 1982. P. 41–43. – Примеч. перев.

15 Следы этого материала сохранились лишь на страницах 34 и 35 «Археологии севера Тихого океана».

16 ИДЕМ. *La civilisation du Renne*. Paris: Gallimard, 1936. – Примеч. перев.

сма­три­вал­ся син­тез взаи­мо­от­но­ше­ний жи­вот­ных с их хо­зяе­ва­ми – лю­дь­ми – в про­стран­стве и во вре­ме­ни, а так­же ме­то­до­ло­гиче­ской ра­бо­ты “Брон­зо­вый ки­тай­ский бес­ти­а­рий”¹⁷, где зоо­ло­гия гра­ни­чи­ла с фоль­кло­ром и на­ука­ми о дре­в­но­сти¹⁸. [...]

Третий шаг совершился между 1937-м и 1943 годами, когда по­сте­пен­но ста­ли при­ни­мать фор­му “Ком­па­ра­тив­ные ис­сле­до­ва­ния се­ве­ро­ев­ра­зий­ско­го ис­кус­ства”¹⁹, “Ар­хе­о­ло­гия се­ве­ра Ти­хо­го оке­а­на. Ма­те­ри­а­лы к изу­че­нию взаи­мосвя­зей ме­жду на­се­ле­ни­ем при­бре­ж­ной по­ло­сы Ази­и и Аме­ри­ки”²⁰, а так­же два то­ма “Эво­лю­ции и тех­ни­ки”: “Человек и ма­те­рия”²¹ и “Сре­да и тех­ни­ки”²². Жи­вот­ные и про­шло­е в них иг­ра­ли фо­но­вую роль, не­смот­ря на то, что цен­траль­ным эле­мен­том в пер­вом то­ме был ис­то­ри­че­ский ана­лиз ме­та­форы хищ­ной пти­цы, уби­ва­ю­щей рас­ти­тель­но­яд­ных пти­ц, а во вто­ром то­ме охота на мор­ских жи­вот­ных со­ста­ви­ла боль­шую часть ис­сле­ду­е­мых фак­ти­че­ских дан­ных. *Так или ина­че, все три тек­ста объ­еди­не­ны ис­сле­до­ва­ни­ем сис­те­ма­ти­ки эво­лю­ции форм*²³.

Этот самый «третий шаг» был необыкновенно плодотвор­ным. Переход к нему произо­шел в ходе по­ез­дки в Япо­нию и да­лее был свя­зан с ней. Мож­но ска­зать, что Япо­ния да­ла не­об­хо­ди­мую точку опо­ры, ко­торая по­зво­ли­ла его ис­сле­до­ва­нию рас­кры­ться в пол­ной ме­ре.

Ка­жет­ся, буд­то на­пря­жен­ная по­ли­ти­че­ская си­ту­а­ция то­го вре­ме­ни, соз­да­ю­щая пре­пят­ствия для на­уч­ной ра­бо­ты²⁴, тем не ме­нее не от­ра­жа­лась на пло­до­твор­но­сти по­след­ней, ко­торая бы­ла обу­слов­ле­на ис­клю­чи­тель­ным ха­рак­те­ром са­мо­го по­ля ис­сле­до­ва­ния. До­ста­точ­но вспо­мнить сло­ва Ла­ф­ка­дио Хёр­на (Хир­на), на­пи­сан­ные три­дцатью го­да­ми рань­ше:

«Древняя японская цивилизация отличалась самым поразительным разнообразием. [...] Совокупность составляющих этого патриар-

17 ИДЕМ. *Bestiaire du bronze chinois*. Paris: Éditions d'art et d'histoire, 1936. – *Примеч. перев.*

18 Эти неоправданно скромные замечания не позволяют забыть о том факте, что на момент выхода «Реннская цивилизация» стала свидетельством врожденного чувства синтеза и полноты охвата, присущих ее автору: 150 страниц в этой книге отведены арктическому сектору – десятку тысяч лет его истории! Таким же образом и в книге «Бронзовый китайский bestiary», где он описывает «тао те» («росомаху», чей образ связан с монстром без нижней челюсти), Андре Леруа-Гуран делает ценное открытие: «Так называемые куй [однолапые драконы, как были названы полностью видоизмененные силуэты животных], не­де­ши­ф­ру­е­мые в па­мят­ни­ках эпо­хи Шан, со­хра­ня­ют ту же струк­ту­ру рас­пре­де­ле­ния на ва­зах эпо­хи Хань, то есть ты­ся­чу лет спу­стя, где они изоб­ра­же­ны ясно и раз­лич­но. Та­ким об­ра­зом, ключ к пер­вым ле­жит в хань­ских изоб­ра­же­ни­ях. Бли­же к вер­шине ва­зы встре­ча­ют­ся пти­цы и змеи, брюш­ко со­су­да укра­ше­но боль­ши­ми че­ты­ре­но­ги­ми жи­вот­ны­ми; на ос­но­ва­нии снова ре­пти­лии. Все они, разумеется, изоб­ра­же­ны в про­филь» (Вунот J. *Art de la Chine*. Paris: Les Éditions du Chêne, 1951. P. 23).

19 LEROI-GOURNAN AN. *Documents pour l'art comparé de l'Eurasie septentrionale*. Paris: Editions d'art et d'histoire, 1943. – *Примеч. перев.*

20 ИДЕМ. *Archéologie du Pacifique nord. Matériaux pour, l'étude des relations entre les peuples riverains d'Asie et d'Amérique*. Paris: Institut d'Ethnologie, 1946. P. 47. – *Примеч. перев.*

21 ИДЕМ. *Évolution et techniques. Vol. I. L'Homme et la matière*. Paris: Albin Michel, 1943. – *Примеч. перев.*

22 ИДЕМ. *Évolution et techniques. Vol. II. Milieu et techniques*. Paris: Albin Michel, 1945. – *Примеч. перев.*

23 ИДЕМ. *Mécanique vivante, Le crâne des vertébrés du poisson à l'homme*. Paris: Fayard, 1983. P. 19–21.

24 В те времена любой иностранец рассматривался японскими властями как возможный шпион, с чем были связаны постоянные административные препоны.

хального общества, в силу самого своего характера не склонная к превращению в однородную массу, упреждает всякую обобщающую единообразность. Каждое отдельное сочленение внутри этого целого и каждый из внутренних автономных элементов, его составляющих, ревностно охраняет собственные традиции и обыкновения, умея довольствоваться ими. В итоге постепенно возникает ни с чем не сравнимое разнообразие искусств и производств – архитектурных, механических и прочих. В Японии подобное различие и множественность специализаций достигли такой степени, что невозможно найти даже двух поселений, где были бы одинаковыми обычаи, способы производства и обработки... Обычаи рыбацких поселков служат особенно ярким примером этого бесконечного разнообразия. Каждый регион побережья имеет собственные традиционные способы вязки сетей и строительства лодок, которым следуют так же всякий раз особым образом. Во время сильного цунами 1896 года погибли триста тысяч человек, и множество деревень было разрушено. В Кобэ были собраны необходимые суммы для помощи пострадавшим. Благожелательные иностранцы пожелали восполнить погибшие судна и направили пострадавшим большое количество сетей и лодок. Однако быстро выяснилось, что эти судна не пригодны для населения северных провинций, привыкших пользоваться сетями и суднами совершенно особого рода. Кроме того, было замечено, что в каждом рыбацьем поселке были собственные особенные инструменты для работы»²⁵.

АНДРЕ ЛЕРУА-ГУРАН:
ИЗ «ЯПОНСКИХ ПИСЕМ»
К ЖАНУ БЮО

Под руководством гениального первооткрывателя художественных произведений Янаги Соэцу (1889–1961)²⁶ японская элита обратила внимание простых японцев на красоту и богатство их ремесленного искусства. В сентябре 1936 года усилиями Янаги Соэцу в Токио был открыт первый музей народного искусства. Множество ведущих художников – в частности, Каваи Кандзиро (1890–1966), – приняли участие в движении народного искусства «Мингэй», поставив своей целью возрождение жизнеспособных художественных ремесел. Интуиция Андре Леруа-Гурана заставила его обратить внимание на это движение, что оказалось весьма плодотворным:

«Япония подстегнула мои исследования, посвященные технологии. В Киото я познакомился с некоторыми ремесленниками – в частности, со знаменитым гончаром Каваи Кандзиро. Этот замечательный мастер своего дела был связан со знаменитым английским гончаром Бернардом Личем. Вместе они проработали многие годы

25 HEARN L. *Le Japon*. Paris: Mercure de France, 1929. P. 245–246.

26 Янаги Соэцу (Мунэёси) (柳宗悦, 1889–1961) – японский арт-критик, мыслитель, основатель движения в поддержку народного искусства *мингэй*. – *Примеч. перев.*, далее – *примеч. автора*. См. любопытное исследование Элизабет Фроле «Янаги Соэцу – элементы художественного возрождения в Японии» (Paris: Publications de la Sorbonne, 1986). Автор сближает своего героя с другим восточным художником – Анандой Кумарасвами (1877–1947), – который в свою очередь под влиянием Уильяма Морриса (1834–1896) заново открыл для себя эстетическую глубину своей страны, обратившись далее к поиску значений и символов традиционного искусства.

и немало способствовали обновлению современного керамического искусства Японии. Я приходил к Каваи, чтобы наблюдать за его работой или же разговаривать с ним. Технологии давно уже интелресовали меня, я всегда ощущал эту тему как свою, однако подступ к самой материи объектов, к практике и мышлению ремесленника открылся мне лишь в Японии. Оттуда я привез ценную коллекцию технических предметов, хранящуюся в Музее человека»²⁷.

Впрочем, Леруа-Гурану удалось разглядеть и множество иных чудес, сокрытых в Японии:

«Отец одной из моих учениц был известен как дзэнский наставник, поэтому у меня не было недостатка в сведениях о дзэнской общине. Сам я никогда не практиковал дзэн, во всяком случае в здравом уме и трезвой памяти, и все же он меня коснулся сквозь японскую культуру. Оттуда были мной почерпнуты многие из моих сегодняшних суждений эстетического рода: особый взгляд на вещи, на сады и на цветы. [...]

В Киото я завел знакомство с мастером вотивных статуэток из обожженной глины. Он изготавливал формы, которые при соединении друг с другом заливались глиной, из них извлекалась скульптура, обжигавшаяся затем на огне. Наблюдать за ним было невероятно интересно, и позже эти наблюдения мне очень пригодились, когда я стал исследовать доисторические практики литья. Этот скульптор переезжал из одного храма в другой, следуя календарю религиозных праздников Японии – и, в частности, в Киото. Там были такие совершенно чудесные праздники, как праздник обновления колодезной воды или же праздник первого зажигания огня в начале года. Несколько раз мне приходилось пережить заново “танцы и легенды Древнего Китая” Марселя Гране²⁸. А однажды в одном из северных храмов Киото я даже стал свидетелем того самого ритуала, который был реконструирован Гране, восстановившим его отдельные детали по китайским описаниям. Речь об обряде отражения напастей, совершаемом в начале года. В центре обряда – четырехглазый лучник: поверх обычных глаз лицо покрыто маской с мордой пучеглазой кошки, что свидетельствует об особой зрительной силе. Лучник охотится за двумя демонами, поражая стрелами персиковое дерево. В этом и заключается весь обряд. Присутствующим достаются стрелы – талисманы на весь год; особенно

27 LEROI-GOURNAN AN. *Les racines du monde...* P. 47. В ходе доклада, сделанного Леруа-Гураном после его возвращения из Японии, он уточнил: «Вместе с фондом средств, необходимым для открытия Музея человека, мы привезли 500 экспонатов и 200 археологических образцов. Японское правительство также ассигновало нам сумму в 10 000 франков для расположения коллекции, находящейся сейчас в посольстве Франции в Токио; она будет доставлена в музей, как только это станет возможным. Памятники неолита были разделены между Музеем человека и Музеем Гиме, для которого я также специально привез коллекцию старинных масок и деревянных скульптур. Все собрание предметов, включая гравюры и религиозные изображения, представляет собой 2350 единиц, не считая снимков: 1724 негативов и более 5000 этнографических карточек. Таковы материальные итоги двухлетнего пребывания в исследуемом регионе». Сегодня все эти предметы еще более ценны, так как на территории Японии их увидеть невозможно.

28 Марсель Гране (Marcel Granet, 1884–1940) – французский синолог, ученик Эмиля Дюркгейма и Эдуарда Шаванна. Монография Гране «Танцы и легенды Древнего Китая» (1926) посвящена Марселю Моссу. – *Примеч. перев.*

удачлив тот, кто смог поймать стрелу в полете. Гране восстановил образ этого действия в ходе исследования и уточнения некоторых весьма бессвязных фрагментарных описаний у китайцев. Присутствуя при этом обряде, я чувствовал, как это странно: предугадывать ход действия, знакомого мне по страницам книги. [...]

Я нечто понял там, в Японии, но ничего ни разу не опубликовал о той моей поездке – кроме того, что вошло в мои первые издания, “Среда и техники” и “Человек и материя”. Большая часть их иллюстраций, как вы можете заметить, пролистав их, родом из Японии».

И все же о Японии Андре Леруа-Гуран писал немало. Война и – позже – повороты его собственной академической карьеры более не позволили ему двигаться одновременно в нескольких различных направлениях. Возможностью издать его заметки о Японии мы обязаны доверием и благосклонностью мадам Леруа-Гуран. Они позволяют оценить масштаб его работы, равно как и те трудности, с которыми ему пришлось столкнуться. Помимо прочего, эти страницы – просто свидетельства работы понимания – нелегкой, терпеливой мысли: узнавать, открывать²⁹, понимать и делиться открытым и понятным, ибо «все, чем ты не поделился, потеряно».

Можно, конечно, сожалеть о том, что большей частью эти тексты остались незаконченными, но, как сказал поэт:

Хватит жалеть о неудачах!
Дерево, лишившееся веток,
свет пропускает лучше!

Письма к Жану Бюо. Предисловие публикатора

Рене Груссе оставил нам следующий портрет Жана Бюо (1885–1952)³⁰ – тайного и необычайно значимого наставника Леруа-Гурана:

«Был лишь один человек в Париже, который мог помочь осуществить наши намерения. Он проводил большую часть времени в своем кабинете в Музее Гиме. Там обосновалось Общество друзей Востока, секретарем которого он был. Ориенталисты со всего мира обращались в Общество за консультациями. Специалисты подтверждают, что культура много чем обязана этому великому и при этом весьма скромному ученому, полностью посвятившему себя познанию восточного мира и установлению плодотворного интеллектуального обмена Запада с Востоком.

29 *Invenio* (лат.) дало *invention* (изобретение), *inventaire* (инвентарь, учет, описание).

30 Жан Бюо (Jean Buhot, 1885–1952) – французский художник, гравер, историк искусства, профессор Школы Лувра. – *Примеч. перев.*

АНДРЕ ЛЕРУА-ГУРАН:
ИЗ «ЯПОНСКИХ ПИСЕМ»
К ЖАНУ БЮО

Сын гравера, Жан Бюо сам был художником, он понимал и ценил гравюры как профессионал. Кроме того, с раннего возраста он жил в кругу тех самых художников и коллекционеров, которые открыли японское искусство. Общение с ними оставило глубокий след в нем. Его школой стали замечательные выставки Музея декоративного искусства, их он запомнил навсегда. Его притягивала Япония, он взялся ее изучать: листал книги, альбомы, заходил к коллекционерам и торговцам. Но наступила война [1914–1918], а с ней в жизнь Жана Бюо вошли долгие часы, проведенные в траншеях... Он посвятил их изучению японского, а по возвращении в Париж обогатил свои познания, обучаясь у нашего друга Сергея Елисеева, который только что переехал во Францию.

С этого момента он постоянно следит за публикациями и периодическими изданиями, научными археологическими исследованиями о Востоке, и можно сказать без сомнения: ничто, что связано с Японией, ему не было чуждо. Преподавая в Школе Лувра, на кафедре дальневосточного искусства [с 1936 года], он посвящает слушателей в знание, обогащенное изощренным вкусом и тонким восприятием. [...]

[Он] вел занятия без тени филологического всезнайства, полагая как художник, что искусство само в себе содержит критерий суждения, оценки, наслаждения. Он также больше, чем кто бы то ни было, содействовал снижению искусственных барьеров между искусством Востока и Запада. Что же касается его – неизменно щедрых – исторических комментариев, они, как он сам объяснял, были нужны, чтобы дать слушателям время для более длительного размышления. Мало кто из преподавателей мог так же, как Бюо, обращаться к разнообразным дисциплинам с тем, чтобы объяснить разные техники в искусстве. Это такое оснащенное, полное, изобилующее сведениями образование – слишком насыщенное, пожалуй, для ознакомительного курса, но неизменно выводящее к новым идеям. Его подача – честная, строгая – не всегда позволяла оценить оригинальность его мысли и концепций. Для него каждая деталь была важна. Он стремился лишь направлять ход изучения, но не управлять им. Направлять – это всегда было его ключевой целью, в этом он был опытен. Он не навязывал какого-либо метода, теории, а лишь давал советы с той робостью, которая свидетельствует о знании и мудрости»³¹.

К этому стоит добавить ценнейший корпус переводов ключевых текстов, необходимых для верного понимания Востока: «Понимать индуистское искусство»³², «Мысль Будды»³³, «Бхархутская скульптура» Ананды К. Кумарасвами³⁴, а также работы Освальда Сирена об искусстве Китая³⁵. Доверию к Бюо и лич-

31 ELISSÉEFF V. *Jean Buhot*. P. 356–368.

32 COOMARASWAMY A. K. *Pour comprendre l'art hindou*. Paris: Edition Bossard, 1926. – Примеч. перев.

33 IDEM. *La pensée du bouddha*. Paris: Editions Corrèa, 1949. – Примеч. перев.

34 IDEM. *La Sculpture de Bharhut*. Paris: Vanoest, 1956. – Примеч. перев.

35 SIRÉN O. *Histoire des Arts Anciens de la Chine. Tome I–IV*. Paris: École française d'Extrême-Orient, 1930–1934. – Примеч. перев.

ной дружбе с ним мы также можем быть обязаны теми трудами Тадзимы Рюдзюна, которые были написаны им по-французски: «Очерк о Махавайрочана-сутре»³⁶ и «Две большие мандалы и тайное учение Сингон»³⁷.

В период, к которому относится переписка с Леруа-Гураном, Бюо работал над монументальным текстом «Истории японского искусства»³⁸.

АНДРЕ ЛЕРУА-ГУРАН:
ИЗ «ЯПОНСКИХ ПИСЕМ»
К ЖАНУ БЮО

Письмо I.

Нодзири, 1 августа 1937 года

АНДРЕ
ЛЕРУА-ГУРАН

Дорогой господин Бюо,

Я пишу Вам с берега озера Нодзири, из Нагано. Время удивительно быстро летит, огромная работа впереди – вот мое самое яркое из впечатлений. Сегодня вечером я заглянул в Ваши вопросы и сразу захотел Вам написать – ответить на них я не готов, но хотел бы немного написать о Японии, поговорить, словно мы у Вас в кабинете.

Три месяца лабораторной работы в токийском Университете и в Императорском музее не дают ответов на глобальные вопросы, но уже возникла целая куча разных деталей. Я нашел то, что искал: образцы материалов доисторических стоянок, по крайней мере относящихся к северу: кости, олени рога, ракушки, пуансоны, кольца, гравированные трубки. Никаких выводов пока сделать невозможно, даже с привлечением специалистов. Нащупывается кое-что, связанное с айнами, да и то пока смутно. Планирую взяться за это вплотную, но работа идет тяжело. Как Вы и предполагали ранее, прослойка айнов весьма немногочисленна. Создается впечатление, что это не потомки, там были какие-то не прямые родственные отношения. Впрочем, посмотрим. Вопрос о северном влиянии одними айнами не исчерпывается, – в этом я теперь абсолютно убежден. Моя давняя история – Курилы, Камчатка, алеуты – понемногу обогащается день ото дня. Быть может, я теперь пролью немного воды и на Вашу мельницу хайдов³⁹.

36 ТАДЗИМА R. *Étude sur le Mahavairocana-sūtra*. Paris: Maison neuve, 1936. – Примеч. перев.

37 ИДЕМ. *Les deux grands mandalas et le doctrine de l'esoterisme Shingon*. Tokyo: Maison Franko-Japonaise, 1959. – Примеч. перев.

38 ВИНОТ J. *Histoire des Arts du Japon. I. Des origines à 1350*. Paris: Vanoest, 1949. – Примеч. перев.

39 Хайды – индейцы северо-западного побережья Америки (Британская Колумбия), «порадившие первых открывателей своим искусством и важностью деревянных построек». – Примеч. Ж.-Ф. Лебра.

Теперь к Вашим вопросам.

Типы жилищ: я еще только приступаю к изучению планов строений Нодзири. Кое-что проясняется с расположением комнат и местом очага. Я нахожусь недалеко от Садо и в скором времени туда, возможно, отправлюсь.

Каменные предметы, напоминающие ракушки: посылаю три открытки из Императорского музея. Каменные кольца (открытка 1) – несомненно, браслеты, несколько штук я держал в руках. Они выточены из тонкопористого и очень легкого серо-зеленого материала. Как и другие (открытка 2), они были найдены вместе с изделиями из бронзы в области между залежами кости (Север), японской бронзы и железа (Юг). Как использовались еще два – такие, как *кицунэ но кува*⁴⁰ (открытка 4), – не известно. Все это относится к краткому списку необходимых повседневных запасов: ножи, сельскохозяйственная утварь; все они живо меня интересуют, но наряду с прочим – чем больше в них декоративности, тем меньше жизни. В *раковинных кучах*⁴¹ также находят множество пористых раковин (открытка 3), мне самому попался фрагмент такой раковины на раскопках в Тиба; мне уже выдалась возможность участвовать в раскопках вместе с ассистентами из Университета. Что касается ваз с ребристой поверхностью – попались только четыре артефакта (открытка 5). Также приходят в голову «ex-voto» – уменьшенные образцы табличек.

Различные типы керамики в японской классификации. Они представляют собой любопытную смесь из классической классификации, реальной стратиграфии и случайности. Наброшаю индекс залегающих с учетом положения на карте, высоты и отношения к почве... Впрочем, стратиграфией я не располагаю – за исключением некоторых случаев и той стоянки, которую я перекопал. Посмотрим. Многие залегания имеют искусственное происхождение, и их картографирование оказывается весьма плодотворным.

Антропологические типы: мозаика в регионе Токио и Нагано. Предполагаю, что именно они там доминируют, но изъять еще ничего не удалось.

40 «Доисторические [кофун] курганы также содержали множество каменных предметов весьма примечательного стиля: это браслеты и другие украшения, напоминающие раковины и восходящие к ним; круглые или наполовину прямоугольные, а также так называемые *кицунэ но кува* “лисы мотыги” (то есть хитрые, чудесные, загадочные), форма которых совершенно необъяснима» (Винот Ж. *Histoire des Arts du Japon...* Р. 49). – *Примеч. Ж.-Ф. Лебра.*

41 Раковинная куча (*shell-mound*; яп. *кайдзука*) – термин, относящийся к доисторическим стоянкам периода Дзёмон, от которого дошли наиболее древние из глиняных изделий с характерным веревочным декором (*дзёмон*). «Благодаря белесому оттенку, придаваемому поверхности земли, эти отложения ракушек заметны с высоты и представляют собой обыкновенные кучи пищевых отходов – оболочки моллюсков, составлявших основу питания людей того времени» (ELISSÉEFF D. ET V. *La civilisation japonaise*. Paris: Arthaud, 1974. Р. 34). – *Примеч. Ж.-Ф. Лебра.*

Доисторическая бронза: с ней я надеюсь поработать в Киото.
Лодки и судна: их я исследую на озере Нодзири, они мне представляются классическими.

Древние музыкальные инструменты: тамбурин, в который бьют кулаком, старая добрая – может быть, северная – тема.

Сякухати, бамбуковая флейта, весьма популярная и, несомненно, южная. Сходство с Полинезией.

Архаические маски: очень популярны маски львов, танец львов имеет единое хождение. Нередко вспоминается Ява. Сделал об этом кое-какие заметки. Птичьи маски еще не попадались.

Кони – оседланные и запряженные в плуг: вопрос об этом различии ставит японцев в тупик, они об этом никогда не думали. Исследую различные упряжки для быков (иллюстрации 1, 2, 3 стр. 1).

Ракушки: отложил для вас образец *shell-mound*, небольшой и вполне заурядный, но надеюсь пополнить другими.

Съедобные водоросли: чаще всего они очень вкусны, но никакими сведениями о них я пока не располагаю. Ламинарии используют для бульонов, что же касается простых водорослей, то они представляет собой тонкий лист, зеленый с прочернью, напоминающий мне те водоросли, что распространены в Британии; названия их я не знаю. Ищу случая изучить их в еще не приготовленном виде.

Вот на что меня вывели ваши вопросы этим вечером, может быть, в следующем письме у меня будет больше ответов. Не сомневаюсь, что вскоре у вас появятся и новые поводы для вопрошания, может быть, мне посчастливится их разрешить, в свою очередь обсудив их с вами. В настоящий момент я пишу заметки, делаю зарисовки и фотоснимки, а также медленно осваиваю язык.

Мне удалось закончить здесь вторую статью для R.A.A.⁴², однако у меня здесь нет печатной машинки. Если найти ее мне не удастся, я вышлю вам рукопись – насколько возможно более читабельную – с просьбой отдать ее в машинопись в Париже. Третья статья не готова, я буду стараться закончить ее побыстрее. Прошу простить мне эту задержку: Токио не то место, где успеваешь писать, здесь у меня совсем нет больше времени.

42 «Revue des Arts Asiatiques» – «Журнал Азиатских искусств», секретарем редакции которого был Жан Бюо, а главным редактором – Жорж Саль. Речь идет о серии публикаций о «Современных источниках сравнительного искусствоведения северной Азии». Первая из статей называлась «Оленьи леса на гравюрах Лапландии» (LEROI-GOURNAN A. *Les bois de rennes gravés de Laponie* // *Revue des Arts Asiatiques*. 1937. Vol. 11. № 1. P. 25–35). Вторая, о которой здесь пишет Леруа-Гуран, – «Мотив пары коней в финской вышивке», – появится в третьем номере (ИДЕМ. *Le thème des deux chevaux dans la broderie finnoise* // *Revue des Arts Asiatiques*. 1937. Vol. 11. № 3. P. 150–166). Что касается третьей, «Геометрический узор в восточной финской вышивке», то она была опубликована в 1938 году (ИДЕМ. *Le décor géométrique de la broderie des Finnois orientaux* // *Revue des Arts Asiatiques*. 1938. Vol. 12. № 2–3. P. 96–112). – *Примеч. Ж.-Ф. Лебра.*

АНДРЕ ЛЕРУА-ГУРАН:
ИЗ «ЯПОНСКИХ ПИСЕМ»
К ЖАНУ БЮО

АНДРЕ ЛЕРУА-ГУРАН:
ИЗ «ЯПОНСКИХ ПИСЕМ»
К ЖАНУ БЮО

Люка⁴³ – он также в Нодзири – Вам в скором времени напишет и просит меня Вам напомнить о себе.

Жду Ваших писем, предвкушая удовольствие от чтения, помню Вас и заверяю, господин Бюо, в моей к Вам искренней привязанности.

Андре Леруа-Гуран

Это мой постоянный адрес:
Для передачи в: Франко-японский дом
Суругадай 2–3, Канда, Токио

Перевод с французского, предисловие и комментарии Яны Янпольской, преподавателя кафедры современных проблем философии РГГУ

43 Бернар Люка также был стипендиатом в Японии. Выпускник Школы Лувра, он специализировался на японском средневековом искусстве. – *Примеч. Ж.-Ф. Лебра.*

«В Японии вся западная мысль существует в качестве интеллектуальной моды»

Инухико Ёмота отвечает на вопросы Александра Беляева

Александр Беляев: Как ваши дела?
Инухико Ёмота: Написал текст под названием «Почему я испытываю ностальгию по отношению к СССР»¹. Прикладываю к письму.

А.Б.: Вышло второе издание «Теории каваяи»² на русском. Поздравляю вас.

И.Ё.: В смысле – переиздание? Если так, то я очень рад.

А.Б.: Перехожу к делу. [...] В настоящий момент я участвую в написании статьи о Жаке Деррида и философии постмодерна в Японии. Статья должна выйти в журнале «Вопросы философии»³. В этой связи хотелось бы узнать [...] восприятию Деррида [в Японии]. Был ли бум среди гуманитариев? О феномене Акиры Асады⁴ я в курсе. Но мода же меняется. Если сравнить влияние Деррида и влияние Фуко, какая картина рисуется с вашей точки зрения?

И.Ё.: «О грамматики» Деррида вышла по-японски где-то в 1971-м. В том же году вышел специальный номер журнала «Paideia», посвященный Фуко. Кроме того, в конце 1960-х выходят переводы таких сочинений Фуко, как «Археология знания» и «Рождение социальной медицины», книг по психиатрии. Но настоящий бум случился, когда Фуко во второй половине (или в конце) 1970-х приехал в Японию и выступил с лекцией «История сексуальности», после которой у него разгорелась

Инухико Ёмота (р. 1953) – поэт, переводчик, эссеист, кинокритик, специалист в области сравнительного литературоведения. Преподавал в университетах в Японии, Южной Корее, США, Италии.

Александр Беляев (р. 1982) – поэт, переводчик, японовед, каллиграф-ориенталист, преподаватель Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

- 1 Примерно этот же текст, с минимальной доработкой, опубликован в нашем переводе: ЁМОТА И. *И все же, почему Россия вызывает у нас ностальгию?* // Историческая экспертиза. 2022. № 1. С. 11–25 (www.istorex.org/post/ёмота-инухико-и-всё-же-почему-россия-вызывает-у-нас-ностальгию).
- 2 Он же. *Теория каваяи* / Перев. с яп. А.П. Беляев. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- 3 Беляев А.П., Ямпольская Я.Г. *Отправляясь почтой: японское обещание Жака Деррида* // Вопросы философии. 2020. № 2. С. 145–157 (<https://pq.iphras.ru/article/view/3867/4090>).
- 4 Акира Асада (浅田彰, р. 1957) – японский критик-литературовед, один из ведущих японских постмодернистов, испытавших на себе влияние Жака Деррида, Мишеля Фуко и прочих. Автор бестселлера «Структура и сила» (構造と力—記号論を超えて, 1983). Подробнее о нем см.: Беляев А.П. *Мартин Хайдеггер, «Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим» vs. Жак Деррида, «Письмо к японскому другу»: попытка понимания* // *История и культура традиционной Японии. Кн. 9* / Под общ. ред. И.С. Смирнова. СПб.: Гиперион, 2016. С. 353–365.

полемика с Такааки Ёсимото⁵. Фуко и Ёсимото планировали затеять переписку на тему буддизма, и Ёсимото, первым написав длинное письмо о дзэн-буддизме, отправил его Фуко. Однако, не успев ответить, Фуко скончался.

В Китае Фуко в основном ценят за его работу «Надзирать и наказывать», знают его в качестве автора этой вещи. В Японии же его воспринимают скорее как деятеля литературного, а не политического. Теми, кто представлял Фуко в Японии, были специалисты по французской литературе. Во многом это были профессора Токийского университета (Тодай), политические проблемы внутри страны их не особо волновали, поэтому речи об этом не шло. Фуко был представлен как ангел-хранитель (или бог-спаситель) авангардной литературы, литературный критик, любитель Борхеса и Флобера⁶. Так что китайское восприятие разительно отличается от японского.

Деррида тоже, благодаря переводам, представлен в Японии вне политического активизма. В начале 1990-х стало известно о его антисистемной деятельности, о том, что он занимал оппозиционную сторону. С Делёзом то же самое. В Японии долгое время игнорировали тот факт, что эти люди выступали за амнистию, за права геев и прочее. Либо же говорить-то говорили, но считалось, что борьба за свободу никакого отношения к Японии не имеет. Более того, многие из них (то есть из «принимавшей стороны») были большими «шишками» в государственных университетах, интеллектуальными авторитетами, которые не поддержали студенческие восстания в Тодай в 1968 году. В этом есть своя ирония, свой юмор.

Думаю, это было в конце 1990-х. Один студент Токийского университета, по фамилии Адзума⁷, написал диссертацию по «открыткам» Деррида, затем на основании этой диссертации составил книжку, которая тут же стала бестселлером. Теперь об этом уже наполовину забыли, но тогда он мгновенно стал популярен, спорил и полемизировал с Акирой Асадой и все такое прочее. Но я не особо в курсе дела. Кажется, в каком-то интервью он говорит, что натолкнулся на Деррида, читая о Солженицыне. Когда переводы Деррида на японский продавались тиражом не более двух тысяч экземпляров, исследование этого студента о Деррида продавались тиражом в несколько десятков тысяч экземпляров.

- 5 Такааки Ёсимото (1924–2012) – поэт, мыслитель, один из ведущих японских интеллектуалов, яркий представитель «новых левых». Два его стихотворения вошли в изданную «Новым литературным обозрением» антологию послевоенной японской поэзии: *Гэндайси: антология послевоенной японской поэзии (сто одно стихотворение пятидесяти пяти поэтов)* / Перев. с яп. А.П. Беляев, Е. Тутатчикова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 83–86.
- 6 С отсылки к Борхесу начинается текст Мишеля Фуко «Слова и вещи». Что касается Флобера, см. соответствующий текст о нем: Фуко М. *Фантастическая библиотека. Об «Искушении святого Антония» Гюстава Флобера* / Перев. с фр. Я. Янпольская. М.: V-A-C press, 2018.
- 7 Имеется в виду современный японский медиа-интеллектуал Хироки Адзума (東浩紀, р. 1971) и его книга «Бытийное, почтовое. О Жаке Деррида» (存在論的、郵便的 — ジャック・デリダについて, 1998).

Да, точно: что касается Деррида, один японский издатель-составитель попросил его написать три строчки комментария к фотографиям «ню» японской актрисы Синобу Отакэ⁸. Деррида понял задачу неправильно и написал об этих фотках эссе на восемь тысяч знаков в пересчете на японский с цитатами из Гераклита и Ницше. В Японии этот текст вышел в переводе Ясуо Кобаяси⁹ в журнале «Синтё». Не знаю, есть ли этот текст в Париже, в тамошних собраниях сочинений Деррида.

ИНУХИКО ЁМОТА –
АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

«В ЯПОНИИ ВСЯ ЗАПАДНАЯ
МЫСЛЬ СУЩЕСТВУЕТ
В КАЧЕСТВЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
МОДЫ»

А.Б.: Вы помните время, когда вышло на японском «Письмо японскому другу»?¹⁰ Среди японских философов были споры в этой связи? Почему деконструкция стала таким модным явлением в Японии и в самом ли деле это было так? А что сейчас? И каков в Японии образ Деррида?

И.Ё.: Письмо к Тосихико Идзуцу выходило подряд в трех выпусках журнала «Мысль» («Сисо», 思想) издательства «Иванами» в 1980-е. Это я хорошо помню. Я не философ по профессии, поэтому за резонанс этого текста ответить не могу. Мне кажется, иероглифы для переводного эквивалента (дацукотику, 脱構築) подобраны интересные. На китайском это слово выглядит так: 解構.

Деррида в Японии представляли франкофоны-литературоведы, а деконструкция прибыла в Японию через Америку. То есть филологи – исследователи американской литературы любили использовать деконструкцию в качестве критико-аналитического метода. По этой причине политическая актуальность понятия утрачивалась. В Японии вся западная и американская мысль существует вне политики, в качестве интеллектуальной моды – так она представлена, так употребляется. «Снобизм как (чистый) беспримесный формализм» – название этой статьи Кожева¹¹ описывает действительность сознания (мысли) в Японии. Глупость, вообще-то говоря.

- 8** Синобу Отакэ (大竹しのぶ, р. 1957). Вероятно, речь идет о фото, сделанных фотографом Кисин Синояма, и о статье: DERRIDA J. *Aletheia* // Oxford Literary Review. 2010. Vol. 32. № 2. P. 169–188.
- 9** Ясуо Кобаяси (小林康夫, р. 1950) – японский философ, ученик и последователь Жака Деррида. Упоминается у Бенуа Петерса (ПЕТЕРС Б. *Деррида* / Перев. с фр. Д. Кралечкин. М.: Дело, 2018). Ясуо Кобаяси – переводчик отдельных произведений Жака Деррида, Эммануэля Левинаса, Маргерит Дюрас, а также составитель полного собрания переводов на японский язык трудов Мишеля Фуко.
- 10** Текст Жака Деррида «Письмо японскому другу» представляет собой письмо к японскому профессору Тосихико Идзуцу (1914–1993) – лингвисту, культурологу, философу, полиглоту, специалисту по исламу и суфизму, автору первого перевода Корана на японский язык. Сюжет с этим письмом подробнее рассмотрен в работе: Беляев А. П., Янпольская Я. Г. *Указ. соч.*
- 11** Статьи с таким названием у Кожева нам найти не удалось, однако на тему отношения Кожева к снобизму в связи с Японией есть любопытные упоминания в: GROYS В. *The Photographer as the Sage* (www.bakonline.org/wp-content/uploads/2019/04/Alexandre-Kojeve-by-Boris-Groys.pdf); ИДЕМ. *Romantic Bureaucracy. Alexander Kojève's Post-Historical Wisdom* (www.radicalphilosophy.com/article/romantic-bureaucracy-2#fn31). В последней автор ссылается на: КОЖЕВЪ А. *Introduction to the Reading of Hegel: Lectures on the "Phenomenology of Spirit"*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1980.

А.Б.: Насколько важными были публикации на японском языке текстов французских философов (Фуко, Деррида и прочих) в журнале «Raideia»? Не кажется ли вам странным, что спор между Фуко и Деррида разгорелся именно на страницах японского издания?

И.Ё.: В этом журнале была опубликована критика Деррида текста «Безумие и неразумие», это и послужило причиной разрыва [их] отношений.

А.Б.: Что вы думаете о Тосихико Идзуцу?

И.Ё.: Он вызывает у меня страх и благоговейный трепет. Это редкий ученый. До войны на него сильно повлияли друзья татарского происхождения. Одна из его первых книг – «Русский человек. История современной русской литературы» (1953). Если у меня хватит времени, я хотел бы всерьез засесть за его исследования суфизма.

А.Б.: «Комаба-квартет»¹² – нельзя ли их считать «дерридеанцами»?

И.Ё.: Впервые от вас слышу такое словосочетание. Куда более великие люди из Тодая, включая Ёситаку Ямамото¹³, были уволены после событий 1968 года. Те, кто остался, – просто способные, талантливые люди. Не знаю, насколько они обладают творческой оригинальностью. Среди выпускников университета Киото – исследователей Деррида – есть радикалы, например, Сатоси Укай¹⁴.

А.Б.: Ясуо Кобаяси. Может быть, вы знакомы? Кобаяси-сэнсэй бытует в качестве ученика Деррида или его можно считать оригинальным мыслителем?

И.Ё.: Еще меньше понимаю. Он переводчик Лиотара...

12 «Комаба-квартет» – Ватару Хиромацу (廣松渉, 1933–1994), Мэгуми Сакабэ (坂部恵, 1936–2009), Сёдзо Омори (大森莊蔵, 1921–1997), Тадаси Иноуэ (井上忠, 1926–2014). Все они преподавали философию в Токійском университете (в новом кампусе Комаба). Хотя они и не представляли собой единой школы, тем не менее именно вокруг них сформировался образ *токийской* философии в Японии 1970-х. Ясуо Кобаяси написал о «Комаба-квартете» статью для оxfordского справочника по японской философии: КОВАЯСИ Y. *The Komaba Quartet: A Landscape of Japanese Philosophy in the 1970s // The Oxford Handbook of Japanese Philosophy*. Oxford: Oxford Academic Books, 2014. P. 649–662.

13 Ёситака Ямамото (山本義隆, р. 1941) – японский физик, историк естественных наук, автор классических учебных пособий по физике, педагог, в прошлом – участник и один из лидеров студенческого движения 1960-х, политический активист. За свою деятельность в этом качестве был посажен в тюрьму. После выхода на свободу, в 1979 году перевел труд Эрнста Кассирера «Понятие о субстанции и понятие о функции». Последовательный противник использования атомной энергии. После катастрофы на АЭС «Фукусима» написал книгу «Что касается ядерной аварии на Фукусиме. Несколько преподаваемых уроков» (福島の原発事故をめぐって. いくつか学び考えたこと, 2011).

14 Сатоси Укай (鵜飼哲, р. 1955) – японский философ, специалист в области французской мысли, в особенности изучал труды Жака Деррида, переводчик многих его работ и автор книг о нем. Кроме того, переведил Жана Жене, Жан-Люка Нанси. Активист движения «постновых левых». В 1996 году вместе с философом Такахаси Тэцую участвовал в кампании в поддержку показа фильма Клода Ланцмана «Шоа».

А.Б.: Теперь о том, что касается вас лично, Ёмота-сэнсэй. У вас есть чувство, что вы находитесь в русле постмодерна [принадлежите к нему]?

И.Ё.: В том смысле, в котором «модерн» надо понимать исторически, моя эпоха, пожалуй, вся сплошь постмодерн. Проблема Японии в том, что постмодерн здесь понимается как последний, новейший, свежий, модный модернизм, – это просто модное словечко интеллектуалов. Будучи слушателем-учеником семинара Эдварда Саида, я скептически отношусь к мысли Лиотара насчет исчезновения великих нарративов. В Сирии и Палестине над постмодернистскими идеями, пожалуй, будут смеяться.

А.Б.: Получил ли постмодерн в Японии какую-то свою «традицию», особенность? Стал чем-то сродни традиции? Появились ли в Японии какие-то новые философские школы, течения, направления?

И.Ё.: Я думаю, в 1942–1943 годы ученые круги Киото пели нараспев о «преодолении модерности», то есть взгляды, по сути, постмодернистские. Разумеется, это все было очень близко к национализму.

А.Б.: Как вам японский перевод «Империи знаков» Барта, сделанный Со Саконом?¹⁵

И.Ё.: Со Сакон знаменит собранием стихотворений «Пылающая мать»¹⁶. В результате американских авианалетов у него на глазах заживо сгорела его собственная мать – эта травма стала темой его поэзии. Перевод Барта – при взгляде на него теперь – содержит много ошибок, но все равно, мне кажется, это хорошая работа.

А.Б.: Барт стал знаменит в Японии благодаря этой вещи или благодаря другим работам? Какое место занимает Барт в Японии?

И.Ё.: На японский переведено все. У меня о нем такое впечатление: он не боялся показаться глупым в жизни, и это мне кажется признаком этичности.

А.Б.: Благодарю вас за ответы. Что вы думаете о том, если я переведу и со временем опубликую нашу беседу?

И.Ё.: As you like it.

Осень 2019 года

Перевод и комментарии Александра Беляева

15 Со Сакон (宗左近, 1919–2006) – японский поэт, переводчик «Империи знаков» Ролана Барта. Его стихотворение «Биография» вошло в антологию послевоенной японской поэзии: *Гэндайси...* С. 43–45.

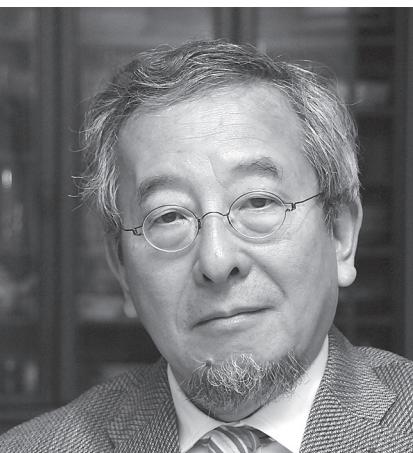
16 Третья поэтическая книга Со Сакона «Пылающая мать. Поэма» (長篇詩 炎える母) вышла в 1967 году.

Восемь пассажей о корона-пандемическом

Когда «само собой разумеющаяся» повседневность перестает быть таковой¹

1

Инухико Ёмота (р. 1953) – поэт, переводчик, эссеист, кинокритик, специалист в области сравнительного литературоведения. Преподавал в университетах в Японии, Южной Корее, США, Италии.

Гуляю с собакой по парку Инокасира. Сакура в самом разгаре. У берега пруда выстроилась шеренга катамаранов в форме лебедей. Но никто на них не катается. Идеально ровная гладь воды отражает гроздь цветущей сакуры. Впервые я вижу этот пруд настолько спокойным и тихим.

Скамейки перетянуты пластиковыми лентами крест-накрест, воззвание гласит: «Пользоваться запрещено». Садиться нельзя, значит. Дорожка вдоль пруда тоже перекрыта лентой: любоваться сакурой в массовом порядке невозможно. На инсталляцию или на предмет современного искусства не похоже. Но, если представить, – вот это был бы гротеск!

На задворках парка наблюдается некоторое оживление. Дети с родителями пинают мяч, женщины средних лет занимаются тайцзицюань². Под деревом сакуры примостилась на обед семейка, у каждого в руках коробочка-бэнто. Вид у них вполне довольный. Эта территория к парку уже не относится, так что запретных знаков тут никаких нет. Неподалеку струится речушка Кандагава. Слышится энергичный плеск, я подхожу ближе и всматриваюсь в воду: среди водорослей нерестятся карпы.

2

Планы строить абсолютно невозможно. Поездка во Вьентьян в конце марта сорвалась. Думал, может, хотя бы в конце мая получится с конференцией в Нанте, но уже в апреле стало ясно, что и тут все накрылось.

Текст доклада уже написан и отправлен принимающей стороне. В Париже, к сожалению, отходить от дома более, чем на пятьсот метров, запрещено, гулять с собакой или, допустим,

1 Текст опубликован 27 мая 2020 года на портале «Асахи»: www.asahi.com/and/article/20200527/12076421.

2 Тайцзицюань (太極拳) – традиционное китайское боевое искусство, разновидность ушу, насчитывает несколько школ (разновидностей, стилей – «семей»). В современном мире практикуется в основном пожилыми людьми на свежем воздухе (в парках) в качестве утренней гимнастики, преимущественно в Китае; в Японии – редкость.

в магазин еще можно, но прочие перемещения исключены, так что даже если прилететь и получится, то больше не получится ничего: настолько невообразимы приняты меры ограничений. Такой Париж мне не нужен, и это примиряет с тем, что Нант мне не светит.

Профессор из Индии, который должен был председательствовать на конференции, оказался разлучен со своей супругой, которая в кои-то веки выбралась в Дели навестить родственников и вот не смогла вернуться из-за сложившихся обстоятельств. Представляю себе, что пришлось пережить им обоим в разлуке.

Мейл от приятеля из Парижа. Канцлер Германии Меркель сохраняет спокойствие и хладнокровие, поддерживает атмосферу открытости, контактирует с гражданами. Зато Макрон обращается со своими подданными, будто с детьми, и не сообщает о реальном положении дел, пишет он.

В этом плане наш Абэ – то же самое. Министры в Японии – все сплошь дилетанты, они занимают свои места в кабинете по решению премьера, не более того. Такой ситуации, как на Тайване, где министрами становятся профи, находящиеся в авангарде, у нас нет. Результат налицо.

Тайвань многими странами вообще не считается за государство, не может присоединиться к ВОЗ, но при всем при том эта страна проводит самую умную политику, не в пример всем прочим, и в результате Тайваню удалось минимизировать ущерб от вируса. Огромная разница между Японией и Тайванем заключается в том, что на Тайване люди больше всего доверяют своему правительству.

3

Захожу в ближайшую булочную – вижу объявление: закрыто, выходной. Звоню в свою любимую кондитерскую – слышу в трубке грустный голос, который сообщает мне, что с сегодняшнего дня магазин прекращает работать. Разумеется, я решаю немедленно скупить все оставшиеся пирожные, напикиваю ими огромную коробку. Когда все это будет доедено, меня наверняка посетит мысль: когда еще мне удастся отведать что-то подобное... Должно быть, подобные мысли посещали японцев в годы войны.

Как-то я ездил с курсом лекций в университет Гаваны. На Кубе не говорят «куплю мяса» или «куплю рис». Говорят: «пойду поищу мяса», «удалось найти рис». В Японии логистика пока еще налажена, так что до такого не дошло. Но, что будет дальше, не известно.

ИНУХИКО ЁМОТА
ВОСЕМЬ ПАССАЖЕЙ
О КОРОНА-
ПАНДЕМИЧЕСКОМ...

Что бы ни случилось, необходимо сделать все от нас зависящее.

4

Один за другим закрываются кинотеатры. Спецпоказы для критиков и журналистов тоже перестают устраивать. Над маленькими кинотеатрами нависла смертельная угроза по причине того, что показы сделались невозможны. Даже если все эти спровоцированные вирусом неурядицы закончатся, сможем ли мы выкарабкаться, восстановиться и вернуться к прежнему образу жизни?

Один бар в Синдзюку, куда я частенько хаживал и даже дружил с барменом, закрылся и вряд ли вновь откроется. Появилась информация о том, что кто-то предложил собрать денег. Я тут же перевел сумму из ближайшего банка. Такое ощущение, что японская культура как таковая оказалась в кризисной ситуации. Тяжелый и неприятный осадок останется в памяти людей подобно тому, как следы разрушений после цунами остаются надолго, если не навсегда.

5

В этих событиях одно вызывало великую жалость,
Именно то, что когда себя кто-нибудь видел объятым
Страшной болезнью, то к смерти считал уж себя осужденным.
Изнемогая душевно, лежал он с тоскою на сердце,
И испускал он дыханье, увидев обряд погребальный.

Ни на мгновение не прекращала зараза болезни
От одного заболевшего передаваться другому,
Будто бы в стаде рогатых быков и овец шерстоносных.
Вот еще что прибавляло одно погребенье к другому.

Тот, кто из жадности к жизни чрезмерной и страха пред смертью
Сродников даже больных навещать избегал и боялся,
Позже немного казнился постыдною, скверною смертью,
Кинутой всеми, без немощи, при равнодушии общим.
Тот же, кто помощь готов был подать, погибал от заразы
И от работы, к которой его побуждала и совесть,
И умоляющий голос в смешении с жалобным стоном.

ЛУКРЕЦИЙ. *«О природе вещей»*³

3 Цит. по: Тит Лукреций Кар. *О природе вещей* / Перев. И. Рачинского. М.: ОГИЗ, 1933.

Пишу e-мейл своему другу, ученому-классику, находящемуся в Ухани. Приходит немедленный ответ: у нас все в порядке, не волнуйся. В Нью-Йорке один поэт, сочинитель хайку, имел обыкновение сидеть на крыше своего дома, а тут запретили, и это очень жаль, сообщает он мне.

Знакомый киновед из Падуи пишет, что дни его полны тишины и покоя. В Сеуле в возрасте 98 лет скончался очень близкий мне человек, с которым я дружил уже сорок лет с тех пор, как впервые поехал в Корею: он был старейшиной местной нефтехимической отрасли. Он был тем лидером, который советовал всем корейским президентам начиная с Ли Сын Мана⁴ превратить Корею в нефтяную державу. Это был человек, подобный огромному кряжистому дубу.

В нынешней ситуации, похоже, устроить пышные похороны оказалось невозможно. Я хотел бы проститься с этим человеком, как полагается, и мне очень жаль, что не вышло. Вот мейл от моего друга, танцовщика, из Сиани. У вас там, в Токио, небось, масок не хватает? У меня есть запас, могу выслать.

7

Нынче все превратились в хикикомори⁵. Над родоначальниками этого движения теперь уже не позубоскалишь. Интересно, что думают эти люди, по разным причинам в свое время отказавшиеся выходить из своих домов, о том, что отныне весь мир подверстал под их вкусы и взгляды?

У явления хикикомори (*incubation*) есть своя история и возникшие вследствие несколько аспектов-значений – от религиозного отшельничества до нынешних случаев социализированного добровольного домашнего самозаточения, поэтому судить об этом в обобщенном плане невозможно. Но, может быть, те, кто прежде не понимал и презирал этих людей, сами оказавшись в сартровской ситуации «При закрытых дверях», получили новую возможность проникнуться сочувствием к хикикомори?

Теперь немного о домашнем насилии и расизме. Отныне это уже не другие. Домашнее насилие вспыхивает повсюду, и расизм, который необходимо было сдерживать рациональными

⁴ Ли Сын Ман (1875–1965) – первый президент Республики Корея (Южная Корея).

⁵ Хикикомори (引きこもり) – социальный феномен, «болезнь японского общества», хотя официальная медицина болезнью этой явление не считает. Словом «хикикомори» называют молодых людей, которые отказываются от всякой социализации (не учатся, не работают), предпочитая добровольную домашнюю самоизоляцию и иждивение за счет родителей. Сидят дома, предпочитают играть в компьютерные игры или проводить время в интернете. Некоторые не покидают даже пределов своей комнаты.

способами, явно принял открытые формы. «Ну, и чем вы лучше нас? Вы точно такие же», – смеются неонацисты и прочие хейтеры.

Все те, кто не почитает за благо навязываемые властью «самоограничения», сталкиваются со всеобщим, единодушным осуждением, порицанием и становятся изгоями общества. Заразный ты или не заразный, но на тебе лежит твоя частная моральная ответственность за всех и перед всеми – так это транслируется медиа. По пространству интернета носятся слухи, крупным газетам не хватает полос для статей, и я терплю крах в попытке отыскать хоть сколь-нибудь убедительную, прочувствованную историю.

8

В мае у меня должны были выйти сразу две книги, но процесс затягивается все больше и больше. Ничего не попишешь. В конце концов, я не Михаил Булгаков, который отправился на тот свет, не дождавшись выхода своего *opus magnum*, приходится принимать ситуацию такой, какова она есть.

Наш великий Маркс пишет: «успокойся на том, чему обучился и что запомнил». Вольтер тоже заканчивает своего «Кандида» словами, что «надо возделывать свой сад». Как бы ни сложилась ситуация, надо тихо и спокойно, не покидая пределов своей территории, тщательно обустроить исключительно ту область, которую возможно обустроить.

Перевод с японского и комментарии Александра Беляева

Бундзин и интеллектуал

Штрихи к портретам: Аояма Санъю, Акаба Унтэй, Александр Пятигорский, Милан Кундера, Ролан Барт

АЛЕКСАНДР
БЕЛЯЕВ

Бундзин вообще и в частности

Японское слово *бундзин*, равно как и слово «интеллектуал», не имеют и, наверное, не могут иметь строгих определений, а *бундзин* к тому же еще и не имеет удачного, адекватного перевода на русский (более того, *бундзин* нередко переводится с японского на другие языки как «интеллектуал»), поэтому оно остается в тексте данной статьи калькой, причем калькой с японского, коль скоро речь идет среди прочего о японских сюжетах. Тем не менее слово это китайского происхождения. Если начать с самых общих черт – что-то вроде классического, канонического или прототипического понятия, – то в Китае и Японии словом 文人 (кит. *вэньжэнь*, яп. *бундзин*) принято обозначать просто грамотного человека – того, чья деятельность непосредственно связана с чтением и письмом (а значит, автоматически это знаток классических текстов и скорее всего незаурядный каллиграф). В более специфическом, узком, конкретизирующем употреблении за *бундзином* скрывается некоторый тип человека (личности, характера), который известен в первую очередь как художник и/или каллиграф, но при этом он еще и обязательно «ученый», то есть человек образованный, склонный к сочинительству (литератор, известный или неизвестный). Главное и основное удовольствие и наслаждение такого человека – проводить время за книгами, бумагой и кистью. Место – или кабинет для ученых занятий, или лоно природы. Одиночество предпочтительно, но компания таких же *бундзинов*-единомышленников всегда приветствуется. Собираясь небольшими компаниями, *бундзины* проводят время за коллективным сочинением стихов, изощряясь при этом в искусстве каллиграфии. Разумеется, процесс сопровождается распитием вина или саке и часто в русскоязычных переводах обозначается милым словосочетанием «дружеская пирушка». Можно сказать, что классический *бундзин* – «многостаночник»: он и рисует, и пишет, и музицирует, причем в идеале – на досуге, не для публики, а для своего удовольствия и для удовольствия круга таких же, как он, *бундзинов*. За *бундзином* кроется образ праздного поэта (хрестоматийные Ли Бо, Ду Фу, Тао Юаньмин), художника в самом ши-

Александр Беляев (р. 1982) – поэт, переводчик, японовед, каллиграф-ориенталист, преподаватель Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

роком смысле этого слова, любителя всевозможных изящных искусств, но только не профессионала. *Бундзин* – аристократ широкого профиля. На английский слово *бундзин* обычно переводится словосочетанием *man of letters*, на французский – *homme de lettres*.

Учитывая неофициальный характер вышеописанной ситуации, в который *бундзин* проявляется лучше и ярче всего, следам его досужих творческих проявлений зачастую присуща небрежность, несерьезность, шутовство и тому подобные свойства и качества, которые в совокупности часто обозначаются словом «эксцентричность». Поэтому, если говорить о тех *бундзинах*, кто вошел в историю в качестве каллиграфа, то примерами для Китая могут служить Су Ши, Ми Фу, Хуан Тинцзянь (жившие во времена династии Сун). Нельзя сказать, что эти каллиграфы занимают обочинное, окраинное, периферийное положение в истории каллиграфии. Однако они уж точно не являются классической «базой», чем-то основным и стартовым: в настоящее время по образцам их почерков, как правило, никто не начинает изучать искусство каллиграфии; их почерки – уже для продвинутых, для тех, кто уже ознакомился с базовыми принципами и теперь желает постигать всевозможные *нюансы*¹ (этот важный концепт нам еще пригодится), неправильности, отклонения и прочие своеобразия и «особицы». Так, от *бундзина* происходят так называемые «чудаки» и «эксцентрики» (самый известный пример – так называемые «Восемь чудаков из Янчжоу»). Теоретически это позволяет провести широкую типологическую параллель с паяцами, шутами, юродивыми и прочими изгоями и «блаженными похабами», но, как пишут в таких случаях, это «предмет для отдельного исследования».

Как определенный тип творческой натуры, *бундзин* в тех или иных проявлениях сохраняется до XX века. Одним из самых ярких и известных советскому человеку примеров этого типа творческой личности китайского образца нового времени (или же переходного периода к этому новому времени) можно назвать выдающегося мастера Ци Байши (1864–1967) – художника, каллиграфа, резчика печатей; его портрет запечатлен даже на советской марке, а несколько работ представлены в Эрмитаже. Если продолжить речь о японских *бундзинах*, то среди тех, кто известен (или по крайней мере хотя бы представлен) с советских времен, окажется Томиока Тэссай (富岡鉄斎, 1836–1924)².

К слову, человек с созвучным именем – Камэда Босай (亀田鵬齋, 1752–1826) – у нас пока еще особо не известен, но

1 См. публикацию перевода лекции Ролана Барта в этом номере «Неприкосновенного запаса».

2 Соколов-Ремизов С.Н. *Гармония мироздания. Японский художник Томиока Тэссай*. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

тут я хотел бы обратить внимание на созвучие в именах. Иероглиф «сай» (齋), которым оканчиваются псевдонимы обоих мастеров, означает «очищение» (в буддийском смысле, через обряды и послушание), а также может означать «кабинет для ученых занятий», важность которого была отмечена выше. Если речь идет о XX веке, то вопрос религиозности *бундзина* начинается так или иначе «подвешиваться». Однако склонность к уединенным кабинетным штудиям (что, разумеется, не исключает «дружеских пирушек») остается существенной доминантой в поведении такого человека. К кабинету *бундзина* и атрибутам, сопровождающим его практику, мы еще вернемся и приведем конкретные примеры.

В XX веке, особенно во второй его половине, воспроизводство человеческого типа под названием *бундзин* оказалось под вопросом, если не под угрозой. Праздный, досужий интеллеktуал, просто культурный человек, одиночка оказался на грани вымирания, столкнувшись с «машинами» и «аппаратами»: бюрократии, войны, тоталитаризма, массового уничтожения во времена «Культурной революции» в Китае. Но даже если не обращаться к примерам, угрожающим *бундзину* физически и психологически, он столкнулся с новым типом социализации, возникающей на рубеже XIX–XX веков, и встал (оказался поставлен) перед выбором: сделаться «новым человеком», то есть стать частью профессионального сообщества (истеблишмента), а со временем, возможно, и возглавить его часть (сообщество, институцию, выставочное движение, музей, университет, архив, библиотеку), то есть «строить карьеру», как все нормальные люди, либо же добровольно выбрать стезю изгоя, отщепенца и аутсайдера, сознательно предпочесть обочину, окраинное существование. Последнее особенно страшно и нежелательно для представителя современного японского общества, поэтому, что касается мира каллиграфии, то тут случаи не социализированного, никуда не вписавшегося японского каллиграфа хотя и попадаются иной раз, но все же они исключительно редки.

Возможно, я рискую впасть в грубость и неточность обобщения, но все же в сильной степени будет верным следующее заявление. Тип средневекового *бундзина* постепенно заменяется типом «интеллектуала» нового времени. Либо же новое явление теснит прежнее, и хотя и не устраняет его специально, но, скажем так, выносит на обочину – социальную (статус одиночки, прежде счастливый и желанный, ныне маркируется положением неудачника, аутсайдера и изгоя, приводит к отчаянию и самоубийству) и историческую, то есть временную. Разумеется, если *бундзин*-аутсайдер все же рискнет продолжить заниматься своим делом, то есть вероятность, что в будущем его работы привлекут к себе внимание просто в силу того,

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

БУНДЗИН И ИНТЕЛЛЕКТУАЛ.
ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ...

что в Японии сохраняется интерес к собственной истории, бережное и трепетное отношение к любым предметам культуры, а уж к письму особенно, но участие «в текущем процессе» ему заказано. В новое и новейшее время канонизация *бундзина* если и происходит, то вероятнее случается в отложенном режиме: чаще посмертно, чем прижизненно.

Праздный, досужий интеллектуал, просто культурный человек, одиночка оказался на грани вымирания, столкнувшись с «машинами» и «аппаратами»: бюрократии, войны, тоталитаризма, массового уничтожения во времена «Культурной революции» в Китае.

Еще одно размышление обобщенного, неизбежно огрубляющего характера. Легитимное, институциональное воспроизводство (в искусстве, литературе, в науке) рано или поздно, по большому счету, означает «выход в тираж», однообразие и вырождение. В условиях и без того зарегулированного общества оглядка друг на друга сковывает движение, стандартизирует мысль и почерк, убивает онтологически присущие *бундзину* порыв и дерзновение, стремление отличаться и «быть вне». На смену всему этому приходят категорические нормативы («так принято», «так заведено», «не выделяйся»), выражающиеся в вольной или невольной зависимости от сэнсэя, подчиненности сообществу, окружающим и тому подобное. Разумеется, ситуация не описывается упрощенной формулой типа «прежде человек был свободен, а теперь стал рабом». Привычное нам понятие свободы в традиционной китайской и японской культуре вообще отсутствовало, человек в них не принадлежал себе более-менее никогда и ни в чем³. Тем не менее если мы сравним работы каллиграфов, которые создавали новый облик японского письма в начале XX века, с работами их учеников, а затем уже «внучатых» учеников и так далее, то ясно и наглядно увидим этот самый «тираж», вырождение, инерцию, однообразие накатанных рельсов. Верность и преданность (сэнсэю, сообществу, стилистике), следование строгим правилам (школа, «база»), необходимая дисциплина и другие регулятивные вещи, с которыми нельзя не столкнуться, в подавляющем числе случаев оказываются губительны и непродуктивны в том, что касается воспроизводства *бундзина*.

Справедливости ради надо сказать, что аналогичные явления заметны во всех сферах культурной и интеллектуальной жизни

3 Мещеряков А. Н. *Стать японцем. Топография тела и его приключения*. М.: Наталис, 2014.

ни в том сегменте мира, который охвачен тем или иным типом «кафкианско-фукольдидианской» реальности – стандартом, истеблишментом, конъюнктурой: и в литературе (отчасти вследствие популярности курсов «творческого письма» (*creative writing*) и всевозможных поэтических кружков и клубов), и в университетах (вследствие «диктатуры публикаций», рейтингов, стандартов и прочей бюрократии, лишаящей ученого, мыслящего человека праздности, необходимой для того, чтобы что-то открыть, изобрести, просто-напросто понять, а для начала хотя бы заметить). Может показаться, что процесс, управляющий тем или иным истеблишментом, работает на успешное самовоспроизводство (и по некоторым показателям так оно и есть), но в отношении *бундзина* и нюанса этот процесс в действительности губителен и вредоносен.

Не так давно в Японии появился уничижительный термин «марудзэн гакуся», обозначающий ученого-«стахановца», исправно и обильно поставляющего интеллектуальный товар на книжные полки («Марудзэн» – крупнейшая японская книготорговая компания; «гакуся» – ученый). Ситуация с каллиграфией и каллиграфами – частный случай это масштабного явления, удобный и показательный в силу своей наглядности. К сожалению, наглядность эта предполагает предъявление огромного корпуса и архива визуальных источников и примеров, накопившегося за десятки лет, чего мы не можем себе позволить в рамках этой статьи.

«СИНИЙ ЧЕРТ» И «КРАСНЫЙ ЧЕРТ»: ИНТЕЛЛЕКТУАЛ И БУНДЗИН С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МИРА ЯПОНСКОЙ КАЛЛИГРАФИИ XX ВЕКА

Если визуальные примеры постепенного каллиграфического вырождения здесь предъявить невозможно (хотя, повторю, это весьма наглядный случай инерции, которая пропитывает отнюдь не только сферу японской каллиграфии), то можно попробовать привести примеры людей – двух известных японских каллиграфов XX века, – один из которых оценивается как *бундзин*, а другой характеризуется как интеллеktуал.

У японского критика в сфере каллиграфии (это отдельная профессия – писать о современной каллиграфии, быть хронистом-летописцем текущей ситуации в этой сфере искусства) Нисидзими Синъити (р. 1936) есть любопытное эссе с эксцентричным названием «Синий черт и Красный черт»⁴. Герои эссе – Аояма Санъу (1911–1993) и Акаба Унтэй (1912–1975). Аояма –

⁴ Нисидзима С. *Годзюнэн-но кайко. Ару сёдо хэнсюся-но кисэки*. Токио: Гэйдзёцу симбунса, 2012.

это «синий черт», потому что в его фамилию входит иероглиф «синий» («Аояма» – букв. «синяя гора»), Акаба – «красный черт» («Акаба» – букв. «красные крылья»). В своем тексте Нисидзима поднимает тему *бундзина* и интеллектуала, иллюстрируя ее реальными персонажами: Аояма – скорее современный интеллектуал, но устремленный к *бундзину*, а Акаба – «органический *бундзин*». И Аояма, и Акаба – классики японской каллиграфии XX века. Оба и формально, и реально – деятельные участники японского каллиграфического истеблишмента, оба в первых рядах выставлялись на послевоенных официальных выставках каллиграфии. При этом различие между этими «чертьями» коренное.

Согласно Нисидзиму, Аояма – «передовой», современный человек, изо всех сил стремящийся соответствовать времени, не отстать от него. Это касается и текущей общественно-политической повестки дня, и актуального чтения, и положения искусства каллиграфии. Большинство каллиграфов-профессионалов не читают книги, а если и читают, то только научную литературу по своему предмету. В этом смысле они похожи на узкоспециализированных ученых новейшего времени. В отличие от них, Аояма не замыкается в рамках своей профессии – он читатель широкого профиля, в круг его чтения входят Иноуэ Ясуси, Эдгар Сноу, Агнес Смедли, Колин Уилсон⁵. Все это наводит Аояму на мысли о том, как писать о каллиграфии и каллиграфах в современной манере. Что касается общественной жизни, то Нисидзима отмечает, что Аояма живо реагирует на студенческие забастовки в Токио, а протесты Анпо, смерть Митико Камбы⁶, самоубийство Мисимы производят на него огромное впечатление. Аояма вовсе не находится в пресловутой «башне из слоновой кости», как многие другие ученые и каллиграфы. Как и Мисима, Аояма начинает увлекаться учением Ван Янмина⁷, читает труды японских специалистов по

- 5** Иноуэ Ясуси (井上靖, 1907–1991) – японский писатель. В его романе «Дуньхуан» (в рус. перев. «Пещеры тысячи будд») среди прочего описываются археологические открытия в городе Дуньхуан (важное место для истории Великого шелкового пути), в том числе письменные памятники на деревянных дощечках, которые совершили настоящую революцию в мире каллиграфии XX века. Эдгар Сноу (1905–1972) – американский журналист, известный своими книгами о Китае; симпатизировал китайской компартии. Агнес Смедли (1892–1950) – американская журналистка, писательница, борец за права женщин и освобождение Индии; также много писала о Китае. Колин Уилсон (1931–2013) – британский писатель, фантаст, философ, литературовед. Аояма советует Нисидзиму прочесть его роман «Outsider» (1956), в котором на материале Камю, Сартра, Достоевского, Ван Гога и других исследуется феномен изгойства.
- 6** Протесты Анпо, или забастовки Анпо – серия массовых протестов в Токио в 1959-м, 1960-м и 1970 году. 15 июня 1960 года в разгар волнений полицией была убита студентка Токийского университета, активистка так называемых «студенческих повстанческих отрядов» (*дзэнгакурэн*) Митико Камба (1937–1960).
- 7** Ван Янмин (1472–1529) – китайский философ-неоконфуцианец, лидер «Школы Сердца». Согласно доктрине Ван Янмина, только через действие можно достичь какого-то знания и понимания. Действие и понимание – одно. После обретения знания или достижения понимания уже ничего не может последовать – в смысле действий. Всякое действие, осуществляемое уже после достижения понимания, по Ван Янмину, иллюзорно или ложно.

этому вопросу и в ходе чтения находит название для одной из своих будущих книг: «Дух и характер письменных знаков».

В том, что касается непосредственно его профессии, Аояму чрезвычайно сильно беспокоит, какой должна быть японская каллиграфия с позиций всего современного мирового искусства вообще. Он сам непосредственно прикладывает усилия, участвуя в создании этого современного облика японского выставочного письма. Но одновременно с озабоченностью современностью, зависимостью от нее Аояма постоянно устремлен взглядом в древнюю китайскую классику. Помогают ему в этом его учитель и коллега Нисикава Нэй/Ясуси (1902–1989), а также дружба и тесные связи с отдельными представителями китайской элиты как в самом Китае, так и в Тайване и Гонконге. В этих людях Аояма как раз и видит китайских *бундзинов* или по крайней мере тех, кто органически наследует в современном мире этому средневековому типу китайского классического ученого мужа. Все они знатоки и ценители (а то и практики) искусства, литературы, музыки. Китайские *бундзины* во время приездов Аоямы умудряются создать такую атмосферу, которая погружает его чуть ли не в IV век. Все это производит на Аояму огромное впечатление. Главное, что он ощущает – это тождественность образа жизни и того искусства, которое практикуется китайским человеком письма и культуры. Аояма явно испытывает комплекс неполноценности и старается во всем подражать этому образцу нового китайского *бундзина*. Среди черт и примет – точнее, предметов такого подражания – атрибуты китайского кабинета ученого: камни для резьбы печатей, сами печати, разнообразная утварь и приспособления для письма, всевозможные изделия и поделки из камня, дерева, керамики, металла. Это вещи как утилитарные (например пресс-папье, подставки для кистей), так и многочисленные безделушки, которые просто приятно держать в руках или располагать перед глазами на столе. Все это – антикварные предметы коллекционирования, дорогие вещи, в том числе полученные в дар от классиков прежних поколений, свидетельства культурности, статуса, династийности, преемственности, погруженности в классический мир китайской культуры. Процесс расположения вещей на столе чем-то напоминает конструирование композиции для китайского пейзажа. Посетитель такого кабинета – будь то друг, коллега, зашедший в гости, или тот, кто спустя годы пришел в музей и смотрит на точную реконструкцию такого кабинета со всей его атрибутикой – любит среди прочего тем, как вещи расположены на столе, как свитки и картины развешены по стенам. Аояма собирает свою коллекцию подобных вещей, окружает себя всем этим. С маниакальной педантичностью он проводит время, располагая

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

БУНДЗИН И ИНТЕЛЛЕКТУАЛ.
ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ...

все эти предметы у себя на столе, перекладывая их с места на место. Нисидзима признается, что в этойкой пристальной и сосредоточенной «шлифовке эстетического чувства» было на его взгляд даже что-то пугающее.

Легитимное, институциональное воспроизводство рано или поздно означает «выход в тираж», однообразие и вырождение. В условиях зарегулированного общества оглядка друг на друга сковывает движение, стандартизирует мысль и почерк, убивает онтологически присущие бундзину порыв и дерзновение, стремление отличаться и «быть вне».

Все вместе – и обращение к китайской классике/современности, и текущая современная повестка дня в Японии – привело к тому, что Аояма написал массу эссе и книг, посвященных самым разным аспектам китайского и японского письма и культуры письма в этих регионах вообще. Однако характер обращения к средневековым китайским сюжетам и выбор самих этих сюжетов у Аоямы зачастую продиктован тем, что его волнует в современной ситуации в Японии – на это недвусмысленно указывают явные исторические параллели, о которых упоминает Нисидзима. К слову, тот же Нисикава Нэй подобный подход к описанию средневековой китайской каллиграфии, ангажированный японской современностью, не одобряет, поэтому часть текстов Аоямы выходит с опозданием и в переработанном виде. Как бы то ни было, «на своем поле» Аояма выступает как критик-интеллектуал, наблюдающий за феноменом со стороны, периодически оказываясь «на соседнем поле», на правах визитера включаясь во все происходящее. Вывод, к которому приходит Нисидзима, таков: Аояма – безусловный знаток, эстет, человек разносторонний, одержимый современностью, всем происходящим в мире, то есть скорее каллиграф-эстет-интеллектуал, одна из ведущих движущих сил в японском каллиграфическом истеблишменте. *Бундзин* – только чаемый идеал для Аоямы; это нечто, к чему можно бесконечно приближаться, но невозможно совпасть с ним, поскольку *бундзином* нельзя стать, им можно только родиться. *Бундзин* – категория, если угодно, генетическая, онтологическая. И примером такого человека для Нисидзими оказывается второй «черт» – Акаба Унтэй.

Акаба Унтэй – по Нисидзиме – знаток, любитель и ценитель японской современной живописи. Если знакомство Нисидзими с Аоямой начинается с книги Иноуэ Ясуси «Дуньхуан», то

знакомство с Акабой – с картины японского художника Кисиды Рюсэя (которая висела дома у Акабы). Кроме Кисиды, упоминаются такие японские художники, как Умэхара Рюдзабуро и Комуро Суйин⁸. Уже по этому видно, что Акаба скорее укоренен в японском (хотя уже и модернизированном) и классическом китайском, тогда как Аояма – человек более космополитических пристрастий и взглядов. У всех этих японских художников, и по мнению автора, и по мнению все того же Нисикавы Нэя, есть много общего с каллиграфией Акабы, и это общее описывается как «дух бундзинизма» (точнее, «нового бундзинизма»). В чем же он заключается? В тихом, спокойном, не революционном, но скорее эволюционном продолжении традиции классического *бундзина* в ситуации нового времени. Как будто бы ничего не произошло: видна классическая выучка и школа, – но еще сильнее (хотя это уже разговор о пропорциях, а их невозможно высчитать) чувствуется и ощущается «свое дыхание», свободное, авторское обращение с каноном классического (китайского) наследия. Неслучайно все, что написано про Акабу (и не только Нисидзимой), наполнено музыкальными сравнениями и аллюзиями. Сам Акаба в одном из своих эссе рассуждает о тенденциях в истории китайской каллиграфии и в качестве сравнения приводит аналогичное, с его точки зрения, явление из истории западной классической музыки. Цитата приведена в финале текста Нисидзимы:

«Сунские каллиграфы разрушили все те законы и принципы, которые были заложены до них – от Вана Сичжи до мастеров династии Тан. Нечто подобное сотворил Бетховен с той музыкальной выразительностью, которая досталась ему в наследство от Баха, Моцарта и Гайдна. Бетховен с невероятной силой наполнил своим дыханием господствовавшую до сих пор музыкальную форму»⁹.

Эту параллель с музыкой продолжает Нисидзима:

«Если оставить в стороне моцартианского Ми Фу, то Бетховена можно обнаружить в каллиграфии японских *бокусэки*. Разве преклонение Акабы перед Хакуином Экаку¹⁰ не является тому подтверждением?»

Таким образом, не только сам Акаба оказывается своего рода «Бетховеном», но и Бетховен выступает как некоторая далекая

8 Кисиды Рюсэй (岸田劉生, 1891–1929) – японский художник, много писавший маслом в западной реалистичной манере, известен также своими «японскими картинами» (*нихонга*). Умэхара Рюдзабуро (梅原龍三郎, 1888–1986) – японский художник, в чьей манере прочитывается влияние Огюста Ренуара и Жоржа Руо. Комуро Суйин (小室翠雲, 1874–1945) – японский художник, мастер жанровой живописи (пейзажи, цветы и птицы), писал в стилистике «южных школ» (*нанга*).

9 Нисидзима С. *Указ. соч.* С. 69.

10 Хакуин Экаку (白隱慧鶴, 1686–1769) – дзэнский наставник, художник, каллиграф. Бокусэки (墨蹟, букв. «следы туши») – термин для обозначения каллиграфии, написанной дзэнскими мастерами.

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

БУНДЗИН И ИНТЕЛЛЕКТУАЛ.
ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ...

аналогия, параллель и иллюстрация того, что японцами нового времени понимается как *бундзин*.

Подобный подход и подобная оптика – сравнение истории китайской каллиграфии с историей западной музыки – явно связаны с тем жестом, который практикуется специалистами в области литературной компаративистики. Это направление гуманитарных исследований стало очень популярным и даже модным в послевоенной Японии. Проводя историческую параллель между китайскими каллиграфами и западными классическими композиторами, Акаба в данном случае оказывается скорее интеллектуалом. Но для Нисидзимы не это важно. Повторим: с точки зрения Нисидзимы, Акаба – *бундзин par excellence*, совершенно органическое явление, можно сказать, эталонное. Ни слова насчет озабоченности современностью (в том числе современностью японского письма), ни слова о современности вообще: *бундзин* – то ли мудрец, перманентно пребывающий в вечности, то ли ученый, умудренный историческим опытом и никогда не отключающий исторического измерения. При этом если Аояма разбрасывается и разрывается, то Акаба, наоборот, умеет себя ограничить – и в плане того, что он практикует в каллиграфии, и в плане своих вкусовых предпочтений. Ничего, кроме сосредоточенности на некотором избранном сегменте классического наследия каллиграфии (Ван Сичжи, Ван Сянчжи), и внимательный интерес к современной, уже достаточно вестернизированной японской живописи. Каллиграфия Акабы описывается современниками как нечто уже заведомо музейное (это положительная характеристика), в смысле – классическое: такое не проиграет, будучи экспонированным в одном зале с признанными классическими шедеврами.

Важен словесный, лексический состав каллиграфических текстов работ Акабы. Приведем пару примеров. Одна из хрестоматийных его работ содержит всего два иероглифа: «Величавая строгость». Другая представляет собой пару фраз, которую можно примерно перевести так: «Ведя беседы о непостижимом, прозреваешь истинный смысл речений. Созерцая таинственное, разгребаешь завалы мыслительного сора». В этом тоже явно проявляется ориентация на классику. В случае Аоямы трудно сказать, есть ли какой-то «месседж» в его работах с точки зрения текстов, фраз, лексики. Если он и есть, то скорее в характере самой изобразительности, в визуальной стороне дела, а не в текстовой. Акаба же в каком-то смысле остается на стороне текста и его значимости, даже значительности.

Бундзин: ОКСФОРДСКИЙ ВАРИАНТ

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

БУНДЗИН И ИНТЕЛЛЕКТУАЛ.
ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ...

Если теперь попробовать перейти от японских каллиграфов, о которых пишет Нисидзима, и задаться вопросом, существуют ли аналоги и параллели для *бундзинов* на Западе, то подобные примеры мы обнаружим в книге американского японоведа Алекса Керра «Потерянная Япония»¹¹.

Свою встречу с типом бундзина на Западе автор описывает в главе 13 («Интеллектуалы»). Точкой отсчета для Керра выступает Итикава Бэйан (1779–1858) – японский каллиграф (и *бундзин*, и интеллектуал, тут эти понятия немного смешиваются, не в последнюю очередь по причине того, что слово бундзин, как уже было отмечено вначале, часто переводят как «интеллектуал», что вносит дополнительную, но неизбежную путаницу):

«В каллиграфических свитках периода Эдо содержались взгляды, идущие вразрез с жесткими правилами Путей, с которыми я сталкивался. Один из таких свитков принадлежал конфуцианцу Итикава Бэйан. Он гласил: “Любитель вина не стыдится ничего ни под небесами, ни под землей”. Мне не показалось, что такое мог написать серьезный конфуцианец. Бэйан и его окружение были японскими интеллектуалами. Они восходили к далекому роду китайских интеллектуалов, которые называются “бундзин” на японском, что дословно переводится как “человек литературы”. Вскоре я начал замечать их присутствие повсюду»¹².

Кто же явил собой пример *бундзина* на Западе для Керра? Джон Спэрроу, глава Колледжа Всех Святых в Оксфорде¹³. Таким, как Спэрроу, нет нужды «проводить исследования или преподавать: все, что им нужно, – это думать»¹⁴.

«[Джон Спэрроу] был страстным коллекционером книг, выдающимся писателем, открывающим культурные тайны, и другом многих великих британских писателей и художников. За свою долгую жизнь он развил бесподобное остроумие, настолько тонкое, что оно казалось почти прозрачным: одним словом он мог заставить улыбнуться, хотя позднее было почти нереально вспомнить, что именно он сказал. [...] После полудня я приходил в его кабинет, где мы пили чай, рассматривали и обсуждали старые письма, полученные им от Эдит Ситуэлл и Вирджинии Вульф.

Спэрроу и его друзья были эрудитами и гордились этим. Тем не менее, несмотря на их ум, их отличительной особенностью была тактичность. Сложные научные объяснения были запрещены. Когда их просили что-либо объяснить, они прибегали к жестам

11 КЕРР А. *Потерянная Япония. Как исчезает культура великой страны*. М.: Эксмо, 2019.

12 Там же. С. 246.

13 Джон Спэрроу (1906–1992) – британский академик, барристер, коллекционер книг, глава Колледжа Всех Святых в Оксфорде (1952–1977), автор книг об искусстве, поэзии, морали, законах.

14 КЕРР А. *Указ. соч.* С. 247.

или фразам, лаконичным, как хайку. Однажды леди Пенелопа Бетчечман, жена известного поэта, сэра Джона Бетчечмана, присоединилась к нашему ужину. Она описывала свое путешествие в Непал, когда кто-то спросил, что она имела в виду под «тибетской прострацией». Пенелопа, женщина шестидесяти лет с чувством собственного достоинства, встала из-за стола и кинулась на пол, чтобы продемонстрировать это явление. Еще одной подругой Спэрроу была Энн Флеминг – вдова создателя “Агента 007” Яна Флеминга. Она просыпалась около часу после полудня и спускалась в розовой ночной сорочке, чтобы пройтись с нами по лужайке, окруженной розами. Размахивая своим мундштуком из слоновой кости, она рассказывала истории о своем друге, Ивлине Во, у которого были проблемы со слухом, и он носил слуховую трубку. Однажды на званом ужине, посреди диалога с Энн, Ивлин начал притворяться, что не слышит ее. Энн потянулась к нему, вставила свой мундштук в его слуховую трубку и громко им постучала. Это привлекло его внимание»¹⁵.

Анекдоты, шутки, иносказания, детская непосредственность, аристократизм, интеллектуализм, элитарность, праздность, прогулки, богемный образ жизни – из всего этого складывается образ, портрет *бундзина*. Не реальные люди, а какие-то персонажи романа, какой мог бы написать Джулиан Барнс или Брюс Чатвин (вспомним Аояму, так озабоченного тождественностью искусства каллиграфа и его образа жизни!). Тут же непреременные вещи, вещицы, атрибуты, работающие на детализацию персонажа и его «природной среды обитания» (письма, мундштук, ночная сорочка). Набор слегка отличается, но в чем-то есть явное сходство. И Аояма, и Акаба тоже были шутники, каждый по-своему, но их поведение уже едва ли напоминало персонажей с мухобойками из дзэнских коанов или даосских легенд, столь милых мифологизирующему западному сердцу и уму (Алекса Керра в том числе). В отличие от друзей Спэрроу, оба японских «черта» теоретизировали абсолютно всерьез и в теоретизированиях своих стремились наследовать западному интеллектуализму.

Прежде, чем перейти к другим типажам тех, кого Керр именует «интеллектуалами», он дает финальную характеристику «Спэрроу & Со»:

«Это были люди, чьи жизни были посвящены искусству и образованию, но которые могли посмеяться или поставить что-то под сомнение. Они были свободными людьми»¹⁶.

15 Там же. С. 247–248.

16 Там же. С. 248.

ПЯТИГОРСКИЙ И КУНДЕРА КАК БУНДЗИНЫ: ФИЛОСОФ СБЕЖАЛ, ПИСАТЕЛЬ ПОШУТИЛ

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

БУНДЗИН И ИНТЕЛЛЕКТУАЛ.
ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ...

Посмеяться, поставить под сомнение... Если предположить, что интеллектуал, который ко всему прочему еще и *бундзин*, – это тот, кто непременно обладает (наделен) тонким чувством юмора, ценит шутку и вообще комическое, то тогда, пожалуй, к типу *бундзина* можно смело причислить таких разных авторов, как философ Александр Пятигорский (1929–2009) и писатель Милан Кундера (1929–2023). Этим людей роднит не только общий год рождения.

Действительно, если взглянуть на них в контексте вышесказанного, то все необходимые признаки налицо. Пятигорский хохмит и иронизирует чуть ли не постоянно, иной раз даже его научные статьи производят двоякий эффект: порой кажется, что он издевается или занимается намеренной гиперсимуляцией, перегружая свою тамилистику или буддологию зубодробительным структуралистским аппаратом в духе тартуской школы (что не мешает при этом его текстам быть невероятно живыми). Такая как бы и наука, и игра в науку, а значит, конечно же, определенный комизм. Я уже не говорю об известных видео-лекциях Пятигорского и посвященных ему фильмах, где его ирония и остроумие представлены во всей красе¹⁷.

Для Милана Кундера тема комического, тема шутки – сквозная и одна из ключевых и в романах, и в эссе. Явное предпочтение того типа, который скорее ближе к *бундзину*, а также ирония в отношении к так называемым «публичным интеллектуалам», столь популярным во Франции второй половины XX века, можно обнаружить, например, в его романе «Неспешность» (1995). Все симпатии автора явно на стороне интеллектуалов-балагуров Венсана и Понтевена из «Гасконского кафе», вовсе не стремящихся обнародовать и публиковать свои «открытия», тогда как медийные «плясуны» Берк и Дюберк – то ли политики, то ли «телевизионные мудрецы» – объекты насмешек.

Как представляется, еще одна традиция роднит Пятигорского и Кундери (и, разумеется, добавляет к ним огромную массу «людей письма» – от Пушкина и Лермонтова до Бродского и Лотмана): это страсть к любительскому рисунку «на полях». Кундера рисовал, Пятигорский рисовал; подобные комические шаржи, по-моему, сильный аргумент в пользу *бундзинизма*. Отчасти в шутку можно сформулировать такую максиму: если интеллектуалу не интересны такие вот досужие рисунки, то до бундзина он не дотягивает.

¹⁷ См. фильм «Философ сбежал» («Philosopher Escaped», 2005) Арниса Ритупса и Улдиса Тиронса.

Наконец, вспомним, что *бундзин* – не узко специализированный профессионал: он практикует разные формы, скажем так, интеллектуально-художественных практик (в дальневосточной ситуации – поэзия, каллиграфия, живопись, литература, музицирование). Пятигорский – востоковед (тамильский язык, индийский и тибетский буддизм), писатель, переводчик, но прежде всего философ. Кундера – романист, эссеист, любитель и знаток искусства (в его прозе то и дело встречаются рассуждения о Пикассо, в «Шутке» упоминается Роден, а «Бессмертие» так и кишит художниками и прочими исторически знаменитыми фигурами, равно как и все поздние его романы); обученный в детстве музыкальной грамоте, писатель свободно ориентировался в истории западной музыки, а в своих романах никогда не упускал случая признаться в любви композитору Леошу Яначеку.

Мера, пропорция, тонкое чувство соотношения серьезного и шуточного, тон, осознание уместности – вот то, что не дает скатиться в паясничество (хотя мы помним, что юродивые как бы обозначают границу дозволенной эксцентричности). Тут в который раз уже важным критерием оказывается пресловутый *нюанс*.

РОЛАН БАРТ: НЮАНСИРОВКА БУНДЗИНА

Ролана Барта – судя по тому образу, который складывается из его книг и биографий, – никак не назовешь ни шутником, ни балагуром. Его обычно принято числить среди интеллектуалов (хотя сам он ненавидел эту роль и себя таковым не считал), но, на мой взгляд, в нем скорее можно усмотреть те черты бундзина, о которых шла речь в самом начале. Оговорюсь: это только предположение, которое еще предстоит проверить.

Разумеется, не одна только сквозная, тонкая, но настойчивая апелляция к хайку позволяет применять к Барту (как бы просто в режиме ассоциации) японское понятие *бундзина*. Мало ли кому нравятся хайку, это еще ничего не значит (хотя о чем-то, безусловно, говорит). Скорее для меня важна его *частная* позиция, с какого-то момента профессионально социализированная, но этим своим статусом так или иначе тяготящаяся¹⁸.

Книга-роман-автопортрет «Ролан Барт о Ролане Барте» представляет нам автора как человека тонкого, мыслящего и чувствующего, чуждого официозу, обращающего внимание (по-детски?) практически на все подряд, играющего в роман, смешивающе-

18 БАРТ Р. *Ролан Барт о Ролане Барте*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. Конкретно, имеются в виду фото на с. 31 и комментарии к ним (хотя, конечно, никто не мешает истолковать эти комментарии как чистой воды кокетство).

го «привычные и понятные», «конвенциональные» жанры и дискурсы (научная статья, эссе, дневник). Но главный признак родства – совершенно ясно и в открытую высказанное кредо: письмо – это удовольствие, я пишу, пока сам испытываю удовольствие от этого. Тот же самый принцип приводит в движение, определяет *бундзин*. Поздний Барт (после «Империи знаков») продолжает экспериментировать с «экритюрностью», письменно-рукописным (куда относится также и рисуночное, графическое, асемическое), обозначая своей практикой и сопутствующими ей теоретизированиями (например текст о Сае Твомбли) некий предел. Здесь необходимо заметить, что похожей практикой исследования границ и фронтиров письменного / графического / текстового / изобразительного занималась та самая генерация японских каллиграфов XX века, к числу которых принадлежат Аояма Санъю и Акаба Унтэй.

Неприятнь Барта к «диссертации», к доксе, к «нормальному академическому ученому» (*homo academicus*, пользуясь выражением Бурдьё) известна. Вместо этого – легкость и небрежность, фантазм и желание, что-то незначительное и необязательное (то же у Кундеры: «торжество незначительности»), сказанное и записанное как бы впроброс, между делом. Таковы последние (экспериментальные?) курсы Барта, так они выстроены по принципу симпатии и живого интереса ко всему чему угодно, что прямо сейчас попало в поле рассмотрения. Неформальная, не иссушенно-академическая, а скорее музыкально-начертательная организации черт, фраз и фрагментов, сочетающая теоретические построения и цитаты (зачастую неточные) с зарисовками из каких-то случайно подсмотренных уличных сценок и с вкраплениями дискурса улицы – вот из этой мешанины и складывается роман с письмом как нечто нейтральное, не отягощенное никаким навязанным обязательством, кроме желания и удовольствия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Аояма задается вопросом о ситуации каллиграфа в XX веке. Быть в «центре цикла», следить за всеми событиями, влиять на ситуацию – таков его выбор. Акаба в этом смысле остается как бы вне повестки дня (что не мешает ему, кстати, написать иероглифы для выставки искусства, приуроченной к Мюнхенской олимпиаде 1972 года). Он не гонится за веяниями времени, предпочитая оставаться классиком с небольшим уклоном в модернизм. Аояма следит за актуальной литературой (в том числе западной), водит дружбу с китайской элитой. Акаба предпочитает японских художников и выглядит скорее человеком,

сосредоточенным на своем искусстве, которое становится классикой в момент создания, ему не требуется бросать вызов современности. Акаба рассуждает о музыке, Аояма проецирует историю китайской каллиграфии на события современной ему Японии. Оба создают не только самую каллиграфию, но и эссе, статьи о каллиграфии. Оба – но каждый по-своему – страстные коллекционеры предметов антуража классического китайского кабинетного ученого, но в своих исследованиях оба волея-неволей примеряют на себя одежды западного интеллектуала – этого совершенно нового для Японии, совсем недавно возникшего явления.

Бундзин – то ли мудрец, перманентно пребывающий в вечности, то ли ученый, умудренный историческим опытом и никогда не отключающий исторического измерения.

В свою очередь отдельные западные интеллектуалы (академики, писатели, философы) приближаются к типу *бундзина*, сами того не ведая, в силу разных причин. Разные характеристики срабатывают при этом в каждом отдельном случае. Кого-то отличают специфические вещицы и праздный образ жизни, шутовская неформальность и непринужденность, разносторонняя эрудиция. Кундеру, Пятигорского и Барта, столь не похожих друг на друга и встретившихся здесь подобно тому, как встречаются герои и персонажи на страницах произведений самих этих авторов, объединяет стремление избегать официоза, разносторонность интересов и познаний, как бы несерьезный и игровой подход к делу, позволяющий обращаться к разным жанрам и разным материям, смешивать их. Им было свойственно отсутствие страха показаться глупцом, прослыть дилетантом, а также ощущение свободы, выражающееся в праве позволить себе небрежность, неряшливость, неточность, ошибку. Наконец, все эти люди и им подобные стремились руководствоваться не соображениями прагматики (карьеры, конъюнктуры, ангажированности), но вкусом, желанием, принципом удовольствия от процесса. Сочетание праздности и увлеченности, деятельности и бездействия, тонкая нюансировка баланса между делом жизни и самой жизнью.

ТАТЬЯНА
ВОРОЖЕЙКИНА

Чилийская демократия и «тьень Пиночета»

2023-й знаменует важнейшую дату в истории Чили – полувековую годовщину военного переворота 11 сентября 1973 года. В этот день нарушившие присягу военные вывели на улицы Сантьяго танки и бронетранспортеры, а президентский дворец «Ла Монеда» был окружен и разрушен в результате обстрелов и бомбардировок с воздуха. Чилийский президент Сальвадор Альенде, избранный в сентябре 1970 года лидером левой коалиции «Народное единство», после неравного боя во главе горстки ближайших соратников и друзей застрелился из автомата Калашникова, подаренного ему Фиделем Кастро.

Насилие, которое развязали вооруженные силы в то утро и в последующие дни и месяцы, превзошло все самые мрачные опасения как сторонников, так и многих

**ПРЕВРАТНОСТИ
МЕТОДА**

противников¹ правительства «Народного единства». Арестам, пыткам, прочим преследованиям подверглись руководители и активисты партий, профсоюзов, крестьянских и студенческих организаций, соседских ассоциаций – все те, кого подозревали в близости к свергнутому правительству или в участии в забастовках и акциях в защиту прав трудящихся. Тысячи членов левых партий были схвачены или вынуждены искать убежища в иностранных посольствах. Непосредственной целью развязанного насилия было посеять страх и ужас, парализовать любые попытки сопротивления перевороту со стороны левых сил, нанеся им превентивный удар, физически изолировав и ликвидировав их активистов. Однако никаких попыток сопротивления не последовало даже со стороны тех организаций, которые не верили в провозглашенный Альенде мирный конституционный путь к социализму и считали, что начавшийся процесс социальной трансформации неизбежно приведет к вооруженному столкновению – речь идет прежде всего о леворадикальном Движении революционных левых (Movimiento de Izquierda Revolucionaria) и Социалистической партии (Partido Socialista), собственной партии президента, представлявшей левый фланг коалиции «Народного единства»². (Помимо Социалистической партии, в правящую коалицию входили Коммунистическая партия Чили (Partido Comunista de Chile),

Движение единого народного действия (Movimiento de Acción Popular Unitario), Независимое народное действие (Acción Popular Independiente) и Социал-демократическая партия (Partido Social Demócrata).)

Чрезмерность насилия, проявленная военными в ходе переворота и в первые годы после него, отражала и более масштабные процессы: глущину, которой достигла общественная поляризация, и силу взаимного страха, разделявшего столкнувшиеся силы. Кроме того, уровень насилия выявил масштаб авторитарного запроса со стороны тех групп чилийского общества, которые воспринимали правительство «Народного единства» как кульминацию системной угрозы, ощущавшуюся ими еще со времен аграрной реформы, реализованной христианско-демократическим правительством Эдуардо Фрея во второй половине 1960-х. Смесь ужаса и беспощадной ярости порождало правительство «Народного единства» в кругах традиционной олигархии, представлявших ее партий, высшего командования вооруженных сил. Вместе с тем было очевидно и стремление использовать кризисную ситуацию для осуществления исторического поворота – для «переоснования» (*refundación*) Чили на основе ультралиберальной капиталистической модели, покончившей бы с тем путем развития, который правые политики новой формации, предпри-

1 Тогдашний лидер Христианско-демократической партии (Partido Demócrata Cristiano) Патрисио Эйльвин поддержал переворот: 26 августа 1973 года он заявил в интервью «The Washington Post»: «Между марксистской диктатурой и диктатурой наших военных я выбрал бы вторую». Однако, столкнувшись с жуткими реалиями военного режима, он изменил свою позицию, став впоследствии одним из создателей антидиктаторской коалиции «Concertación» («Соглашение»), победившей Пиночета на референдуме 1988 года, и первым после возвращения к демократии президентом Чили (1990–1994). В 1994-м, выступая в Сорбонне, Эйльвин назвал тяжелейшие и массовые нарушения прав человека в период диктатуры «наихудшей трагедией в истории Чили». См.: *Las frases históricas de Patricio Aylwin sobre Augusto Pinochet y Salvador Allende* // La Tercera. 2016. 19 de abril (www.latercera.com/noticia/las-frases-historicas-de-patricio-aylwin-sobre-augusto-pinochet-y-salvador-allende/).

2 См.: TIRONI E. *Salvador Allende, 50 años de inmortalidad* // El País. 2023. 27 de agosto (<https://elpais.com/ideas/2023-08-27/salvador-allende-50-anos-de-inmortalidad.html>).

матерские круги, пользовавшиеся поддержкой американской администрации Ричарда Никсона, часть высших средних слоев считали тридцатилетним периодом упадка³. В ходе внутренней борьбы именно эти силы одержали победу и определили экономический, социальный и политический курс диктатуры, которая за семнадцать лет, с 1973-го по 1990 год, радикальным образом изменила страну и оставила глубочайшие следы в обществе, культуре и национальной памяти.

Что это было? Для одних – национальная трагедия, приведшая к горю и лишениям, изгнанию и смерти тысяч людей. Более 200 тысяч чилийцев вынуждены были эмигрировать из страны, где тогда проживали 11–12 миллионов человек⁴. Согласно Комиссии по политическим заключенным и пыткам («комиссии Валеча», которая была названа по имени возглавлявшего ее викарного епископа (*obispo auxiliar*) Сантьяго), работавшей в 2003–2011 годах, жертвами диктатуры признаются 40 018 человек; из этого числа 3065 были убиты или исчезли⁵. По самым последним и уточненным данным, эти цифры еще выше: среди убитых или исчезнувших по меньшей мере 3200 человек, в том числе – 1469 пропавших после задержания. В последние два десятилетия удалось идентифицировать останки лишь 307 исчезнувших, найденные в тайных захоронениях, – и эти истории поистине кошмарны⁶. Так, в 2001 году удалось обнаружить

одно такое захоронение в горах к западу от Сантьяго. В течение девяноста дней семьи тех, кто исчез почти тридцать лет назад, дежурили на раскопках, в ходе которых из земли извлекались фрагменты костей, зубы, куски одежды. На генетическую экспертизу и идентификацию найденных фрагментов ушли двенадцать лет. И только в июне 2023 года Верховный суд Чили утвердил окончательный приговор 37 виновным в похищениях, пытках и убийствах тех, чьи тела эксгумировали в 2001-м: преступники получили до двадцати лет тюрьмы. Мария Оргис, дочь исчезнувшего в 1976 году Фернандо Оргиса, говорит: «Практически всю свою жизнь я была погружена в этот ужас. Ничто не возместит мне ущерб. Вам выдают пять кусков кости – и считается, что это ваш отец. Для меня он до сих пор исчезнувший. Ничего не кончается». Для сотен семей, матерей, жен, детей прошедшие полвека стали бесконечным хождением по мукам – временем страданий, поисков, протестов, голодовок, судебных исков⁷.

Но если у одной части чилийского общества память о правительстве «Народного единства», перевороте и диктатуре, пережитом страхе и перенесенных страданиях вызывает боль и через пятьдесят лет, то другая его часть, напротив, считает события 11 сентября вынужденной мерой, направленной на предотвращение надвигавшегося хаоса и гражданской войны. 22 августа 2023 года

3 Ibid.

4 *Exilio chileno durante la dictadura cívico militar: archivos de la represión y de la resistencia*. Archivo Nacional de Chile (www.archivonacional.gob.cl/galeria/exilio-chileno-durante-la-dictadura-civico-militar-archivos-de-la-represion-y-de-la#::-:text=Seg%C3%BAn%20cifras%20entregadas%20por%20organismos,m%C3%A1s%20de%20200%20mil%20personas).

5 См.: *Informe de la Comisión Nacional sobre Prisión Política y Tortura (Informe de la Comisión Valech)* (www.derechoshumanos.net/paises/America/derechos-humanos-Chile/informes-comisiones/comision-nacional-prision-politica-y-tortura.htm).

6 См.: BONNEFOY P. *Decades after Dictatorship, Chile Mounts Search for Hundreds Who Vanished* // The New York Times. 2023. August 30 (www.nytimes.com/2023/08/30/world/americas/chile-military-coup-disappeared-search.html).

7 Ibid.

в Палате депутатов чилийского парламента по инициативе правого оппозиционного большинства была зачитана парламентская резолюция полувековой давности. Этот документ фактически объявлял правительство Сальвадора Альенде неконституционным и требовал от министров, представлявших в нем вооруженные силы и корпус карабинеров, «немедленно положить конец всем нарушениям Конституции и законов Чили». Через три недели принятая резолюция послужила генералу Пиночету юридическим основанием для осуществления переворота⁸. Использование нынешним оппозиционным большинством того давнего документа символично: оно как нельзя лучше свидетельствует о степени политической и общественной поляризации в сегодняшней Чили.

Президент Габриэль Борич, пришедший к власти во главе левой коалиции в марте 2022 года⁹, стремился избежать этого противостояния или по крайней мере смягчить его. Он считает, что годовщина переворота должна послужить выработке общественного консенсуса, который распространялся бы на все политические силы Чили:

«Никакие политические различия не могут ни объяснить, ни оправдать покушения на права и достоинство других. В этом году мы должны заключить компромисс: границей любого политического действия является уважение прав человека»¹⁰.

В июле 2023 года Борич призвал все чилийские партии подписать совместное заявление, посвященное годовщине:

«Во-первых, пусть все политические партии согласятся, независимо от их нынешних позиций, что проблемы демократии должны решаться на путях большей, а не меньшей демократии и, следовательно, государственный переворот неприемлем. И, во-вторых, даже самые глубокие разногласия не оправдывают нарушения человеческих прав тех, кто думает по-другому».

Если чилийское общество, считает президент, достигнет компромисса по этим двум пунктам, то ознаменование годовщины переворота могло бы способствовать формированию инклюзивного и цивилизованного настроя в обществе, где допустимы разные мнения, но одновременно сохраняется консенсус по принципиальным позициям¹¹. Этот призыв, однако, не был услышан оппозицией, которая считает, что президент придерживается одностороннего взгляда на переворот. «Мы не готовы подписывать какие-либо соглашения, написанные левой рукой, с предвзятым видением прошлого, навязанного Коммунистической партией», – заявил Франк Сауэрбаум, лидер парламентской фракции правоцентристской партии «Национальное обновление» («Renovación Nacional») ¹². Поэтому важнейшее для правитель-

8 AGAUBORDE M.V. *La Cámara de Diputados de Chile lee la resolución de 1973 que acusó de inconstitucional al Gobierno de Allende* // El País. 2023. 23 de agosto (<https://elpais.com/chile/2023-08-23/la-camara-de-diputados-de-chile-lee-la-resolucion-de-1973-que-acuso-de-inconstitucional-al-gobierno-de-allende.html>).

9 Подробнее см.: ВОРОЖЕЙКИНА Т. *Чили: воспоминания о будущем* // Неприкосновенный запас. 2022. № 1(141) (www.nlobooks.ru/upload/iblock/725/175-182%20vorozheikina141.pdf).

10 BORIC G. *Chile, más democracia y justicia social* // El País. 27 de marzo (<https://elpais.com/opinion/2023-03-27/chile-mas-democracia-y-justicia-social.html>).

11 SANHUESA A.M. *Boric invitará a los partidos políticos chilenos a firmar una declaración que condene el golpe de Estado de Pinochet* // El País. 2023. 15 de julio (<https://elpais.com/chile/2023-07-15/boric-invitará-a-los-partidos-politicos-chilenos-a-firmar-una-declaracion-que-condene-el-golpe-de-estado-de-pinochet.html>).

12 ИДЕМ. *Chile buscará a más de 1.000 desaparecidos de la dictadura, la mayor apuesta de Boric a 50 años del golpe militar* // El País. 2023. 31 de agosto (<https://elpais.com/chile/2023-08-30/chile-buscara-a-mas-de-mil-desaparecidos-de-la-dictadura-la-mayor-apuesta-de-boric-a-50-anos-del-golpe-militar.html>).

ства событие – провозглашение «Национального плана поиска правды и справедливости» – прошло 30 августа 2023 года перед президентским дворцом «Ла Монеда» при полном отсутствии руководителей политических партий. Впервые после возвращения страны к демократии в 1990 году этот план возлагает на государство обязательства по выяснению судеб исчезнувших, поиску захоронений, финансированию экспертиз останков и возмещению ущерба. До сих пор всем этим занимались через суды сами родственники жертв, а также неправительственные организации. «Наши родные исчезли по вине государства, и государство должно нести ответственность. Если потребуется, мы будем ждать еще пятьдесят лет», – сказала на церемонии подписания плана Габи Ривера, возглавляющая Объединение родственников исчезнувших задержанных (*Agrupación de Familiares de Detenidos Desaparecidos*)¹³.

Попытка Борича предложить обществу компромисс, основанный на минимуме общих принципов, натолкнулась на сопротивление и с другой стороны. 5 июля 2023 года вынужден был уйти в отставку Патрисио Фернандес – советник президента (и писатель), который отвечал за памятные мероприятия, посвященные пятидесятилетию переворота. Этого потребовали некоторые депутаты парламента, представляющие в правящей коалиции Коммунистическую партию Чили, а также 162 правозащитные ассоциации: они обвинили Фернандеса в отсутствии четкой позиции по отношению к перевороту и в его релятивизации. Поводом для конфликта послужило выступление Фернандеса

в программе «За линией» («*Tras las líneas*») чилийского социолога Мануэля Антонио Гарретона на радио Университета Чили. Отвечая на вопрос ведущего, как относиться к позиции тех, кто продолжает считать переворот 1973 года вынужденным и необходимым шагом, советник президента сказал:

«Мы можем продолжать спорить по поводу истории: почему случился переворот, каковы были его причины или обоснования. Это происходит сейчас и будет продолжаться. Мы должны сказать всем – политологам, историкам, – что мы можем обсуждать, почему и как мы дошли до такого [до переворота. – Т. В.], но при этом надо попытаться договориться о том, что события, последовавшие за переворотом, неприемлемы с точки зрения цивилизованного общественного договора. Если человек соглашается с тем, что для осуществления его идей государство вправе преследовать, уничтожать или подавлять тех, кто думает иначе, построение мирного сосуществования становится невозможным»¹⁴.

Эти слова вызвали полное отторжение в левой части политического спектра. Коммунистам не хватило четкой констатации, что единственной причиной переворота было желание военных покончить с демократией. Кармен Хертц, правозащитный адвокат и депутат парламента от компартии, в этой связи пишет:

«Осуждение военно-гражданского переворота 11 сентября 1973 года как основополагающего преступления [*un crimen fundacional*], совершенного террористическим государством, представляет собой цивилизационный минимум, которого мы как общество должны достичь. Это не просто академическая или научная тема для исторического, социологического или

¹³ Ibid.

¹⁴ SANHUESA A. M. *El Partido Comunista chileno tensa la cuerda con Boric en el 50° aniversario del golpe de Estado* // El País. 2023. 5 de julio (<https://elpais.com/chile/2023-07-05/el-partido-comunista-chileno-la-piedra-en-el-zapato-de-boric-en-el-50-aniversario-del-golpe-de-estado.html>).

антропологического исследования. И это не либеральная уступка власти. Напротив, это несомненная обязанность государства, вытекающая из международного статута прав человека, выработанного сообществом миролюбивых цивилизованных наций десятилетиями усилий»¹⁵.

Муж Хертц, журналист Карлос Бергер, был убит в 1973 году так называемым «Караваном смерти» («Caravana de la Muerte») – специальным подразделением чилийской армии, которое после переворота уничтожало без суда и следствия сторонников «Народного единства». История Бергера показательна. Его труп вместе с телами других расстрелянных был захоронен в общей могиле в пустыне Атакама на севере страны. В 1978 году, когда по приказу Пиночета секретные захоронения уничтожались, эта могила была вскрыта, а останки сброшены в океан. Тем не менее в 1990-м на месте захоронения были найдены фрагменты костей, которые затем идентифицировали. В 2014-м останки Карлоса Бергера торжественно захоронили в Мемориале исчезнувших и казненных на главном кладбище Сантьяго. Убитому журналисту было 30 лет. Его родители так и не смогли примириться с исчезновением сына: отец, Хулио Бергер, покончил с собой в 1984 году, а мать, Дора Гуральник, – в 1988-м. В настоящее время окончательный приговор восьми бывшим военным, виновным в убийстве 26 политических заключенных, в числе которых был Карлос Бергер, еще ждет утверждения Верховным судом Чили.

Этот конфликт – красноречивое свидетельство того, как глубоко расколото

чилийское общество. Боль жертв переворота и их родственников по-прежнему не ушла, и часть левых – например, такой важнейший союзник президента, как Коммунистическая партия, – остаются глухи к призывам Борича заново и более пристально рассмотреть период «Народного единства», выйдя за рамки сложившегося о нем мифа. Попытка новой власти добиться хотя бы минимального общественного компромисса по этому вопросу оказалась в целом неудачной. «К сожалению, в Чили не существует консенсуса для осуждения военного переворота, осуществленного Пиночетом», – констатирует Гарретон¹⁶. Более того, приближение пятидесятилетия переворота еще больше раскалывало нацию, о чем свидетельствуют и данные опросов общественного мнения. По оценкам социологического центра «Criteria», 56% опрошенных в августе 2023 года считали, что ознаменование годовщины переворота «разделяет нас как страну», и только 16% были согласны с тем, что это «объединяет нас как страну». 48% полагали, что «для таких, как я, это не имеет значения», а 25% придерживались противоположного мнения. 47% считали, что «это заставляет нас оставаться в прошлом и отрицательно влияет на будущее сосуществование чилийцев», по сравнению с 31%, которые утверждали, что это «урок для будущего сосуществования чилийцев». 43% думали, что это «только зря берет раны», в то время как 36% полагали, что это «необходимо для залечивания ран». Более того, 37% опрошенных были убеждены, что повышенное общественное внимание к годовщине «ослабляет

15 HERTZ C. *El golpe de Estado en Chile, un crimen fundacional* // El País. 2023. 6 de julio (<https://elpais.com/chile/2023-07-06/el-golpe-de-estado-en-chile-un-crimen-fundacional.html>).

16 MONTES R. *Manuel Antonio Garretón: «Desgraciadamente, en Chile no existe consenso en condenar el golpe de Estado de Pinochet»* // El País. 8 de julio (<https://elpais.com/chile/2023-07-08/manuel-antonio-garreton-en-chile-no-existe-consenso-en-condenar-el-golpe-de-estado-de-pinochet.html>).

демократию», в то время как 32%, напротив, были согласны с тем, что оно «способствует сохранению демократии»¹⁷.

Больше половины чилийцев отвергают политическую стратегию, предложенную президентом в связи с годовщиной переворота. Даже среди сторонников Борича, согласно вышеупомянутому источнику, больше тех, кто полагает, что приуроченные к годовщине мероприятия раскалывают общество: 34% против 32%. По мнению директора центра «Criteria» Кристиана Вальдивьесо, для своего амбициозного плана национального консенсуса правительство выбрало крайне неудачный момент: политическая поляризация достигла в Чили своего высокого уровня со времени возвращения к демократии¹⁸. За отношением к перевороту стоят глубокие сдвиги в социально-политической ситуации, произошедшие в последние годы и сопровождаемые нарастанием нестабильности и конфронтации. В конце мая 2023 года исследовательский центр «MORI» опубликовал доклад «Тень Пиночета над Чили», в котором привел данные об эволюции общественного мнения относительно переворота и его значения, а также о периоде диктатуры и фигуре, наследии, личной ответственности Пиночета¹⁹. Данные опросов, которые регулярно проводились с 1987 года, свидетельствуют, по мнению авторов доклада, о том, что эта тень время от

времени «поднимается, как призрак, которому, кажется, нет покоя». В течение 36 лет отношение к наиболее болезненным страницам национальной истории претерпевало существенные колебания: в каждый конкретный момент оно в решающей мере зависит от настоящего; текущие политические события, злоба дня определяют то, как люди воспринимают прошлое²⁰.

Так, в 2023 году 36% опрошенных согласились с тем, что «военные были правы, совершив государственный переворот». Ровно столько же поддержали подобное мнение двадцать лет назад, в 2003-м, в то время как в 2013-м их доля снижалась до 16%. Те же, кто считает, что «для совершения государственного переворота не может быть никаких причин», в 2023 году составляли 41%, то есть их всего на пять процентных пунктов больше тех, кто придерживается противоположного мнения. Категорических противников переворота было 46% в 2003-м и 68% в 2013-м; таким образом, за последние десять лет их доля снизилась на 27 процентных пунктов²¹. Еще более выразительны цифры, отражающие мнения чилийцев о значении переворота: в 2023-м только 42% опрошенных согласились с тем, что 11 сентября была разрушена чилийская демократия – это самый низкий показатель с 1995 года. 36% поддержали в 2023 году мнение, согласно которому 11 сентября

17 *Criteria: Mayoría de los chilenos piensa que conmemoración de 50 años del Golpe divide al país* // Ex-Ante. 2023. 20 de agosto (www.ex-ante.cl/criteria-mayoria-de-los-chilenos-piensa-que-conmemoracion-de-50-anos-del-golpe-divide-al-pais-lea-aqui-la-encuesta/).

18 Soto M. *Cristián Valdivieso: «La figura de Pinochet reaparece, más que por Pinochet, porque simboliza un relato autoritario cuya demanda ha crecido»* // Ex-Ante. 2023. 23 de agosto (www.ex-ante.cl/cristian-valdivieso-la-figura-de-pinochet-reaparece-mas-que-por-pinochet-porque-simboliza-un-relato-autoritario-cuya-demanda-ha-crecido/).

19 *Chile a la sombra de Pinochet. La opinión pública sobre la “Era de Pinochet” 1973–2023* // MORI. Market. Opinion. Research. Internacional. 2023. 29 de mayo (<http://morichile.cl/wp-content/uploads/2023/05/Chile-a-la-sombra-de-Pinochet.pdf>).

20 Ibid. P. 5.

21 Сумма ответов в каждой паре меньше 100%, остальные или выбрали опцию «не знаю», или отказались отвечать. Ibid. P. 11.

произошло освобождение Чили от марксизма; это стало повторением максимума, достигнутого лишь однажды, в 2000-м. Для сравнения стоит сказать, что в 2013 году 63% чилийцев поддержали мнение о разрушении военными демократии, и только 18% – о произведенном ими освобождении от марксизма. На плебисците 1988 года, положившем конец диктатуре, 56% чилийцев сказали «нет» продлению власти Пиночета, в то время как 44% ответили «да». Авторы исследования задаются закономерным вопросом: означают ли текущие цифры, что демократия в Чили через 33 года после ее восстановления растеряла сторонников?²²

Генерал Пиночет остается важнейшей символической фигурой для общественного мнения в Чили. 64% чилийцев согласились в 2023 году с тем, что он войдет в историю как диктатор. Но при этом 39% полагают, что Пиночет способствовал модернизации чилийской экономики, а 20% считают, что он был одним из лучших правителей Чили в XX веке²³. По мнению Вальдивесо, «фигура Пиночета вновь появляется не столько благодаря самому Пиночету, сколько потому, что она символизирует авторитарный дискурс, спрос на который вырос»²⁴. С чем связано новое появление авторитарного запроса в стране, которая еще четыре года назад считалась одним из примеров успешного перехода от диктатуры к демократии? Что случилось за полтора года, прошедшие со времени прихода к власти президента Борича?

Главным политическим требованием, порожденным вспышкой социального недовольства конца 2019-го – начала

2020 года, была отмена принятой в 1980-м Конституции, которая основывалась на концепции минимального субсидиарного государства и передавала частным структурам право на предоставление чилийцам важнейших публичных благ: образования, здравоохранения, социального обеспечения, доступа к земле и воде. Замена пиночетовской Конституции новым Основным законом, который закрепил бы принцип правового, демократического и социального государства, ответственного за благосостояние всех граждан, оставалось важнейшей частью программы, приведшей Борича к победе на президентских выборах в декабре 2021 года. Ранее, в октябре 2020-го, был проведен плебисцит, на котором 78% участвовавших проголосовали за новую Конституцию. В мае 2021 года состоялись выборы в Учредительное собрание (Constituyente), победу на которых одержали левые и независимые кандидаты (64% избранных депутатов не принадлежали ни к одной из политических партий). Разработанный этим собранием конституционный проект включал новые экономические и социальные права – на здравоохранение, образование и социальное обеспечение (пенсии), – отражал социальные требования 2019 года и предполагал глубокие институциональные сдвиги в таких сферах, как социальные отношения, охрана окружающей среды, права женщин и коренных народов.

Борич всеми силами поддержал проект, поставив свой политический престиж на победу «одобряю» (*apruebo*) на конституционном референдуме 4 сен-

22 Ibid. P. 9.

23 Ibid. P. 23. Это три отдельных вопроса, по каждому указана доля согласившихся с предложенным суждением. Другие возможные ответы на каждый из вопросов: «не согласен» (доли, соответственно, 18%, 34% и 55%) и «не знаю / отказ от ответа» (18%, 27%, 25%).

24 Soto M. *Op. cit.*

тября 2022 года. Президент, однако, потерпел тяжелое поражение: 62% чилийцев, принявших участие в голосовании, отвергли проект новой Конституции. Опция «отвергаю» (*rechazo*) получила большинство во всех шестнадцати регионах Чили, включая столичный, который сыграл ключевую роль в победе Борича во втором туре президентских выборов 2021 года. Против проголосовали не только избиратели, сочувствующие правым взглядам и партиям, но и приверженцы центристских и левоцентристских позиций. Проголосовавшие против были недовольны тем, как шла сама подготовка проекта: шумные скандалы и публичные разногласия подрывали доверие к Учредительному собранию. Наибольшее возмущение вызвало провозглашение Чили «многонациональным государством», а также упразднение Сената и превращение Национального конгресса в однопалатный парламент. Согласно опросам агентства «Feedback», за полтора месяца до голосования 39% респондентов полагали, что проект, закрепляя особые права коренных народов на традиционные места обитания, нарушает принцип равенства граждан перед законом. 31% считал, что многонациональность несет в себе угрозу развала Чили²⁵. По мнению журналиста и писателя Альфредо Сепульведы, проект Конституции шел вразрез с важнейшими особенностями политической культуры и истории Чили. Дискуссия о полиэтничности и национальной идентичности, как он полагает, не учитывает того важнейшего факта, что «именно государство сформировало чилийскую нацию». Поэтому патриотизм

и понятие «родины» носят в Чили не столько конституционный, сколько государственный характер. Упразднение же Сената противоречило бы не только республиканской традиции Чили, но и политическим урокам, вынесенным из опыта диктатуры: ни одна ветвь власти не должна усиливаться за счет двух других²⁶.

Проигрыш на референдуме серьезно ослабил политические позиции правительства Борича. Однако при более внимательном рассмотрении это поражение не выглядит слишком сокрушительным. Голосование на референдуме было обязательным, в нем приняли участие 86% избирателей из пятнадцати миллионов зарегистрированных. Опцию «одобряю» выбрали 38%, или 4,9 миллиона избирателей. Примерно столько же – 4,6 миллиона голосов – Борич получил во втором туре президентских выборов; тогда это составило 56% при явке 55,64%. Иначе говоря, Борич сохранил свой электорат, но не увеличил его, что, несомненно, представлялось его сторонникам тревожной тенденцией: выходит, что ни инклюзивные цели, ни риторика правительства не принесли дополнительные голоса. Чилийский писатель Рафаэль Гумусио, комментируя волеизъявление граждан в юридически обязательном для них голосовании на конституционном референдуме, пишет:

«[В стране имеется] большой пласт населения, о котором мы ничего не знаем. Это объясняет, почему все правительства Чили – центристские, правые и вот теперь левое – по сути являются правительствами меньшинства, не будучи таковыми в политическом смысле. [...] Существует огромный

25 MOLINA RIVAS F., MONTES R. *Chile rechaza rotundamente la nueva Constitución* // El País. 2022. 5 de septiembre (<https://elpais.com/chile/2022-09-05/chile-rechaza-rotundamente-la-nueva-constitucion.html>).

26 LABORDE A. *Alfredo Sepúlveda: «El Frente Amplio y el Gobierno de Boric son una casualidad electoral»* // El País. 2022. 19 de septiembre (<https://elpais.com/chile/2022-09-19/alfredo-sepulveda-el-frente-amplio-y-el-gobierno-de-boric-son-una-casualidad-electoral.html>).

континент, где люди очевидно консервативны – это не обязательно правые, но явно консервативные граждане, представления которых не были учтены и которые прежде не являлись участниками политической игры»²⁷.

Очевидно, что вынесенный на голосование проект Конституции не соответствовал интересам, менталитету и психологии разных слоев населения Чили. Неoliberalная экономика, навязанная с кровью и закрепленная в Конституции 1980 года, принесла несомненные плоды наиболее обеспеченной части населения страны²⁸. Конечно, было бы неверно, по определению, считать сторонниками неолитерализма людей, принадлежащих исключительно к высокодоходным группам, хотя концепция минимального субсидиарного государства, на которой базировалась эта Конституция, в наибольшей мере отвечала именно их интересам. Несравненно большее количество людей, относящихся к самым разным общественным слоям, было совершенно не готово принять общую философию, заложенную в концепцию новой Конституции наиболее продвинутыми группами левых интеллектуалов и общественных активистов, которые составляли большинство в Учредительном собрании. «Многона-

циональность и [право на] аборт – две главных проблемы, которые стоили левым победы на референдуме»²⁹.

Поражение заставило Борича изменить политическую стратегию. Он вынужденно пожертвовал двумя самыми близкими соратниками, остававшимися рядом еще со времен студенческого движения: Иския Сичес покинула пост министра внутренних дел, а Джорджи Джексон оставил пост главы президентской администрации. Эти важнейшие политические вакансии перешли к более умеренным политикам, принадлежащим к левоцентристской коалиции «Демократический социализм» («Socialismo Democrático») – союзнице Борича в парламенте, к которой он все больше должен был прислушиваться. Разворот к центру предполагал также новую, во многом вынужденную политику в конституционном процессе, который теперь перешел под контроль деятелей, представляющих традиционный политический истеблишмент. В декабре 2022 года, после трех месяцев дискуссий, Национальный конгресс Чили принял постановление о создании Конституционного совета (Consejo Constitucional), который должен был продолжить разработку новой Конституции. В него вошли пятьдесят советников³⁰, напрямую избираемых населением, и 24 чле-

27 BUDASOFF E. *Rafael Gumucio: «Esta elección dejó en claro que en Chile hay una gran población de la que no sabemos nada»* // El País. 2022. 11 de septiembre (<https://elpais.com/chile/2022-09-11/rafael-gumucio-esta-eleccion-dejo-en-claro-que-en-chile-hay-una-gran-poblacion-de-la-que-no-sabemos-nada.html>).

28 По официальной статистике, «высший» и «высший средний класс» – группы АВ (*clase alta*) и С1а (*clase media acomodada*) – включают 1,8% и 6% домохозяйств соответственно. 6,3% домохозяйств входят в группу С1b – «формирующийся средний класс» (*clase media emergente*), а 11,2% принадлежат к С2 – «типичному среднему классу» (*clase media típica*). Самыми многочисленными являются социально-экономические группы С3 – «уязвимый средний класс» (*clase media vulnerable*) – 24,7% и D – «низший средний класс» (*clase media baja*) – 30% домохозяйств. Еще 14% составляет группа E – бедные (*pobres*). См.: АСУНА G. *Los grupos socioeconómicos en Chile* // Percepciones económicas. 2021. 24 de noviembre (www.percepcioneseconomicas.cl/desarrollo-economico/los-grupos-socioeconomicos-en-chile/).

29 BUDASOFF E. *Op. cit.*

30 Впоследствии было добавлено еще одно место, предназначенное для представителя коренных народов. В прошлом составе Учредительного собрания, составившем 155 депутатов, коренным народам, к которым, согласно переписи, относят себя 13% населения Чили, было выделено семнадцать мест.

на комиссии экспертов, назначаемых на паритетной основе Сенатом и Палатой депутатов Национального конгресса. Комиссия экспертов должна разработать предварительный проект Конституции и передать его в Конституционный совет для обсуждения и внесения поправок. Окончательный вариант необходимо будет вынести на новый конституционный референдум, назначенный на 17 декабря 2023 года.

Результаты выборов конституционных советников, состоявшиеся 7 мая 2023 года, стали самым серьезным политическим ударом из всех, обрушившихся на Борича на протяжении полутора лет его президентства. Правые партии получили на них 57% голосов при явке в 85%. Наибольшую поддержку избиратели оказали кандидатам ультраправой Республиканской партии (*Partido Republicano*), возглавляемой Хосе Антонио Кастом, бывшим соперником Борича во втором туре президентских выборов. Республиканцы, получив 35,4% голосов, имеют 22 места в Совете. Абсурдность ситуации заключается в том, что эта партия выступает за сохранение пиночетовской Конституции 1980 года. Еще одиннадцать мест получили традиционные правые партии, объединенные в коалицию «Безопасность Чили» («*Chile Seguro*»). В результате правые обладают в Конституционном совете блокирующим большинством в три пятых голосов, что позволяет им вносить в текст будущей Конституции любые поправки. Партии правительственной коалиции получили шестнадцать мест, что превращает их в пассивных наблюдателей конституционного процесса. 21,54%, или 2,7 миллиона, участвовав-

ших, проголосовали недействительными бюллетенями, что, очевидно, служит признаком усталости от длительного, идущего с 2020 года и пока безрезультатного конституционного процесса – и еще одним свидетельством кризиса представительной системы³¹.

В мае 2023 года во второй раз за всю историю выборов в Чили (первый раз был в 1946 году) правые партии на выборах в Конституционный совет завоевали столь весомое большинство – 57% голосов. Доля же тех, кто положительно относится к перевороту и диктатуре Пиночета, составляет 36%³². За полтора года, прошедших с президентских выборов декабря 2021-го, маятник общественных настроений качнулся в противоположную сторону. В 2020–2021 годах социальное и политическое недовольство подняло на гребень волны несистемные левые силы: тех, кто в предыдущее десятилетие критиковал левоцентристские правительства слева. Но в 2023-м недовольство было аккумулировано ультраправыми, также находившимися за пределами традиционного правоцентристского истеблишмента. Что же могло произойти за столь короткое время, когда новое правительство не проработало еще и половины отведенного ему срока? Похоже, что чилийское общество испугалось самого себя или же обязательное участие в выборах предъявило политиками совсем другую страну. По данным доклада «Говорит Чили», опубликованным в конце августа 2023 года, 64% опрошенных чилийцев предпочитают демократию любой другой форме правления, но при этом 60% соглашаются с тем, что в определенных случаях недемократическое,

31 *Resultados de las elecciones de Chile 2023: el triunfo del Partido Republicano y el desafío de la nueva Constitución* // *Transparencia electoral*. 2023. 9 de mayo (<https://transparenciaelectoral.org/resultados-de-las-elecciones-de-chile-2023/>).

32 *Chile a la sombra de Pinochet...* P. 11.

авторитарное правительство в Чили было бы оправданно³³. По мнению чилийского писателя Артуро Фонтейна, «сегодня чилийцы готовы пожертвовать свободами ради порядка»³⁴. Не последнюю роль в этом играет осмысление социального взрыва конца 2019 года, который обозначил в чилийском обществе новую линию раскола, вернул политическое насилие и конфронтацию в повестку дня³⁵. Кроме того, за последние годы в Чили резко выросла уличная преступность – по опросам, она вышла на первое место среди проблем, беспокоящих чилийцев. Вину за рост преступности часть общества и правые партии возлагают на иммигрантов.

Нарастающая политическая слабость правительства Борича³⁶ не позволила ему за полтора года приступить к осуществлению намеченных социально-экономических реформ – за исключением повышения минимальной заработной платы. Оппозиционное большинство парламента провалило в марте 2023 года правительственный план налоговой реформы, за счет которой предполагалось увеличить доходы бюджета на 3,6% ВВП с тем, чтобы, с одной стороны, профинансировать пенсионную и жилищную реформы, а с другой стороны, увеличить инвестиции и оживить рост экономики,

которая уже десять лет находится в застое³⁷. Спротивление реформам носит системный характер и исходит от «фактической власти» (*poderes fácticos*) – финансовых, промышленных, землевладельческих кругов, а также верхних слое среднего класса, которые заинтересованы в сохранении существующей социально-экономической модели. Не вызывает сомнения их желание окончательно дискредитировать левых, не позволив им осуществить не только большой проект структурной трансформации, с которым Борич пришел к власти, но даже частные реформы, результаты которых могло бы ощутить уставшее от экономического кризиса население. Левые и сами дали повод для усиления политического давления на них. В июне 2023 года вспыхнул большой скандал, связанный с предоставлением НКО государственных грантов на жилищные и культурные проекты; как выяснилось, во многих организациях – получателях средств ранее работали именно те государственные служащие, которые теперь распределяли гранты. Эта история, которую сейчас расследует прокуратура и в которой по меньшей мере присутствует конфликт интересов, затронула одну из главных партий правящей коалиции –

33 Encuesta «Chile Dice». *Imaginario ciudadano sobre la democracia en Chile. Informe final*. Universidad Alberto Hurtado – Critería. 2023 (www.uahurtado.cl/wp-content/uploads/2023/08/ChileDice_ImaginarioDemocracia.pdf).

34 MONTES R. Arturo Fontaine: «Los chilenos hoy están dispuestos a sacrificar libertades con tal de tener orden» // El País. 2023. 26 de marzo (<https://elpais.com/chile/2023-03-26/arturo-fontaine-los-chilenos-hoy-están-dispuestos-a-sacrificar-libertades-con-tal-de-tener-orden.html>).

35 ИДЕМ. Max Colodro: «Más temprano que tarde, el ministro Jackson saldrá del Gobierno y será otro símbolo de la derrota de esta generación política» // El País. 2023. 7 de agosto (<https://elpais.com/chile/2023-08-07/max-colodro-mas-temprano-que-tarde-el-ministro-jackson-saldra-del-gobierno-y-sera-otro-simbolo-de-la-derrota-de-esta-generacion-politica.html>).

36 В августе 2023 года только 32% опрошенных одобряли деятельность президента, а 56% придерживались противоположного мнения: *Síntesis resultados mes de agosto* (<https://cadem.cl/wp-content/uploads/2023/07/Track-PP-498-Julio-S4-VF.pdf>).

37 FUENTE A. DE LA. Ignacio Briones, economista: «Ojalá seamos conscientes de que el bloqueo político en Chile nos llevará a un Milei o un Bukele» // El País. 2023. 21 de agosto (<https://elpais.com/chile/2023-08-21/ignacio-briones-economista-ojala-seamos-conscientes-de-que-el-bloqueo-politico-en-chile-nos-llevara-a-un-milei-o-un-bukele.html>).

партию Демократической революции (*Revolución Democrática*) – и вызвала отставки нескольких чиновников, включая лидера и основателя этой партии Джорджио Джексона, покинувшего занимаемый им на тот момент пост министра социального развития. Коалиция правых в парламенте объявила его уход непременным условием дальнейшего обсуждения правительственного бюджетного пакта.

При всех существенных отличиях правительства Борича от правительства Альенде, свергнутого пятьдесят лет назад, их, несомненно, объединяет стремление покончить с гигантским неравенством, которое остается важнейшим изъяном социально-экономического

развития Чили, и обеспечить благосостояние и достойную жизнь всем ее жителям. В первый раз этот проект был оборван государственным переворотом 11 сентября 1973 года. Теперь, похоже, стратегия его противников заключается в том, чтобы ослабить левых окончательно, не дав им больше поднять головы. Через полвека после переворота возрождение пиночетизма является очевидной реакцией на самый глубокий социально-политический и экономический кризис со времени возвращения Чили к демократии³⁸ – и неутешительным итогом того, что совсем недавно казалось самым успешным демократическим транзитом в Латинской Америке конца XX века.

АНДРЕЙ
ЗАХАРОВ

«Бремя черного человека»: краткий очерк истории нигерийской федерации¹

Когда бы ни встретились два нигерийца, их разговор в конечном счете обязательно сведется к горьким сетованиям на то состояние, в котором пребывает нация.

ЧИНУА АЧЕБЕ²

Одной из фундаментальных особенностей бытования федерализма в Африке можно считать его теснейшую связь с так называемым «национальным вопросом». Майкл Бёрджесс пишет:

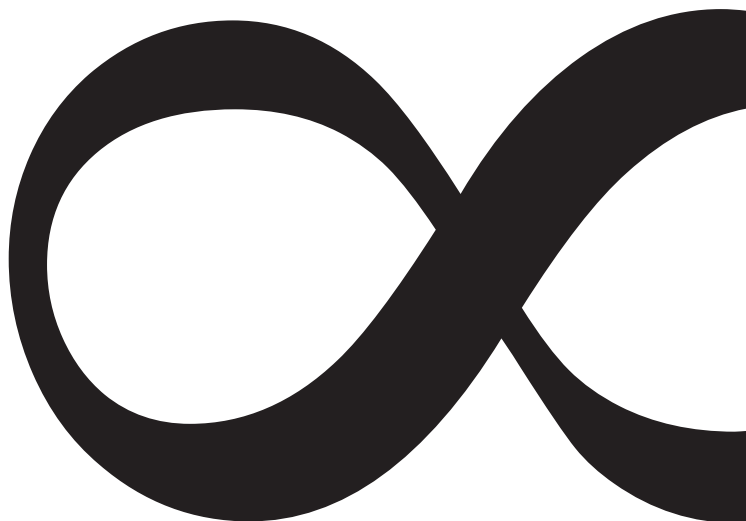
«Исторически федералистская идея не раз использовалась для разрешения конфликта между единством и разнообразием, и по этой причине в африканском контексте внутригосударственный федерализм всегда рассматривался как чуть ли не единственный способ, позволяющий вписать племенное, этническое и языковое разнообразие в рамки единой политической системы»³.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00123.

² АЧЕБЕ С. *The Trouble with Nigeria*. London; Nairobi: Heinemann, 1987. P. 2.

³ BURGESS M. *Federalism in Africa: An Essay on the Impacts of Cultural Diversity, Development and Democracy*. Montreal: Federal Idea – Quebec Think Tank on Federalism, 2012. P. 9.

CASE STUDY 2

Почти четыре десятилетия назад, в самый разгар африканских опытов на этом поприще, о том же говорил Биньямин Нойбергер:

«В африканском федерализме с самых ранних дней независимости акцентировались национальные сдержки и противовесы, этническое самоуправление и неприятие одноплеменной власти. Соответственно, институциональные сдержки и противовесы, демократическое самоуправление и неприятие однопартийного правления ему были не свойственны»⁴.

Действительно, почти во всех ситуациях, в которых африканские политики запускали федеративные проекты, ключевым мотивом выступало именно предотвращение или как минимум приглушение межэтнического конфликта. Привлечение федеративной модели для обустройства молодых государств, возникших по мере деколонизации, во всем мире мотивировалось прежде всего этим фактором, но в Африке его значение оказывалось особенно выдающимся. Мнение нигерийского политика 1960–1970-х, согласно которому «единственно приемлемой для специфических условий Нигерии является федеральная конституция, поскольку Нигерия – многоязычное и многонациональное государство»⁵, в полной мере применимо и ко многим другим федералистским начинаниям постколониальной поры. Как отмечают нынешние специалисты, страна по-прежнему «функционирует как социально-политическая лаборатория, снабжающая примерами и обеспечивающая уроками прочие национально разнообразные и религиозно плюралистичные общества», а «способность нигерийцев мирно сосуществовать друг с другом, неформально улаживая конфликты, зачастую недооценивается»⁶ – и это действительно так. Иначе говоря, нигерийский эксперимент вполне заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее – тем более, что о знаковом характере этого кейса говорят буквально все, кто имел с ним дело.

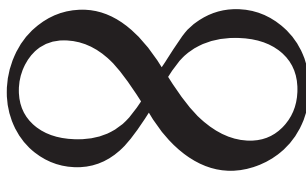
АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«БРЕМЯ ЧЕРНОГО
ЧЕЛОВЕКА»...

Андрей Александрович Захаров (р. 1961) – политолог, редактор журнала «Неприкосновенный запас», доцент Российского государственного гуманитарного университета.

БРИТАНСКИЙ ФУНДАМЕНТ

Основы федеративной государственности в Нигерии были заложены еще британцами, причем, занимаясь этим, они не могли не учитывать выраженные особенности переустраиваемого владения. Территория, занимаемая Нигерией на современной

- 4 NEUBERGER B. *Federalism in Africa: Experience and Prospects* // ELAZAR D.J. (Ed.). *Federalism and Political Integration*. Lanham: University Press of America, 1984. P. 173.
- 5 Аволово О. *Размышления о нигерийской Конституции // История Африки в документах, 1870–2000. Т. 3: 1961–2000* / Под ред. С. Мазова, А. Давидсона. М.: Наука, 2007. С. 138.
- 6 CAMPBELL J., PAGE M. *Nigeria: What Everyone Needs to Know*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 7, 14–15.

карте мира, на протяжении своей истории не отличалась политической целостностью: в доколониальную эпоху она, как и многие другие области Африки, являла собой пестрый набор самостоятельных царств, халифатов, вожеств, империй, городов-государств⁷. Несмотря на интенсивные экономические связи, большинство из них развивались практически независимо друг от друга. Всем этим образованиям была присуща не только выраженная самобытность, но и неустанная вражда между собой: например, доминировавшая в XIX веке на нигерийском севере обширная империя фулани (халифат Сокото⁸) неоднократно покушалась на соседние земли, и лишь густые леса юга и запада, в которых мусульманская кавалерия не могла развернуться в полную мощь, спасали от ее экспансии более маломощные, хотя и более древние конгломераты, созданные йоруба, бини и другими народами. Основой для консолидации богатства и власти во многих местных государствах, причем не только северных, служила торговля рабами, в которую они были широко вовлечены на протяжении нескольких столетий⁹. Важно также иметь в виду, что с прекращением в первой трети XIX века трансатлантической работорговли купля и продажа людей в ареале Сахары никуда не делись: эти процессы на протяжении еще трех поколений продолжали формировать социально-политический, экономический и культурный облик будущей Северной Нигерии, привязывая ее к арабскому миру¹⁰.

После того, как Берлинская конференция 1884–1885 годов подтвердила заинтересованность Великобритании в освоении побережья Гвинейского залива, Лондон, используя торговую Королевскую компанию Нигера, приступил к методичному освоению сначала прибрежной зоны, а потом и глубинных районов будущей Нигерии. Как и в других частях планеты, подвергшихся британской колонизации, процесс сопровождался инспирируемым колонизаторами слиянием мелких политических образований и втягиванием их властителей в «договорные отношения» с британской короной; коммерсанты Королевской компании Нигера имели право заниматься подобными вещами, поскольку в 1886 году получили от королевы Виктории разрешение представлять ее интересы в общении с местным населением. (По словам нигерийского ученого, «капитаны британских

7 Подробнее о доколониальной государственности см.: FALOLA T., HEATON M. *A History of Nigeria*. New York: Cambridge University Press, 2008. Сл. 2–3; *История Нигерии в новое и новейшее время* / Под ред. Ю. И. Зотова, И. В. Следзевского. М.: Главная редакция восточной литературы, 1981. Гл. 1–2.

8 О становлении, эволюции и падении халифата см.: JOHNSTON H.A.S. *The Fulani Empire of Sokoto*. London; Ibadan; Nairobi: Oxford University Press, 1967; FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 62–73.

9 Подробнее о значении рабства в нигерийской истории см.: FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* Сл. 2; см. также работу о борьбе с работорговлей в юго-восточной Нигерии: FIGBO A.E. *The Abolition of the Slave Trade in Southeastern Nigeria, 1885–1950*. Rochester: University of Rochester Press, 2006.

10 См.: CAMPBELL J., PAGE M. *Op. cit.* P. 24–25.

судов, ходивших у побережья современной Нигерии, имели при себе типовые копии так называемых “договоров о протекции”, предлагаемых ими властителям и вождям племенных сообществ, с которыми они вступали в контакт». Как и следовало ожидать, позже представители постколониальных элит объявили эти договоры «документами сомнительной силы»¹¹.) Заверенные местными вождями бумаги «передавали Соединенному Королевству политический суверенитет над территорией подписантов, позволяя британцам контролировать их внешние связи и вмешиваться во внутренние дела в интересах мира и свободной торговли»¹².

Центростремительные тенденции окончательно взяли верх после того, как в 1900 году королевская администрация сменила коммерческую структуру в роли политического покровителя южной и северной частей того пространства, которое позже будет названо «Нигерией»¹³: в результате появились Южный и Северный протектораты. К тому моменту Королевская компания Нигера уже давно критиковалась за насаждение торговой монополии, в 1889–1891 годах ее злоупотребления расследовались в парламенте, в 1894-м одно из разоренных ею речных племен разгромило ее штаб-квартиру в городе Акасса, убив (и съев) нескольких европейцев, а в 1899-м она лишилась королевской хартии. Как отмечает историк Ниал Фергюсон, «трансформация торговой монополии в протекторат была типичной для “драки за Африку”»: этот процесс повторялся на континенте многократно¹⁴. В 1903 году, подчинив северный халифат Сокото, англичане завершили территориальное оформление своего очередного приобретения. В 1914-м обе административные единицы, северная и южная, а также основанная еще в 1861 году колония Лагос (в 1906-м ее включили в состав Южного протектората) были интегрированы колонизаторами в одно политическое образование. Как и предписывалось британскими обыкновениями, в первую очередь Вестминстер санкционировал создание в нем местной ассамблеи, состоявшей из тридцати европейцев и шести нигерийцев. И, хотя эта институция, не обладавшая ни законодательными, ни исполнительными функциями, была чисто совещательным органом, ее расовый

11 NATUFE I. *The Amalgamation of Nigeria and the Quest for a Nation // Федерализм в Африке: проблемы и перспективы* / Под ред. И. НАТУФЕ, Х. Турьинской. М.: Институт Африки РАН, 2015. С. 98–99.

12 О деятельности Королевской компании Нигера см.: FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 98–104, цит. по: P. 98.

13 Изобретателем этого географического термина выступила журналистка Флора Шоу, впервые использовавшая его в публикации в «The Times» в начале 1897 года. Через несколько лет она вышла замуж за Фредерика Лугарда, сотрудника Королевской компании Нигера, позже ставшего первым генерал-губернатором Нигерии. До той поры никакого обобщающего названия для этих земель не существовало. См.: HILL J.N.C. *Nigeria since Independence: Forever Fragile?* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. P. 128.

14 FERGUSON N. *Empire: How Britain Made the Modern World*. London: Penguin Books, 2004. P. 229; рус. перев.: ФЕРГЮСОН Н. *Империя: чем современный мир обязан Британии*. М.: АСТ; CORPUS, 2014. С. 316.

состав наперед предопределял ту манеру, в какой суждено было выковываться нигерийскому федерализму: его несущие конструкции монтировались практически без участия африканцев.

Это была далеко не единственная оставленная британцами «родовая травма», с которой позже пришлось разбираться властям и народам независимой Нигерии. Еще более фундаментальным из доставшихся им дефектов новоявленного политического дизайна была нарочитая искусственность свежего объединения:

«Границы, прочерченные в ходе создания современной Нигерии, никогда не имели ни малейшего геофизического или социального смысла для народов, населявших регион. Очертания Нигерии на современных картах относительно произвольны, поскольку они кроились волей европейских политиков, а не социальной эволюцией локальных сообществ»¹⁵.

Колонизаторы, как не раз подчеркивали местные ученые, вовсе не ставили своей целью создание сплоченного нигерийского сообщества: приоритетными были интересы британской казны, которая хотела избавиться от необходимости финансировать управленческие структуры отсталого и аграрного Севера, переложив это бремя на более передовой и торговый Юг¹⁶. Безусловные удобства администрирования, однако, не компенсировали глубочайшей разнородности двух частей колонии, каждая из которых – вполне объяснимо – сохраняла выраженную самобытность:

«В доколониальном прошлом территории будущего союзного государства не имели опыта пребывания в составе единого государственно-политического образования и развивались как полностью самостоятельные, изолированные в этническом и культурно-религиозном отношении регионы с собственными традициями и институтами, нормами хозяйственной деятельности»¹⁷.

Разумеется, этот факт сказывался и на установках местных политиков. Вполне показательной, в частности, можно считать следующую сентенцию, прозвучавшую из уст одного из депутатов колониальной легислатуры в ходе бюджетной сессии 1948 года:

«Многие обманывают себя, считая Нигерию чем-то нераздельным. Но эта целостность искусственна, она заканчивается прямо за дверьми палаты. Южные племена, пытающиеся обосноваться на

15 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 17.

16 KALU K.N. *State Power, Autarchy and Political Conquest in Nigerian Federalism*. Lanham: Lexington Books, 2008. P. 37.

17 Каменская Г.В. *Федерализм: мифология и политическая практика*. М.: Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 1998. С. 73.

Севере, не смешиваются с местными народностями, а мы, северяне, видим в них захватчиков. Нигерийское единство есть лишь благое пожелание британцев»¹⁸.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«БРЕМЯ ЧЕРНОГО
ЧЕЛОВЕКА»...

Подобные позиции разделялись и теми деятелями, кто непосредственно обеспечивал переход к независимости. В 1952 году Абубакар Тафава Балева, видный политик-северянин, спустя пять лет назначенный первым премьер-министром колонии, а еще через три года ставший главой правительства независимой Нигерии, заявлял:

«С самого слияния 1914 года британское правительство пыталось превратить Нигерию в единую страну, но нигерийский народ разнороден во всем, включая религию, привычки, язык, устремления. [...] Мы, северяне, считаем, что все это “нигерийское единство” не для нас»¹⁹.

Кстати, на северных территориях накануне независимости бытовало мнение, согласно которому политическое единство двух разнородных кусков страны можно будет гарантировать только посредством обращения всех нигерийцев в ислам. На протяжении исторического пути независимой Нигерии об этой нарочитой самодостаточности северян вспомнят еще не раз: в частности, именно на нее в конце 1960-х ссылались сепаратисты Биафры, обосновывая сецессию своего региона²⁰. Наконец, к сказанному можно добавить, что под великим разломом по линии «Север – Юг» таились еще десятки разломов, дробящих и раскалывающих оба этих больших сегмента.

Другая проблема была связана с тем, что, управляя непохожими друг на друга регионами, европейские чиновники применяли к ним разные подходы. На мусульманском Севере, где еще до прихода европейцев успели сформироваться сложные административные механизмы, преобладали такие методы косвенного управления, которые предусматривали самые широкие прерогативы местных владык. В этом плане приход колонизаторов сказался на здешних иерархических пирамидах не слишком существенно – в них просто менялось верховное начальство: «если раньше эмиры Северной Нигерии получали власть из рук султана Сокото, то теперь они наделялись аналогичной властью английской администрацией»²¹. Из-за этого мусульманские эмираты хауса-фулани британцами не

18 Стенограмма парламентской сессии цит. по: OSADOLOR O.B. *The National Question in Historical Perspective* // МОМОН А., АДЕЖУМОВИ С. (Eds.). *The National Question in Nigeria: Comparative Perspective*. London; New York: Routledge, 2018. P. 35.

19 Цит. по: NATUFE I. *Op. cit.* С. 99–100.

20 См., например, пропагандистский памфлет, изданный правительством Республики Биафра: *Nigeria and Biafra: The Parting of the Ways*. Enugu, Republic of Biafra: The Government Printer, MCMLXVII [1967]. P. 1.

21 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 115.

только не разрушались, но сохранялись в неприкосновенности и даже поддерживались. Так, Фредерик Лугард, сотрудник Королевской компании Нигера, и его преемники долгое время строго ограничивали доступ христианских миссионеров в исламские регионы Севера; и, хотя в результате обитатели Северной Нигерии лишались доступа к европейскому образованию, здешние эмиры были очень довольны. Что же касается мигрантов-южан, перебивавшихся на Север, то им приходилось существовать в условиях сегрегации, проживая обособлено от мусульман в так называемых «кварталах пришлых» (*sabon gari*) и обучая своих детей в отдельных школах; кроме того, им не позволялось приобретать землю и владеть ею. Вместе с тем, поставив себе на службу местные административно-управленческие структуры, колонизаторы последовательно пресекали те присущие им практики, которые британскому сознанию казались «дикими» и «варварскими»: скажем, поощряя использование шариата, они не позволяли тем не менее отрубать конечности ворами или побивать камнями прелюбодеев. Более того, решения шариатских судов можно было – по крайней мере теоретически – оспорить в колониальных судебных учреждениях, а подданные короны вообще были выведены из-под их юрисдикции²².

На христианском и языческом Юге дело обстояло иначе, поскольку тут традиционные институты либо не смогли пережить колонизацию, либо не успели кристаллизироваться. В то время, как «фуланийская империя по африканским стандартам имела чрезвычайно развитые управленческие структуры», в южных регионах «статус традиционной власти был сильно подорван европейским влиянием еще в первый период британского проникновения»²³. В результате в южной, и в особенности юго-восточной, части Нигерии непосредственное присутствие европейцев всегда оставалось более ощутимым, а косвенное управление не выглядело столь же натуральным, как в северных территориях. Попытки англичан сформировать здесь новую страту «назначаемых вождей» и наделить последних функциями, отсутствовавшими у традиционных правителей – например, возложить на них взимание налогов с населения, – не встречали понимания подданных и отторгались ими²⁴. Подобное положение вещей обеспечивало местным жителям особое положение в нигерийском обществе, о чем, в частности, пишет нигерийский писатель Чинуа Ачебе:

22 CAMPBELL J., PAGE M. *Op. cit.* P. 29.

23 СУРЯПИН С. *Эволюция косвенного управления в Юго-Восточной Нигерии: система «назначенных вождей»* // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 4(51). С. 113–114.

24 Подробнее о сботах косвенного управления на нигерийском Юге см.: FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* Ch. 5.

«Культура игбо, всегда поощрявшая восприимчивость к переменам, индивидуализм и состязательность, предоставляла ее носителям неоспоримое преимущество перед соотечественниками. Продвигая себя в нигерийском колониальном обществе, игбо не были придавлены ни суровой религией, как хауса-фулани, ни традиционными иерархиями, как йоруба»²⁵.

Отталкиваясь от подобных предпосылок, некоторые современные исследователи напрямую связывают между собой практики косвенного управления XIX века и гражданскую войну XX века²⁶.

Все это приводило к весьма противоречивым последствиям. С одной стороны, к моменту предоставления независимости северяне располагали солидным потенциалом социального действия и политической мобилизации – народные массы Севера были более управляемыми. С другой стороны, большая подверженность южан европейским влияниям и, в частности, наличие среди них множества христиан позволяли им в приоритетном порядке занимать те места в управленческих структурах, которые отводились колонизаторами для чернокожих. Как отмечают историки, «с 1890-х умение читать и писать по-английски стало краеугольным камнем для выстраивания карьеры типичным представителем местного среднего класса»²⁷. Однако, если на Юге, например, перепись 1921 года зафиксировала наличие 32 тысяч граждан, получивших европейское образование, а количество действующих школ составляло 2200, то на Севере в тот же период практически не было ни того ни другого. В более поздние времена этот перепад самым роковым образом сказался на таком важнейшем государственном институте, как вооруженные силы: англичане, стремясь поддержать опекаемый ими Север экономически, широко привлекали на армейскую службу местных мусульман, но при этом в офицерском корпусе складывалась мощная прослойка из более образованных и лучше подготовленных христиан. Именно в силу сказанного «к провозглашению независимости вооруженные силы республики были укомплектованы в основном северянами, но возглавлялись по большей части южанами – в особенности игбо из Восточного региона»²⁸. Этот фактор в полной мере дал знать о себе в эпоху нигерийских военных переворотов 1960–1980-х.

25 АСНЕВЕ С. *Op. cit.* P. 46.

26 См., например: DAS A. *The Inseparable Ties with the Past: Indirect Colonial Rule in Nigeria and the Biafra War* // KORIEN C.J. (Ed.). *New Perspectives on the Nigeria-Biafra War: No Victor, No Vanquished*. Lanham: Lexington Books, 2021. P. 45–55.

27 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 127.

28 *Ibid.* P. 166.

Перепады, обособлявшие Север и Юг друг от друга, сохранялись и в организации самого колониального владычества. Нигерийская Конституция 1922 года (так называемая «Конституция Клиффорда»²⁹) расширила местную легислатуру до 46 членов, десять из которых были избираемыми. Важно подчеркнуть, что в число избираемых депутатов попали не только белые: три чернокожих депутата направлялись в законодательный совет мужским населением Лагоса, а еще один депутат – мужским населением Калабара. Для британской Африки это был первый случай выборного присутствия местных жителей в колониальной легислатуре³⁰. Более того, отныне этот орган мог заниматься ограниченным законотворчеством, принимая нормативные акты, действующие на территории бывшей колонии Лагос и южных провинций. Северные провинции, однако, продолжали напрямую управляться британским губернатором, опиравшимся на традиционные элиты. В 1939 году колониальная администрация сделала еще один шаг, обернувшийся самыми серьезными последствиями в дальнейшем: оставив нигерийский Север в неприкосновенности, Лондон разделил нигерийский Юг на две части – восточную и западную. Эта нарезка была закреплена в следующем Основном законе колониальной поры – в «Конституции Ричардса» (1946). С формальной точки зрения федерализм в этом акте пока отсутствовал, хотя первые его ростки уже появились. Помимо того, что законодательный совет во главе с генерал-губернатором был превращен в общенациональный орган, а представительство коренных жителей в нем было расширено – на их долю теперь приходилось более половины мандатов, – в колонии учреждались отдельные региональные легислатуры для Севера, Востока и Запада. Этим институциям вменялось в обязанность заниматься – правда, под надзором британских чиновников – вопросами местного значения. Хотя нигерийские историки склонны критиковать это новшество, указывая на то, что тогдашние областные парламенты «не имели практически никаких полномочий»³¹, оно объективно способствовало становлению политической субъектности нигерийских регионов. Исходя из сказанного вполне можно согласиться с мнением, что «само понятие “регионального”, закрепленное в “Конституции Ричардса”, послужило фундаментом для последующего выстраивания в Нигерии федеральной системы управления»³².

29 Каждой нигерийской конституции колониальной поры присваивалось имя британского губернатора, в правление которого она принималась.

30 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 134.

31 См.: NATUFE I. *Op. cit.* С. 100.

32 ADENIRAN O. *Nigeria (Federal Republic of Nigeria) // GRIFFITHS A., CHATTOPADHYAY R., LIGHT J., STIEREN C. (Eds.). The Forum of Federations Handbook of Federal Countries 2020. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 257.*

Процесс был продолжен в 1951 году, когда в результате внесения поправок в «Конституцию Ричардса» на свет появилась «Конституция Макферсона»: согласно обновленному Основному закону колонии, три региона получали возможность делегировать своих представителей в два новых органа: Совет министров в составе восемнадцати членов (двенадцать из них были нигерийцами) и Палату представителей в составе 142 депутатов (136 из которых были нигерийцами). Квоты регионов и в исполнительном, и в законодательном органе были равными, а отбор кандидатов поручался региональным легислатурам. Кроме того, эти легислатуры могли и законодательствовать в некоторых вопросах регионального значения – правда, с губернаторского одобрения. Народившиеся на рубеже 1940-х и 1950-х местные политические партии по большей части критиковали Конституцию 1951 года – в основном из-за того, что ее разрабатывали и совершенствовали без привлечения нигерийских специалистов. Такая критика, однако, в ретроспективе кажется не совсем добросовестной, поскольку, во-первых, Нигерия того времени почти не имела собственных юридических кадров, а во-вторых, обе версии Конституции – и 1946-го, и 1951-го – внесли неоспоримый вклад в приобщение нигерийских элит к федеративному устройству. Благодаря именно этой «конституционной гимнастике» к середине 1950-х будущие лидеры независимой Нигерии, несмотря на свою племенную, языковую, территориальную и религиозную разнородность, в большинстве своем уже воспринимали федерализм в качестве единственного базиса, способного обеспечить устойчивость их страны после ухода британцев. Кроме того, Конституция 1951 года впервые санкционировала проведение в колониальной Нигерии всеобщих выборов.

Главные проблемы, дебатировавшиеся в политическом и научном сообществе на протяжении десятилетия, которое предшествовало независимости, касались того, сколько составных частей должно быть в будущем суверенном государстве и по какому принципу их нарезать. Собственно, все разнообразие мнений сводилось к двум базовым позициям: согласно первой, за основу выстраиваемой федеративной конструкции предлагалось взять те самые три региона – Север, Восток и Запад, – которые и без того уже использовались в качестве административных единиц; согласно второй, количество сегментов федерации следовало существенно увеличить, наделив политической субъектностью максимальное число местных этнических и лингвистических групп. Региональные политики и региональные партии – а иных в тогдашней Нигерии, собственно, и не было – высказывались на этот счет по-разному.

С одной стороны, мусульманский Север поддерживал трехчленную схему, но при этом настаивал на том, чтобы все законопроекты, рассматриваемые федеральным парламентом, предварительно обсуждались в региональных легислатурах.

«Проект английского губернатора отвечал настроениям политиков Северного региона, проявивших готовность скорее поддержать план слабого конфедеративного договора с Югом, нечто вроде нигерийского общего рынка, чем прочный союз с обширными полномочиями федерального правительства – из опасения, что места в административном аппарате столицы и регионов, в том числе и самого Севера, заполнят более квалифицированные, образованные и мобильные южане»³³.

Лидеры северян, в том числе и будущий премьер-министр Абубакар Тафава Балева, высказывали опасения по поводу того, что степень готовности регионов к федеративным порядкам слишком разная и что подгонять отстающих – имелись в виду именно северяне, консервативные и патриархальные, – не стоит. Их можно было понять: местные политики «осознавали, что не имеющий выхода к морю Север вынужден сотрудничать с йоруба и игбо с Запада и Востока, но согласиться с централизованной управленческой системой они не могли»³⁴.

С другой стороны, христианизированный Запад пропагандировал подход, который условно можно назвать «вильсоновским»: он предполагал федеративное деление, призванное самым всесторонним образом учесть этническое и лингвистическое разнообразие колонии. Обафеме Аволово, один из политических лидеров йоруба, в 1947 году писал:

«В условиях подлинного федерализма к малым и большим группам следует относиться одинаково, несмотря на их численность. Каждая из них заслуживает автономии в решении своих внутренних вопросов, и у каждой должен быть собственный региональный парламент»³⁵.

Что же касается Востока, то позиция доминировавших там элит игбо предполагала, по крайней мере поначалу, высокоцентрализованный федерализм – который спустя десятилетия и взял верх.

Тем не менее главным «держателем акций» во всей этой истории было британское министерство по делам колоний: именно его позиция в конечном счете оказалась определяющей. Выстраивая свою линию, Лондон исходил из трех постулатов: во-первых, многоуровневая гетерогенность Нигерии предписы-

33 КАМЕНСКАЯ Г.В. *Указ. соч.* С. 82.

34 KENDLE J. *Federal Britain: A History*. London; New York: Routledge, 1997. P. 145.

35 Цит. по: NATUFE I. *Op. cit.* С. 102.

вает ей федеральную форму правления; во-вторых, наделение политической субъектностью не только «большой тройки», а всех более или менее крупных нигерийских групп повлечет за собой фрагментацию политики и дестабилизацию экономики; наконец, в-третьих, необходимо уважать желание Севера самостоятельно вершить собственные дела, избегая избыточно централизованного федерализма³⁶. (Последнее не было пустым опасением: в 1950 году Северный регион уже угрожал покинуть федерацию, если ему не гарантируют равную с Югом норму политического представительства.)

В 1954 году с одобрения британского парламента была принята первая Конституция, провозглашавшая колонию федерацией («Конституция Литтлтона»). В ее состав входили три региона и федеральный округ Лагос. Законодательную власть в федеративном государстве осуществляла однопалатная легислатура, состоявшая из 184 депутатов, 92 из которых представляли Север, 42 и 42 – Восток и Запад, шесть – Британский Камерун, административно подчиненный Нигерии, и два – федеральный округ Лагос. Федеральные министерства комплектовались лидером победившей на общенациональных выборах партии, а еще четыре министра делегировались законодательными собраниями каждого из трех регионов, а также Британского Камеруна. В то время как федеральный центр оставлял за собой внешнюю политику, оборону и безопасность, регионы отвечали за начальное и среднее образование, сельское хозяйство, здравоохранение и местное самоуправление. Предполагалась также сфера совместной компетенции, включавшая регулирование экономического развития, рынка труда, высшей школы. Правовая система и публичная служба были регионализированы. Иначе говоря, этот этап вполне можно назвать классикой федералистского жанра; единственным отступлением от общепринятого на тот момент стандарта было то, что площадкой территориально-административного переустройства становилась не очередная колония, основанная белыми поселенцами, а самая что ни на есть черная колония. В целом же нигерийский случай представлял собой «федерацию через разукрупнение» (*federation by disaggregation*)³⁷.

Родовые травмы Первой Республики

В принципе, врожденные пороки нигерийского федерализма, сполна проявившиеся после выхода страны из-под колониальной власти, начали обнаруживаться уже в 1955–1960 годах,

36 См.: KENDLE J. *Op. cit.* P. 145–146.

37 ADENIRAN O. *Op. cit.* P. 258.

по мере того, как три федерирующихся региона понемногу приспосабливались к новообретенному статусу самоуправляющихся территорий. К моменту провозглашения полной независимости от Великобритании, которое состоялось 1 октября 1960 года, уже было очевидно, что каждый из регионов, «оставшихся почти полностью самостоятельными социально-политическими единицами»³⁸, контролируется одной из трех основных этнических групп, на тот момент в совокупности составлявших две трети населения страны: хауса-фулани (Север, 29%), игбо (Восток, 18%) и йоруба (Запад, 21%). По оценкам этнографов, в Нигерии проживают около 250 лингвистических групп, причем более 65% населения составляют три вышеупомянутых крупнейших этноса, а шесть следующих за ними крупных групп дают в совокупности еще 25%. Не исключено, что как раз этим и диктовался замысел британских творцов федерации, стремившихся сузить поле потенциальных конфликтов, казавшихся неизбежными в столь пестрой среде. Но они не предвидели (или не захотели предвидеть), что каждая группа, опираясь на свое региональное господство, включится в жесткую борьбу за федеральный центр, попутно подавляя в подконтрольных региональных парламентах политическое представительство меньшинств, не входящих в «большую тройку».

Для Африки такие конфликты были типичным заболеванием, обычно сопровождавшим развитие новых государств, которые населены более или менее равновеликими этническими группами, хотя нигерийский случай усугублялся крайней разобщенностью составных частей новорожденной федерации. Как и в родезийской ситуации, Лондон привычно рассматривал различные сегменты своего владения в качестве самостоятельных колоний, и «вплоть до 1946 года нигерийцы, проживавшие в двух частях страны, почти не имели административных или политических контактов друг с другом»³⁹. Именно в этом состояла главная причина, заставлявшая мусульманский север Нигерии с большим подозрением относиться к идее независимости; с определенного момента ее пропагандировала Великобритания, которая пыталась поскорее избавиться от колониальных обременений. Дело усугублялось еще и тем, что за послевоенные годы в Нигерии так и не сложилось общенациональное движение, добивающееся политической эмансипации; соответственно, и политических лидеров, готовых пожертвовать местными или региональными приоритетами ради процветания колониальной нации как целого, там тоже не было.

38 DIKSHIT R.D. *The Political Geography of Federalism: An Inquiry into Origins and Stability*. New Delhi: The Macmillan Company of India, 1975. P. 211.

39 PADEN J. *Muslim Civic Cultures and Conflict Resolution: The Challenge of Democratic Federalism in Nigeria*. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 2005. P. 37.

Указывая на описанную выше ситуацию, некоторые местные ученые утверждают, что населяющие британскую Нигерию пестрые группы только выиграли бы в том случае, если бы местные политические активисты в 1960 году отвергли проект единого государства и пошли своими самостоятельными путями. «Изумляет и удручает то, как нигерийские лидеры с Востока, Запада и Севера, осуждая слияние 1914 года как “фарс”, “обман” или “ошибку”, одновременно всеми силами пытались этот беспорядок легитимировать», – пишет Игхо Натуфе. С его точки зрения, нигерийцам следовало бы взять за образец чернокожих жителей Северной и Южной Родезии, а также Ньясаленда, отвергших навязанный колонизаторами федеративный союз и выбравших независимость⁴⁰: нигерийские элиты «допустили фатальный просчет, не позволив исправить допущенную в 1914 году ошибку, когда для этого представилась подходящая возможность»⁴¹. Если учесть все те метаморфозы, которые были пережиты нигерийской федерацией в дальнейшем, подобные заявления покажутся небезосновательными.

Получив независимость, Нигерия за первые три года своего существования сменила две Конституции. В интересующем нас контексте главным отличием Основного закона 1960 года от Основного закона 1963 года стало то, что во второй из упомянутых Конституций британская королева формально перестала быть главой государства, уступив верховенство республиканским властям. При этом обе эти Конституции оставались федеральными по своей сути, поскольку учреждали в стране сильные регионы (в 1960-м их было три, а в 1963-м четыре: из территории западной Нигерии был выкроен Средне-Западный регион), располагающие собственными конституционными хартиями и органами государственной власти. В бывшей колонии устанавливалась парламентарная форма правления вестминстерского типа, предусматривавшая наличие сильной легислатуры и слабого президента. Глава государства избирался на пять лет двухпалатным федеральным парламентом, а проводимая им политика зависела от депутатской поддержки⁴².

Новорожденная федерация, вступающая в большую жизнь с немалым оптимизмом, удивляла исследователей по меньшей мере двумя своими особенностями, противоречившими друг другу. С одной стороны, специфической чертой Нигерии выступало то, что многочисленные этнические группы проживали здесь в основном *компактно*, а не *рассеянно*, как во многих

40 О печальном федеративном опыте союза двух Родезий и Ньясаленда см. мою статью: ЗАХАРОВ А. *Федерация Родезии и Ньясаленда в исторической перспективе: белые начинают и проигрывают* // Неприкосновенный запас. 2022. № 5(145). С. 178–203.

41 NATUFE I. *Op. cit.* С. 106.

42 ADENIRAN O. *Op. cit.* P. 258.

других постколониальных государствах – причем численно доминирующий этнос в стране вообще отсутствовал. Это очевидно снижало конфликтный потенциал сложносоставного нигерийского социума, поскольку теоретически в нем должно было действовать правило «все в меньшинстве», сдерживающее политическую конкуренцию. Но, с другой стороны, согласившись на завещанную британцами крупномасштабную территориально-административную нарезку, федерация собственными руками дезавуировала только что упомянутый залог своей стабильности, поскольку, во-первых, в каждом из трех полиэтничных субъектов выделялась *доминирующая* этническая группа (хауса-фулани на Севере, йоруба на Западе и игбо на Востоке), а во-вторых, один из этих субъектов – а именно Север, – одолевал бывший Юг (ныне Восток плюс Запад) как по численности населения, так и по территории, что не могло не побуждать северян к «захвату» федерации⁴³. (Согласно официальным данным, к моменту провозглашения независимости на долю Севера приходилось 53,8% нигерийского населения и 75% нигерийской территории⁴⁴.) Более того, дело усугублялось еще и тем, что колонизаторы, уходя, оставили нигерийцам сформированную за десятилетия своего господства систему ранжирования лояльности местных сообществ: хауса-фулани считались в ней приоритетной группой, которой, несмотря на традиционализм и отсталость, можно доверять важные управленческие рычаги; следующими кандидатами на доступ к власти рассматривались йоруба, за ними шли игбо и так далее. Специалисты вполне обоснованно указывают, что эта этническая иерархия сохраняла «определяющее значение для постколониальной истории страны на всем ее протяжении»⁴⁵.

В 1960-х и 1970-х африканские лидеры, опиравшиеся на свои этнические группы, повсеместно сражались между собой за контроль над центральными органами власти новорожденных государств, и нигерийская федерация отнюдь не стала исключением из этого правила. Кстати, почти во всех случаях краха африканских федералистских экспериментов без труда «можно обнаружить ту или иную группу, которой, в конечном счете, удавалось взять федеральный центр под свой контроль, оставив проигравшей стороне единственное “институциональное” решение – роспуск федерации»⁴⁶. Бесспорно пагубную роль в нигерийской динамике сыграло и то обстоятельство, что

43 См.: КАМЕНСКАЯ Г.В. *Указ. соч.* С. 77; KENDLE J. *Op. cit.* P. 146.

44 DIAMOND L. *Class, Ethnicity and Democracy in Nigeria: The Failure of the First Republic*. Houndmills: The Macmillan Press, 1988. P. 24.

45 БОНДАРЕНКО Д.М. *Постколониальные нации в историко-культурном контексте*. М.: ЯСК, 2022. С. 56.

46 FILIPPOV M., ORDESHOOK P., SHVETSOVA O. *Designing Federalism: A Theory of Self-Sustainable Federal Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 65.

в Нигерии федеративное устройство, оказавшееся, как в бывшем Советском Союзе, национально-территориальным, дополнялось многопартийной системой вестминстерского типа. Стимулирование партийной конкуренции в среде, где базовые типы общественной солидарности сводились к привязанности к собственной лингвистической или племенной группе, ожидаемо выливалось в то, что «никакая другая электоральная стратегия не могла в плане эффективности сравниться с манипуляциями, объектами которых выступали этнические чувства и предрассудки»⁴⁷. Как следствие, еще в колониальную эпоху зарождающийся общенигерийский национализм диссоциировался, распавшись на несколько конкурирующих национализмов, с разной степенью интенсивности выяснявших отношения не только с колониальной системой, но и друг с другом.

Инструментами, поддерживавшими подобный политический этос, выступили созданные на рубеже 1940-х и 1950-х партии, претендующие на представительство крупнейших этнических групп: «Народный конгресс Севера» – НКС (хауса-фулани), «Группа действия» – ГД (йоруба), «Национальный совет Нигерии и Камеруна» – НСНК (игбо)⁴⁸. Причем вопреки ожидаемому общая картина отнюдь не была примитивно трехчленной, оказываясь гораздо сложнее и наделяя политическое бытование новорожденного государства некоторыми весьма специфическими чертами. Дело в том, что на территории каждого из входящих в федерацию регионов проживали довольно многочисленные этнические меньшинства, которые, желая обезопасить себя от доминирования групп «большой тройки» и стремясь получить доступ к ресурсным базам молодой нации, с самого основания независимой государственности требовали той или иной степени автономии. Поскольку в совокупности на них приходилась почти треть нигерийского населения, в каждой административной области они оказывались значимой политической силой, с которой «тяжеловесы» неизменно вынуждены были считаться. Иными словами, как констатировал Ларри Даймонд, «демографический баланс этнических групп внутри каждого региона превращался в важный фактор нигерийской политики»⁴⁹.

Хорошую иллюстрацию в этом отношении предоставляет НКС. Эта партия, прочно опираясь на аристократические семейства бывшего государства Сокото, тем не менее остро нуждалась в конструктивном взаимодействии с этнолингвистичес-

47 DIAMOND L. *Op. cit.* P. 41.

48 Базовую информацию о политических партиях Первой республики см. в справочнике: FALOLA T., GENOVA A., HEATON M. *Historical Dictionary of Nigeria*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2018. Там же можно найти краткие биографии политических деятелей, упоминаемых в этом тексте.

49 DIAMOND L. *Op. cit.* P. 24.

кими меньшинствами, проживавших в Северном регионе, но за пределами исторических границ халифата. Внешне может показаться, что ублажение меньшинств северным нотаблям было не очень-то и нужно, поскольку созданная ими еще при колонизаторах политическая машина оставалась достаточно мощной для того, чтобы прочно удерживать власть в отдельно взятом территориальном сегменте страны. Однако после обретения независимости, изменившего правила политической игры, «без содействия со стороны “своих” меньшинств нельзя было установить чаемый контроль над федеральным парламентом, наперед предотвращающий любые покушения центральной власти на социальную систему Севера»⁵⁰.

К использованию меньшинств в корыстных интересах, которое сделалось особенно беззастенчивым после провозглашения республики, обращались и две другие группировки, входившие в тройцу ведущих партий. У всех ключевых игроков стратегия, применяемая внутри подконтрольных им регионов, была одной и той же: меньшинства, готовые взаимодействовать с правящим большинством, поощрялись, а не готовые сотрудничать, напротив, подавлялись. К меньшинствам же, проживающим у соседей, отношение было не столь однотипным: если йоруба и игбо, желая ослабить друг друга, а заодно и северян, неустанно занимались подстрекательством малых групп на чужих территориях, то хауса-фулани довольствовались лишь сдерживанием подобных сантиментов у себя дома, не вмешиваясь в дела соседей:

«В то время, как “Группа действия” и “Национальный совет Нигерии и Камеруна” с неистовством поддерживали сепаратистские устремления меньшинств за своими границами, [...] “Народный конгресс Севера”, равнодушно взирая на раскольническую активность на Юге, жестко расправлялся с ней на Севере»⁵¹.

В организационных моделях, где присутствуют три игрока, очень трудно договариваться о стабильных правилах взаимодействия:

«Системы, где взаимодействуют лишь три (или даже четыре) региона участника, почти не оставляют возможностей для позиционной гибкости, меняющихся коалиций, а также торга, переговоров и компромиссов, которые наличествуют в федеративных объединениях с большим числом субъектов»⁵².

Такие структуры неустойчивы, поскольку каждая входящая в триумвират сторона все время ждет неприятностей от парт-

50 Ibid. P. 39.

51 Ibid. P. 53.

52 Ibid. P. 294.

неров, в особенности опасаясь их объединения – против себя. Оказавшись в подобной ситуации, каждый участник разрабатывает специфическую тактику, нацеленную на обеспечение стратегического преимущества, иногда весьма замысловатую и многоходовую. Мусульманская элита хауса-фулани, соседствуя в одной политической системе с гораздо более передовыми, образованными и динамичными этническими группами, изначально ощущала экзистенциальные риски, заставлявшие ее размышлять об адекватных мерах противодействия конкурентам. В колониальный период Север стал своего рода социально-политическим заповедником, законсервированным и оберегаемым англичанами. Как отмечает Даймонд, «предвзятость колониальных властей в отношении “Народного конгресса Севера” даже не скрывалась», поскольку общей целью как Лондона, так и этой партии выступало «сохранение и упрочение старой системы классового доминирования в Северной Нигерии»⁵³. Собственно, альтернативы у метрополии не было: ГД и НСНК в своих программных установках были гораздо прогрессивнее и радикальнее. Не желая подрывать свои шансы на дальнейшее господство, лидеры северяян просили колонизаторов не торопиться с предоставлением Нигерии независимости: они боялись, что это обернется засильем южан – в среднем более предприимчивых и образованных – в их собственном доме. На Севере угрозой представлялась сама политика «нигеризации» высших эшелонов гражданской службы, вынужденно запущенная Лондоном в 1945 году: если в 1939-м высокопоставленные административные должности занимали лишь 23 нигерийца, то 1953-м их число составляло без малого 800 – и, разумеется, вопреки предпочтениям самих британцев, преобладали в этих рядах не мусульмане, которым, несмотря на благосклонность со стороны колонизаторов, элементарно не хватало необходимых компетенций⁵⁴. Деятели, делегированные Севером в центральные органы власти колонии, всячески тормозили продвижение к самоопределению, что вызывало гнев иных этнических партий, уязвленных тем, что шахматисты называют «потерей темпа».

В 1953 году вспыхнул конфликт, который задал рамку не только для последующих политических спазмов, сотрясавших Первую республику на всем протяжении ее недолгой и злополучной жизни, но и, в некоторых своих особенностях, вообще для всех будущих катаклизмов независимой Нигерии. Поводом послужило внесение в федеральную легислатуру законодательной инициативы (*Motion of Destiny*), предполагавшей предоставление Нигерии независимости в течение трех лет – к 1956 году. Северные элиты, уверенные, что к этой дате их

53 Ibid. P. 35–36.

54 См. соответствующие статистические данные: FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 148.

регион никак не успеет догнать Юг в плане образовательного, профессионального, социального развития, заблокировали этот проект: Ахмаду Белло, руководитель НКС и прямой наследник правящей династии Сокото, внес поддержанное большинством альтернативное предложение, заменяющее в законопроекте дату «1956» на фразу «как только будет возможно». Выступая с парламентской трибуны, он добавил: «Ставя перед собой цели, мы должны быть реалистами. При нынешнем положении дел, сложившемся в Нигерии, Северный регион не собирается принимать приглашение совершить самоубийство»⁵⁵. После завершения сессии представители северян в общенациональной Законодательной ассамблее подверглись оскорблениям на улицах Лагоса, а также нападкам в южной прессе. Вернувшись домой, парламентарии-северяне совместно с региональными властями принялись разрабатывать план, предусматривавший если и не прямое прощание с Нигерией, то как минимум превращение ее в зыбкую конфедерацию. Южные партии ответили на это отправкой на Север своих делегаций, которым поручалось развернуть среди местных жителей агитацию за независимость. Прибытие одной из таких групп, составленной из представителей ГД, в северный город Кано вызвало четырехдневный бунт, в ходе которого был разорен местный квартал, где проживали мигранты с Юга. В результате двести человек были ранены, а 36 убиты; среди жертв преобладали представители игбо. Как показало скорое будущее, конфликт оказался архетипическим.

Как уже говорилось, важнейшей специфической особенностью нигерийской диспозиции было то, что ни одна этническая группа, включенная колонизаторами в «большую тройку», не имела абсолютно надежной опоры в собственном регионе: если на долю хауса-фулани приходилась примерно половина населения Севера, то на долю йоруба и игбо – примерно по две трети населения Запада и Востока. Шаткость политической опоры трех партий-гегемонов имела по меньшей мере два серьезнейших институциональных последствия. Первым из них стало то, что каждая из этих доминирующих политических сил была вынуждена, причем в императивном порядке, «задушить» всех конкурентов в своем субъекте федерации, полностью монополизировав региональные рычаги власти. С разной степенью успеха партии-флагманы начали добиваться этого еще до перехода к независимости, завершив консолидацию после ее провозглашения: на региональных выборах 1960–1961 годов ГД получила 63% мест в ассамблее Западного региона, НСНК взял под контроль 85% мест в ассамблее Вос-

55 Цит. по: OSADOLOR O. B. *Op. cit.* P. 36.

точного региона, а НКС увенчал свое доминирование завоеванием 96% мест в ассамблее Северного региона. Однако – и это второе из упомянутых роковых последствий, – поскольку Нигерия была федеративным государством, региональные элиты не могли довольствоваться только победами местного значения: для обеспечения себе безоблачного (и, что еще важнее, безбедного) существования каждая из них неизбежно стремилась обзавестись «контрольным пакетом» в федеральном центре. В итоге местная политика превратилась в «межэтническое противоборство, ведущееся по принципу “победитель получает все” и разворачивающееся в такой среде, где принадлежность к оппозиции приравнивается к предательству»⁵⁶.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«БРЕМЯ ЧЕРНОГО
ЧЕЛОВЕКА»...

Поскольку Нигерия была федеративным государством, региональные элиты не могли довольствоваться только победами местного значения: для обеспечения себе безоблачного и безбедного существования каждая из них неизбежно стремилась обзавестись «контрольным пакетом» в федеральном центре.

Сказанное означало развертывание бескомпромиссной войны всех трех базовых регионально-этнических групп за федеральный кабинет и его ресурсы, причем для южан эта борьба осложнялась еще и необходимостью упрочивать свою электоральную базу не только дома, но и в соседних регионах, поскольку ни у Востока, ни у Запада не хватало сил в одиночку отбить притязания Севера и монополизировать центр. (Надо отдать должное прозорливости британских дизайнеров-государственников: раскалывая нигерийский Юг на Восток и Запад, они явно знали, кому подыгрывают.) В свою очередь после беспорядков в Кано северные правящие круги решили, что для сохранения лелеемого ими режима феодального, деспотичного и централизованного клиентелизма одного только политико-экономического «окукливания» опекаемых ими территорий будет недостаточно: исламским эмиратам, чтобы выстоять и выжить, требовалось утвердить свое господство и над остальной территорией страны. В 1958 году премьер-министр Северного региона Ахмаду Белло, представляющий аристократический истеблишмент Сокото, официально заявлял: возглавляемое им региональное правительство, не таясь, добивается, «чтобы северяне прибрали к рукам всю страну»⁵⁷. Подготавливаясь к ре-

⁵⁶ Ibid. P. 38.

⁵⁷ DIAMOND L. *Op. cit.* P. 51.

шающим сражениям, нотабли хауса-фулани – общности, составившей лишь *половину* северного населения – гарантировали себе *три четверти* мест в региональном парламенте. Опираясь на этот плацдарм, НКС вступил в избирательную кампанию 1959 года, имевшую для всех сторон принципиальное значение: именно этим выборам предстояло определить, какое правительство будет возглавлять будущую независимую Нигерию. По итогам парламентских выборов северянам не хватило девяти голосов, чтобы обеспечить себе абсолютное большинство в федеральном парламенте и, следовательно, самовластно сформировать кабинет. Южные партии в лице ГД и НСНК выступили в электоральной гонке гораздо хуже соперника, поскольку им пришлось сражаться не только с северянами, но еще и между собой, а также с многочисленными этническими партиями малых групп, расплывавшими их электоральные ресурсы.

Северянам, однако, требовался союзник из числа оставшихся участников «большой тройки», поскольку до «контрольного пакета» они немного не дотянули. Выбор в силу ряда причин был сделан в пользу восточного НСНК – именно этой партии Балева, руководитель парламентской фракции НКС, предложил войти в коалиционное правительство. Несмотря на многочисленные претензии в адрес хауса-фулани, политические вожди игбо решили согласиться, приняв во внимание как минимум два соображения: во-первых, их партия уже двадцать лет непримиримо и люто враждовала с ГД, в которой видела главного соперника в битве за доминирование на Юге; во-вторых, потенциальная коалиция игбо и йоруба теоретически могла, как они опасались, ожесточить Север или даже подтолкнуть его к сецессии. Таким образом, к провозглашению независимости, состоявшемуся 1 октября 1960 года, этнополитический конфликт обернулся сговором двух игроков «большой тройки» против третьего. Почти сразу после своего появления на свет Первая республика утратила всякие шансы на долгую и счастливую жизнь, поскольку в ней самым вопиющим образом было нарушено «базовое правило, согласно которому ни один субъект федерации не может быть настолько мощным, чтобы перевешивать всех остальных в их совокупности»⁵⁸. Трехчленная федеративная схема, в которой этническое деление совпадало с территориальным, заведомо не могла обеспечить выживание новорожденной страны, обрекая ее на бесконечные неприятности; однако осознанию этого мешало корыстное опьянение невероятными возможностями обогащения, вдруг открывавшимися перед нигерийским правящим классом по мере ухода колонизаторов.

58 Dikshit R.D. *Op. cit.* P. 213–214.

Первым серьезным кризисом, изобличающим несостоятельность нигерийской федеративной модели, стал острейший политический конфликт в Западном регионе, пришедшийся на 1962–1963 годы. Политическими хозяевами этой территории еще с британских времен были Обафема Аволово и его партия ГД, которую, видимо, можно назвать самой левой из «большой тройки». После того, как Север и Восток в лице НКС и НСНК договорились о политической маргинализации ГД, сплотившись в правящий дуумвират Первой республики, Аволово, «магнетический лидер народа йоруба»⁵⁹, стал склоняться к еще более радикальным позициям, все шире используя лозунги «борьбы с неокOLONIALИЗМОМ», «социалистического распределения» и «национализации экономики». Одновременно, желая укрепить электоральный потенциал партии и расширить зону ее влияния за пределы территорий расселения йоруба, он взял курс на превращение своей группировки в полноценного общенационального игрока, активно работающего не только у себя дома, но во всех частях федерации без исключения. Это не могло не насторожить элиты Севера и Востока, которые вовсе не собирались позволить популистам из ГД расшатать устоявшуюся систему регионального патронажа в своих родных уделах. Более того, выход на федеральный уровень не был поддержан и внушительной фракцией внутри самой ГД: здесь антагонистом партийного руководства выступил юрист и выпускник Оксфордского университета Сэмюэл Ладоке Акинтола⁶⁰, который, будучи с 1959 года премьер-министром Западного региона (этот пост ему, как однопартийцу, доверил занимавший его ранее Аволово) и политическим оппортунистом, был готов довольствоваться устоявшимся политическим раскладом – то есть не покушаться на властную монополию нотаблей хауса-фулани и примкнувших к ним вождей игбо на федеративном уровне:

«В то время, как фракция Аволово заманивала НСНК в общенациональную прогрессивную коалицию, способную выступить против НКС, фракция Акинтолы, напротив, добивалась соглашения с северянами, позволявшего сохранить *status quo* в обмен на предоставление политическому классу Западного региона более широкого доступа к федеральным ресурсам»⁶¹.

59 См.: *Awolowo, Chief Obafemi (1919–1987)* // FALOLA T., GENOVA A., HEATON M. *Op. cit.* P. 62.

60 Именно Акинтола в 1953 году возглавлял депутацию «Группы действия», визит которой в северный город Кану, упоминавшийся выше, вызвал серьезные межэтнические столкновения. См.: *Akintola, Chief Samuel Ladoke (1910–1966)* // FALOLA T., GENOVA A., HEATON M. *Op. cit.* P. 42–43.

61 DIAMOND L. *Op. cit.* P. 95.

Иными словами, вознамерившись переустроить патронажные основы нигерийского федерализма, Аволово – вождь ГД и самый видный политик йоруба – настроил против себя едва ли не всех ведущих деятелей независимой Нигерии, причем как северян, так и южан, и поэтому его столкновение с системой сделалось неизбежным, а исход схватки был предопределен заранее.

В мае 1962 года, после того, как сторонники Аволово в парламенте Западного региона попытались сместить с поста отбившегося от рук местного премьер-министра, не собиравшийся уходить Акинтола дал указание своей фракции парализовать работу легислатуры. Свирепые потасовки в зале заседаний, сопровождавшиеся порчей государственного имущества, повлекли за собой довольно необычные для вестминстерской демократии меры: полиция сначала распылила в парламенте слезоточивый газ, а потом опечатала его двери. 29 мая премьер-министр страны Балева внес в Палату представителей предложение о введении в Западном регионе чрезвычайного положения. Инициативу поддержали парламентарии от НКС, НСНК и ГД из фракции Аволово (209 «за» и 36 «против»). После этого федеральные власти учинили в Западном регионе форменный разгром: они сместили с постов регионального губернатора, региональный кабинет министров и руководство иных исполнительных ведомств, возложив поддержание правопорядка и жизнедеятельности на территории на специально назначенного федерального администратора. Как выяснилось позже, это было только начало «зачистки», поскольку в сентябре 1962 года лидер ГД Аволово был арестован по обвинению в подготовке государственного переворота; премьер-министр Балева лично рассказал изумленной нации о созданной им подпольной военизированной организации, планировавшей захват власти. В ходе расследования федеральная прокуратура предъявила обвинения в заговоре тридцати сподвижникам Аволово – практически всей верхушке ГД. Почти синхронно органы финансового контроля обнародовали доклад о масштабных злоупотреблениях в расходовании бюджетных средств, допущенных властями Западного региона за годы правления этой партии. Премьер-министр Восточного региона Майкл Окпара, который представлял натерпевшийся от соседских интриг НСНК, поспешил обрушить на Аволово праведный гнев, заявив, что ГД «во имя своего социализма выдоила регион дочиста» – и призвав к роспуску партии-конкурента «ради общественного блага»⁶². Иначе говоря, у всех серьезных игроков накопилось достаточно оснований, чтобы попытаться навсегда вытолкнуть ГД с нигерийской политической сцены.

62 Ibid. P. 108.

В сентябре 1962 года Аволово был отправлен под домашний арест, а в январе 1963-го, после завершения федерального вмешательства, ренегат Акинтола был вновь утвержден премьер-министром Западного региона – на этот раз в качестве главы собственной и свежее испеченной «Объединенной народной партии» (ОНП). Его группировка могла удерживать региональные командные высоты только при поддержке соседей из НСНК. Политики игбо, пытаясь выжать из разгрома ГД максимум возможного, обусловили такую поддержку согласием Акинтолы на учреждение нового – и четвертого в нигерийской федерации – Средне-Западного региона, который выкраивался из территорий йоруба: он был в основном населен этническими меньшинствами, со многими из которых игбо еще раньше наладили прочные связи, подстрекая их против конкурентов из ГД. Для НСНК создание нового субъекта федерации было явно выгодным, поскольку оно, во-первых, наращивало вес этой партии на федеральной арене (вместо одного региона она могла теперь контролировать два), а во-вторых, еще больше ослабляло конкурентов-йоруба, у которых самым беспардонным образом откусывали кусок освоенной территории. Как только в августе 1963 года обособление нового федерального субъекта было подтверждено местным референдумом, НСНК начал выстраивать здесь свои партийные плацдармы. В том же году вождь поверженной ГД Аволово получил десятилетний тюремный срок за государственную измену. С этого момента эффективная оппозиция в Нигерии на время вообще исчезла.

В ходе описанных событий трехпартийная система, практикуемая в федерации и теперь оказавшаяся на грани краха, обнаружила свой главный дефект: она волей-неволей влекла за собой объединение двух игроков в обоюдном желании уничтожить третьего. Соответственно, «когда федеральная правящая коалиция перешла своего рода Рубикон, введя чрезвычайное положение в Западном регионе, в головах наиболее воинственных членов ГД невольно начали роиться мысли об отмщении и государственном перевороте», – пишет Даймонд⁶³. Нельзя не обратить внимание на то, что, вместо того, чтобы объединенными усилиями сдерживать все более могущественный Север, доминирующие партии Юга ожесточенно воевали между собой. Кроме того, кризис показал, что отныне правящие этнические группировки не будут уверенно чувствовать себя даже дома, а это наносило мощный удар по всему нигерийскому национально-территориальному федерализму. Учитывая все сказанное, вполне можно согласиться с мнением, что именно кризис, вспыхнувший в 1962 году в Западном регионе, «стал той вехой,

63 Ibid. P. 125.

с которой начались упадок Первой республики и последовавшая вслед за ним череда военных переворотов»⁶⁴.

Едва пережив один кризис, Первая республика незамедлительно свалилась в другой. На этот раз общенациональные потрясения были связаны с переписью населения. Намеченную на 1962 год перепись все южные политики, причем, невзирая на трения между йоруба и игбо, ожидали с немалым воодушевлением: «они искренне надеялись, что мероприятие зафиксирует численное преобладание Юга и тем самым положит конец господству Севера в федеральном парламенте»⁶⁵. Подсчет душ превратился в неприглядную политическую акцию, в которой партийные лидеры и активисты, не щадя себя, «работали на результат», поскольку от полученных показателей зависело распределение власти и ресурсов. Первые итоги, подведенные к маю, продемонстрировали невероятные цифры: прирост населения в Восточном и Западном регионах всего лишь за десятилетие составил около 70%(!), а в некоторых районах – от 120% до 200%. Что касается Северного региона, то его демографические достижения выглядели гораздо скромнее – около 30%⁶⁶. Если бы эти цифры были официально утверждены, то южанам удалось бы исполнить давнюю мечту и, наконец, оттеснить северян от рычагов управления федерацией.

Но это понимали и на Севере, и потому в феврале 1963 года после долгих препирательств и громких обвинений правительство Балева объявило об аннулировании результатов и назначении новой переписи населения на 1963 год. В связи с огромным масштабом скандала фиаско на этот раз оказалось еще более грандиозным, поскольку региональные правительства и местные политики вновь мобилизовали все силы на получение нужных результатов. В итоге во второй переписи численность нигерийских граждан на бумаге демонстрировала еще больший прирост, чем был показан после первой переписи, что, разумеется, вызвало политическую бурю. Интересно, что теперь лучше постарался Север – переписчики внезапно обнаружили восемь миллионов новых северян, каким-то образом ускользнувших от предыдущего подсчета. Удивляться, впрочем, не приходится, поскольку, как сообщали очевидцы, в некоторых местах в протоколы переписи включали даже домашнюю скотину⁶⁷. В целом же из собранных ведомостей следовало, что население страны за десять лет выросло на 83%, продемонстрировав прирост в 5,7% ежегодно, неслыханный даже для Африки с ее неординарной рождаемостью. Долгий

64 *Action Group Crisis* // FALOLA T., GENOVA A., HEATON M. *Op. cit.* P. 24.

65 DIAMOND L. *Op. cit.* P. 132.

66 См.: HILL J.N.C. *Op. cit.* P. 49.

67 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 168.

отказ федерального правительства обнародовать результаты и уличные столкновения политических оппонентов между собой и с полицией перетасовали все политическую палитру федерации, еще более обнажив ее структурный конфликт, сталкивающий Север и Юг. В конечном счете, помимо Северного региона, результаты были признаны правительствами Западного региона (Сэмюэл Ладоке Акинтола не зря считался ма-рионеткой Севера) и Средне-Западного региона (его премьер-министр Деннис Осадебай, член НСНК, послушался собственной партии «ради сохранения национального единства»⁶⁸). Восточный регион остался почти в полной политической изоляции – один против всех. Именно после злополучной переписи НСНК решил разорвать коалиционное соглашение с НКС, на котором зиждилось все здание Первой республики – переключившись, вместо этого, на альянс с недобитой ГД. Иначе говоря, лидеры игбо и йоруба, двух доминирующих этнических групп Юга, предварительно измотав и обескровив себя в междоусобных политических битвах, наконец, пришли к осознанию того, кто на самом деле выступает подлинной и главной угрозой федеративному строю.

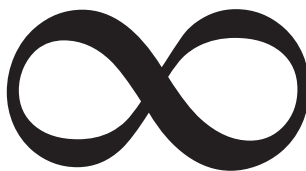
АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«БРЕМЯ ЧЕРНОГО
ЧЕЛОВЕКА»...

Во второй переписи численность нигерийских граждан на бумаге демонстрировала еще больший прирост, чем был показан после первой переписи, что, разумеется, вызвало политическую бурю. Удивляться, впрочем, не приходится, поскольку, как сообщали очевидцы, в некоторых местах в протоколы переписи включали даже домашнюю скотину.

Дальше события развивались закономерно. Северяне в ответ прокляли бывших союзников, заявив о коварстве и изменничестве игбо; эти официальные инвективы, а также хвастливые заявления представителей НКС о том, что отныне партия северян «будет править федерацией вечно»⁶⁹, ощутимо повысили градус триединого – политического, этнического и территориального – конфликта, терзавшего молодую нацию. Разумеется, в памяти игбо, особенно проживавших на Севере, были живы воспоминания о погроме, учиненном в Кано в 1953 году. Но, как бы то ни было, в конечном счете, южане опять проиграли: согласно официально признанным результатам переписи, Север не только подтвердил, но и расширил свое демографическое

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ DIAMOND L. *Op. cit.* P. 142.

преимущество над Югом – со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями. Самым главным стало то, что депутаты-северяне по-прежнему занимали более половины кресел в общенациональной легислатуре: исходя из обновленного демографического баланса им доставалось более 53% мест. Консервативная элита хауса-фулани в очередной раз разгромила соперников, незаметно для себя сделав еще один шаг к будущему краху республиканской системы и последующей гражданской войне.

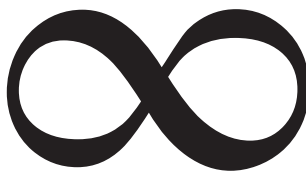
Наконец, одним из последних «звонков», оповещавших о неминуемой политической буре, стали скандальные федеральные выборы 1964 года. Накануне Север, воодушевившись своей «демографической победой», вопреки устоявшимся обыкновениям и впервые за все время нигерийских электоральных состязаний начал напрямую вмешиваться в политическую борьбу на Юге. Это произошло в ходе выборов в новообразованном Средне-Западном регионе, прошедших в 1963 году. Вступив в коалицию с ОНП, которую возглавлял Акинтола, и региональным объединением национальных меньшинств, НКС чуть не нанес поражение НСНК буквально на домашнем поле, поскольку Средне-Западный регион изначально рассматривался политическими элитами игбо как собственная вотчина. Чудом избежав очередного удара от северян, южане по-настоящему ожесточились. Главным итогом этого потрясения явилось создание единого предвыборного фронта, объединившего НСНК с ГД, разгрому которой первый совсем недавно всеми силами способствовал.

Фигуры на доске нигерийской политики вновь смешались: накануне выборов политические силы консолидировались по сторонам разлома «Север – Юг», снова поставив под угрозу единство страны. Раскольничество Акинтолы позволило НКС сделать возглавляемую им группировку ОНП – с 1964 года она стала называться «Нигерийской национальной демократической партией» (ННДП) – своим главным южным партнером: тем самым он эффективно расколол Западный регион, уведя под знамена Севера значительную долю нотаблей йоруба. Именно созданную отступником новую структуру НКС рассматривал в качестве своего будущего парламентского партнера. Помимо двух упомянутых организаций, в сколачиваемый хауса-фулани «Нигерийский национальный альянс» влились также южные оппозиционные группы, которые представляли локальные этнические меньшинства, по большей части недовольные региональной диктатурой игбо. Этому объединению противостоял «Объединенный прогрессивный большой альянс» в составе НСНК, ГД, а также небольших, но активных и радикальных группировок, давно сражавшихся с НКС на Севере – разумеется, при поддержке политиков йоруба и игбо.

Главный риск намечающегося противостояния заключался в том, что победа любого из блоков полностью отстраняла от рычагов федеральной власти как минимум два из четырех нигерийских регионов: если побеждали хауса-фулани и раскольники-йоруба Акинтолы, то не у дел оказывались Восточный и Средне-Западный регионы; если же верх брали игбо с примкнувшими к ним йоруба Аволово, то на абсолютное бессилие обрекались Северный и Западный регионы. Такой расклад, естественно, придавал кампании крайнее ожесточение: ни одна из сторон не собиралась позволить другой завоевать хотя бы один парламентский мандат на своей территории. Как говорил премьер-министр Севера Белло, гражданской обязанностью всех северян является то, чтобы ни один округ Севера не попал в руки «южных политиканов»⁷⁰. В ходе кампании оба альянса пытались вести агитацию на территории оппонентов, хотя получалось это с трудом – особенно на Севере. Интересно, кстати, что в дискуссиях стороны озвучивали разные сценарии развития федерации: если Юг выступал за ее незамедлительное реформирование посредством создания новых субъектов, то Север отстаивал ее неприкосновенность и, соответственно, недопустимость перемен в федеративном устройстве. Одновременно все стороны горячо разыгрывали этническую карту, бесцеремонно нападая на конкурирующие группы: йоруба Акинтолы – на игбо, йоруба Аволово – на хауса-фулани, хауса-фулани – на игбо, игбо – на хауса-фулани и на йоруба Акинтолы. Волна трайбализма поднялась настолько высоко, что обеспокоенность ею были вынуждены высказать президент и премьер-министр республики.

Сама кампания 1964 года не раз анализировалась в литературе; ее главными характеристиками стали злоупотребления различных видов, включая прежде всего неофициальное использование наемных громил-«активистов», а также вполне официальное воспрепятствование агитационным акциям оппонентов и запугивание последних с привлечением силовых органов. К этим электоральным технологиям обращались все нигерийские партии без исключения. Безобразия сопровождали и саму организацию процесса. В результате к тому моменту, когда предстояло завершить выдвижение кандидатов, «Объединенный прогрессивный большой альянс» выяснил, что из-за административного и силового давления его кандидатам не удалось зарегистрироваться во многих округах на Западе, где хозяйничало правительство Акинтолы, и почти нигде на Севере. Так, в шестидесяти избирательных округах кандидаты от НКС – включая премьер-министра и других высокопоставлен-

70 Ibid. P. 197.

ных функционеров – вообще не имели конкурентов. Анализируя диспозицию, сложившуюся перед голосованием, лидеры оппозиционного северянам блока были вынуждены признать, что им, по-видимому, предстоит пережить сокрушительное поражение. За несколько дней до голосования премьер-министр Восточного региона Майкл Окпара официально назвал предстоящие выборы «колоссальным фарсом», сравнив электоральные практики врагов из НКС с гитлеровскими⁷¹.

Фактически северная аристократия выиграла эти выборы еще до открытия избирательных участков. Попытки лидеров «Объединенного прогрессивного большого альянса» добиться их переноса, поддержанные президентом страны Ннамди Азикиве – «одним из наиболее выдающихся деятелей нигерийской политической сцены»⁷², игбо по национальности, соучредителем НСНК, премьер-министром Восточного региона в 1954–1959 годах и формальным главой государства с 1963-го, – не принесли результата; в свою очередь премьер-министр страны, северянин Балева, в ходе двусторонней встречи с Азикиве безапелляционно напомнил ему, что в мирное время, несмотря на формальный статус главы государства как главнокомандующего, армия подчиняется руководителю правительства. Недвусмысленный намек был понят; противники северян рассудили, что все, чем они располагают в сложившейся ситуации, – бойкот выборов. Эта акция, однако, удалась только на Востоке; в остальных местах она оказалась провальной. Более того, бойкот лишь навредил иницировавшим его оппозиционерам, позволив их противникам перехватить освободившиеся округа. Результат был показательно удручающим: «Нигерийский национальный альянс», возглавляемый консерваторами Севера, получил более двух третей депутатских мандатов: 198 из 253.

Послевыборные манипуляции, предпринятые президентом Азикиве и лидерами проигравших, не дали никакого результата. Компромисс с победителями, на заключение которого «Объединенный прогрессивный большой альянс» вынужден был пойти ради «сохранения национального единства», стал фактическим признанием позорного разгрома Юга. В новом правительстве, которое Балева сформировал по итогам выборов в начале января 1965 года, НКС получил 15 кресел из 21. Впрочем, утешительный приз, предложенный НСНК и лидерам игбо, включал в себя не только четыре министерских портфеля, но и кое-что еще: назначая нового главнокомандующего нигерийской армией, триумфаторы – в качестве жеста примирения с поверженными оппонентами, – остановили свой выбор на выходе из игбо, молодом бригадном генерале Джонсоне Агии-Иронси, обой-

71 Ibid. P. 215.

72 *Azikiwe, Nnamdi (1904–1996) // FALOLA T., GENOVA A., HEATON M. Op. cit. P. 62.*

дя высокопоставленных офицеров из хауса-фулани и йоруба. Торжества доброй воли, однако, не получилось; пройдет всего год, и многолетняя фрустрация южан выльется в кровавый военный переворот, после которого этот военачальник покончит не только с Первой республикой, но и с самим нигерийским федерализмом.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«БРЕМЯ ЧЕРНОГО
ЧЕЛОВЕКА»...

КРАХ ФЕДЕРАЦИИ И СЕЦЕССИЯ БИАФРЫ

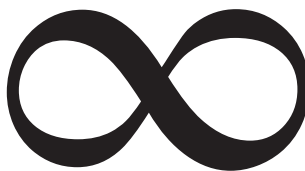
Непосредственным поводом, спровоцировавшим вмешательство армии, стали выборы в Западном регионе, пришедшиеся на октябрь 1965 года. Фактически это было повторение предыдущих федеральных выборов, но еще более зловеще-гротескное. Опасаясь проигрыша от рук более популярной и едва ли не ушедшей в подполье ГД, ННДП, которую возглавлял региональный премьер-министр Акинтола, воспрепятствовала выдвижению альтернативных кандидатов во множестве округов. НСНК, состоявший, по идее, в альянсе с ГД, в двадцати округах не смог договориться с союзниками и выдвинул собственных кандидатов; в итоге оппозиционные голоса там были распылены. Но главным фактором, вызвавшим общественное возмущение, стали абсолютно бесстыдные фальсификации и подтасовки, имевшие место в сам день голосования. После официального объявления результатов – согласно этим цифрам, правящая ННДП получала 51 место, оппозиционный альянс одиннадцать мест, а в тридцати округах назначалось повторное голосование – оба лагеря объявили себя победителями.

«По всему Западному региону люди вышли на улицы, протестуя против официальных подсчетов. В ноябре и декабре вся его территория превратилась в поле боя. Странники “Объединенного прогрессивного большого альянса” дрались с полицией, разоряя и поджигая дома активистов ННДП, убив некоторых из них»⁷³.

Поскольку на этот раз федеральный кабинет, управляемый НКС, не стал вводить на взбунтовавшихся землях чрезвычайное положение – Акинтола был его вассалом, которого нужно было сохранить любой ценой, – регион оказался абсолютно неуправляемым. Беспорядки и насилие продолжались до середины января 1966 года: до того самого дня, пока на политическую сцену не вышла нигерийская армия.

В рассветные часы 15 января 1966 года во всех нигерийских регионах, за исключением Восточного, синхронно начался «путч пяти майоров». В первом же своем заявлении его ини-

73 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 171.

циаторы объявили, что на выступление их подвигло стремление покончить с трайбализмом и коррупцией – главными язвами Первой республики. Почти сразу же от рук мятежников в Лагосе, Ибадане и Кадуне пали главные фигуры, обвинявшиеся ими (и не только ими) в бесконечных бедствиях страны: в этом ряду оказались премьер-министр федерации Балева, главы Северного и Западного регионов Белло и Акинтола, некоторые министры, а также десятки высокопоставленных офицеров-северян. Однако удержать власть путчисты не сумели: через несколько дней ее перехватило армейское командование во главе с Агийи-Иронси, всего год назад ставшим министром обороны. Военачальник был официально провозглашен главой государства, а его правительство незамедлительно запретило все политические партии и назначило в бывшие федеральные регионы военных губернаторов, которые сменили гражданских премьер-министров.

В обществе выступление военных было воспринято неоднозначно. Многие нигерийцы, особенно на Юге, отнеслись к перевороту с сочувствием; по их мнению, с ненавистным засильем северян, наконец-то, удалось покончить. Кроме того, после путча мгновенно прекратились бесчинства в Западном регионе, пережившем избыточно динамичную избирательную кампанию. Но на Севере реакция ожидаемо оказалась иной: поскольку четверо из пяти майоров-путчистов, а также сам Агийи-Иронси, были игбо, многие мусульмане восприняли приход армии с ужасом, увидев в нем начало порабощения северян южанами. В этом было изрядное преувеличение, поскольку в ходе переворота наряду со знатью хауса-фулани своих постов лишились и многие чиновники-игбо, причем даже весьма высокопоставленные: среди них оказались президент страны, президент Сената, министры иностранных дел, образования, транспорта, а также два региональных премьер-министра. Бесспорным, однако, остается то, что «переход власти от регионов к центру угрожал интересам северной политической элиты, которая опасалась, что укрепление далекого правительства в Лагосе обернется ее маргинализацией»⁷⁴. Центральным аргументом, избличавшим военную хунту в глазах северян, стал декрет № 34 от 24 мая 1966 года которым, вместо федеративной системы учреждалась унитарная. У Севера были все основания оплакивать кончину федерации: она, как было показано выше, дала ему очень и очень многое. В ситуации, когда перед северянами маячила удручающая альтернатива – оказаться под управлением либо южан-военных, либо южан-гражданских, – группа военнослужащих с Севера

74 DALY S.F.C. *A History of the Republic of Biafra: Law, Crime, and the Nigerian Civil War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 37.

задумала и осуществила контрпереворот. 29 июля 1966 года путчисты в Ибадане арестовали и убили бригадного генерала Агии-Иронси, через три дня провозгласив новым главой государства 31-летнего подполковника Якубу Говона, который служил начальником штаба вооруженных сил при погибшем диктаторе и был уроженцем небольшого христианского племени из центра страны, имевшего тесные контакты с северной мусульманской элитой.

Одним из первых своих решений новый лидер восстановил федеративное устройство. Главнейшей проблемой для военного правительства стало успокоение игбо, для которых год путчей обернулся тяжкими испытаниями. С мая, когда была упразднена федеративная система, и до сентября, когда в стране удалось восстановить шаткую видимость порядка, на представителей южных этнических групп, проживавших на Севере, обрушилась месть радикалов из числа северян: гонения на мигрантов-игбо начались еще в первые месяцы 1966 года, но с лета в ходе нескольких спланированных и скоординированных акций укомплектованные северянами армейские подразделения и полувоенные формирования истребили от 80 до 100 тысяч игбо⁷⁵. Современные исследователи нередко называют эти акции русским словом «погром» (*pogrom*), подчеркивая непосредственную причастность государственных органов к их подготовке и организации. Остроту ситуации придавало то обстоятельство, что «к 1966 году теория заговора, согласно которой игбо замышляют взять под контроль всю власть в стране, стала типовым тропом нигерийской политики, а многие на Севере видели в них эксплуататоров, обуреваемых политическими амбициями»⁷⁶.

Эхом этих событий стали антимусульманские бунты на Юге, в особенности в Восточном регионе. Именно в этот период Чуквемека Одумвегу-Оджуква, выходец из богатой фамилии игбо и выпускник Оксфорда, назначенный прежней администрацией военным губернатором Восточного региона и не признавший контрпереворот Говона⁷⁷, впервые заявил о возможном выходе этой территории из состава федерации, неспособной обеспечить безопасность народа игбо. Одновременно он призвал всех игбо, которые обосновались в иных регионах, вернуться домой, тем самым спровоцировав во второй половине 1966 года масштабные миграции населения. Правительство Говона, не желая отпускать игбо, принялось делать всевозможные примирительные жесты; в начале января 1967-го диктатор даже встретился со своевольным губернатором на территории соседней Ганы.

75 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 174.

76 DALY S.F.C. *Op. cit.* P. 40. О погромах см.: P. 39.

77 *Ojukwu, Chief Chukwuemeka Odumegwu (1933–2011)* // FALOLA T., GENOVA A., HEATON M. *Op. cit.* P. 311–312.

Переговоры, однако, не увенчались успехом; как поясняли сепаратисты позже, «всякий раз, когда нигерийцы приближались к сколько-нибудь реалистичному разрешению кризиса, склоняясь к слабой ассоциации или конфедерации, подполковник Говон грубо пресекал подобные попытки»⁷⁸. Игнорируя возражения столицы, с 1 апреля Восточный регион взял под свой контроль все федеральные ведомства, а также сбор федеральных налогов. В ответ федеральное правительство ввело против раскольников экономические санкции, включая блокаду побережья Восточного региона, но это не помешало региональной администрации провозгласить 30 мая независимость Республики Биафра.

Как вспоминал позже один из высокопоставленных чиновников мятежной республики, Одумвегу-Оджуква без конца повторял, что никогда в истории ни один народ еще не проиграл войну за независимость: «Это было для него почти магическим заклинанием, которое, по его мнению, естественно и автоматически подтверждалось ситуацией Биафры»⁷⁹. С точки же зрения федерального военного режима сецессия Восточного региона выглядела недопустимой по меньшей мере по трем основаниям. Во-первых, Говон и его сподвижники считали территориальное единство страны ценностью, которой нельзя поступаться; во-вторых, отделение одного из крупных регионов, по их мнению, неминуемо повлекло бы за собой волну сецессий иных территорий, населенных меньшинствами; в-третьих, на долю Востока приходилось более 65% запасов нефти, открытых в Нигерии в конце 1950-х⁸⁰. Против мятежников была развернута «полицейская операция», в которой вопреки названию использовались все виды вооружений, находящиеся в распоряжении нигерийской армии, включая авиацию. Перед федеральными войсками была поставлена задача полностью блокировать отпавшую территорию, лишив ее возможности сопротивляться. Тем не менее война затянулась на два с половиной года, причем на информационном поле Биафра заметно переигрывала Нигерию: такой результат во многом обеспечивался тем, что сепаратисты изображали войну как столкновение христианского мира с миром ислама, настаивая на неизбежности нигерийского геноцида в отношении игбо в случае поражения⁸¹. Как следствие, «дело Биафры» приобрело широкую популярность в Западной Европе и Соединен-

78 *Nigeria and Biafra: The Parting of the Ways*. P. 64.

79 Цит. по: DALY S.F.C. *Op. cit.* P. 42.

80 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 175.

81 Одним из самых ярких западных примеров нарратива, опирающегося на сочувствие Биафре, стали публикации журналиста ВВС, а позже независимого журналиста Фредерика Форсайта, освещавшего ход войны со стороны мятежников. См., например, его книгу, впервые опубликованную в 1969 году: FORSYTH F. *The Biafra Story: The Making of an African Legend*. Barnsley: Pen & Sword, 2015.

ных Штатах, где его ассоциировали с борьбой за гражданские права»⁸².

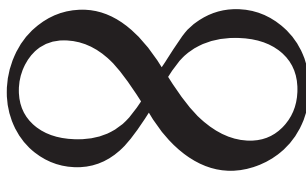
Тем не менее положение новорожденной республики с самого начала было шатким, поскольку произведенная ею инкорпорация богатой нефтяными месторождениями дельты Нигера настроила против игбо населяющие эту зону меньшинства, прежде всего народы иджо и эфик – и на протяжении всего противостояния подрывала Биафру изнутри. (Треть населения отколовшейся территории этнически не имело отношения к игбо.) Подкрепляя военную акцию политическими мерами, правительство Говона провело радикальную реформу федеративного устройства. С самого захвата власти глава военного режима настаивал на том, что в Нигерии не избыток, а недостаток федерализма⁸³. Сразу же после провозглашения независимости Биафры правительство объявило об учреждении в стране, вместо прежних четырех регионов, двенадцати штатов, причем новые административные границы основательно перемешивали расселение этносов «большой тройки», лишая их былой монополии. На месте Северного региона, занимавшего две трети нигерийской карты и системно дестабилизировавшего Первую республику, появились шесть новых штатов. Реформаторы ожидали, что в результате в составных частях федерации начнет меняться политический климат: появятся предпосылки для подъема партий меньшинства, которые, не имея в прежней системе никаких шансов на доступ к бюджетному пирогу, теперь приобретут ощутимый вес и включатся в коалиционную политику. На землях бывшего Восточного региона были созданы три новых штата, причем игбо численно доминировали лишь в одном из них. Раздел, лишенный на тот момент практического смысла – Биафра поначалу уверенно контролировала всю свою территорию, – имел тем не менее огромное символическое значение: он «подрывал позиции сепаратистского правительства среди граждан, не относящихся к игбо, намекая на то, что федеральный центр способен действовать в их интересах»⁸⁴.

В первые месяцы войны удача сопутствовала восставшим; в августе и сентябре 1967 года армия Биафры вторглась на нигерийскую территорию, на короткое время взяв под контроль вставший на сторону федералов Средне-Западный регион и учредив там марионеточную Республику Бенин. Удержать плацдарм, однако, они не смогли: после того, как в октябре повстанцы отступили на свою территорию, нигерийские войска, которыми командовал будущий президент Муртала Мухаммед, устроили в освобожденных районах новую резню, убив более семисот

82 CAMPBELL J., PAGE M. *Op. cit.* P. 33.

83 HILL J.N.C. *Op. cit.* P. 54.

84 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 176.

гражданских из числа игбо в двух населенных пунктах⁸⁵. Биафра отвечала карательными акциями в отношении собственных «национал-предателей» из числа меньшинств, еще больше ожесточая их. В мае 1968 года республика потеряла Порт-Харкорт – свои единственные ворота во внешний мир; с этого момента, опасаясь, что сопротивление зажатой в угол Биафры вот-вот превратится в «народную войну» вьетнамского типа, федеральные власти взяли курс на удушение республики голодом. Жестокость блокады – имеются документальные и человеческие свидетельства того, что на заключительном этапе противостояния в самопровозглашенной республике процветал канибализм⁸⁶, – позволила пропагандистам Биафры вновь заявить о геноциде. Интересно, что одним из главных обличаемых в этой бесчеловечности стал бывший премьер-министр Западного региона и глава «Группы действия» Обафеми Аволово, в 1966 году освобожденный военным режимом из тюрьмы, получивший официальную должность и теперь громко требовавший заморить Биафру до смерти⁸⁷. В ответ левые радикалы из Социалистической партии Биафры клеймили его как «самого отъявленного буржуазного шовиниста» Нигерии, «с религиозным рвением проповедующего этноцентризм йоруба»⁸⁸. В гражданской смуте отметились и другие «отцы» нигерийской независимости из числа тех, кого не убили в ходе «путча пяти майоров». В частности, бывший президент Первой республики Ннамди Азикиве, будучи игбо, на первых порах поддержал восстание на родине, но потом не только перевернулся на сторону федеральных властей, деморализовав тем самым сепаратистов, но и заявил в придачу, что был похищен мятежниками и солидаризовался с ними исключительно «под дулом пистолета, приставленного к спине»⁸⁹.

Несопоставимость ресурсных возможностей, бесчеловечная экономическая блокада, а также неумение Биафры заручиться международным содействием не позволили сепаратистам преуспеть. Биафра не получила поддержки даже у соседей: Организация африканского единства отказала ей в признании, а выбивающееся из общего ряда признание со стороны Габона, Танзании, Замбии и Берега Слоновой Кости не меняло общей картины. «Большинство государств Африки были против не-

85 Это массовое убийство получило всемирную известность. См. исследование, посвященное событию: BIRD E., OTTANELLI F. *The Asaba Massacre: Trauma, Memory, and the Nigerian Civil War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

86 См., в частности: DALY S.F.C. *Op. cit.* P. 97–98. Автор ссылается на материалы правоохранительных органов Республики Биафра.

87 *Ibid.* P. 55.

88 IFEKWE B.S. *Biafran Radical Groups and the Quest for Biafran Sovereignty in the Nigeria-Biafra War* // КОРИЕН С.Д. (Ed.). *Op. cit.* P. 79.

89 DALY S.F.C. *Op. cit.* P. 56.

зависимости Биафры – они помнили о том, что тоже являются многосоставными обществами, в которых раскольнические и сепаратистские движения могут проявить себя, как в Нигерии»⁹⁰. Интересно, что сепаратистов солидарно не поддержали антагонисты «холодной войны»; но если англосаксонские страны заняли выжидательную позицию, раздражавшую военное правительство Нигерии, то Советский Союз, перехватывая у них инициативу, поставлял прозападному режиму Лагоса боевые самолеты и направлял в Нигерию военных советников. При этом советские представители настойчиво заявляли, что притязания Биафры на суверенитет «противоречат национальным интересам африканских стран», а «трайбализм ни в коем случае нельзя отождествлять с самоопределением»⁹¹. Коммунистические группировки внутри мятежной республики, естественно, обижались; например, в обращении Социалистической партии Биафры к правительствам Кубы, Китая и Албании говорилось: «Когда правительство СССР начало вооружать Нигерию, народ Биафры испытал великое разочарование. [...] Внешнюю политику СССР иногда трудно оправдать с точки зрения всемирной антиимпериалистической борьбы»⁹².

С наибольшей симпатией к Биафре и ее делу отнеслись Израиль и Франция; последняя явно пыталась использовать этот конфликт к собственной выгоде, рассчитывая в случае победы сепаратистов укрепить свои позиции в богатом нефтью регионе⁹³. На первых порах республика широко привлекала и иностранных наемников из США, Западной Европы, Южной Родезии и Южной Африки – довольно быстро, впрочем, разочаровавшись в их услугах⁹⁴. Тем не менее ни «солдаты удачи», ни Париж, ни тем более Тель-Авив не могли спасти Биафру: в конце 1969 года, не выдержав натиска федеральных войск, непризнанная республика рухнула – Одумвегу-Оджуква бежал за границу, а его преемник 12 января 1970 года объявил о полной капитуляции сепаратистов. Нигерийский федерализм вступил в новую фазу своей эволюции. Тем не менее, как полагают некоторые ученые, «даже спустя полвека вопрос о Биафре и страданиях народа игбо в истории Нигерии остается неразрешенным»⁹⁵.

90 Ibid. P. 17.

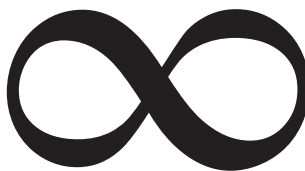
91 ИФЕКВЕ В.С. *Op. cit.* P. 85.

92 Цит. по: Ibid.

93 Подробнее о внешнем вмешательстве в конфликт см.: Филиппов В.Р. *Тайная война Франции в Биафре* // Политика и общество. 2016. № 3(135). С. 285–300.

94 Подробнее о «солдатах удачи» в нигерийском конфликте глазами его очевидца см., например: VENTER J. *Biafra's War 1967–1970: A Tribal Conflict in Nigeria That Left a Million Dead*. Solihull: Helion and Company, 2015.

95 KORIEN C.J. *Introduction. The Power of Silence: Reflections on the Politics of Memorializing the Biafra War* // KORIEN C.J. (Ed.). *Op. cit.* P. XII.

ФЕДЕРАЛИСТЫ В ПОГОНАХ

Война в Биафре позволила нигерийским военным обосноваться у власти надолго; за десятилетия военных режимов влияние милитаризации испытали на себе все аспекты социальной, экономической и политической жизни. Удивляться этому не приходится: если к моменту переворота 1966 года в нигерийских вооруженных силах насчитывалось 10 тысяч военнослужащих, то к завершению войны в Биафре их было уже 270 тысяч; соответствующим образом росли и расходы на содержание армии – с 0,2% ВВП в 1961-м до 6% в 1970-м⁹⁶. Превратившись в главную движущую силу национальной жизни, генералы не оставляли без своего попечения и административно-территориальное устройство страны. Как уже отмечалось, первый этап разукрупнения нигерийских регионов был запущен администрацией Якубу Говона, санкционировавшего переход от четырехчленного деления к двенадцатичленному. Это, однако, было лишь начало: курс на административное распыление крупнейших этнических групп, не позволявшее им монополизировать субъекты федерации и превращать их в свои вотчины, проводился военными правительствами весьма последовательно. В 1976 году к имеющимся административным единицам добавились еще семь новых штатов, в 1989-м их число выросло до 21, а в 1991-м – до 30. Наконец, в 1997 году количество штатов было доведено до 36. (При этом запрос на учреждение новых субъектов федерации был стабильно высок; в 1996 году, например, на рассмотрении в соответствующих государственных органах находились 72 предложения организовать новые штаты⁹⁷.) Обосновывая эту прогрессию, один из генералов-диктаторов утверждал: «Боязнь, что один регион будет доминировать над другим, довольно легко устраняется с помощью конституционных законов, создающих новые штаты»⁹⁸. Несмотря на изрядную долю упрощения, декларациям такого рода нельзя отказать в определенной правоте.

На сегодняшний день главным итогом проведенных реорганизаций стало резкое по сравнению с первыми годами независимости снижение конфликтного потенциала в стране. Противостояние переместилось с федерального уровня на региональный, ослабив тем самым давление на центральную власть, а постоянное возникновение новых административных единиц приучило местных политиков рассматривать пробле-

96 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 180.

97 См.: PADEN J. *Op. cit.* P. 207.

98 Цит. по: WILLIAMS F.R.A. *The Making of the Nigerian Constitution* // GOLDWIN R., KAUFMAN A. (Eds.). *Constitution Makers and Constitution Making: The Experience of Eight Nations*. Washington, D.C.: American Enterprise Institute, 1988. P. 399.

мы общенационального уровня через призму конкуренции не столько этнических групп, сколько штатов⁹⁹. В связи с тем, что в большинстве штатов теперь проживает этнически и лингвистически смешанное население, крупные этносы больше не в состоянии узурпировать федеральные рычаги власти. Конфликты между ними чаще всего ограничиваются пределами той или иной отдельно взятой территории; более того, одновременное функционирование в стране трех дюжин самостоятельных бюрократий нередко оборачивается тем, что представители одной и той же этнической группы, разделенной внутренними региональными границами, вступают в конфликт друг с другом, отстаивая интересы соревнующихся административных единиц. Джон Пэйдэн резюмирует:

«Компоненты нигерийской федерации сегодня образуются исходя из исторических традиций и соображений прагматизма, а не из желания подчеркнуть вероисповедание или этничность. Целенаправленное смешение этнических и религиозных разграничительных линий призвано создать гарантии того, что в случае возникновения национально-конфессиональных конфликтов с ними удастся справиться на местном и региональном уровнях, не допуская эскалации общенационального уровня»¹⁰⁰.

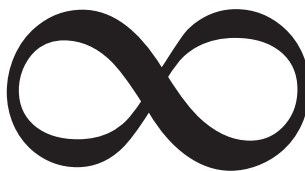
Специалисты расходятся в оценках нигерийского федерального эксперимента, осуществленного руками военных. Уместно напомнить: после обретения независимости гражданские правительства учредили в Нигерии только один(!) новый штат; все остальные административные единицы появлялись на свет по инициативе военных правительств. Дональд Горовиц, например, считает, что перманентная, как в Нигерии, реформа многонациональной федерации «выполняет функцию своеобразной электоральной реформы», позволяющей стабилизировать отношения между ведущими этническими группами¹⁰¹. При таком подходе нигерийский опыт выглядит вполне позитивно. Противоположной позиции придерживается Рамеш Датта Дикшит: нигерийский случай, по его мнению, можно считать однозначным провалом федеративного проекта, обусловленным слишком многочисленными и неисправимыми дефектами¹⁰². (Стоит, однако, учитывать, что замечательная работа этого индийского специалиста была опубликована в 1975 году, то есть почти пятьдесят лет назад – и за это время нигерийская федерация так и не рухнула.) Наконец, многие исследователи разделили бы, вероятно, Соломонову позицию Джона Пэйдена, согласно

99 HOROWITZ D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press, 1985. P. 612.

100 PADEN J. *Op. cit.* P. 207.

101 HOROWITZ D. *Op. cit.* P. 612.

102 См.: DIKSHIT R.D. *Op. cit.* P. 213–216.

которому «прояснение того, является нигерийский демократический федерализм частью проблемы или, наоборот, способом ее разрешения, еще впереди»¹⁰³.

Впрочем, прежде, чем выносить окончательные оценки, необходимо разобраться в том, можно ли вообще сводить роль федерализма исключительно к разрешению национального вопроса. Как отмечалось в самом начале этого текста, в Африке его трактуют именно так, но подобное понимание скорее всего слишком узко. Ведь в идеале федеративная система должна благоприятствовать не только этническим, но и политическим меньшинствам, поскольку ее принципиальной особенностью выступает рассредоточение власти и недопущение тирании. Кроме того, ограничение ее влияний сугубо межэтническими отношениями позволяет полностью растворить личность в коллективном целом, поскольку приписывает наличие прав и свобод сначала этносу – и только потом индивиду. Отсутствие сопряжения между федеративным принципом и либеральной идеей обычно упоминается в качестве важнейшего дефекта федеративных систем развивающихся стран, в том числе и африканских. По-видимому, сохранение федерации в Нигерии как при автократии, так и при демократии подтверждает вывод, давно сделанный исследователями в отношении латиноамериканских диктатур: связь федеративного строя с демократией и либерализмом является сильно переоцененной – иначе говоря, в некоторых ситуациях федерализм помогает укреплять не демократические, а авторитарные порядки, стабилизируя диктатуры и продлевая их существование¹⁰⁴.

Говоря о нигерийской федерации под властью военных режимов, следует выделить и еще одно поистине фундаментальное обстоятельство: с 1970-х важнейшим фактором, влиявшим на взаимоотношения центра и регионов, сделалась нефть. Переход к масштабной нефтедобыче, состоявшийся в 1960-е, формально превратил Нигерию в богатейшую страну Африки; в то же время, чем внушительнее делались углеводородные доходы, тем крепче становилась зависимость от них всех без исключения сторон национальной жизни. К 2010 году нефть обеспечивала 95% всех экспортных поступлений нигерийской казны и 40% всех ее доходов¹⁰⁵. Превращение Нигерии в государство-рантье потребовало и соответствующей перелицовки

103 PADEN J. *Op. cit.* P. 3.

104 См., в частности: GIBSON E. L. (Ed.). *Federalism and Democracy in Latin America*. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 2004. Характерным примером той же закономерности служит и азиатский опыт Малайзии при полувековом господстве «Объединенной малайской национальной организации». Подробнее об этом см. мою статью: ЗАХАРОВ А. *Федерализм по-азиатски: Россия и Малайзия в сравнительной перспективе* // Он же. «Спящий институт». *Федерализм в современной России и в мире*. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 61–79.

105 См.: HILL J. N. C. *Op. cit.* P. 71.

местного федерализма. Поскольку нефтяные месторождения сконцентрированы в основном в дельте реки Нигер, то добычей сырья занимаются лишь в меньшинстве нигерийских штатов. Размышляя о распределении нефтяной ренты, их элиты предлагали делить ее по «принципу деривации»: чем больше углеводородов добывается на конкретной территории, тем больший кусок общенационального пирога должен ей принадлежать. Понятно, что штаты, обделенные ископаемым топливом, решительно воспротивились подобной идее, предлагая вместо нее распределять нефтедоллары исходя из численности населения каждого штата. В 1970 году федеральное правительство установило схему, призванную, как предполагалось, удовлетворить и тех и других: по «принципу деривации» предлагалось делить 45% всех доходов, получаемых от нефти, а оставшиеся 55% предписывалось передавать в распоряжение центрального правительства. Деньги, получаемые федерацией, делились в свою очередь на две равные части: одна шла напрямую в государственную казну, а другая отправлялась на специальный распределительный счет. Первая половина поступлений на этот счет делилась между штатами поровну, а вторая половина распределялась между ними согласно численности населения.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«БРЕМЯ ЧЕРНОГО
ЧЕЛОВЕКА»...

Одновременное функционирование в стране трех дюжин самостоятельных бюрократий нередко оборачивается тем, что представители одной и той же этнической группы, разделенной внутренними региональными границами, вступают в конфликт друг с другом, отстаивая интересы соревнующихся административных единиц.

Эта конструкция, однако, функционировала недолго, поскольку ею были недовольны не только обделенные нефтью территории, но и, что гораздо важнее, сами военные власти, патронажное могущество и коррупционный потенциал которых из-за нее снижались. По этой причине 45%, охватываемые «принципом деривации», в середине 1970-х были урезаны до 20%, а к 1979 году и вовсе упразднены; федеральное правительство отныне делило углеводородные деньги самостоятельно. Как и в прежние времена, сопряжение доходов, получаемых штатами, с численностью населения сослужило Нигерии дурную службу: когда правительство Говона в 1973 году попыталось провести перепись населения, почти в точности по-

вторилась история десятилетней давности: штаты, желая как можно теснее прильнуть к нефтяной кормушке, всеми силами накручивали свои демографические показатели, опять выставляя Нигерию на посмешище. Итоги переписи выявили столь небывалый прирост населения, что военные просто положили их под сукно, не рискнув обнародовать¹⁰⁶.

Невероятное, даже по местным меркам, казнокрадство, пронизавшее всю деятельность администрации Говона, особенно в годы нефтяного бума, лишило его режим остатков той популярности, которую он приобрел, разгромив сепаратистов Биафры. В июле 1975-го Говон, находившийся в зарубежной поездке, был свергнут группой молодых офицеров, которые решили, что более достойным главой государства станет другой герой гражданской войны, выходец с Севера и генерал Муртала Мухаммед. Однако новый руководитель, взявшийся за наладку буксующей государственной машины и успевший провести административную реформу, увеличившую число штатов с двенадцати до девятнадцати, а также перенести столицу из Лагоса в Абуджу, через полгода был убит в ходе неудачной попытки государственного переворота; его преемником стал одолевший путчистов сподвижник, йоруба с Юга и тоже генерал Олусегун Обасанджо. (Как правило, правление этих двух деятелей объединяют в один период, именуемый «режимом Мухаммеда–Обасанджо».) Хотя центральным лозунгом военной администрации тех лет стало «национальное единство», наблюдатели все же критиковали правительство за негласную покровительственную предвзятость в отношении Севера: в этом свете, в частности, подчеркивалась связь Обасанджо с так называемой «мафией из Кадуны» – неформальной группой северных предпринимателей и управленцев, имевших тесные связи с федеральными учреждениями и ведомствами и извлекавших из них материальную выгоду¹⁰⁷.

Запущенный армейским командованием процесс «размножения» штатов был прерван краткой интерлюдией гражданского администрирования: в 1979 году, с избранием президентом мусульманина Шеху Шагари армия уступила бразды правления страной штатским политикам. Надо сказать, что, открывая шлюзы политической конкуренции, генералы пытались уберечь партийную систему от тех пороков, которыми за несколько лет до этого была поражена вестминстерская модель Первой республики. Вновь образуемым партиям теперь не позволялось быть узко этническими организациями: любая из них должна была оставаться открытой для всех нигерийцев и иметь филиалы в двух третях штатов. Из пятидесяти пар-

106 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 188.

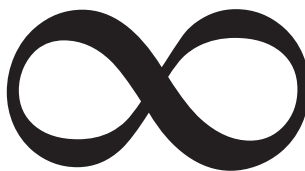
107 *Ibid.* P. 196.

тий, которые пытались зарегистрироваться после размораживания легальной политической деятельности, состоявшегося в сентябре 1978 года, сделать это удалось лишь пяти. Двум из них – «Партии нигерийского единства» Обафемии Аволово и «Нигерийской народной партии» Ннамди Азикиве – сокрытие этнической подкладки давалось с большим трудом: эти организации, возглавляемые активистами-ветеранами довоенной поры, прочно ассоциировались с бывшим Югом и, соответственно, с йоруба и игбо. Что касается Севера, то он был представлен сразу двумя организациями – консервативной «Народной партией великой Нигерии» и прогрессистской «Партией народного искупления»: к одной из них тяготели бывшие сторонники разгромленного военными НКС, а к другой – его противники. Наконец, наибольшим приближением к модели подлинно общенациональной партии стала «Национальная партия Нигерии» (НПН), в которой кандидат в президенты (Шагари) был мусульманином, кандидат в вице-президенты – игбо, а партийный секретарь – йоруба. Именно это объединение выиграло выборы, назначенные военными, а его претендент смог заручиться требуемой законодательством поддержкой 25% избирателей в двух третях субъектов федерации.

Хотя ранее Шагари занимал пост министра финансов в военном правительстве Говона, начиналась его карьера на различных министерских должностях в кабинете министров 1960–1966 годов, который возглавлял Балева. Как и следовало ожидать, «оказавшись у власти, деятели НПН сразу же приступили к использованию федеральных ресурсов и федеральных доходов для выстраивания такой же патронажной системы, какая функционировала во времена Первой республики»¹⁰⁸. Через четыре года после того, как администрация Шагари, предварительно продемонстрировав высокий коррупционный потенциал, фальсифицировала переизбрание президента на новый срок – Шагари одолел Аволово, а его НПН получила конституционное большинство в парламенте, – армейская верхушка вновь организовала переворот, вернувшись к обычному для Нигерии положению вещей. Хотя гражданская администрация не успела создать ни одного нового штата, ей все же удалось внести свой вклад к укреплению федеративных порядков в стране: в 1979 году Вторая республика приняла новую Конституцию, в очередной раз провозгласившую Нигерию «федерацией, состоящей из штатов и столичного федерального округа»¹⁰⁹. Симптоматичным образом в ходе подготовки этого документа был поднят вопрос о введении некоторых установлений шариата в федеральное законодательство. Немусуль-

108 Ibid. P. 201.

109 См.: ADENIRAN O. *Op. cit.* P. 260.

манской общественности удалось, однако, заглушить эту инициативу, хотя уже тогда многие наблюдатели предположили, что внутринациональный конфликт в Нигерии начал смещаться из этнической плоскости в религиозную сферу¹¹⁰.

В 1983-м и 1985 годах страна пережила очередные военные перевороты, а в 1993-м администрация, которую возглавлял генерал-майор Ибрагим Бадамаси Бабангида, под давлением общества передала власть переходному гражданскому правительству, утвердившемуся всего на несколько месяцев; краткий период его пребывания у власти принято называть Третьей республикой. В июне 1993-го армия попыталась провести президентские выборы, но на них, к несчастью для поборников демократии, победил кандидат, не устраивавший военных; по этой причине диктатура без особых затей аннулировала результаты состоявшегося волеизъявления. Осенью того же года последовал новый путч и воцарение режима, который возглавлял Сани Абача, один из самых суровых нигерийских диктаторов. Лишь после его скоропостижной кончины Нигерия в 1999 году смогла избрать нового гражданского президента (которым, впрочем, оказался бывший диктатор, генерал Обасанджо, вышедший к тому моменту в отставку), а страна вступила в продолжающуюся и ныне эпоху Четвертой республики.

* * *

Объемы журнальной статьи не позволили рассмотреть в ней нынешнюю динамику федеративных отношений в Нигерии. Вместе с тем и сказанного вполне достаточно, чтобы заключить: нелегкая судьба нигерийского федерализма отчасти напоминает его тернистые пути в России. И дело не только в тех элементах сходства, которые диктуются более или менее схожей численностью населения, ресурсной зависимостью или тяготением обеих стран к авторитарным моделям управления. Главным сближающим фактором следует признать иное: ни то ни другое государство в силу своей внутренней разнородности без федерализма жить не может, но при этом оба не умеют и не хотят практиковать его должным образом. Эта модель хорошо вписывается в условную формулу «и нести тяжело, и бросить жалко»: федерализм нужен для выживания, но категорически нелюбим, его ценят национальные меньшинства, но игнорирует многонациональный правящий класс, к нему обращаются ради каких-то сиюминутных надобностей, но последовательно отторгают как непреходящую политическую ценность.

110 Подробнее о значимости религиозного фактора в нигерийской политике см. работу: VAUGHAN O. *Religion and the Making of Nigeria*. Durham; London: Duke University Press, 2016.

Так или иначе, Нигерии предстоит и впредь экспериментировать с этим удивительным политическим приспособлением – его парадоксальная природа никуда не денется, а связанные с ним обременения придется влечить на себе дальше. Поиски «нового федерализма», в которые с недавних пор погрузились нигерийские общественники и интеллектуалы, говорят по меньшей мере о двух вещах: во-первых, старые его модели, превратившие одну из крупнейших стран Африки в ристалище убийственных межэтнических конфликтов и едва не развалившие ее, дискредитировали себя и нуждаются в коренной реновации; во-вторых, само желание улучшить и отладить модель вместо того, чтобы попросту выбросить ее, свидетельствует о том, что федералистская история Нигерии отнюдь не завершена. Разумеется, рецепты, которые генерируются в этом русле, не чудотворны, но само их наличие расширяет горизонты возможностей, открывающихся перед политической системой – несмотря на серьезнейшие вызовы, с которыми она сталкивается. И в этом смысле приходится признать, что Федеративная Республика Нигерия в настоящий момент немного опережает Российскую Федерацию, где ни о каком «новом федерализме» рассуждать пока не принято.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«БРЕМЯ ЧЕРНОГО
ЧЕЛОВЕКА»...

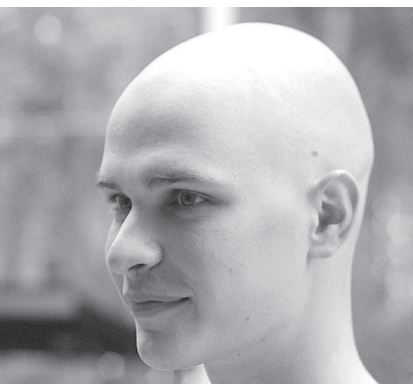
ОЛЕГ
ЛАРИОНОВ

Заметки об интеллектуалах и ангажированности

Writers and Missionaries: Essays on the Radical Imagination

ADAM SHATZ

London; New York: Verso, 2023. – 358 p.

Олег Алексеевич Ларионов (р. 1998) – историк литературы, аспирант Оксфордского университета. Сфера научных интересов – русская литература XVIII века, интеллектуальная история, гуманитарная и социальная теория.

Несмотря на ряд многообещающих начинаний, от «Новой русской книги» до «Logos Review of Books», книжные обозрения так и не заняли значимого места в современной российской публичной сфере. Соответственно, второстепенную роль играет в ней и жанр развернутой рецензии, выходящей за рамки узко профессионального разговора, адресованной широкой образованной публике и перерастающей в самостоятельное эссе. Адам Шатц, один из редакторов «London Review of Books», сравнивает такие тексты с джазом и описывает их как «отклики на и, в некотором смысле, импровизации по поводу уже существующего материала (книги, картины, фильма, опыта)» (р. 8), цель которых не сказать «последнее слово по теме» (р. 11) – а напротив, начать дискуссию, стимулировать мысль читателя. Преимущественно из подобных сочинений состоит и рецензируемый сборник эссе этого автора. Большая часть текстов представляет собой очерки жизни и творчества тех или иных писателей и режиссеров; опираясь, как правило, на уже опубликованные биографии или мемуары, Шатц предлагает свое изложение и

**НОВЫЕ
КНИГИ**

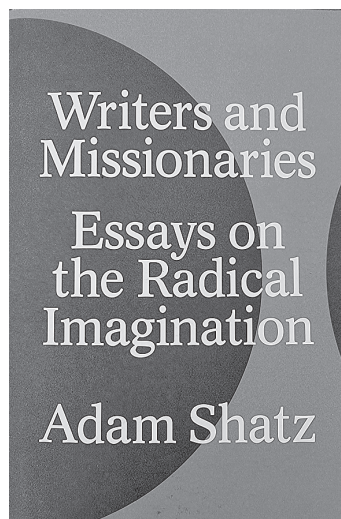
толкование взятых из них фактов, помещает их в интересные его контексты и расставляет нужные ему акценты. Сквозной темой книги он назначает сартровский вопрос о политической ответственности, ангажированности, приверженности (*commitment*) интеллектуала: как можно согласовывать творчество с социальными обязательствами, а взвешенность суждений – с твердостью убеждений? Эту проблему Шатц формулирует, вслед за Видиадхаром Найполом, как противопоставление «писателей», стремящихся к беспристрастному описанию ситуации, и «миссионеров», активно отстаивающих определенную идеологическую точку зрения. В действительности, конечно, граница между этими позициями тонка, и все герои Шатца – носители твердых мнений, которые стремится понять и изложить отзывчивый эссеист.

Впрочем, сам Шатц тоже обладает вполне устоявшимися взглядами и интересами, благодаря которым довольно пестрый по составу сборник сшивается лейтмотивами и тематическими перекличками. Его внимание смещено с родных для него США и Нью-Йорка сразу в двух направлениях: во-первых, оно сфокусировано на Франции, во-вторых, – на арабском мире; из пересечения обоих контекстов вырастает озабоченность прошлым и настоящим Алжира, а еврейским происхождением дополнительно мотивируется – и усложняется – обращение к палестино-израильскому конфликту. Эта, говоря обобщенно, приверженность постколониальной проблематике более или менее явно звучит во всех текстах сборника, который включает в себя не только эссе о давно умерших авторах, но и журналистские «профили» современников – результаты репортерской работы Шатца, отмеченные высокой мерой его личного участия и непосредственной вовлеченности в описываемые ситуации и обстоятельства. Отчасти это колебание между расследованиями на местах и кабинетной эссеистикой повлияло и на композицию книги: в ее первой части, посвященной интеллектуалам североафриканского и ближневосточного происхождения, наиболее концентрированно представлена именно журналистская ипостась автора.

Раздел открывается статьей о Фуаде Аджами, написанной в 2003 году, прямо по горячим следам вторжения в Ирак, одним из идеологов которого и был этот родившийся в ливанской деревне американский профессор. Шатц рассказывает историю интеллектуальной сдачи одиночки, шиита среди суннитов, а затем араба среди американцев, разочаровавшегося в левых и националистических идеях тонкого критика политической и умственной жизни ближневосточных стран, в то же время сдержанно относившегося к действиям США и Израиля. Аджами не выдержал искушения головокружительной (особенно для

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ЗАМЕТКИ
ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАХ
И АНГАЖИРОВАННОСТИ

эмигранта) карьерой и прямого доступа к власти и постепенно стал безусловным апологетом самого агрессивного американского имперского милитаризма. В следующем эссе рисуется портрет Камеля Дауда, алжирского франкоязычного писателя и колумниста, который в юности был близок к радикальному исламу, но в итоге стал редким для своей страны примером либерала, публично выражающего свои особые мнения. Независимые суждения Дауда, противника религиозного фундаментализма и арабского национализма (последний затушевывает этническое и лингвистическое разнообразие Алжира, где говорят на берберском, французском и очень специфическом локальном изводе арабского языка), привлекли широкое внимание в связи с успехом его романа «Мерсо, контррасследование». Роман – своего рода постколониальная версия «Постороннего» Альбера Камю – получил Гонкуровскую премию; но за триумфом последовали угрозы исламистов расправиться с писателем. Помимо Дауда, который автору явно импонирует, в эссе Шатца нюансированно и зорко изображается Алжир в 2015 году. В центре внимания – режим, который возводит свою легитимность к давней героической борьбе за независимость. Ради собственной стабильности этот режим пытается найти компромисс с побежденными им же в гражданской войне исламистами. Шатца интересуют также контраст между социальным консерватизмом и обеспеченной высокими ценами на нефть модернизацией с элементами западного консюмеризма и свободы нравов. Еще одна тема эссе – настроения тонкого слоя алжирских интеллектуалов, в том числе и левых, полагающих, что Дауд (знакомая российской публике фигура либерала из полупериферийной страны, ожидаемо критикующего только собственное общество) недостаточно пылко осуждает глобальный капитализм и империализм.

Следующий текст, едва ли не самый увлекательный во всем сборнике, посвящен Джулиано Мер-Хамису – израильскому актеру и режиссеру, основателю театра Свободы в городе Дженине в Палестинской автономии, убитому около него в 2011 году. Сын коммунистов (отец – палестинец Салиба Хамис, мать – еврейка Арна Мер, которая сражалась с арабами во время войны за независимость и боролась за их права после ее окончания), он успел отслужить в израильской армии, сняться в ряде фильмов и погрузиться в богемную жизнь прежде, чем прибыл в лагерь беженцев в Дженине, где его мать занималась филантропическими образовательными проектами. Многие родители и дети, с которыми они работали, позже участвовали во Второй интифаде, а некоторые стали ее жертвами. Особенно тесные дружеские отношения завязались у Мер-Хамиса с Захарией Зубейди, одним из лидеров палестинского вооруженного сопро-

тивления в Дженине. В 2006 году под патронажем Зубейди Мер-Хамис открыл в лагере беженцев театр Свободы, мыслящийся как очаг культурного сопротивления израильскому присутствию. Острые постановки вызвали недовольство консервативных сил внутри лагеря; в целом в истории как театра, так и самого Мер-Хамиса – человека харизматичного, яркого и сложного – переплелись множество очень разных обстоятельств и факторов. Тут и палестинская молодежь на перепутье между традиционалистским окружением, культом вооруженной борьбы и желанием творческой самореализации, и коррумпированное руководство Палестинской автономии с его полулегальными практиками. Важную роль во всей этой истории играли (и играют) западные левые спонсоры и симпатизанты палестинского движения. Шатц отмечает общую слабость культуры перед лицом насилия – и то, как легко растворяется революционно-утопический импульс в богемной атмосфере. Венчает запутанную историю жизни Мер-Хамиса его смерть – так и не раскрытое убийство, которое приписывают то израильским спецслужбам, то палестинским властям, то обитателям дженинского лагеря, а то и другу и соратнику героя Зубейди.

Палестинская тема продолжается и в последнем эссе первой части, героем которого является Эдвард Саид – автор знаменитого «Ориентализма», своего рода антипод Аджамии. Изящно написанный биографический очерк отдельно останавливается на том, как Саид, родившийся в западно-ориентированной семье, конструировал свою палестинскую идентичность, выражал ее в своих академических текстах и пытался (впрочем, не очень успешно) участвовать в политике, одно время работая на Ясира Арафата. Шатц лично знал Саида, поэтому, возможно, ему особенно удался живой и сочувственный образ этого «критического, секулярного гуманиста, широко ошибочно принимаемого за радикального противника западного канона» (р. 89), щегольски одетого нью-йоркского интеллектуала, легко ранимого эстета, знатока и подвижника классической музыки, выступавшего за сосуществование культур и плодотворную сложность в противовес агрессивному национализму и плоской политике идентичностей.

Вторая, самая цельная, часть сборника состоит из трех эссе о чернокожих американских писателях, эмигрировавших в 1940–1950-е в Париж. Ричард Райт, интеллектуал-самоучка из рабочего класса, одно время член компартии, затем разочаровавшийся в коммунизме, известен как автор романа о чернокожем убийце и насильнике «Native Son» (1940; «Сын Америки» в советском переводе) – книги, которую позднее критиковали за воспроизводство расовых стереотипов. Впрочем, помимо «Сына Америки», он был автором немалого количества художественных и ме-

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ЗАМЕТКИ
ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАХ
И АНГАЖИРОВАННОСТИ

муарных сочинений об афроамериканском опыте. Райт прибыл во Францию в 1946 году. С энтузиазмом принятый Жаном-Полем Сартром и Симоной де Бовуар в качестве образцового ангажированного интеллектуала, в эмиграции он не очень удачно пытался развивать эксплицитно философскую, экзистенциалистскую линию своего творчества (еще в США он пришел к выводу об абсурдности, сюрреалистичности повседневного существования чернокожих). Более интересной – по крайней мере, с точки зрения Шатца, – была эссеистика Райта 1950-х, где он откликнулся на антиколониальную борьбу в странах «третьего мира». Райт описал – общее для него и многих представителей африканских и азиатских элит – специфическое «двойное видение», чувство одновременной принадлежности и к западной цивилизации, и к угнетенным народам и расам; причем сложность и противоречивость постколониальной идентичности только обостряется после обретения национальной независимости.

Другой эмигрант, Честер Хаймз, разделял с Райтом ощущение глубинной абсурдности жизни чернокожих в США, но добавил к нему – и в жизни, и в письме – не менее фундаментальный негативизм, нигилизм. Хаймз был человеком сложной судьбы и характера; в юности он отсидел в тюрьме за ограбление, в зрелые годы был склонен к домашнему насилию. Писатель изображал разрушительное воздействие расизма на психологию и жизнь угнетенных с яростью, болью и без надежды на какое-либо спасение. Эмигрировав в 1953 году, Хаймз тем не менее ощущал сопричастность борьбе за гражданские права на родине и черпал вдохновение из жизни афроамериканцев. Во Франции он сочинил серию прославивших его нуарных детективов, действие которых происходит в Гарлеме, а также два тома откровенных, беспощадных к другим и себе мемуаров.

Оказываясь в Западной Европе, чернокожие американцы получали головокружительный опыт жизни вне системного расизма, однако это чувство освобождения одновременно ставило их в зависимость от принявших их стран и порой скрывало критическое мышление. Эта проблема была осознана Уильямом Гарднером Смитом, который впервые попал в Европу в 1946 году в рядах американской армии; в своем дебютном романе он описал освобождающее воздействие на чернокожего солдата любовной связи с немкой. Переехав в Париж в 1951-м, Смит не закрывал глаза на пропитавшую французское общество расовую дискриминацию, жертвой которой были алжирцы. В романе «Каменное лицо» (1963) он изобразил чернокожего экспата, который, избавившись от изначального очарования Францией, солидаризируется (несмотря на недовольство соотечественников) с угнетенными алжирцами и их борьбой. В этом сочинении можно найти самое раннее художественное

описание печально известной кровавой бойни, когда парижская полиция жестоко подавила протесты выходцев из Алжира 17 октября 1961 года. В финале романа главный герой решает возвратиться в США и принять участие в движении за гражданские права, однако сам Смит вместо этого на несколько лет переехал в недавно обретшую независимость Гану, откуда ему пришлось бежать после военного переворота. В 1967-м он впервые после эмиграции посещает Америку и пишет по материалам поездки книгу о новом поколении афроамериканцев и его борьбе с расизмом. К концу своей не очень долгой жизни (он скончался в 1974 году) Смит чувствует оторванность от корней, он привязан и к США, и к Франции, и к Африке, однако эта ситуация лишь укрепляет его политические убеждения, предоставляя ему возможность – поверх границ замкнутых на себе идентичностей – выработать критический взгляд и проявлять солидарность.

Париж продолжает быть одним из главных мест действия и в третьей части книги, серии очерков о знаменитых французских мыслителях и писателях второй половины XX – начала XXI века. Элегантно и умно пересказывая их биографии и идеи, Шатц по возможности заостряет внимание на взаимовлиянии в них личного и политического. Говоря о Клоде Леви-Строссе, он напоминает, что, хотя знаменитый антрополог придерживался весьма умеренных политических взглядов и чурался роли публичного интеллектуала, предпочитая взаимодействию с миром кабинетные построения на грани науки и искусства, его работы о первобытных народах, мифах и «диком мышлении» были современны процессу деколонизации в странах «третьего мира». В эссе о Жаке Деррида леволиберальные взгляды героя – «внимание к нюансам, отказ выбирать сторону, так же, как и окказиональный утопизм» (р. 190) – объясняются тем, что философ происходил из алжирских евреев и, соответственно, весьма сложно относился к войне Алжира за независимость (он выступал за третий путь решения конфликта, а позже аналогичным образом мечтал о двунациональном государстве для израильтян и палестинцев). Ролан Барт служит для Шатца еще одним примером сложного, тонкого автора, который избегал – при общей приверженности левым идеям – публичных политических действий и догматичных высказываний, предпочитая исследовать парадоксы субъективного опыта и сообщая с читателем подрывать социальные и культурные иерархии.

Иная задача решается в статье об Алене Роб-Грийе, отправной точкой для которой служит последнее произведение писателя – «Сентиментальный роман» (2007), опубликованный за год до его смерти. «Сентиментальный роман» полон детальными описаниями сексуального насилия над несовершенно-

летними девочками. Обозревая творчество и жизнь создателя «нового романа», Шатц демонстрирует, что в них всегда более или менее явно присутствовало садомазохистское и педофильское воображение. Он предлагает искупляющее прочтение «Сентиментального романа» как признания в любви к двум главным страстям Роб-Грийе – к литературному письму и его жене (тоже романистке) Катрин, с которой они вместе и порознь предавались БДСМ-практикам. Раздел включает рецензия на роман Мишеля Уэльбека «Покорность» (2015) – фантазию об исламизации Франции в недалеком будущем. Высоко оценивая силу нигилистического воображения писателя, Шатц, однако, остро критикует его представление о французских мусульманах как о цельной группе, принадлежащей к единой «цивилизации», противостоящей (пост)христианскому Западу. Мусульманское население Франции экономически, социально и культурно раздроблено и не образует единой политической силы, а многие связанные с французскими мусульманами проблемы – следствия колониализма, расизма и неравенства, а не абстрактно считаваемой снаружи религии.

Последняя часть книги – чуть ли не самая пестрая по составу. Она открывается рецензией на мемуары Клода Ланцмана, режиссера монументального документального фильма «Шоа» (1985). Шатц рассказывает о богатой событиями жизни Ланцмана – участии в Сопротивлении, дружбе с Сартром, долгом романе с Бовуар. Особая тема рецензии – вопрос об этическом измерении некоторых – манипулятивных – средств, с помощью которых Ланцман достигал нужного эффекта при съемках прославившего его фильма. Однако в фокусе текста Шатца находится другой сюжет – безусловная приверженность режиссера Израилю и его отношение к палестинцам. Как считает автор, фильм «Шоа», как бы вынимающий из истории, деконтекстуализирующий и онтологизирующий катастрофу европейского еврейства, должен был стать свидетельством в пользу политического выбора Ланцмана. «То, что хроникер Холокоста мог стать мистическим поборником военной силы, непоколебимым защитником войны Израиля против палестинского народа и искусным отрицателем израильских преступлений – история примечательная, но вы не найдете ее в мемуарах Ланцмана» (р. 268). Кино и Вторая мировая война фигурируют и в эссе о режиссере Жан-Пьере Мельвиле, криминальные и военные драмы которого с их этикой и эстетикой обреченного одиночества возводятся к опыту, полученному им в рядах Сопротивления.

Следующий текст обращается к одному эпизоду из жизни Сартра – поездке (вместе с Бовуар и Ланцманом) в Египет и Израиль в 1967 году, накануне Шестидневной войны, когда и ара-

бы, и евреи пытались привлечь писателя на свою сторону, а он разрывался между поддержкой национально-освободительного движения и памятью о Холокосте, так в итоге – по крайней мере публично – и не заняв внятной позиции по этому вопросу. Трагическая судьба рассчитывавших на Сартра арабских левых иллюстрируется на примере Арвы Салих – единственной, как признает сам Шатц, женщины среди героев его текста. Салих, египетская коммунистка, в эссе, написанном в 1996 году незадолго до своего самоубийства, раскритиковала иллюзии второй половины 1960-х, высокомерие мужчин-товарищей по партии и фатальную зависимость местных левых от режима Насера.

Раздел завершается эссе, в котором Шатц возвращается к противопоставлению «писателей» и «миссионеров», обобщая свой опыт журналистского взаимодействия с арабским миром – и в первую очередь с Ближним Востоком. Начиная писать о регионе из Нью-Йорка, Шатц придерживался твердых левых убеждений и был уверен в том, что говорит. Оказавшись на Ближнем Востоке, узнав много очень разных людей и познакомившись с региональными особенностями, Шатц вовсе не поменял своих политических взглядов, однако стал гораздо меньше проповедовать и больше передавать противоречивые мнения и взгляды местных людей – иными словами, он начал описывать, а не агитировать. Он призывает к большей осторожности и скептицизму и полагает, что не надо мерить все проблемы региона меркой палестино-израильского конфликта, бездумно поддерживать любого местного диктатора, если тот противостоит американской гегемонии, и вообще приписывать слишком много влияния США, а также догматично воспроизводить критику ориентализма, которая при всей своей верности со времен Саида превратилась в набор клише, блокирующих свободную, независимую мысль.

Сквозь все тексты Шатца красной нитью проходит апология «иронии, скептицизма, сомнения и отстраненности» как «необходимых инструментов радикальной критики» (р. 11). При этом, что интересно, воображаемым оппонентом для него служат не консерваторы, а напротив – сторонники политики идентичностей, *woke*-активисты, которые, не задумываясь, «отменили» бы многих героев книги за резкие слова и неблагоприятные поступки. Парадоксально, но в книге, посвященной ангажированности интеллектуалов, симпатии автора ощутимо находятся на стороне тех его персонажей, которые при всей левизне своих принципов избегали слишком грубой, прямолинейной политической приверженности, культивировали сложность и неоднозначность, колебались и учитывали противоречащие друг другу точки зрения. Даже Сартр, этот образцовый универсальный

интеллектуал, сообщавший миру свое мнение по любым вопросам, показан в той единственной ситуации, когда он разрывался между противоположными обязательствами.

Эссе об интеллектуалах вроде Барта или Деррида читать сколь приятно, столь и в каком-то смысле необязательно: Шатц настолько гармонично отождествляется со своими героями и их комфортными и привычными образом жизни и местами обитания, что в текстах – при всем остроумии и блеске стиля – отсутствует хоть малейшая прореха, шероховатость, проблемность, которая вывела бы их за рамки пускай и самой высококачественной, но очевидности. Гораздо более удачны в этом отношении эссе, пропитанные энергией сопротивления, конфликта, взаимодействия с инаковым и чуждым: попытки разобраться в бурной деятельности Мер-Хамиса и понять провокации Роб-Грийе, полемика с Узьбеком и Ланцманом, критическая рефлексия своей позиции и журналистского опыта. Общим же свойством всех статей несколько неожиданно оказывается относительная слабость воссоздания контекстов, недостаток глубинного чувства истории. Либеральный фокус на индивидуальном субъекте, легко сочетающийся с жанром эссеистики – уж тем более биографической, – мешает Шатцу вычленив в нагромождении отдельных судеб общие переживания, формы опыта, закономерности, хотя большинство его персонажей были современниками. Даже когда в эпилоге он рассказывает о собственном взрослении, увлечении кулинарией и поездках во Францию, его по обыкновению изящное письмо неспособно ухватить зримых примет времени.

Напоследок попробую бегло задаться вопросом о российском изводе идеи интеллектуальной ангажированности. В эссе 1966 года «Обязательства художника перед обществом» («Artistic Commitment») Исая Берлин (сборник которого о русских мыслителях Шатц упоминает, р. 20) называет зародившееся в статьях Белинского представление о социальной ответственности писателя фундаментальным свойством русской культуры XIX века, которое разделялось всеми выдающимися авторами эпохи¹. Берлину важно было подчеркнуть, что в рамках этой традиции озабоченность общественными проблемами не подменяла собственно эстетических критериев качества; он, таким образом, противопоставлял эту магистральную линию развития русской литературы большевикам и их предшественникам Добролюбову и Чернышевскому. Тринадцать лет спустя в эссе 1979 года «Поколение на повороте» Лидия Гинзбург увидела в леводемократической ориентации дореволюционной интеллигенции тот символический ресурс, на который образован-

1 Берлин И. *Обязательства художника перед обществом. Русский вклад в мировую культуру // Он же. История свободы. Россия.* М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 33–84.

ный класс опирался, не только принимая советскую власть, но и даже оправдывая сталинизм². Говоря очень схематично, именно эта травма левой ангажированности, окончившейся катастрофой, привела к тому, что поздне- и постсоветская либеральная интеллигенция отождествила дореволюционное чувство ответственности перед угнетенными классами с революцией и большевистской диктатурой – и убедить ее в ценности отечественной социально-критической традиции, объединявшей Белинского с Толстым и Достоевским, уже не мог авторитет никакого Берлина. Для него самого, кстати, образцовыми фигурами служили либерально истолкованный Герцен, а также Тургенев, которому он посвятил вдохновенное эссе 1972 года, где изобразил писателя, социально ответственного и отзывчивого, но в то же время сложного, чуткого к нюансам, понимающего и принимающего разные политические позиции³. Едкий Кристофер Хитченс увидел в этой похвале автобиографический подтекст и показал, что за красивой позой прислушивающегося ко всем сторонам конфликта мудреца Исая Берлин порой скрывал почти сервильную готовность служить интересам людей во власти⁴. Характерно при этом, что в начале 2000-х умеренный на грани консерватизма Берлин был воспринят российской либеральной средой с безусловным энтузиазмом. В заслугу ему ставили отсутствие «авантюрного, извращенного влечения к левым идеям, характерного для британских интеллектуалов его поколения», и утверждали, что «для русских начала XXI века, прошедших старые и новые искусы, освобождающую роль сыграл англосаксонский либерализм»⁵.

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ЗАМЕТКИ
ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАХ
И АНГАЖИРОВАННОСТИ

Травма левой ангажированности привела к тому, что поздне- и постсоветская либеральная интеллигенция отождествила дореволюционное чувство ответственности перед угнетенными классами с революцией и большевистской диктатурой.

Может показаться, что ценности компромисса, иронии, сомнения, неоднозначности, которые проповедовал Берлин и которые часто поднимались на щит постсоветскими либералами, очень близки идеалам Шатца. В самом деле, полемичная по

- 2 Гинзбург Л.Я. *Поколение на повороте* // Она же. *Записные книжки. Воспоминания. Эссе*. СПб.: Искусство–СПб, 2002. С. 276–284.
- 3 Берлин И. *Отцы и дети: Тургенев и затруднения либералов* // Он же. *История свободы. Россия*. С. 127–182.
- 4 HITCHENS C. *Moderation or Death* // London Review of Books. 1998. Vol. 20. № 23 (www.lrb.co.uk/the-paper/v20/n23/christopher-hitchens/moderation-or-death).
- 5 Эткинд А. *Предисловие* // Берлин И. *История свободы. Россия*. С. 6, 8.

отношению к культуре отмены установка эссеистики последнего вполне может быть описана словами первого:

«Радикал считает, что писатель – производное от свойственной этому писателю идеологии, а либерал воспринимает идеологию как производное от темперамента и индивидуальности писателя. [...] Тенденции и политические позиции – функции людей, а не люди – функции общественных тенденций»⁶.

Однако стоит помнить, что культивируемая Шатцем сложность – надстройка над очень твердыми убеждениями, в соответствии с которыми он в любой ситуации, будь то борьба с наследием колониализма, палестино-израильский конфликт или протесты против системного расизма в США, поддерживал угнетенных. Между тем внешне сходная позиция российских либералов слишком часто, к сожалению, оборачивалась равнодушием к страданиям других, дефицитом солидарности и желанием отождествиться с сильными. Занятая борьбой с фантомами советского прошлого, отказавшись по этой причине от демократической традиции XIX века, избегая «идеологии», принципиальных позиций и взглядов, игнорируя социально-экономические нужды других слоев населения, либеральная интеллигенция предпочла политической ангажированности в лучшем случае эстетский эскапизм и практически без боя сдала культурную гегемонию в стране другим социальным и политическим группам. Катастрофические последствия этого мы наблюдаем теперь ежедневно. Российской публике стоит еще раз глубоко обдумать вопрос о политической ангажированности интеллектуалов, об ответственности, налагаемой образованием, о «духовной обеспеченности и существовани[и] на культурную ренту»⁷, за которые было бы хорошо расплачиваться, о разnochинцах и их наследии, об угнетенных, которых следует слушать и поддерживать. Сборник эссе Шатца с его примерами политической вовлеченности отдельных людей и сообществ в условиях борьбы колоний с метрополиями, диалектики национальных и имперских языков и культур может оказаться здесь очень поучительным чтением. Шатц признается, что один его текст о франко-алжирской войне был «способом непрямого комментирования» (р. 309) палестино-израильского конфликта. Американские, французские и арабские постколониальные сюжеты заслуживают внимания российского читателя сами по себе – но с их помощью можно также думать и о гораздо более близком горе.

6 Берлин И. *Обязательства художника перед обществом...* С. 56; Он же. *Отцы и дети...* С. 169.

7 Мандельштам О.Э. *Поэт о себе // Он же. Сочинения.* М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 310.

1915 год: подсчет миллионных потерь

БОРИС
СОКОЛОВ

Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1915

СЕРГЕЙ НЕЛИПОВИЧ

М.: Квадрига, 2022. – 914 с.

Новая книга исследователя истории Первой мировой войны Сергея Нелиповича посвящена потерям стран-участниц на Восточном фронте – Российской, Германской и Австро-Венгерской империй – в 1915 году. Она является продолжением его исследования, посвященного потерям сторон в 1914 году¹. Нелипович использует для определения потерь все сохранившиеся архивные и опубликованные источники, включая истории полков, по которым он скрупулезно подсчитал потери за 1915 год по именным спискам, а ранее – за 1914-й, что можно считать настоящим научным подвигом. Историк проделал титанический труд и практически исчерпал источниковедческую базу исследования. Он использовал материалы Российского государственного военно-исторического архива, Военного архива Государственного архива Австрии, Военно-исторического музея и архива Венгрии, Военного архива Федерального архива Германии и Баварского государственного главного архива. Труд Нелиповича, очевидно, сам по себе будет служить одним из важнейших источников для будущих исследователей проблемы людских потерь в Первой мировой войне.

Применительно к русской армии историк полагает наиболее достоверным источником «сведения о потерях русских войск, содержащиеся [...] в приказах частей и приложенным к ним списках снятых с довольствия и исключенных из списков офицеров и нижних чинов (наиболее полный и достоверный источник, в особенности учитывая и последующие исправления допущенных ошибок и неточностей)» (с. 37). Также Нелипович использует донесения о потерях соединений и объединений русской армии (от недельных до месячных), экстраординарные донесения о потерях в отдельных операциях, а также боевые донесения, описания боев и журналы боевых действий. По мнению историка, непосредственный подсчет потерь сторон

Борис Вадимович Соколов (р. 1957) – историк, филолог, член ассоциации ПЭН-Москва.

1 Нелипович С.Г. *Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1914*. М.: Квадрига, 2017.

БОРИС СОКОЛОВ
1915 ГОД: ПОДСЧЕТ
МИЛЛИОННЫХ ПОТЕРЬ

по источникам предпочтительнее определения их балансовым методом, который он использует только как вспомогательный: балансовый метод позволяет «закрывать лакуны в случае полного отсутствия иной информации о потерях путем сравнения наличных сил в начале и в конце операции, с учетом влилого пополнения» (там же).

При балансовом методе определяется численность войск на две даты, поступившие за этот период маршевые пополнения, изменения в составе войск за счет убития старых и прибытия новых частей и соединений. В идеале разница между ними дает суммарную оценку понесенных потерь за период между двумя датами убитыми, ранеными, пропавшими без вести, эвакуированными больными и погибшими от небоевых причин – умершие от болезней, несчастных случаев, покончивших с собой и расстрелянных по приговору военно-полевых судов, а также дезертиров. Из полученных суммарных потерь вычитают потери за указанный период, отмеченные в разного рода донесениях, суммируют их и вычитают из цифры потерь, полученной балансовым методом. Если разность оказывается достаточно значительной, то ее относят главным образом за счет безвозвратных потерь, недоучтенных в донесениях.

Балансовый метод может помочь в тех случаях, когда иные методы исчисления потерь дают явный и значительный недоучет. На мой взгляд, балансовый метод надо использовать не только тогда, когда иные источники выявления потерь отсутствуют, но вообще во всех случаях, когда исчисления потерь этим методом оказываются возможными, чтобы потом сравнить их с данными о потерях, полученными из других источников. Теоретически балансовый метод на полковом уровне применить легче, чем на уровне более крупных соединений и объединений. Но на практике по многим полкам информация, необходимая для построения баланса, не сохранилась, и порой ее можно найти только на бригадном, дивизионном или более высоком уровне. Во всяком случае Нелиповичу стоило бы попробовать построить балансы за 1915 год хотя бы по нескольким полкам всех воюющих сторон, чтобы убедиться, применим ли в данном случае балансовый метод. Если бы выяснилось, что по некоторым полкам явно отсутствуют данные о поступивших пополнениях за ряд периодов, то есть имеющиеся данные о численности полка на определенную дату оказываются значительно больше, чем должна была бы быть численность личного состава исходя из донесений о потерях, и эта разность образовалась за счет неучтенных пополнений, то можно сделать вывод, что балансовый метод в данном случае неприменим и не стоит тратить дальше время на трудоемкие подсчеты.

Следует подчеркнуть, что, ознакомившись с огромным числом архивных документов на разных языках и практически со всеми опубликованными источниками, Нелипович не ограничился подсчетами потерь, но также дал подробный оперативно-стратегический очерк хода боевых действий на Восточном фронте за период с января 1915-го по январь 1916 года включительно, нередко в своем анализе спускаясь на уровень бригад и даже полков. В частности, очень подробно и интересно описывается германская газовая атака на защитников крепости Осовец 24 июля (6 августа) 1915 года (с. 536–537). Анализ хода боевых действий Нелипович строит прежде всего с точки зрения величины понесенных сторонами потерь, стремясь выяснить, как этот фактор влиял на стратегию и тактику русской, австро-венгерской и германской армий. К каждой главе и к большинству параграфов приложены таблицы, где отражены потери всех сторон в тех или иных операциях до уровня бригад и полков включительно – в тех случаях, когда они действовали отдельно от своих дивизий и бригад. Это бесценный справочный материал, который можно использовать для определения потерь в различных боях. Важно также и то, что потери в отдельных операциях Нелипович определяет в контексте реального хода боевых действий и тактики сторон, обращая внимание на уровень обеспечения снарядами (соответствующие данные в книге приводятся).

В этой рецензии я сосредоточусь в первую очередь на проблеме потерь. Нелипович пишет:

«[В русской армии] высокие потери пропавшими без вести уже с декабря 1914 года вызывали гнев высшего командования, а весной и летом 1915 года уже трактовались как неумение начальника держать в руках войска, а потому не афишировались под различными “объективными” предлогами. Зачастую в журналах военных действий оставались пробелы у категорий потерь нижних чинов, так и оставшиеся незаполненными. 25 июня 1915 года главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, генерал от инфантерии Михаил Алексеев, был вынужден объявлять особым приказом:

“В войсковых донесениях очень часто умалчивается о потерях, понесенных во время боев в людях и особенно в материальной части. Иногда говорится, что потери выясняются, но только в виде исключения я получал результаты этого выяснения. И только спустя месяц даже более, из требовательных ведомостей, отправляемых начальникам снабжений, приходится уяснять размер утраты, иногда трудно объяснимой. Требую, чтобы в будущем от меня не были скрываемы потери. [...] Рассчитываю, что более не повторятся случаи умолчания о потерях и утратах от начальников, на обязанности которых лежит решение вопросов о боевом применении частей. В основе отношений должна быть положена полная откровенность частей и полная осведомленность начальников”» (с. 36).

Поэтому в русской армии в 1915 году появились «экстраординарные запросы Ставки о потерях в наиболее крупных операциях или в случае объявления противником о большом количестве взятых пленных и трофеев»:

«После первых трех недель Горлицкой операции Верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, “повелел потребовать от войсковых начальников откровенных донесений о потерях, предписал в кратчайший срок представить самые полные сведения о наших действительных потерях, а именно: о потерях в личном составе – выделив особо офицеров и показав отдельно убитых, раненых и пропавших без вести в каждом из полков дивизий и артиллерийских дивизионов, а также потери в орудиях, пулеметах и зарядных ящиках за период времени с 19 апреля по 6 мая”» (с. 36).

Но к указанному сроку (18/31 мая) были доставлены донесения только от двух армий (9-й и 11-й), затем, после повторного напоминания, 25 мая (7 июня) поступило донесение из 8-й армии. Донесения же понесшей наибольшие потери 3-й армии Нелипович в архивах так и не обнаружил, что позволяет предположить, что оно так и не было подготовлено. Зато в сохранившихся донесениях корпусов этой армии историк нашел, что они занижают потери даже по сравнению с ранее представленными регулярными донесениями (с. 36–37).

Приводимые Нелиповичем данные по потерям в отдельных операциях показывают, что в русской армии был весьма значительный недоучет безвозвратных потерь, который не покрывают даже подсчеты по именованным спискам. В частности, в ходе зимней Праснышской операции в период с 25 января (7 февраля) по 15 (28 февраля) 1915 года Нелипович определяет русские потери пропавшими без вести в 8855 человек, включая 25 офицеров (с. 109). Но он же приводит данные о том, что в ходе этой операции немцы взяли не менее 30 266 пленных, включая 71 офицера (с. 96, 97, 99, 100, 102). Таким образом, в ходе Праснышской операции среди русских, пропавших без вести, не были учтены по крайней мере 21 411 пленных, включая 46 офицеров. На практике недоучет был еще больше, поскольку в пропавшие без вести попадали еще и убитые. В суммарных же потерях за 19 января (1 февраля) – 15 (28) апреля 1915 года в ходе Праснышской и Ломжинской операций и в позиционных боях русские потери пропавшими без вести показаны в 465 офицеров и 97 517 солдат, при том, что германские войска взяли в плен 67 343 человек – правда, в период с конца февраля (по новому стилю) (с. 137). Если добавить сюда 30 266 пленных, взятых немцами в феврале, общее число пленных увеличится до 97 609 человек, что лишь на 373 человека меньше числа пропавших без вести по русским данным. Цифру недоучтенных

пропавших без вести в Праснышском сражении, 21 411 человек, можно рассматривать как общее число недоучтенных убитых, не попавших ни в зарегистрированные убитые, ни в зарегистрированные пропавшие без вести в итоговых потерях в ходе Праснышской и Ломжинской операций и в позиционных боях. Тогда общее число убитых с русской стороны в суммарных потерях за 19 января (1 февраля) – 15 (28) апреля 1915 года в ходе Праснышской и Ломжинской операций и в позиционных боях следует увеличить с 36 535 зарегистрированных убитых на 373 убитых среди зарегистрированных пропавших без вести и на 21 411 убитых, не попавших ни в какие донесения. Получается 58 319 человек – минимальная оценка числа убитых с русской стороны в ходе Праснышской и Ломжинской операций. Нелипович оценивает общие русские потери убитыми в этих операциях в 67 174 человека (с. 139), но для получения этой цифры использует ошибочный метод. Он из числа зарегистрированных русских военных, пропавших без вести (97 982 человека), вычел число пленных, захваченных немцами в период с конца февраля до конца апреля (67 343 человека), а полученную разницу (30 639 человек) прибавил к числу зарегистрированных убитых (36 535 человек), что и дало итоговую цифру в 67 174 человека. Однако в число зарегистрированных пропавших без вести попадают также пленные, захваченные немцами в феврале, и с их учетом в число зарегистрированных пропавших без вести попадают только 373 убитых.

21 411 – это минимальное число незарегистрированных убитых в русских войсках в ходе Праснышской и Ломжинской операций в период с 19 января (1 февраля) по 15 (28) апреля 1915 года. Реальное число недоучтенных убитых может быть гораздо больше. Недоучет в 21 411 человек образовался только за один месяц, когда всего были захвачены немцами 30 266 пленных. За два последующих месяца число русских пленных возросло на 67 343 человека. Если недоучет пленных происходил в той же пропорции, что и в феврале, то за март–апрель могли быть не зафиксированы в числе пропавших без вести примерно 47 640 пленных. Тогда общее число нигде не зарегистрированных русских убитых могло быть увеличено до 69 051 человека, а общее число убитых до 105 959 человек. Разумеется, реальный недоучет убитых и пленных в марте–апреле мог уменьшиться за счет мер по улучшению учета в ответ на требования высших штабов. Но реальный недоучет убитых в русских войсках в ходе Праснышской и Ломжинской операций в период с 19 января (1 февраля) по 15 (28) апреля 1915 года в любом случае был выше, чем 21 411 человек.

Можно предположить, что в русской армии число убитых, не попавших ни в число зарегистрированных убитых, ни в чис-

ло зарегистрированных пропавших без вести за период той или иной операции, было прямо пропорционально числу плен­ных, захваченных Центральными державами за период дан­ной операции. Чем больше было пропавших без вести, тем труднее был их учет. Если мы примем число неучтенных уби­тых за 21 411 человек, то на одного такого убитого приходится 4,6 плен­ных по итогам Праснышской и Ломжинской операций. Поскольку реальное число недоучтенных убитых наверня­ка выше, мы примем коэффициент 4:1, что означает, что на 4 плен­ных приходится 1 недоучтенный убитый, не попавший ни в зарегистрированные убитые, ни в зарегистрированные пропавшие без вести. Если же брать максимальную оценку недоучтенных убитых в 69 051 человека, то соотношение к ним числа плен­ных будет 1,4:1, что представляется сильно зани­женным коэффициентом.

Нелипович оценивает потери немецкой и австро-венгерской армий в ходе Праснышской и Ломжинской операций и позици­онных боев в период с 19 января (1 февраля) по 15 (28) апреля 1915 года в 12 562 убитых военнослужащих (с. 139), прибав­ляя к 11 693 зарегистрированным убитым еще 869 человек из числа пропавших без вести. Однако российские войска в пе­риод с 19 января (1 февраля) по 15 (28) апреля 1915 года за­хватили 127 германских офицеров и врачей и 12 562 плен­ных, включая 69 австро-венгров. Германские зарегистрированные потери пропавшими без вести в Праснышской и Ломжинской операциях составили 15 964 человека. Если вычесть из этого числа 12 620 германских плен­ных, то останутся 3344 челове­ка из числа пропавших без вести, которые предположитель­но были убиты. Но тогда потери германских войск убитыми следует оценить в 15 037 человек. Скорее всего в данном слу­чае мы имеем дело с опечаткой, и вместо правильной цифры 15 037 погибших германских военнослужащих была случай­но поставлена цифра 12 562, в действительности относящаяся к численности германских и австро-венгерских солдат, попав­ших в русский плен в ходе Праснышской и Ломжинской опера­ций. Потери австро-венгров, по данным Нелиповича, в период с 19 января (1 февраля) по 15 (28) апреля 1915 года в Прасныш­ской и Ломжинской операциях составили 34 убитых и 89 про­павших без вести (с. 137), из которых 20 человек, вероятно, также были убиты.

Автор отмечает, что при взятии австро-венгерской крепо­сти Перемышль (Пшемысль) русскими войсками 9 (22) марта 1915 года были не только взяты в плен 9 австро-венгерских генералов, 2875 офицеров и 113 831 солдат, но и освобожден 1331 русский плен­ный, включая 11 офицеров (с. 211). Не исклю­чено, что изначально русских плен­ных было немного больше,

так как некоторые из них могли умереть от голода и болезней. Между тем осаждавшая Перемышль русская 11-я армия в январе–марте 1915 года потеряла только 301 солдата и 3 офицеров пропавшими без вести (там же). Это может свидетельствовать о большом недоучете пропавших без вести. Нелипович справедливо заключает, что к падению крепости привели ошибки австро-венгерского командования, которое недостаточно обеспечило Перемышль продовольствием перед началом второй осады в ноябре 1914 года и отказалось от эвакуации населения, не обслуживавшего нужды гарнизона, раздуло состав гарнизона за счет нестроевых и в то же время оставило в крепости некоторые полевые соединения, использовать которые для обороны не было необходимости. Кроме того, крепость была в плохом санитарном состоянии, что привело к многочисленным инфекционным заболеваниям. Австрийское командование чересчур оптимистично оценивало возможности деблокады Перемышля (с. 211–212). Взятие Перемышля стало одной из крупнейших побед русской армии в Первой мировой войне.

Потери армий русского Юго-Западного фронта в Галиции и Карпатах в период с 19 апреля (2 мая) по 22 мая (4 июня) 1915 года, за первые две фазы Горлицкой операции австро-германских войск, переломившего ход кампании 1915 года, Нелипович определяет в 202 529 солдат и 1014 офицеров, пропавших без вести. И тут же отмечает, что германские и австро-венгерские войска за этот период Горлицкой операции взяли в плен 3 генералов, 863 офицеров и 268 869 солдат (с. 335). Налицо недоучет как минимум 66 192 пропавших без вести, оказавшихся в плену. Но реальный недоучет был еще больше. Среди пленных не оказалось 148 офицеров из числа пропавших без вести, что составило 14,6% общего числа зарегистрированных пропавшими без вести офицеров. Очевидно, почти все эти 148 офицеров в действительности погибли. Поскольку офицеров считали точнее, чем солдат, можно быть уверенным в том, что доля солдат среди пропавших без вести, оказавшихся убитыми, была значительно выше 14,6%. Если применить соотношение, согласно которому в русской армии 1 убитый, не учтенный ни среди зарегистрированных убитых, ни среди зарегистрированных пропавших без вести, приходится на 4 пленных, то 269 735 пленным соответствуют порядка 67 400 неучтенных убитых. Тогда потери русского Юго-Западного фронта в период с 19 апреля (2 мая) по 22 мая (4 июня) 1915 года убитыми можно оценить, прибавив к зарегистрированному числу убитых (41 951 человек) гипотетическое число неучтенных убитых (67 400 человек), что дает в сумме 109 351 человека.

Потери германских войск в сражениях против русского Северо-Западного фронта в период с 15 (28) апреля по 30 июня

БОРИС СОКОЛОВ

1915 ГОД: ПОДСЧЕТ
МИЛЛИОННЫХ ПОТЕРЬ

(13 июля) 1915 года Нелипович определяет в 12 665 убитых, включая 292 офицеров и 2 австро-венгерских солдат и 6814 пропавших без вести, включая 90 офицеров (с. 467). При этом отмечается, что русские в этих сражениях взяли 8477 пленных, включая 64 офицера (с. 468). Это число на 1663 человека превышает число пропавших без вести, зарегистрированных с германской стороны. Фактически же разность между заявленным русской стороной числом германских пленных и числом тех зарегистрированных германских пропавших без вести, которые оказались в русском плену, еще больше, так как из 90 пропавших без вести германских офицеров в плену оказались только 64. Поэтому логично предположить, что 26 пропавших без вести германских офицеров (28,9% общего числа) в действительности погибли. С ними вместе должны были погибнуть не менее 28,9% солдат из числа пропавших без вести, то есть не менее 1943 человек. Реально последняя цифра должна быть выше, так как, повторю, офицеров считали гораздо точнее, чем солдат. Но в любом случае следует предположить, что не менее 1969 человек из 6814 зарегистрированных германских пропавших без вести в действительности погибли, так что в плен попали не более 4845 германских пропавших без вести.

Разность между заявленным русской стороной числом захваченных германских пленных и числом пленных среди зарегистрированных германских без вести пропавших можно оценить не менее, чем в 3632 человека. Эта разность могла образоваться как за счет недоучета количества пропавших без вести германской стороной, так и преувеличением числа захваченных в плен немцев русской стороной. Как доказывает Нелипович, преувеличение числа пленных русской стороной иной раз имело место. Например, штаб русской 8-й армии сообщал, что с середины августа до середины сентября (по старому стилю) ею были захвачены в плен 1230 офицеров и 69 540 солдат, однако до 17 (30) ноября 1915 года через этапные пункты прошли только 21 639 пленных, включая 280 офицеров (с. 739). Но в любом случае разницу между заявленным русской стороной числом захваченных пленных (8477 человек) и предполагаемым числом пленных среди германских пропавших без вести (4845 человек), равную 3632 человекам, стоило бы прибавить к зарегистрированному числу германских пропавших без вести, если верно предположение, что она образовалась за счет недоучета германских пропавших без вести. Однако Нелипович поступил иначе. Разницу между заявленным русской стороной числом взятых в плен немцев (8477 человек) и числом зарегистрированных германских пропавших без вести (6814 человек), равную 1663 человекам, он вычел из чис-

ла зарегистрированных германских убитых (12 665 человек), уменьшив его до 11 002 человек (с. 468), что является явной ошибкой. Ведь не могло быть такое большое число попавших в плен (1663 человека) зарегистрировано в качестве убитых.

Подводя итоги Горлицкой кампании апреля–июля 1915 года на всех фронтах, Нелипович заключает, что «германские и австро-венгерские войска также несли тяжелые потери; количество погибших в боях было немногим меньше, чем с русской стороны» (с. 470). Но на самом деле это не так. Согласно данным Нелиповича, русские потери убитыми составили 145 307 человек, в том числе 2090 офицеров, австро-венгерские – 44 263 человека, в том числе 1269 офицеров, и германские – 36 726 человек, включая 1020 офицеров. Всего потери Центральных держав убитыми составили 80 989 человек, включая 2289 офицеров. Русские потери пропавшими без вести составили 564 257 человек, в том числе 2384 офицера. Австро-венгерские потери пропавшими без вести достигли 164 592 человек, в том числе 2124 офицера. Германские потери пропавшими без вести составили 14 864 человека, включая 178 офицеров. Потери Центральных держав пропавшими без вести равны 179 456 человек, в том числе 2302 офицера. В плен попали 507 500 русских и 111 835 австро-венгров и германцев (с. 384, 456, 468, 470). Получается, что потери России убитыми, включая туда убитых из числа пропавших без вести, можно оценить в 202 064 человек, а потери Центральных держав – в 148 660 человек. Разница вроде бы не такая существенная, всего в 1,4 раза. Но надо иметь в виду существующий недоучет русских безвозвратных потерь. Если использовать предположенное мной соотношение, согласно которому, на 4 русских пленных приходился 1 убитый, не зарегистрированный ни среди убитых, ни среди пропавших без вести, то на Горлицкую кампанию приходится примерно 126 900 неучтенных убитых. Таким образом, общее число убитых с русской стороны в ходе Горлицкой кампании можно оценить в 329 000 человек, что в 2,2 раза больше потерь Центральных держав убитыми.

По данным Нелиповича, в ходе летней Праснышской операции (она же Бугско-Наревская) в период с 30 июня (13 июля) по 14 (27) августа 1915 года войска русского Северо-Западного фронта потеряли 37 987 убитых, 233 619 пропавших без вести и 163 606 раненых. Германский Восточный фронт в этом сражении потерял 24 726 убитых, 4491 пропавшего без вести и 75 181 раненого (с. 550). Соотношение потерь убитыми оказывается всего лишь 1,5:1 в пользу немцев. Однако оно существенно изменится, если мы добавим убитых из числа пропавших без вести. В ходе летней Праснышской операции немцы взяли в плен 205 909 человек (с. 520, 522, 523, 524, 530, 532, 534,

БОРИС СОКОЛОВ

1915 ГОД: ПОДСЧЕТ
МИЛЛИОННЫХ ПОТЕРЬ

535, 544, 547). Русские войска пленили только 743 человека (с. 530, 537). Вероятно, это худшее соотношение потерь пленными для русской армии за всю войну – 2771:1 в пользу немцев. Соответственно, число убитых из числа пропавших без вести для русской стороны составило 27 710 человек, а для германской – 3748 человек. С их учетом число убитых в войсках российского Северо-Западного фронта увеличивается до 65 697, а в войсках германского Восточного фронта – до 28 474, что дает соотношение 2,3:1. Оно почти совпадает с соотношением потерь ранеными – 2,2:1 в пользу немцев. Однако на практике соотношение потерь ранеными должно быть в еще большей степени в пользу германской стороны, поскольку многие русские раненые оказались в числе пленных. Если же добавить к русским убитым неучтенных убитых, не попавших ни в число зарегистрированных убитых, ни в число зарегистрированных пропавших без вести, определив их в одну четверть от числа пленных (51 477 человек), то число русских убитых в летней Праснышской операции увеличится до 117 174 человек, а соотношение потерь убитыми – до 4,1:1. Чтобы таким же стало соотношение потерь ранеными, придется предположить, что среди 205 909 русских пленных оказались 144 600 раненых. Скорее всего реальное число раненых среди русских пленных было существенно меньше, поскольку в боях с германской армией в русской армии из-за гораздо больших, чем у немцев, потерь убитыми, на одного убитого приходилось меньше раненых, чем в германской армии. Вот в боях с австро-венгерской армией этот фактор не действовал, поскольку потери русских и австро-венгерских войск убитыми в боях друг против друга вполне соотносимы.

В ходе Риги-Шавельской операции в период с 1 (14) июля по 15 (28) августа 1915 года русский Северо-Западный фронт потерял 14 025 убитыми, 81 486 пропавшими без вести и 61 314 ранеными. Потери германской группы армий Гинденбурга составили 9061 убитым, 4337 пропавшими без вести и 24 778 ранеными. Немцы захватили 51 000 пленных, а русские – 1302 пленных (с. 678). За счет убитых, оказавшихся среди зарегистрированных пропавших без вести, количество убитых с российской стороны возрастает до 44 511 человек с русской стороны и до 12 096 с германской стороны, что дает соотношение 3,7:1 в пользу немцев. Если же добавить с русской стороны неучтенных убитых, не попавших ни в зарегистрированные убитые, ни в зарегистрированные пропавшие без вести, оценив их в четверть от числа захваченных немцами пленных, то число убитых возрастет до 57 261 человека, а соотношение потерь убитыми – до 4,7:1 в пользу немцев. При этом соотношение потерь ранеными оказывается только 2,5:1. Разница скорее всего

образовалась как за счет того, что часть русских раненых оказалась среди пленных, так и вследствие того, что в боях с немцами в русской армии на одного убитого приходилось меньше раненых, чем в германской.

За время летней кампании, продолжавшейся с 30 июня (13 июля) по 15 (28) августа 1915 года, русские войска потеряли, согласно подсчетам Нелиповича, 479 349 пропавших без вести, включая 3413 офицеров (с. 695). И тут же автор сообщает, что Центральные державы заявили Международному Красному Кресту о захвате с середины июля до 1 сентября 1915 года 511 679 пленных, в том числе 2923 офицеров и 18 генералов (с. 697). То, что как минимум 32 330 пленных не попали в число русских пропавших без вести, Нелипович объясняет следующим образом:

«Число заявленных Международному Красному Кресту пленных превышает количество пропавших без вести, вероятно, за счет пленных, взятых в конце августа, когда началось наступление австро-венгерских войск на Волыни и бои за Гродно и Вильно, а также в результате ошибок в подсчетах и недоучета пропавших без вести среди тыловых частей и служб Ковно, Ивангорода, Ломжи и Осовца. Однако в данном случае налицо тенденция, когда почти все пропавшие без вести оказываются в плену» (с. 697).

Историк совершенно справедливо не допускает возможность сознательного завышения числа пленных в сведениях, предоставляемых Международному Красному Кресту, так как это было бессмысленно. «Мертвые души», в конце концов, были бы сочтены умершими в плену, а высокая смертность пленных не лучшим образом отразилась бы на репутации захвативших их держав. Но, разбирая далее заключительные операции 1915 года, Нелипович отмечает, что германские войска перешли в наступление на Гродно и Вильно в рамках Виленской операции только 19 августа (1 сентября) (с. 706), а первых пленных в количестве 3600 человек захватили 21 августа (3 сентября) (с. 707). Что же касается Луцко-Ровенской операции австро-венгерской армии, то она, хотя и началась 14 (27) августа, но первый захват русских пленных в количестве 6000 человек Нелипович отмечает только 24–25 августа (6–7 сентября) (с. 723), тогда как захват русскими войсками 4689 пленных из состава Южной германской армии, состоялся, по данным автора, 18 (31) августа (с. 722).

Офицеров среди русских пропавших без вести было зарегистрировано на 472 человека больше, чем оказалось в плену. 472 человека составляют 13,8% общего числа русских офицеров, пропавших без вести в период с 30 июня (13 июля) по 15 (28) августа 1915 года. Поскольку офицеров считали точнее, чем солдат, можно предположить, что реальная доля убитых

БОРИС СОКОЛОВ

1915 ГОД: ПОДСЧЕТ
МИЛЛИОННЫХ ПОТЕРЬ

среди пропавших без вести в этот период в русской армии была еще выше.

На мой взгляд, Нелипович допускает ошибку, полагая, что для русской стороны в июле–августе 1915 года почти все пропавшие без вести – это попавшие в плен. В действительности в категорию пропавших без вести в русской армий Первой мировой войны, как и в армиях других государств, попадали как те военнослужащие, которые оказались в плену, так и те солдаты и офицеры, кто был убит, но о чьей смерти не было известно. Однако в число пропавших без вести никогда не попадают ни все пленные, ни все погибшие, не зарегистрированные в качестве убитых. Применительно к российской армии исчисления Нелиповича по потерям 1915 года позволяют заключить, что недоучитывалась весьма значительная часть как пленных, так и тех, кто был убит, но не был зарегистрирован в качестве убитых. Можно предположить даже, что в ряде случаев число убитых, оказавшихся в категории пропавших без вести, было меньше числа убитых, не зарегистрированных ни в качестве убитых, ни в качестве пропавших без вести. Но если речь идет о достаточно длительном периоде времени, например, обо всей кампании 1915 года, то число убитых, оказавшихся среди пропавших без вести, оказывается достаточно большим, чтобы компенсировать недоучет пленных. И тогда общее число пропавших без вести оказывается выше, чем число пленных, захваченных Центральными державами. Поэтому нельзя делать вывод о том, что почти все пленные оказались в числе зарегистрированных пропавших без вести.

Нелипович упоминает категорию «оставшиеся на поле сражения», фигурирующую в русских донесениях и включавшуюся в категорию «пропавших без вести» (с. 38). Как правило, это были раненые, которых не смогли эвакуировать. В дальнейшем они либо попадали в плен, либо погибали, если медицинская помощь была оказана слишком поздно. Но их имена далеко не всегда фиксировались. Отсюда появлялись неучтенные пленные и неучтенные убитые, не попадавшие ни в зарегистрированные убитые, ни в зарегистрированные пропавшие без вести.

Относительно потерь в боях, которые вели русские войска против германских и австро-венгерских войск в период с 18 ноября (1 декабря) 1915 года по 18 (31) января 1916-го, автор делает оговорку:

«По многим русским армиям за указанный период указано количество эвакуированных офицеров и нижних чинов без разбивки на раненых и больных, хотя число раненых действительно многократно превосходило количество убитых в силу того, что люди получали ранения главным образом в окопах и блиндажах от обстрелов, а эти укрытия снижали летальность» (с. 825).

Замечу, что во время более или менее активных боевых действий число эвакуированных раненых, как правило, гораздо больше, чем число эвакуированных больных, хотя зимой увеличивается число обморожений и простуд. Тезис же о снижении летальности из-за нахождения солдат и офицеров в укрытиях в той же мере применим к германской и австро-венгерской армиям. Согласно подсчетам Нелиповича, в период с 18 ноября (1 декабря) 1915 года по 18 (31) января 1916-го во время боев на пассивных участках фронта войска русских Северного и Западного фронтов потеряли 2222 убитыми, 1320 пропавшими без вести и 83 742 ранеными. Противостоявшие им армии Центральных держав потеряли 3345 убитыми, 1739 пропавшими без вести и 3820 ранеными (с. 826). Отсюда Нелипович делает вывод о том, что «безвозвратные потери войск противника на пассивных участках Северного и Западного фронтов были в полтора раза выше, чем у русских войск» (с. 827). Однако этот вывод вряд ли соответствует действительности. Если мы условно примем, что с каждой из сторон половина пропавших без вести – это убитые, то соотношение числа раненых и числа убитых для русских армий в этих боях можно оценить как 29:1, а для армий Центральных держав – как 0,9:1. Такой колоссальный разрыв в соотношении убитых и раненых – более, чем в 30 раз, – нельзя объяснить только тем, что, как признает Нелипович, число раненых могло быть завышено в суммарных русских армейских рапортах за счет эвакуированных больных (там же). Главным фактором, очевидно, был колоссальный недоучет убитых в русских войсках. Поэтому вывод Нелиповича о «более успешных действиях русских войск, если они не вели наступление, а ограничивались “беспокоящими действиями”» (там же), представляется неверным. Тем более, что его же подсчеты свидетельствуют, что у Центральных держав в этих боях мог быть некоторый недоучет раненых, но он никак не мог быть таким, чтобы дать показатели, близкие к соотношению раненых и убитых в русской армии. Поэтому теория о том, что укрытая в укреплениях пехота несет относительно меньшие потери убитыми, представляется ошибочной.

Согласно подсчетам Нелиповича, за всю кампанию 1915 года потери русских армий составили 504 939 убитых, включая 6453 офицера, 1 646 598 пропавших без вести, включая 9099 офицеров, и 2 089 811 раненых, включая 29 509 офицеров. Армии Центральных держав потеряли 307 670 убитых, включая 7558 офицеров, 746 122 пропавших без вести, включая 10 705 офицеров, и 926 687 раненых, включая 20 108 офицеров (с. 844). Потери России пленными составили 1 544 212 человек, в том числе 34 генерала и 8825 офицеров. Считая остальных пропавших без вести погибшими, Нелипович увеличивает

ет общее число убитых в русской армии до 607 359 человек, включая 6727 офицеров и генералов (с. 846). Русские войска захватили 57 731 германского пленного, включая 993 офицера (с. 849), и 517 940 австро-венгерских пленных, включая 8852 офицера и 9 генералов (с. 851), – всего 575 671 пленного. С учетом этого число убитых в армиях Центральных держав можно увеличить за счет убитых среди пропавших без вести (170 451 человек) до 478 121 человека. Это дает соотношение потерь убитыми всего лишь 1,3:1 в пользу Центральных держав. Однако соотношение потерь ранеными оказывается 2,3:1, также в пользу Германии и Австро-Венгрии. Реальное же соотношение потерь ранеными должно быть еще больше в пользу Центральных держав, поскольку гораздо большая доля русских раненых, чем раненых армий Центральных держав, оказалась среди пленных. Ведь противники России взяли в 2,7 раза больше пленных, чем русская армия. Если мы добавим к цифре Нелиповича (607 359 русских убитых) число русских убитых, предположительно не зарегистрированных ни среди убитых, ни среди пропавших без вести, которое я оцениваю примерно в четверть от числа русских пленных, то есть в 386 053 человека, то общее число убитых в русской армии увеличится до 993 412 человек. Соотношение потерь убитыми вырастет до 2,1:1. Это близко к соотношению потерь ранеными – 2,3:1. Но если верно мое предположение, что в боях с германскими войсками в русских войсках на одного убитого приходилось меньше раненых, чем у немцев, то соотношение потерь убитыми должно быть в большей мере в пользу Центральных держав, чем соотношение потерь ранеными. Данное обстоятельство может говорить в пользу того, что реальный недоучет убитых в русской армии, не попавших ни в число зарегистрированных убитых, ни в число зарегистрированных попавших без вести, может существенно превышать 386 053. Более значительные потери русской армии в сравнении с противником отражают также тот факт, что почти во всех сражениях 1915 года на стороне русской армии было численное превосходство, немцы же и австро-венгры имели перевес в тяжелой артиллерии. Безвозвратные потери в более чем 2,5 миллиона человек основательно подорвали боевую мощь русской армии и стали одной из предпосылок революции 1917 года.

Сергей Нелипович привлек практически все источники, с помощью которых можно оценить потери России, Германии и Австро-Венгрии на Восточном фронте в 1915 году. Но при анализе результатов его подсчетов выяснилось, что сохраняется значительный недоучет русских потерь убитыми. Поскольку сколько-нибудь расширить круг источников в будущем вряд ли получится, проведенное Нелиповичем исследование дока-

зывает, что определить русские потери убитыми, а соответственно, и общие безвозвратные потери России в Первой мировой войне, опираясь только на имеющиеся источники, невозможно. Поэтому приходится оценивать потери Российской империи, прибегая к разным методам и допущениям. И это еще более справедливо применительно к советским потерям во Второй мировой войне, по которым до сих пор доступен еще более узкий круг источников.

Автор рецензируемой книги вполне убедительно опровергает широко распространенное мнение, что наступление Центральных держав на Восточном фронте в июне–августе 1915 года преследовало цель вывести Россию из войны путем окружения и последующей ликвидации армий центра и левого крыла русского Северо-Западного фронта. Он указывает на отсутствие такой цели в документах военного планирования Центральных держав и, что еще важнее, на «отсутствие мощных фланговых группировок противника, необходимых для маневра на окружение» (с. 692). Нелипович приходит к выводу, что целью австро-германского наступления было «создание угрозы окружения, которая заставила бы русские войска уйти за такие преграды, обратное преодоление которых было бы почти невозможно» (там же). Нелипович также утверждает:

«В ходе боев июля–октября войскам Центральных держав, и прежде всего Германской империи, не удалось ни вывести Россию из войны, ни склонить в результате военных поражений к переговорам о мире. Широкий замысел германского Главнокомандования на Востоке (П. фон Гинденбург, Э. Людендорф) не суждено было осуществиться, о чем предупреждал в начале летнего наступления начальник штаба Главной квартиры Э. фон Фалькенхайн» (с. 735).

Но вместе с тем автор сообщает: «Главная квартира в лице Э. фон Фалькенхайна ослабила наступающих, выведя из боя всю 11-ю армию Макензена и перебросив на другие ТВД более 20 дивизий» (с. 842). Гинденбург не мог не знать о переброске столь большого количества дивизий и никак не мог рассчитывать на достижения такого успеха, который бы немедленно вывел Россию из войны, поскольку сильных фланговых группировок, необходимых для операции на окружение, Гинденбургом создано не было. Поэтому целью наступления Центральных держав было лишь нанесение максимального урона русской армии и занятие удобных для обороны позиций.

Как показывает Нелипович, «снарядный голод» в русской армии происходил не столько от недостатка снарядов на складах, сколько от невозможности быстро доставить снаряды на позиции артиллерии. В армиях Германии и Австро-Венгрии

подвоз боеприпасов осуществлялся колоннами боепитания, которые имелись в каждом дивизионе или артиллерийском батальоне, что позволяло оперативно удовлетворять нужды артиллеристов. В русской же армии снаряды со складов получали парки армий, что сильно удлиняло путь боеприпасов до дивизионов и батарей. Кроме того, тактика германской и австро-венгерской артиллерии сводилась к стрельбе по площадям в тылу русских позиций, что препятствовало доставке боеприпасов и резервов на передовую, причем «меткость была поразительная, рассеивание не более 25–30 шагов; укрытия, как и окопы, становились могилою» (с. 336–337).

В рецензируемой книге также показано, что при отступлении из Восточной Пруссии осенью 1914 года и зимой 1915-го русские войска проводили тактику «выжженной земли», с уничтожением предприятий, угоном скота, сожжением сел и деревень и депортацией в глубь России мужского немецкого и еврейского населения трудоспособного возраста, как «явно враждебного». Подобная тактика стала побудительным мотивом для германского командования побыстрее освободить оккупированную часть Восточной Пруссии в феврале–марте 1915 года (с. 67–68). Такая же принудительная эвакуация немцев, евреев и поляков осуществлялась и при оставлении русской армией Царства Польского («принудительной высылке в восточные губернии подверглись 57 622 славянина, 124 120 евреев, до 200 тысяч немцев», с. 607–608). В результате, как подчеркивает Нелипович, «принудительная эвакуация обернулась разорением населения, появлением потока беженцев, коллапсом на железных дорогах и повышением социальной напряженности, причем большее количество недовольных оказалось перемещенными в центральные губернии Российской империи» (с. 841).

И, наконец, последнее соображение. Монография Нелиповича навела меня на мысли об ущербности современной российской системы научной аттестации. Из этой книги вполне возможно опубликовать порядка сотни статей в журналах из перечня ВАК, хотя на их публикацию может уйти лет двадцать, а то и больше. Однако все эти сто статей, даже сложенные вместе, будут иметь меньшую ценность, чем научная монография, где весь материал систематизирован и дан в логической связи. Между тем для защиты кандидатской и докторской диссертации первостепенное значение имеют именно «ваковские» публикации. Монографии же имеют второстепенное значение, а в некоторых ученых советах вообще не учитываются. Получается, что система аттестации не ориентирует ученых на создание наиболее ценных в гуманитарных науках публикаций – монографий. Думаю, имело бы смысл приравнять монографии к нескольким «ваковским» статьям или вообще

в некоторых случаях освободить авторов монографий от такого рода публикаций.

Будем надеяться, что Сергей Нелипович успешно завершит свою программу исследований и в будущем создаст столь же фундаментальные монографии, посвященные потерям сторон на русском фронте Первой мировой войны в 1916-м и в 1917–1918 годах.

БОРИС СОКОЛОВ

1915 ГОД: ПОДСЧЕТ
МИЛЛИОННЫХ ПОТЕРЬ

Биафра навсегда*

*New Perspectives on the Nigeria-Biafra War:
No Victor, No Vanquished*

СНИМА J. KORIEN (Ed.)

Lanham: Lexington Books, 2021. – XXXIV, 394 p.

Биафра – неугомонный африканский дух, отчаянно ищущий для себя пристанища в глубинах времени.

ФРЭНСИС НЬЁКУ, нигерийский философ (p. 142)

Андрей Александрович
Захаров (р. 1961) –
политолог, редактор
журнала «Неприкосно-
венный запас», доцент
Российского государст-
венного гуманитарного
университета.

В мае 1967 года Восточный регион Нигерии – одна из четырех составных частей молодой нигерийской федерации – объявил о своей независимости. Эта обширная территория, выходящая на побережье Гвинейского залива и вобравшая в себя богатую нефтью дельту реки Нигер, издавна была населена игбо – одной из трех ведущих этнических групп государства, созданного англичанами в Западной Африке в начале XX столетия. В Нигерии, получившей независимость в 1960 году, игбо соседствовали, помимо сотен миниатюрных этносов, с еще двумя местными гегемонами: хауса-фулани и йоруба, жившими на севере и западе соответственно. До прихода колонизаторов эти группы активно занимались собственным имперским строительством: скажем, мусульманская империя Сокото или империи Ойо и Бенин йоруба считались солидными государствами. Игбо же, в отличие от соседей, экспансией не интересовались, развивая иные полезные навыки: представители этого этноса неизменно изображались этнографами смекалистыми, энергичными, предприимчивыми – реализуя себя в первую очередь в том, что сегодня называют бизнесом. «Без креативности и динамизма игбо Нигерия была бы гораздо более печальным местом, чем она есть», – писал в свое время нигерийский писатель Чинуа Ачебе¹. Открытость этого народа социальному творчеству привлекала европейцев; в XIX веке именно восточные земли будущей Нигерии стали точкой притяжения для европейских миссионеров, обучивших игбо английскому языку и познакомивших их с христианством.

Провозглашению в 1967 году Республики Биафра – именно так стал называться обособившийся Восточный регион – предшествовал этнический конфликт, за пять с небольшим лет вдребезги расколовший нигерийскую Первую республику. Из-за

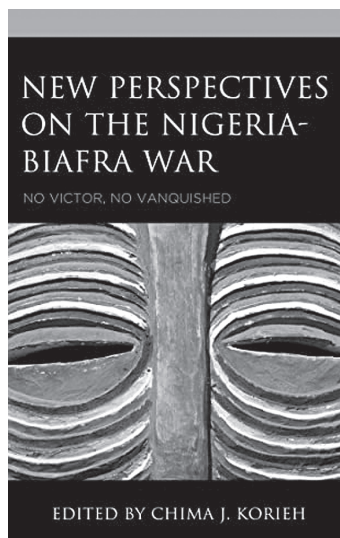
* Рецензия подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00123).

1 АСНЕВЕ С. *The Trouble with Nigeria*. London; Nairobi: Heinemann, 1987. P. 49.

дефектов дизайна федеративного государства, оставленного англичанами, игбо оказались втянутыми в бесконечные столкновения и распри с иными группами – и проиграли, не сумев предотвратить захват государства конкурентами. По мере развертывания этого противостояния в нигерийский политический лексикон прочно вошло русское слово «погром» – цивилизационное заимствование из числа тех, каких лучше бы и не делать. За полгода до того, как Биафра пустилась в автономное плавание, в Северном регионе Нигерии были организованы массовые убийства игбо, проживавших в специально созданных местными властями «кварталах пришлых». За первые шесть месяцев 1966 года на Севере мусульманскими фанатиками были истреблены десятки тысяч христиан.

«Погром» стал не единственным зловещим термином, вышедшим из забвения и наполнившимся новым содержанием в годы нигерийской гражданской войны. Другим словом из того же ряда стал «геноцид» – понятие, после 1945 года употреблявшееся только в отношении турецких армян и европейских евреев. Дискуссии о том, была ли война между Нигерией и Биафрой сопряжена с целенаправленным и массовым уничтожением людей исходя из их этнической и религиозной принадлежности, идут до сих пор². Позиции антагонистов в таких спорах примерно равновесны, что обусловлено невняtnостью положений международного права на этот счет. Столь же туманна и статистика: вопиющим парадоксом остается то, что даже приблизительное число жертв драмы 1967–1970 годов до сих пор остается неизвестным, а разброс в подсчетах выглядит просто чудовищным: источники говорят о диапазоне от одного до трех миллионов жизней. Но даже если проигнорировать вопрос о геноциде – непонятно, правда, насколько вообще подобные вопросы допустимо обходить стороной, – факт остается фактом: травмы, нанесенные Нигерии тем кровавым конфликтом, не зажили до сих пор, хотя с его окончания минуло уже более полувека. Соответственно, попытки осмысления нигерийской гражданской войны (заметим, что специалисты, сочувствующие проигравшим, предпочитают называть ее «войной между Нигерией и Биафрой», нарочито наделяя задущенную республику той политической субъектностью, которой она отчаянно и тщетно добивалась) с самых разных сторон предпринимаются снова и снова. Одной из таких попыток, причем до-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
БИАФРА НАВСЕГДА

2 См., например: ИНЕКЕ А. *Moving beyond Semantics: Examining the "Biafra Genocide" Claim* // The Republic. 2020. Vol. 4. № 2 (<https://republic.com.ng/february-march-2020/moving-beyond-semantics-biafra-nigeria-conflict/>); МОСЕС Д., ХЕЕРТЕН Л. (Eds.). *Postcolonial Conflict and the Question of Genocide: The Nigeria-Biafra War, 1967–1970*. New York; London: Routledge, 2018; СТАПЛЕТОН Т. *A History of Genocide in Africa*. Santa Barbara: Praeger, 2017. Ch. 6; ВЕНТЕР А.Д. *Biafra Genocide. Nigeria: Bloodletting and Mass Starvation, 1967–1970*. Barnsley: Pen & Sword, 2018.

вольно впечатляющей по охвату освещаемых сюжетов и кругу привлеченных авторов, можно считать рецензируемую книгу.

Основу этого сборника из восемнадцати статей и предпоследнего им обстоятельного предисловия составили материалы конференции «История, памятование и наследие войны между Нигерией и Биафрой», состоявшейся в Доминиканском университете в Ривер-Форест, штат Иллинойс, в 2017 году. (Вместе с тем некоторые статьи добавлялись отдельно и позже.) Среди приглашенных специалистов, что не удивительно, оказалось много нигерийских эмигрантов, кое-кто из которых покинул погибающую мятежную республику еще детьми. Материалы сборника разбиты на четыре блока: «Война, история и память», «Жертвы войны, игбо и опыт Биафры», «Пятьдесят лет спустя: Биафра, ее граждане и новая борьба» и «Война в Биафре в искусстве и иных формах репрезентации». Говоря об идеях, сквозным образом проходящих сквозь все тексты, можно выделить по меньшей мере две центральных: во-первых, война в Биафре так и не завершилась, поскольку не была должным образом «проработана» нигерийским обществом; во-вторых, кампания солидарности с жертвами этой войны сформировала не исчерпанный до сих пор запас социального капитала, на котором выросла нынешняя концепция «гуманитарных интервенций». Фраза же «Ни победителей, ни проигравших», включенная в название книги, принадлежит подполковнику Якубу Говону, в 1966–1975 годах исполнявшему обязанности президента Нигерии и осуществившему многомесячную «специальную полицейскую операцию» по разгрому сепаратистов. Произнося эти слова, диктатор декларировал курс на примирение нации, из которого, как полагают авторы сборника – да и не только они, – почти ничего не получилось.

Заявляя о том, что «призрак Биафры преследует Нигерию до сих пор» (р. XIV), Шима Кори, директор исследовательского центра «Africa» при Университете Маркетт (Милуоки, штат Висконсин), в своем обширном предисловии делает особый акцент на попытках нигерийского правительства уничтожить любые воспоминания о прошедшей войне; по его словам, «молчание, которое неизменно было реакцией на злодеяния, творимые федеральными властями Нигерии в отношении гражданского населения Биафры, остается одним из самых болезненных элементов горького опыта этой территории», поскольку за декларациями о том, что побежденных в войне не должно быть, не последовало реального национального примирения (р. XV). Эту позицию в той или иной мере разделяют все авторы, опубликовавшие в рецензируемом сборнике свои статьи. Трагедия Биафры – пишет, в частности, Пол Бартроп, профессор истории Университета Галф Кост (Форт-Майерс, штат Флорида), – фун-

даментально усугублялась тем, что она произошла всего лишь через два десятилетия после Холокоста: поскольку нигерийская война наряду с вьетнамской стала одним из первых вооруженных конфликтов, разворачивавшихся прямо на телеэкранах, обыватели и политики Запада не могли не понимать, что пафосный призыв «Никогда больше!» обернулся моральным банкротством – и предпочли закрыть глаза на африканские ужасы. Или, как выразительно говорил Фредерик Форсайт, в качестве военного корреспондента освещавший войну со стороны Биафры, «мир просто не захотел знать об этом» (р. 16). Еще более жестко по этому поводу высказывается Обиома Ннаемека, профессор африканских гендерных исследований Университета штата Индиана в Индианаполисе:

«После войны нигерийское правительство запустило масштабный проект искоренения памяти о ней. Вместо того, чтобы провести обсуждение трагедии и наметить пути примирения, власти навязали стране молчание, которое усугубляло недоверие и тормозило нормализацию. В Нигерии не было общенационального обсуждения того, что происходило с нами с июля 1967-го по январь 1970-го. Государство не заинтересовалось ни поиском истины, ни восстановлением доверия. Биафра не упоминалась в школьных программах. Залив Биафра был переименован в залив Бонни. Не существует монументов, увековечивающих память о Биафре и ее гражданах. Напротив, все делалось для того, чтобы стереть Биафру с географических карт и изгнать из коллективной памяти» (р. 224).

Разгромив сепаратистов, победители попытались нормализовать насаждаемое сверху злонамеренное невежество. Так, в качестве одного из первых шагов, совершенных после возвращения республики игбо под тяжелую руку «родины-матери», федеральные власти распорядились разобрать взлетно-посадочную полосу Ули – участок автомобильного шоссе, превращенный повстанцами в аэродром. Николас Ибеавучи Оменка, профессор истории католического Университета имени Годфри Окойе (Энугу, Нигерия), напоминает читателям, что именно этот легендарный объект позволил Биафре поддерживать функционирование «воздушного моста», почти не уступавшего аналогичному начинанию времен сталинской блокады Берлина: бывали такие ночи, когда полоса принимала до четырех десятков бортов, доставлявших в осажденный анклав продукты, медикаменты, палатки, одеяла (р. 20). Оменка, кстати, единственный автор, который разместил в книге сразу две статьи: во втором своем тексте он проникновенно рассказывает о том, как католическая и протестантская церкви Европы и Америки солидарно развернули массовую кампанию по эвакуации из Биафры больных и изголодавших детей – причем делалось это, несмот-

ря на продолжавшиеся бои и, в отличие от многих более поздних конфликтов, со скрупулезным соблюдением норм международного права (р. 185–203)³.

Наряду с анализом тех или иных аспектов самой войны в книге рассматриваются и ее импликации, причем некоторые из них в силу своей необычности ранее не замечались исследователями. Например, Бернард Штейнер Ифевке, преподаватель истории Университета Уйо (Нигерия), посвящает отдельный текст тому, как нигерийское кровопролитие было воспринято левыми силами, поддержавшими сепаратистов – прежде всего, в лице Социалистической партии Биафры, крошечной группировки, которая тем не менее весьма громко заявляла о себе в пропагандистских баталиях, сопровождавших пушечные залпы. Надо сказать, что сецессия расколола ряды нигерийских левых (как, впрочем, и левых всего мира): если группы, которые действовали на федеральном уровне, видели в отделении Биафры задумку империалистов, направленную на балканизацию только что вставшего с колен «гиганта Африки», то радикалы в самой мятежной республике решительно поддержали ленинское право народов на самоопределение вплоть до отделения. Социалистическая партия Биафры была образована в 1968 году с тем, чтобы убедить страны коммунистического блока официально признать отколовшуюся республику. Опираясь на редкие и интересные архивные документы, автор показывает, как политика СССР и его сателлитов постепенно ввергала биафрийских коммунистов во все большее уныние: по мере того, как нигерийское военное правительство начинало принимать советских военных советников и получать советские вооружения, партия все горше проклинала «ревизионизм» Кремля и все теснее солидаризовалась с китайскими и албанскими товарищами. К сказанному автором можно добавить, что аналогичную фрустрацию в то время переживали и студенты из Биафры, учившиеся в Советском Союзе⁴.

Кстати, в книге затрагивается не только советское, но и американское отношение к нигерийской войне. Так, Остин Дуру, адъюнкт-профессор философии Колумет-колледжа святого Иосифа (Уайтинг, штат Индиана), пишет о двусмысленной и непоследовательной позиции властей США, которые на протяжении всего противостояния старались усидеть на двух стульях. С одной стороны, американское общественное мнение в целом сочувственно относилось к Биафре, а местное правозащитное движение было возмущено массовыми убийствами мирного

3 В одном из недавних номеров «НЗ» опубликовал этот текст целиком: Оменка Н.И. *Война в Биафре и дети: эвакуация, реабилитация, репатриация* // Неприкосновенный запас. 2023. № 3(149). С. 73–100.

4 Подробнее см.: Мазов С.В. *«Мы из Биафры». Студенты-изго в СССР во время гражданской войны в Нигерии в 1967–1970 гг.* // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2021. Т. 21. № 4. С. 822–834.

населения, творимыми федеральными войсками; реагируя на это, республиканец Ричард Никсон, в 1968 году борющийся за пост президента, публично призывал Америку вмешаться в нигерийский конфликт, который он называл не иначе как геноцидом. Это разительно отличалось от линии демократического инкумбента Линдона Джонсона, придерживавшегося жесткого нейтралитета и характеризовавшего войну как «внутреннюю проблему Африки», которой должна заниматься Организация африканского единства. С другой стороны, завоевав президентство, республиканцы волей-неволей позабыли о своей радикальной риторике: столкнувшись с императивами *Realpolitik*, администрация Никсона была вынуждена сосредоточиться на терявшей популярность вьетнамской войне, а также судорожно реагировать на Пражскую весну и громкие политические убийства Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди (р. 101). В итоге ей пришлось демонстрировать чудеса эквилибристики, поддерживая и развивая официальные дипломатические отношения с федеральным военным правительством Нигерии и в то же время негласно содействуя доставке в Биафру гуманитарной помощи. Впрочем, в моральном плане еще более сомнительной была позиция британцев, на которых лежала куда большая ответственность: в конце концов, Нигерия почти семь десятилетий была их владением, а ущербная модель нигерийского федерализма разрабатывалась и внедрялась именно Великобританией. Кстати, индийская журналистка Анвеша Дас в своей статье напрямую связывает неразрешимые противоречия, вылившиеся в братоубийственную бойню, с придуманной колонизаторами системой косвенного управления.

Отдельный раздел книги посвящен тому, как война трансформировала судьбы людей и целых сообществ. Одигве Нваокоча, преподаватель истории и международных отношений Университета Бенина (Нигерия), останавливается на калечащем влиянии, оказанном ею на одно из этнических меньшинств, проживавших рядом с Биафрой. Народность аниома не была причастна к сецессии, затеянной игбо, но ей не посчастливилось жить у самых границ мятежной республики. Ее судьба изменилась в августе 1967 года, когда формирования мятежников, расширяя свои плацдармы, вторглись на нигерийскую территорию в районе Асаба, населенном в основном аниома. Поскольку местные общины не поддержали провозглашенной соседями независимости, подразделения сепаратистов не церемонились с местными жителями и в особенности с их имуществом. Это, однако, было только началом бедствий. Осенью того же года свою акцию возмездия в тех же местах провели федеральные войска, отобравшие регион у оккупировавшей его Биафры и предъявившие свой счет его обитателям – теперь о существо-

вании Асабы узнал весь мир, поскольку именно в этом городе 5–7 октября 1967 года правительственная армия устроила резню безоружного населения, убив четыреста мирных жителей, преимущественно из числа аниома. Называя эти события «самым ужасным эпизодом нигерийской гражданской войны» (р. 114), автор показывает, до какой степени мучительно народу аниома давалась последующая многолетняя реабилитация: страдания победы оказались для него хуже ужасов войны. «Оккупировавшие Аниомаленд федеральные войска вели себя слишком мстительно и жестоко, даже по меркам армии, сосредоточившейся на вендетте», – пишет он. Пожалуй, самыми большими несчастьями их победа обернулась для местных женщин, в которых нигерийские солдаты – автор без обиняков называет их «преступниками, одетыми в военную форму», – видели «законные военные трофеи» (р. 123–125).

В послевоенные годы Биафра, которая исчезла с географических карт, начала превращаться в символ, не просто нагруженный, а перегруженный смыслами. С одной стороны, очевидно состоялось своеобразное возвращение в прошлое, в котором такой географической локации либо не знали вовсе, либо ее располагали не там, где привычно позиционировали в XX веке. Как отмечает Фрэнсис Ньёку, профессор философии Университета Нигерии (Нсукка), до войны в стране не имелось места с подобным названием, поскольку древнее вождество, носящее такое имя, располагалось на территории нынешнего Камеруна (р. 140–141). Но, с другой стороны, после войны концепт, безжалостно лишенный денотата, чудесно воскрес – и начал жить самостоятельно, вне связи с теми географическими координатами, к которым он прежде был прикреплен.

Последний раздел книги посвящен репрезентациям ушедшей Биафры в искусстве. Среди них, в частности, есть даже опера «Биафра», либреттист которой Джон Шерман – автор девяти книг, во время войны трудившийся волонтером «Корпуса мира» в Порт-Харкорт, – в своей статье упоминает о том, что в современной Нигерии постановка его произведения оказалась невозможной (р. 251). Авторы исследуют и другие творения, посвященные трагедии Биафры. Так, Роуз Сакейфио, профессор английской словесности Государственного университета Уинстон-Салем (штат Северная Каролина), представляет подробный литературоведческий анализ двух книг, на сегодняшний момент считающихся наиболее яркими беллетристическими описаниями столкновения Нигерии с отпавшей республикой: это романы «Половина желтого солнца» Чимаманды Нгози Адичи⁵ и «Военные игры» Дулуе Мбачу. По ее мнению, оба текста

5 См. рус. перев.: Адичи Ч. Н. *Половина желтого солнца*. СПб.: Фантом Пресс, 2017.

«ярко подчеркивают потребность в историзации конфликта – достижения такого состояния, в котором война навсегда была бы защищена от забвения, а обращение к памяти о ней постоянно регенерировало бы общество» (р. 298). Наконец, безусловного внимания заслуживает входящая в этот же блок статья, которую написал Джон Келечи Опара, преподаватель изящных и прикладных искусств Университета штата Имо (Оверри, Нигерия): этот текст посвящен работам молодых художников и скульпторов из Биафры, предлагающих свои интерпретации давней трагедии. Кстати, весь заключительный раздел книги особенно выразителен, поскольку сразу в нескольких главах повествование перемежается цветными иллюстрациями. В некоторых случаях без образного материала просто не обойтись – как, например, в главе, где Этиидо Эффионгвильям Иньянг, преподаватель графического дизайна и визуальных коммуникаций Университета Порт-Харкорта (Нигерия), предлагает читателю обширный обзор пропагандистских плакатов, использовавшихся правительством Биафры в 1967–1970 годах.

Завершая краткий анализ интереснейшей книги, я хотел бы снова сослаться на нигерийского философа, слова которого вынесены в эпиграф. Как пишет Фрэнсис Ньёку, «Биафра, которая выходит за рамки физического пространства и географических связей, есть Биафра ума и сердца; она символизирует борьбу человека против угнетения как такового, волю защищать себя и отстаивать свое существование во враждебном и хаотичном мире» (р. 156). Действительно, за прошедшие десятилетия эта африканская территория, вымаранная из атласов, переросла любые географические коннотации, став воплощением борьбы за свободу – сопротивления передового меньшинства тирании отсталого большинства. И надо согласиться с авторами: такая Биафра, по всей видимости, будет жить вечно. Тем более, что беспорядок, в который все неотвратимее погружается мир, формирует новый запрос на ее символы и идеалы.

Summary

The core of the 151st *NZ* issue is made of materials devoted to two main topics. The first one focuses on the 1990s in Russia, using this autumn's anniversary as a starting point for analyzing. Thirty years ago, a full-scale political crisis broke out in Russia, caused by the confrontation between the Supreme Soviet of the Russian Federation and President Boris Yeltsin. The conflict was resolved by force, the army suppressed a coup attempted by supporters of the Supreme Soviet, and the White House – the bastion of the opposition to Yeltsin – was besieged and stormed. The Supreme Soviet was dissolved, and already in December 1993 the first Constitution of the Russian Federation was adopted – the one that determined the political system and the main direction for the future development of the country. That Constitution is still in effect today, though it has undergone profound changes due to the authoritarian reforms of the last 15 years.

The first selection of materials of the 151st *NZ* issue is called “THE WRONG TURN. THE 30TH ANNIVERSARY OF THE POLITICAL CRISIS OF 1993”. It opens with an editorial introduction, in which the main issues tackled in the selected articles are outlined. Vadim Korolkov interprets the events of 1993 and the adopted Constitution as “birth trauma” of the Russian legal system. Alexander Zhabrov offers the readers a brief overview of the history and transformation of the Russian political institutions created by the

Constitution of 1993. The topic is further developed by Andrei Medushevsky, who analyses the crisis of 1993 through a legal and political lens and prompted by these interpretations, traces two main trends in the subsequent transformation of the Constitution into an instrument used for establishing and strengthening the authoritarian regime in the country. The selection concludes with Sergei Tsyplyaev's reflections on the true intentions behind the declarations and actions of both sides involved in the conflict in 1993.

Following the first block of materials are several texts thematically adjacent to it. A detailed article by Nikolai Vakhtin (in *CASE STUDY* section) turns the spotlight on a specific region during the Russian 1990s, namely on Chukotka, where the author – a linguist and anthropologist – was conducting field research early in the decade. The focus of Vakhtin's piece is the relationship between the local government system established in Soviet times, which not only survived in the completely new conditions, but even increased its control over the region, and the Russian capitalism of the 1990s, with its eagerness for total liberation of any economic and social activity. “The conservative Soviet tradition” versus “the opening new frontiers” in the Russian humanities and social sciences of that decade is the subject of the overview contributed by Alexander Dmitriev and Andrei Ilyin (in *CULTURE OF POLITICS* section). Alexey Levinson also touches on the topic of the Russian 1990s in his regular column *SOCIOLOGICAL LYRICS*.

The second main focus of this *NZ* issue is a fascinating episode from the history of cultural transfer between Japan and Europe, primarily France (although the selection also contains a Russian feature). This block, compiled by Yana Yanpolskaya and Alexander Belyaev and entitled “JAPAN – FRANCE – (RUSSIA): FROM THE HISTORY OF CULTURAL TRANSFER”, opens with a translation of one of the lectures given by Roland Barthes at the Collège de France in 1979, shortly before his death. Barthes had a special connection with Japan; he visited the country several times, and his impressions and notes from the first trip formed the basis of his book “*Empire of Signs*”. In the lecture translated here, Barthes, drawing on the aesthetic experience derived from one traditional Japanese poetic form, haiku, offers his audience an interpretation of the European concept of “nuance”.

The French orientalist Maurice Pinguet also engages with the topic of “Roland Barthes and Japan” in his own piece – and the foreword to which was written by the French writer and Japanologist Michaël Ferrier. The next contribution is a letter written by yet another French scholar, philosopher and anthropologist, André Leroi-Gourhan, to a Louvre employee, engraver and orientalist Jean Buhot. Before World War II, Leroi-Gourhan spent two years in Japan, conducting ethnological studies and collecting objects of material culture of the Ainu people. This experience influenced his subsequent research, that was no longer related to Japan.

One of the compilers of this selection of texts, Alexander Belyaev, publishes his own correspondence with the Japanese philologist, poet and literary critic Inuhiko Yomota; they discuss the

influence that the French semiotics and post-structuralism have had on Japanese philosophy since the 1960s until today. What follows is a translation of Inuhiko Yomota’s “COVID notes”, wherein a fusion of “the Japanese” and “the European” results in the author’s idiosyncratic tone. The block closes with an essay by Alexander Belyaev, in which he compares such sociocultural and cultural psychological types as the Western “intellectual” and the Japanese “bunjin” (amateur artist, scholar). Along with some Japanese names, Belyaev’s essay makes mention of Europeans, namely Milan Kundera and Alexander Piatigorsky.

In addition to the main thematic blocks, the 151st *NZ* issue includes materials pertaining to other geographical, historical, political and social concerns. *NZ ARCHIVE* contains an excerpt from the memoirs of one of the first Iraqi female doctors, Saniha Amin Zaki (1920–2017). African affairs, which have recently become one of *NZ* focal points, are represented by a voluminous overview of the dismal history of federalism in Nigeria written by Andrei Zakharov, as well as his review of “*New Perspectives on the Nigeria-Biafra War: No Victory, No Vanquished*” – a collection of articles about the civil war in Biafra in the late 1960s. The new instalment of Tatiana Vorozheikina’s column *THE REVERSE OF THE METHOD* is dedicated to the political situation in Chile and disputes around the figure of the dictator Augusto Pinochet.

The issue wraps up with the *NEW BOOKS* section, which, along with the aforementioned review by Andrei Zakharov, contains another noteworthy piece: Boris Sokolov’s detailed analysis of Sergei Nelipovich’s book “*The Russian Front during World War I: The Casualties on Both Sides. 1915*”.

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at www.eurozine.com **eurozine**

Оформить подписку на журнал можно в следующих агентствах:

«Подписные издания»: подписной индекс П3832 (только по России) <https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.periodicals.ru

«Экстра-М»: подписной индекс 42756 (по России и СНГ) www.em-print.ru

«Ивис»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.ivis.ru

«Информ-система»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informsystema.ru

«Информнаука»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informnauka.ru

«Прессинформ»: подписной индекс 45683 (по России и СНГ) <http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»: подписной индекс: 45683 (по России и за рубежом) www.ural-press.ru

Приобрести журнал вы можете в следующих магазинах:

В Москве:
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, 8 +7 495 789-35-91

«Фаланстер» М. Гнездиновский пер., 12/27 +7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе) 4-й Сыромятнический пер., 1-6 (территория ЦСИ Винзавод) +7 495 926-30-42

«Циолковский» Пятницкий пер., 8 +7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства Лиговский пр., 27/7 +7 812 579-50-04 +7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский» ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а (ТЦ «Петровский пассаж») +7 473 233-19-28

В Екатеринбурге:
«Пиотровский» ул. Б. Ельцина, 3 («Ельцин-центр») +7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль» ул. Б. Покровская, 46 +7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский» ул. Ленина, 54 +7 342 243-03-51